ISSN 2709-6246

ВЕСТНИК

ФИЛИАЛА МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА В ГОРОДЕ ДУШАНБЕ

СЕРИЯ ГУМАНИТАРНЫХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК

ПАЁМИ

ФИЛИАЛИ ДОНИШГОҲИ ДАВЛАТИИ МОСКВА БА НОМИ М.В. ЛОМОНОСОВ ДАР ШАҲРИ ДУШАНБЕ

БАХШИ ИЛМҲОИ ГУМАНИТАРӢ ВА ИҚТИСОДӢ

BULLETIN

OF LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY IN DUSHANBE

HUMANITIES AND ECONOMIC SCIENCES

Том 2, № 1(46) 2025

ISSN 2709-6246

ВЕСТНИК

ФИЛИАЛА МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА В ГОРОДЕ ДУШАНБЕ

СЕРИЯ ГУМАНИТАРНЫХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК

ПАЁМИ

ФИЛИАЛИ ДОНИШГОҲИ ДАВЛАТИИ МОСКВА БА НОМИ М.В. ЛОМОНОСОВ ДАР ШАҲРИ ДУШАНБЕ

БАХШИ ИЛМҲОИ ГУМАНИТАРӢ ВА ИҚТИСОДӢ

BULLETIN

OF LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY IN DUSHANBE

HUMANITIES AND ECONOMIC SCIENCES

Том 2, №1(46) 2025

ФИЛИАЛ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА В ГОРОДЕ ДУШАНБЕ
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 2016 ГОДУ

ФИЛИАЛИ ДОНИШГОҲИ ДАВЛАТИИ МОСКВА БА НОМИ М.В. ЛОМОНОСОВ ДАР ШАҲРИ ДУШАНБЕ
МАҶАЛЛАИ ИЛМӢ СОЛИ 2016 ТАЪСИС ЁФТААСТ

LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY IN DUSHANBE
THE SCIENTIFIC JOURNAL WAS FOUNDED IN 2016

Редакционный совет:

Садовничий Виктор Антонович – доктор физико-математических наук, профессор, академик РАН; Трофимов Сергей Викторович – кандидат социологических наук, доцент; Ганизода Рустам Гафур – доктор экономических наук, доцент; Илолов Мамадшо – доктор физико-математических наук, профессор, академик НАНТ, Диноршох Азиз Мусо – доктор юридических наук, профессор.

Журнал включён в список рецензируемых журналов
ВАК при Президенте Республики Таджикистан, РИНЦ (Elibrary.ru)

Редакционная коллегия:

Главный редактор: Ганизода Рустам Гафур – доктор экономических наук, доцент

Заместитель главного редактора: Диноршох Азиз Мусо – доктор юридических наук, профессор

Члены редколлегии:

Балхова Светлана Якубовна – доктор филологических наук, профессор
Давлатмирова Манижа Бораковна – доктор филологических наук, профессор
Хасанова Тахмина Гаюровна – доктор филологических наук
Шарофзода Гавхар – доктор филологических наук
Сафолзода Мухаммади Курбон – доктор исторических наук, доцент
Шутов Андрей Юрьевич – доктор исторических наук, профессор
Ильин Илья Вячеславович – доктор политических наук, профессор
Мухаммад Абдурахмон Навруз – доктор политических наук, профессор
Коваленко Глеб Васильевич – кандидат политических наук, доцент
Эльназаров Давлат Ходжаевич – доктор юридических наук, доцент
Мирзамонзода Хайрулло Мирзамон – доктор юридических наук, доцент
Рахимзода Шариф – доктор экономических наук, профессор
Кодирзода Диловар Бахриддин – доктор экономических наук, профессор
Кадырова Заррина Халимовна – доктор экономических наук, доцент

В журнале статьи печатаются на русском, таджикском и английском языках.
Дар маҷалла мақолаҳо бо забонҳои русӣ, тоҷикӣ ва англисӣ нашр мешаванд.

СОДЕРЖАНИЕ – МУНДАРИҶА

ФИЛОЛОГИЯ

ИЗ ПРАКТИКИ НАПИСАНИЯ СТУДЕНЧЕСКИХ НАУЧНЫХ РАБОТ ПО ТЕМЕ «ТЕРРОРИЗМ»
Собко В.И. 5

ТРУДНОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ЖИВОЙ ИНОЯЗЫЧНОЙ РЕЧИ НА ПРИМЕРЕ РАБОТЫ С НОВОСТНЫМИ ИСТОЧНИКАМИ
Собко В.И. 12

EMOTIONS AS A LINGUISTIC CATEGORY
Rajabova G.S. 21

АФКОРИ АДАБИИ САЪДИИ ШЕРОЗӢ РОҶЕЪ БА ХУСУСИЯТҲОИ ИШҚ
Абдулманнонзода М.А. 29

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И ФУНКЦИИ ПРИЧАСТИЯ КАК МНОГОФУКЦИОНАЛЬНОЙ КАТЕГОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА
Алиева Н.Ш., Самадова З.С. 41

ЭКОНОМИКА

ЦИФРОВОЙ HR-АЛЬЯНС: КАК УНИВЕРСИТЕТ И БАНК СОВМЕСТНО РАЗВИВАЮТ БУДУЩИХ ЛИДЕРОВ
Ганизода Р.Г., Рахмет-Заде С.Х. 52

РЫНОК ТРУДА ТАДЖИКИСТАНА: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
Шодибеки С. 62

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ ТАДЖИКИСТАНА: ВЛИЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ В КОНТЕКСТЕ ПОСЛАНИЯ ПРЕЗИДЕНТА ПАРЛАМЕНТУ В 2024 ГОДУ
Комилова Х.Г., Ризоев А.Ш. 68

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРИРОДА И НЕОБХОДИМОСТЬ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ
Кодирова М.Д. 75

НАЛОГИ В СИСТЕМЕ МЕХАНИЗМОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ОБЩЕСТВЕ
Султанов З.С., Махмадмуродова М.А. 87

ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЗЕЛЕНОЙ ЗАНЯТОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН
Азимова М.Т. 95

ҶАНБАҲОИ НАЗАРИЯВИИ ТАШАККУЛЁБИИ БОЗОРИ АМАЛИЁТИ БОНКӢ
Ҷӯраев Б.М., Шарифзода Б.М., Қурбонова Ф.А. 103

ВАЗЪ ВА ТАМОЮЛОТИ ИМТИЁЗҲОИ АНДОЗИЮ ГУМРУКӢ ДАР РУШДИ ФАЪОЛИЯТИ СОҲИБКОРӢ ВА ТАКМИЛИ МЕХАНИЗМҲОИ МОЛИЯВИЮ ИҚТИСОДИИ ОН
Ашурзода Ш.М., Саидзода Ф.М. 115

СТРАНОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ИСЛАМСКИХ ПРИНЦИПОВ РАЗВИТИЯ ФИНАНСОВОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ
Рахматов С.К. 123

ТРУДОВОЙ ПОТЕНЦИАЛ И ЗАНЯТОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ СТАРШИХ ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП
Бобозода А. 134

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ТАДЖИКИСТАНЕ В 2020-2023 ГОДАХ: ОБЗОР ТЕНДЕНЦИЙ И ТРЕНДОВ
Олимов М.А., Олимова С.К. 146

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ МОТИВАЦИИ ПЕРСОНАЛА К ИННОВАЦИОННОМУ РАЗВИТИЮ ПРЕДПРИЯТИЙ
Мирзоев Б.Р. 164

ПРАВО

КОНСТИТУТСИОНАЛИЗМ, СИСТЕМАИ СИЁСИИ ҶОМЕА ВА ИДОРАКУНИИ ДАВЛАТӢ
Каримзода К.М. 179

ПАРЛАМЕНТ И ПАРЛАМЕНТАРИЗМ – СИСТЕМНОСТЬ ПРИЗНАКОВ И СООТВЕТСТВИЕ НАУЧНЫМ КОНЦЕПЦИЯМ
Салимзода О.С. 188

ҶАНБАҲОИ ҲУҚУҚИИ ТАНЗИМИ СОҲИБКОРИИ ОИЛАВӢ ДАР ШАРОИТИ ИҚТИСОДИ РАҚАМӢ
Рофиева А.Ҳ. 197

ТАШАББУСИ ҚОНУНГУЗОРӢ ҲАМЧУН ШАКЛИ ИШТИРОКИ ПРЕЗИДЕНТИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН ДАР РАВАНДИ ҚОНУНГУЗОРӢ
Қасимова Ф.А. 205

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ГАРАНТИИ ЗАЩИТЫ МАТЕРИНСТВА В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН И В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ
Ганиева С.О. 211

ПРИНЦИПЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА
Рисолати Р. 220

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА КАК САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ
Диноршоев А.М., Давронов И.О. 227

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ
Салохидинова С.М. 234

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ В СИСТЕМЕ ОРГАНИЗАЦИИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН
Карим М.Б. 246

СПЕЦИФИКА ПРАВОВОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ ОБЯЗАННОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН
Вализода Ш.О. 254

ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ КАК КЛЮЧЕВОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРАВО В СИСТЕМЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ И МЕЖДУНАРОДНЫХ НОРМ
Пирназар С.М. 261

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ 269

УДК 167

ИЗ ПРАКТИКИ НАПИСАНИЯ СТУДЕНЧЕСКИХ НАУЧНЫХ РАБОТ ПО ТЕМЕ «ТЕРРОРИЗМ»

Собко В.И.
Филиал Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в городе Душанбе

Аннотация. *В статье рассматриваются основные подходы к написанию студенческой научной работы по «Международным отношениям» на примере работ студентов филиала Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в городе Душанбе. Автор подробно рассматривает два основных подхода – эмпирический и интерпретативный. Написание любого научного исследования по «Международным отношениям» должно начинаться с определения подхода, который автор будет использовать в своей работе, и который позволит быстро и эффективно отобрать нужную информацию из огромного количества материала, предлагаемого глобальной сетью.*

Ключевые слова: *исследование, международные отношения, эмпиризм и интерпретативизм, подход, теория, методология*

Очевидно, что научно-исследовательская работа в значительной мере способствует формированию навыков критического мышления, которое является необходимой составляющей для целого ряда профессий, начиная от специалистов Министерства иностранных дел, специалистов в сфере бизнес прогнозирования, финансового планирования, и до консультантов, работающих с межправительственными и неправительственными организациями. Исходя из этого, программа бакалавриата по иностранному языку делового общения в филиале Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в городе Душанбена заключительном этапе включила в себя написание мини-исследования по теме, отражающей один из аспектов выпускной квалификационной работы.

Как отмечают многие исследователи, количество работ по методике исследований в области международных отношений крайне мало, что создаёт большие трудности для студентов-международников, занимающихся исследованиями в данной области. «Международные отношения» – это такая область знания, которая всегда была известна методологическими противоречиями, вызванными столкновением исследовательских традиций, заимствованных из разных социальных наук. Когда «Международные отношения», как область исследования, возникла в начале 20 века, она подпитывалась из целого ряда дисциплин, таких как: правоведение, экономика,

политология, история, социология и многие другие. В результате этого, «Международные отношения» заимствовали методологические традиции и методы исследования из выше перечисленных дисциплин.

Большинство исследовательских работ в сфере международных отношений анализируют конкретные события и рассматривают их с позиции заинтересованного наблюдателя, а не с позиции теории международных отношений. Темы исследований в области международных отношений чаше всего заимствуются из заголовков, взятых из средств массовой информации. В их числе можно встретить такие темы, как причины конфликта в какой-то стране, свершение революций, проведение переговоров и подписание мирных соглашений, политическое насилие и терроризм, корпоративная ответственность за нарушение прав человека, международные действия в борьбе с климатическими изменениями, и др.

В целом, теория международных отношений, с которой студенты больше всего знакомы, лежит в поле эмпирических традиций, когда цель исследователя заключается в том, чтобы объяснить те или иные действия государства в процессе наблюдения и тестирования гипотез, построенных на основе реальных фактов. Теория международных отношений возникла, как область исследований, после второй мировой войны, когда теоретики международных отношений предпринимали попытки уменьшить риск возникновения ядерного конфликта между США и СССР. В основе всех этих действий лежала теория сдерживания, которая объясняла закономерности поведения сверхдержав. Фактически, дисциплина «Международные отношения» возникла, когда была сделана попытка объяснить причины войны и мира в международных отношениях.

Каждая исследовательская статья по «Международным отношениям» имеет свою методологическую структуру, которая определяется одним из двух подходов, известных как эмпиризм и интерпретативизм. Например, когда мы читаем литературу времён «холодной войны» о международном ядерном конфликте, мы можем не подозревать об эмпирическом характере предположений автора для объяснения условий, при которых международный ядерный конфликт может перерасти в ядерное противостояние. В то время, как эмпиризм доминировал в исследованиях во второй половине 20 века, на повороте столетия международные отношения начали характеризовать, как область исследования, в которой можно наблюдать широкий спектр методов, начиная от статистических методов, методов формального моделирования, и заканчивая интерпретативными методами, основанными на нормах и ценностях культуры страны, о которой идёт речь.

Эмпиризм в том виде, в каком его используют в сфере социальных наук, был заимствован из исследовательской практики в сфере естественных наук. Этот

подход основывается на утверждении, что знание можно получить через опыт и наблюдения, и часто определяется как позитивизм. Для сторонников эмпиризма социальный мир подобен миру природы, а значит его надо изучать, используя те же самые методы. Таким образом, по мнению эмпиристов, теория международных отношений складывается из наблюдений и опыта. Корни эмпирического подхода в международных отношениях берут своё начало у основателей этой дисциплины – Ганса Моргентау (Hans Morgenthau) [1], который утверждал, что международная политика подчиняется объективным законам, и Кеннет Уолтс (Kenneth Waltz [2]), который предложил структурно-системный образ международной политики в своей книге «Теория международной политики».

Необходимо отметить три основные особенности эмпирического подхода, используемого в исследованиях по международным отношениям: (1) международная политика изучается как объективная реальность, как внешний мир, существующий независимо от исследователя; (2) используется технология прогнозирования; (3) выдвигаются гипотезы, которые могут быть опровергнуты, при необходимости. Дополнительное условие эмпирического исследования заключается в том, что такое исследование носит политический характер и содержит в себе перечень действий, предпринимаемых лицами, ответственными за принятие решений [3].

Интерпретативный подход используют те учёные, которые не ставят своей задачей объяснить какие-либо события, тренды, а стремятся понять социальные основы международной политики. В отличие от сторонников эмпирического подхода, которые стремятся накапливать новые знания посредством наблюдений и проверки всевозможных гипотез, сторонники интерпретативного подхода стремятся разъяснить основные положения, которые лежат в основе эмпирического представления о мире.

Сторонники интерпретативного подхода анализируют отдельные личности, идеи, нормы и особенности культуры, представленные в сфере международной политики. Примерами интерпретативного подхода являются работы Ричарда Эшли (Richard Ashley) [4] и Роберта Кокса (Robert Cox), которые предупреждали, что эмпирический подход ограничивает возможность анализа наблюдений без учёта особенностей социальной структуры и структуры власти. Основное требование, которое выдвигают сторонники интерпретативного подхода, заключается в том, чтобы не отделять личность исследователя от социального мира. Они утверждают, что личность исследователя не может не влиять на социальную реальность, на отдельный объект исследования. Иначе говоря, субъект исследования и его объект взаимосвязаны настолько, что ни тот, ни другой объективно не существуют вне этой связи. (Klotz and Lynch, 2007: 12) [5].

Уже на этапе планирования важно понять, какому из двух подходов соответствуют ваши интересы исследователя. Если вы хотите объяснить какие-то события, или действия отдельных акторов международной политики, тогда лучше использовать эмпирический подход, так как он обеспечит инструменты, необходимые для установления причинно-следственных связей и объяснения событий и практик, используемых в международных отношениях.

Если проанализировать какое-то отдельное событие в мировой политике, к примеру войну в бывшей Югославии в 1990х годах, или войну в Ираке в 2003 году с точки зрения существующих теоретических подходов, получим совершенно противоположные политические выводы. Так, те кто считал, что война стала результатом агрессивного поведения автократов, стоящих у власти, таких как Слободан Милошевич, доказывали, что нужно международное вмешательство, чтобы прекратить кровопролитие, а позже настаивали на смене режима для обеспечения прочного мира в регионе. С другой стороны, те кто считал этот конфликт результатом этнических противоречий, уходящих корнями в далёкое прошлое, выступали против интервенции, так как с трудом верили, что усилия международных акторов по установлению мира в регионе после того, как в стране разразился межэтнический вооружённый конфликт, вряд ли могут увенчаться успехом. Итак, если мы рассматриваем теорию как обоснованное предположение о том, каким образом будут развиваться события в дальнейшем, тогда связь между темой исследования и теоретической дискуссией вокруг неё становится очевидной.

Исследователю очень важно понимать, какую именно информацию ему следует искать. Это стало особенно актуальным теперь, когда большие объёмы информации стали легко доступными, и становится всё сложнее выбирать нужную информацию. Выбор информации напрямую связан с теми вопросами, которыми задаётся исследователь. Поэтому в самом начале исследователь должен определить для себя, какое событие или тренд в международных событиях он будет освещать.

Например, студент решил исследовать «арабскую весну», которая началась в Тунисе в январе 2011 года, и за которой последовала цепь революций, охвативших весь Арабский мир. У студента уже есть общее представление о теме исследования, так как он внимательно следил за прессой, освещающей эти события. Однако, имея огромный запас информации, описывающей события «арабской весны», студент затрудняется перейти к написанию самой исследовательской работы, настоящего исследования, которое могло бы внести вклад в уже имеющийся багаж научной литературы. Другими словами, студент затрудняется определить круг вопросов, структуру исследования, эффективные методы проведения исследования. В результате, в работах, которые

представляют студенты, отсутствует аргументация в поддержку наблюдений автора, да и сами работы не представляют никакой научной ценности. Чаще всего, это является результатом того, что студенты выбирают кратчайший путь в своём исследовании, не заботясь о том, чтобы предложить солидный круг вопросов, предоставить серьёзный набор убедительных аргументов.

Здесь важно напомнить, что процесс исследования начинается с определения темы исследования и цели исследования. Прежде всего, необходимо сузить тему исследования, конкретизировать её. Однако, до того, как определить вопрос исследования, необходимо решить, какой из двух подходов будет использован в ходе исследования: императивный или интерпретативный.

Для этого студент должен спросить себя, что интересует его в этой теме, что он хочет узнать, какие знания он хочет передать. Ответы на эти вопросы помогут студенту определить структуру и методы исследования. Когда речь идёт об арабской весне, хотите ли вы объяснить причины революции? Или стремитесь ли вы понять, как авторитарные режимы, которые казались довольно крепкими, рухнули под натиском народных протестов? Или какую роль играли оппозиционные движения в «арабской весне»? Возможно, вас интересуют последствия революции. Например, какую роль сыграют исламисты в переходный период? Если вас интересуют такого рода вопросы, тогда императивный подход позволит вам определить структуру исследования и методы, что поможет вам начать строить причинные связи, а затем и объяснить различные события и их результаты.

Если же ваш интерес носит более рефлективный характер, к примеру, вы бы хотели исследовать символическую сторону акта самосожжения, который совершил Мохаммед Буазизи, торговец фруктами из Туниса в декабре 2010 г., и который повлёк за собой уличные протесты по всей стране. Или вас интересует, что думают на Западе об «арабской весне». Или, возможно, вас интересует отношение к «арабской весне» в арабских странах. Или вы бы хотели исследовать формирующуюся в условиях политических трансформаций новую региональную и этническую идентичность. В этом случае интерпретативный подход в исследовании окажется самым эффективным.

Некоторые темы исследовательских работ студентов направления «Международные отношения» Филиала МГУ в г. Душанбе в 2023-2024 гг.:

1. Achievements of Central Asian countries in the fight against terrorism. (Exemplified by Tajikistan)
2. Forecasting the future of terrorism. Research question: In what ways will terrorism evolve in the future?
3. Modern security challenges in Tajikistan
4. Russian-Turkish relations in the shadow of the Syrian crisis

5. The border conflicts between the Republic of Tajikistan and the Republic of Kyrgyzstan

6. Taliban’s social policy on women’s rights and its implications

7. BRICS as a politically attractive bloc for accession of developing countries

Из всех выше указанных тем, последняя тема под номером 7 носит рефлективный характер и требует интерпретативного подхода. С самого начала студент столкнулся с большими трудностями в ходе исследования, пытаясь использовать императивный подход. В нашем случае исследователь столкнулся с трудностями, пытаясь выстроить причинные связи, чтобы объяснить конечный результат – присоединение к организации. Здесь необходимо понять, что думают об этой организации в развивающихся странах, какие стороны деятельности этой организации привлекают их. Каковы их цели вступления в эту организацию? Почему именно эта организация привлекает развивающиеся страны? Какие ещё организации привлекают их? Почему? А значит, что и материал, который студент будет собирать, должен отвечать на такого рода вопросы. Таким образом, успешное выполнение задания по написанию исследовательской работы по «Международным отношениям» в значительной мере зависит от выбора правильного подхода. После определения темы исследования студент должен предложить круг вопросов, на которые он хотел бы получить ответ. Исходя из этого, он сможет выбрать подход для своего исследования, либо эмпирический, либо интерпретативный, на основании чего можно будет определить структуру и методы исследования, а также характер необходимой информации, которую он будет собирать.

Подводя итоги, следует сказать, что исследовательский проект, предусматривающий написание мини-исследования, занимает важное место в подготовке специалистов «Международных отношений». Понимание роли подхода для исследования играет ключевую роль, так как правильно выбранный подход обеспечит правильную структуру и методы работы, а также позволит быстро и правильно выбрать соответствующий материал из огромного объёма ресурсов, предлагаемых исследователю глобальной сетью.

Литература

1. Hans Morgenthau, "The Intellectual and Political Functions of Theory," in Morgenthau, Truth and Power. Essays of a Decade, 1960-1970 (New York: Praeger, 1970), – p. 254.
2. Kenneth N. Waltz, Theory of International Politics (Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1979), – pp. 62-64

3. Christopher K. Lamont. Research Methods in International Relations https://www.researchgate.net/publication/344403631_Research_Methods_in_International_Relations
4. Richard K. Ashley. The Poverty of Neorealism. International Organization, Vol. 38, No. 2 (Spring, 1984), – pp. 225-286 (62 pages)
5. Audie Klotz, Cecelia M. Lynch, Strategies for Research in Constructivist International Relations (Routledge, 2007), – p. 144.

АЗ ТАҶРИБАИ НАВИШТАНИ КОРҲОИ ИЛМИИ ДОНИШҶӮЁН ДАР МАВЗУИ «ТЕРРОРИЗМ»

Собко В.И.
Филиали Донишгоҳи давлатии Москва ба номи М.В. Ломоносов дар шаҳри Душанбе

Аннотатсия. *Дар мақола усулҳои асосии навиштани кори илмии донишҷӯӣ дар мавзуи «Муносибатҳои байналмилалӣ» бо мисоли корҳои таҳқиқотии донишҷӯёни филиали Донишгоҳи давлатии Москва ба номи М.В. Ломоносов дар шаҳри Душанбе баррасӣ карда мешаванд. Муаллиф ду равишро ба таври муфассал таҳлил мекунад – эмпирикӣ ва тафсирӣ. Навиштани ҳар як таҳқиқоти илмӣ дар соҳаи «Муносибатҳои байналмилалӣ» бояд бо муайян намудани равише оғоз гардад, ки донишҷӯ дар кори худ истифода мебарад. Ин усул имкон медиҳад, ки донишҷӯ тавонад маълумоти зарурироро аз миёни ҳаҷми зиёди маводи пешниҳодшуда дар шабакаи ҷаҳонӣ ба таври самаранок ва тез ҷудо намояд.*
Калидвожаҳо: *таҳқиқот, муносибатҳои байналмилалӣ, эмпиризм ва тафсиргароӣ, равиш, назария, методология.*

WRITING RESEARCH ON «INTERNATIONAL TERRORISM»

Sobko V.I.
Lomonosov Moscow State University in Dushanbe

Annotation. *The article discusses the main approaches to writing a research paper on "International Relations" using the experience of writing research at the Lomonosov Moscow State University in Dushanbe. The author examines two main approaches - empirical and interpretative. Writing any scientific research on "International Relations" should begin with determining the approach which will allow the author to quickly and efficiently select the necessary information from the huge amount of material offered by the global network.*
Keywords: *research, international relations, empiricism and interpretivism, approach, theory, methodology.*

Сведения об авторе: **Собко Валентина Ивановна** – старший преподаватель кафедры «Лингвистика» филиала Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в городе Душанбе, город Душанбе, Республика Таджикистан. **Тел.:** (+992 91) 865 60 45. **E-mail:** flstjk@gmail.com.

УДК 81’42

ТРУДНОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ЖИВОЙ ИНОЯЗЫЧНОЙ РЕЧИ НА ПРИМЕРЕ РАБОТЫ С НОВОСТНЫМИ ИСТОЧНИКАМИ

Собко В.И.
Филиал Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в городе Душанбе

Аннотация. *В статье автор рассматривает трудности, связанные с пониманием живой иноязычной речи, на примере восприятия речи из новостных подкастов и телевизионных новостей, а также предлагает стратегии для их преодоления. Понимание живой речи, звучащей в новостных источниках, осложняется рядом факторов, а именно: нестандартными акцентами и стилями речи, высокой скоростью, культурными особенностями страны, особенностями лексики. Наибольшую трудность, по мнению автора, представляет критическое восприятие поступающей информации.*
Ключевые слова: *восприятие живой речи, новостные программы, навыки понимания, двуязычие, когнитивные навыки, умозаключение, смысл, ситуационная модель*.

Современный мир действительно предлагает огромные возможности для изучения иностранных языков. Благодаря интернету, мобильным приложениям и мультимедийным платформам обучающиеся могут получать знания из множества ресурсов, в том числе и из таких как новостные стриминги, радио и телевидение. Однако восприятие живой речи на иностранном языке через новостные источники остаётся под час сложной задачей.

В данной работе будут рассмотрены основные трудности восприятия живой иноязычной речи на примере восприятия речи из новостных подкастов и телевизионных новостей, а также предложены некоторые стратегии для их преодоления.

Телевизионные новостные программы являются важным источником живой речи, но имеют свои особенности, которые могут как облегчить, так и усложнить процесс восприятия. Одним из ключевых аспектов является сочетание визуальных и звуковых стимулов. С одной стороны, визуальные образы могут помочь лучше понять контекст и удержать внимание зрителя. С другой – они могут отвлекать от восприятия речи, особенно если учащийся пытается одновременно следить за картинкой и понимать диктора, утверждает Kramsch [1].

Кроме того, новостные программы часто включают репортажи нескольких дикторов и журналистов с разными акцентами и стилями речи. Это усложняет задачу для изучающих язык, особенно на международных каналах вроде BBC или CNN, где задействованы репортёры из разных уголков мира. Привычка к

стандартному произношению, полученная на уроках, делает восприятие новостей с разнообразием акцентов ещё более трудным. Таким образом, телевизионные новости представляют собой сложный формат для учащихся, требующий навыков адаптации к различным условиям подачи информации. Важно развивать умение воспринимать не только стандартную речь, но и различные её варианты, что поможет справиться с многообразием стилей и акцентов.

Аудиоформаты, такие как радио и подкасты, представляют собой особый вызов для изучающих язык, так как они требуют полной концентрации на слухе без поддержки визуальных подсказок. Это усложняет задачу, поскольку визуальные образы часто помогают быстрее понять контекст и уловить смысл. В отсутствие таких подсказок слушатель вынужден полагаться исключительно на звуковую дорожку, что затрудняет восприятие, особенно при изучении иностранного языка.

Радионовости, как правило, подаются непрерывным потоком, без пауз для обдумывания информации. Это может привести к информационной перегрузке, когда слушатель просто не успевает обработать всё услышанное. Как подтверждают исследования Vandergrift & Goh [2], отсутствие визуальной поддержки значительно усложняет восприятие иностранной речи. К тому же трудности могут возникать при восприятии акцентов, интонационных особенностей и скорости речи, особенно если слушатель не привык к такому стилю.

Для эффективного восприятия аудиоформатов требуется высокая концентрация и развитые навыки понимания на слух. Это делает подобные форматы особенно сложными для учащихся, так как они вынуждены одновременно справляться с пониманием лексики, структур и интонационных особенностей без возможности опереться на визуальные элементы, которые могли бы облегчить задачу.

Судя по всему, одной из главных сложностей восприятия иноязычной речи из новостных выпусков является её высокая скорость. Журналисты говорят быстрее, чем герои учебных материалов, потому что их задача – быстро передать информацию, а не адаптировать её для изучающих язык. Многие исследователи, в том числе Field [3], считают, что именно скорость речи чаще всего затрудняет понимание на слух у новичков. В новостях это особенно заметно, ведь события освещаются в режиме реального времени, и дикторы редко замедляют темп речи ради удобства слушателей.

Современные технологии открывают широкие возможности для учащихся, стремящихся улучшить восприятие живой речи и повысить уровень владения языком. Например, такие платформы, как BBC Learning English, предоставляют

замедленные версии новостных выпусков с субтитрами, что значительно облегчает процесс аудирования. Субтитры помогают следить за текстом во время прослушивания, позволяя учащимся лучше понимать как содержание, так и произношение.

Одним из способов решения проблемы скорости иноязычной речи также является предлагаемый нами вид задания, направленный на развитие навыка восприятия на слух, который уже доказал свою эффективность. Задание заключается в многократном прослушивании небольшого эпизода из новостного сюжета и записи текста этого эпизода. Так, если новостной сюжет продолжается 5 минут, то студент должен протранскрибировать со слуха первые 2 минуты текста новости. Регулярное выполнение такого задания позволяет улучшить восприятие речи на слух.

Ещё одна проблема – это акценты и диалекты, которые часто встречаются в новостных программах. Учащиеся привыкают к стандартному произношению, которому учат в учебных материалах. В реальной же жизни язык гораздо разнообразнее, особенно когда речь идёт о репортажах из разных регионов. Это создаёт дополнительные трудности, особенно для начинающих, или для студентов со средним уровнем подготовки. Регулярное прослушивание новостей, анализ акцентов и стилей может помочь учащимся лучше подготовиться к устному восприятию различных стилей речи.

Другая сложность, возникающая при прослушивании новостных программ, связана с пониманием культурного контекста. Новостные сюжеты часто содержат отсылки к политическим событиям, историческим личностям или культурным символам, которые без знания о культуре и истории страны становятся непонятными. Это также мешает слушателям познавать смыслы и намерения, которые вложены в новостные материалы. Чтобы более четко понимать контекст новостей и сделать восприятие живой речи более успешным, полезно смотреть документальные фильмы, просматривать аналитические программы и читать другие материалы о культуре и истории страны. Все это даёт ценные знания о важных событиях и культурных аспектах, что поможет лучше понимать происходящее. При этом, изучение культурного контекста поможет не только улучшить знание языковой грамотности, но и улучшит тем самым критическое мышление и поможет более осознанно понимать и воспринимать информацию и участвовать в дискуссиях по теме.

Новостные подкасты, с которыми мы работаем на старших курсах направления «Международные отношения», охватывают темы, связанные с экономикой и политикой, что требует от слушателя не только общего владения языком, но и знания специализированной лексики этой сферы, редко встречающейся в повседневной речи. Многие термины, такие как «санкции»,

«инфляция», «экспортные квоты» и «валютный курс», могут быть незнакомы обучающемуся, что создаст барьер для понимания новостного сюжета (Rost, 2013). Без знания специальных слов и их контекста восприятие новостей становится затруднительным. Исходя из этого, параллельно с развитием навыка восприятия живой речи на слух мы проводим работу над специальной лексикой, выполняя упражнения на перевод, заполнение пропусков соответствующими политическими и экономическими словами и выражениями, подбор эквивалентов на родном языке.

Помимо работы со специальной лексикой, наши студенты регулярно слушают новости на канале BBC Global News Podcasts и готовят сообщение о последних событиях в мире. Для того, чтобы подготовить новостное сообщение, студенту приходится неоднократно прослушать выбранную им новость. Такое многократное прослушивание способствует тренировке навыка восприятия речи на слух.

Дополнительную сложность в работе с новостными источниками создают идиомы, метафоры и культурные аллюзии, часто используемые в новостях. Например, выражение «закручивать гайки» в политическом контексте означает усиление контроля, но его дословный перевод не передаст сути, если слушатель не знаком с политической ситуацией страны. Правильный перевод подобных единиц языка требует не только хорошего знания языка, но и культурной осведомлённости для того, чтобы правильно интерпретировать смысл высказывания.

Восприятие новостной информации требует от слушателя способности обрабатывать большие объемы данных в сжатые сроки, поэтому Brown [4] считает, что таким образом можно перегрузить способности восприятия слушателя, особенно если он не является носителем языка. При этом новостные репортажи обычно содержат множество фактов, цифр и актуальных данных, что бесспорно усложняет задачу понимания.

Одной из самых больших трудностей в восприятии новостей, на наш взгляд, является навык критического восприятия информации. Новостные программы требуют от слушателя высокой степени многозадачности. Во время прослушивания нужно одновременно соотнести слово или фразу с его глубинным значением, анализировать информацию и удерживать в памяти ключевые моменты, что особенно сложно для начинающих развивать навыки аудирования на продвинутом уровне.

Чтобы понять, с чем связаны трудности восприятия иноязычной речи на слух, возможно, будет полезным обратиться к основам психологии обучения иностранным языкам. Согласно утверждениям учёных, дети, одновременно овладевающие двумя языками в семье, где родители являются носителями двух

разных языков, используют одну и ту же стратегию для обоих языков. По сути, они одновременно изучают два первых языка, и ключом к успеху будет формирование способности разграничивать два разных контекста. Так, общаясь с одним из родителей, ребёнок использует один из двух языков, в то время как общаясь с другим из родителей, он исключительно использует другой язык. В этом случае мы имеем дело с координационным билингвизмом, или аддитивным двуязычием, когда у обучающегося формируются отдельные смысловые системы для каждого из двух языков. Как доказывают многочисленные исследования, аддитивные билингвы обладают умственной гибкостью и способностью легко формировать концепты/идеи посредством изучения небольшого числа примеров.

Сложный билингвизм, в отличие от аддитивного, предполагает наличие лишь одной смысловой системы, на основе которой функционируют оба языка. Вследствие этого, обучение взрослых иностранному языку осложняется тем, что первый язык оказывает сильное влияние на изучаемый иностранный язык. Сложное двуязычие предполагает систематическое обращение к первому/родному языку. Обучающийся невольно пытается создавать лингвистические правила второго языка, основываясь на имеющихся у него лингвистических данных из первого/родного языка.

Процесс восприятия живой речи, согласно наблюдениям Aryadoust [5], представляет собой взаимодействие между двумя видами знания - знания о мире и знания, полученные из текста. Такое взаимодействие помогает обучающемуся создать цельный, связный, логически обоснованный контент, который иногда называют «ситуационной моделью». По мере того, как осмысливается каждое отдельное слово или фраза, они интегрируются в «ситуационную модель», в результате чего создаётся связный текст. Так, на лексическом уровне, то есть на уровне предложения происходит извлечение значений отдельных слов, которые одновременно объединяются в смысловые грамматические единства. Затем на уровне дискурса/текста, где подключаются когнитивные навыки более высокого уровня, конструируется цельный, связный, точный контент, существующий в реальном времени. К таким навыкам более высокого уровня относятся: умозаключение, мониторинг/контроль, ревизия/доработка.

Одним из видов умозаключения является способность предугадывать поступающую информацию, или способность адаптироваться в ситуации, когда поступающая информация не соответствует ожидаемой. Например, в предложении (1) слово «son» первым приходит на ум, тем самым, не допуская каких-либо других вариантов. В предложении (2) слово «dog» является совсем неожиданным, хотя и возможным. В подобных случаях, когда умозаключение/вывод из какого-то предложения с трудом поддаётся

предугадыванию, случаются ошибки, которые могут затормозить процесс переработки информации, а также и ошибки в грамматических структурах.

(1) The mother has two daughters and one son

(2) The mother has two daughters and one dog (примеры заимствованы из Dijkstra, Van Hell and Brenders) [6].

Такого рода ошибки, связанные с умозаключением, могут случаться не только на уровне отдельных предложений, но также и на уровне текстов, когда мы сталкиваемся с ошибками, вызванными неверными умозаключениями, сделанными в результате неправильного понимания смысла высказывания. Контроль понимания – это стратегия, которая помогает метапознанию, мышлению о мышлении, и обеспечивает осознание воспринимаемого смысла. Например, обучающемуся предстоит определить, какой из возможных вариантов лучше подходит для продолжения высказывания. Опытный слушатель быстро определит несоответствие новой информации с ранее представленным контентом, если такое имеет место, и скорректирует ранее сделанное неверное предположение, как утверждает McNamara [7].

(3) In the lake by my house there are many animals that make quacking noises. Yesterday the sounds were really loud, so I went to see which animals were making them.

(4a) On a big rock in the middle of the lake, I could see the ducks

(4b) On a big rock in the middle of the lake, I could see the turtles

Более того, в ситуации, когда вновь поступающая информация не соответствует логике повествования, обучающийся должен пересмотреть ранее сделанные предположения и изменить их таким образом, чтобы новая информация интегрировалась в существующий контекст. Этот процесс называется ревизия, или доработка.

Слушатель должен постоянно обновлять, актуализировать ситуационную модель, дабы убедиться, что новая информация соответствует предшествующей. Ревизия «ситуационной модели» становится возможной лишь в том случае, если понимание текста регулируется в пользу новой интерпретации посредством корректирования оригинального варианта текста.

Большинство исследований процессов восприятия на продвинутом уровне посвящены чтению. Очень малое количество работ рассматривают восприятие устной речи, но при этом многие исследователи считают, что процессы восприятия письменного и устного текстов во многом схожи. В обоих случаях в основе лежит механизм взаимодействия двух видов знания – знания о мире и знания, полученного из текста высказывания, будь то устного или письменного. И в случае с письменным текстом, и в случае с устным текстом используются одни и те же ресурсы – лингвистические знания, знания об окружающем мире,

информация из самого сообщения. Здесь важно отметить, что и при чтении и пря восприятии речи на слух понимание также напрямую зависит от уровня языковой подготовки обучающегося, качества его памяти, способности контролировать процессы обработки контента. Однако, опытным путём было установлено, что при предъявлении фонем на слух активация структур мозга меньше, чем при зрительном предъявлении [8].

Изучение интенциональных характеристик дискурса Н.Д. Павловой [9], Т.Н. Ушаковой [10] поднимает проблему понимания выражаемых в нем интенций адресатом. «С одной стороны, осознание интенционального подтекста речи – необходимая составляющая процесса понимания. Адресат не просто воспринимает сообщение как таковое, он соотносит высказывание с ситуацией, устанавливая назначение сказанного: почему и зачем нечто говорится. С другой стороны, речевое выражение интенций носит часто неявный характер, иные интенции могут намеренно вуалироваться» [9, с. 74-82].

В ходе исследований интенциональных характеристик предвыборных выступлений во время превыборной кампании оценивалась надежность результатов экспертной оценки интенционального содержания предвыборных материалов в печати. При этом существенных расхождений экспертных оценок и результатов, полученных от «наивных» респондентов, оценивавших интенциональное содержание печатных материалов, выявлено не было. В дальнейшем было показано, что в условиях восприятия речи на слух, предусматриваемых телевизионной предвыборной кампанией, понимание интенций политиков аудиторией обнаруживает ряд характерных тенденций: объединение нескольких интенций в одну, выявление дополнительных интенциональных характеристик выступлений, субъективизм.

По результатам экспериментов при сравнении понимания выступлений политиков экспертами и «наивными» слушателями, не имеющими опыта с прослушиванием таких выступлений, показана большая размытость восприятия людьми, не имеющими опыта реконструкции речевых интенций. При этом, восприятие речи на слух даже экспертами сопровождается утратой части интенционального содержания, что было продемонстрировано в исследованиях Н.Д. Павловой и Е.А. Песковой [9]. Изучение этих вопросов необходимо для уяснения механизмов коммуникации. Кроме того, на этой принципиальной основе возможно дальнейшее продвижение разработок, связанных с информационной психологической безопасностью и оптимизацией понимания.

Была выявлена ещё одна особенность запоминания и усвоения текста, воспринимаемого на слух при конспектировании текста от руки и печатании на клавиатуре. Было установлено, что у материала, зафиксированного на

клавиатуре, более высокая эффективность усвоения, чем при конспектировании от руки [11].

Хотя восприятие устной речи у опытных слушателей осуществляется в основном автоматически, они тем не менее сознательно отмечают для себя, на что именно стоит обратить особое внимание, что в поступающей информации имеет важное значение и требует более тщательного рассмотрения. Как показывают исследования, те учащиеся, для кого английский не первый язык, испытывали значительные трудности в понимании со слуха. Отсюда следует, что понимание на слух требует больших усилий, особенно когда обучающиеся имеют дело со сложными текстами на иностранном языке, в числе которых стоят телевизионные новости и новостные подкасты.

Восприятие живой иноязычной речи в контексте работы с новостными источниками представляет собой сложную задачу, требующую не только развитых языковых навыков, но и обширных лексических знаний, а также культурной грамотности. Это связано с тем, что новости часто содержат разнообразные акценты, идиомы и специализированные термины, которые могут быть непонятны без соответствующей подготовки. Однако благодаря использованию современных технологий и систематической работе над лексикой и культурным контекстом учащиеся могут значительно улучшить свои навыки аудирования. Это особенно важно в эпоху глобализации, когда умение понимать сложные конструкции языка и его культурные особенности играет ключевую роль в интеграции и полноценном общении.

Современные технологии открывают широкие возможности для учащихся, стремящихся улучшить восприятие живой речи и повысить уровень владения языком. Так, замедленные версии новостных выпусков с субтитрами значительно облегчают процесс аудирования. Кроме того, возможность повторного прослушивания материала и анализа новых слов в контексте способствует углублённому изучению лексики и выражений. Это не только помогает запомнить новые слова, но и развивает навыки критического мышления, так как учащиеся могут сопоставлять услышанное с прочитанным. Такие инструменты также снижают уровень стресса, связанного с восприятием живой речи, создавая комфортные условия для обучения.

Регулярное прослушивание новостей, анализ лексики и работа с тематическими материалами помогут лучше справляться с быстрыми темпами речи и специализированными терминами. Это позволит учащимся адаптироваться к особенностям новостных репортажей, что, в свою очередь, сделает восприятие новостных источников менее проблематичным и более продуктивным.

Более того, совершенствование когнитивных навыков более высокого уровня, как-то: умозаключение, мониторинг, ревизия, позволит значительно улучшить способность восприятия иноязычной речи на слух.

Литература

1. Kramsch C. (1993). Context and Culture in Language Teaching. Oxford University Press.
2. Vandergrift L., Goh C. (2012). Teaching and Learning Second Language Listening: Metacognition in Action. Routledge.
3. Field J. (2008). Listening in the Language Classroom. Cambridge University Press.
4. Brown H.D. (2007). Principles of Language Learning and Teaching. Pearson Education.
5. Aryadoust V. (2019) An integrated cognitive theory of comprehension. International Journal of Listening 33. – P. 71-100.
6. Dijkstra T., Van Hell J. and Brenders P. (2015) Sentence context effects in bilingual word recognition: Cognate status, sentence language, and semantic constraint.
7. McNamara DS (ed.) (2007) Reading comprehension strategies: Theory, interventions, and technologies. Mahwah, NJ: Erlbaum.
8. Вартанов А.В., Шевченко А.О. Психофизиологические механизмы внутреннего проговаривания фонем // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2022. – №1. – С. 201-220.
9. Павлова Н.Д., Пескова Е.А. Понимание интенционального подтекста речи адресатом // Экспериментальная психология. 2012. – Том 5. – № 2. – С.74-82.
10. Ушакова Т.Н., Цепцов В.А., Алексеев К.И. Структура интенциональных составляющих в текстах предвыборных выступлений // Слово в действии. Интент-анализ политического дискурса. – СПб.: Алетейя, 2000. – С. 91–126.
11. Соловова Н.А. Обзор исследований по проблеме восприятия и понимания речи на слух // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2023. – Т. 3. – No1. – С. 75-85.

ДУШВОРИҲОИ ФАҲМИШИ НУТҚИ ЗИНДАИ ЗАБОНИ ХОРИҶӢ ДАР МИСОЛИ КОР БО САРЧАШМАҲОИ ХАБАРӢ

Собко В.И.

Филиали Донишгоҳи давлатии Москва ба номи М.В. Ломоносов дар шаҳри Душанбе

Аннотатсия. *Дар мақола муаллиф душвориҳое, ки бо дарки нутқи зиндаи забони хориҷӣ алоқаманданд, баррасӣ намуда, мушкилоти фаҳмиши нутқро тавассути барномаҳои хабарии подкастӣ ва телевизионӣ таҳлил мекунад. Инчунин, роҳҳои самараноки бартарафсозии онҳо пешниҳод карда мешаванд. Фаҳмидани нутқи зинда дар манбаъҳои хабарӣ бо як қатор омилҳо мушкил мегардад, аз ҷумла: лаҳҷаҳо ва услубҳои нутқи ғайристандартӣ, суръати баланди гуфтор, хусусиятҳои фарҳангии кишвар ва хусусиятҳои луғавии истифодаи забон. Ба*

андешаи муаллиф, яке аз мушкилоти асосӣ дар ин раванд қобилияти интиқодӣ дар қабул ва арзёбии иттилооти воридшаванда мебошад.
Калидвожаҳо: *дарки нутқи зинда, барномаҳои хабарӣ, малакаҳои фаҳмиш, дузабонӣ, малакаҳои маърифатӣ, хулосабарорӣ, маъно, модели вазъиятӣ.*

DEVELOPING LISTENING COMPREHENSION IN ADVANCED ENGLISH USING NEWS PODCASTS AND TV NEWS PROGRAMS

Sobko V.I.
Lomonosov Moscow State University in Dushanbe

Annotation. *The article discusses the issues of developing listening comprehension using news podcasts and TV news programs and considers strategies for its improvement. Understanding speech in the news is hindered by a number of factors including non-standard accents and styles of speech, high rate of speech, cultural factors and specific vocabulary. The author believes that the most crucial of these is critical analysis of the incoming news information.*
Keywords: *listening comprehension, news programs, comprehension skills, bilingualism, cognitive skills, prediction, meaning, situation model.*

Сведения об авторе: **Собко Валентина Ивановна** – старший преподаватель кафедры «Лингвистика» филиала Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в городе Душанбе, город Душанбе, Республика Таджикистан. **Тел.:** (+992 91) 865 60 45. **E-mail:** flstjk@gmail.com.

УДК 81-2

EMOTIONS AS A LINGUISTIC CATEGORY

Rajabova G.S.
Lomonosov Moscow State University in Dushanbe

Annotation. *Understanding how emotions are linguistically expressed and perceived is crucial for various disciplines, including psychology, sociology, anthropology, and linguistics. This article delves into the conceptualization of emotions as a linguistic category, examining how language shapes the understanding, expression, and perception of emotional states. The discussion emphasizes the role of language in constructing emotional categories, influencing individual and collective emotional experiences across different linguistic and cultural contexts.*
Keywords: *emotions, linguistic category, cross-cultural studies, emotional expression.*

Emotions are subjective reactions of a person to the impact of external and internal stimuli, which are expressed in the form of joy, anger, fear, etc. They can be caused by both real and imaginary circumstances.

Emotions are universally recognized human experiences that are shaped and communicated through language. Shakhovsky repeatedly noted in his works that "...in

the beginning there was emotion" [1, p. 143]. Emotion gave birth to the word; combinations of words gave birth to sentences related to certain life situations.

Initially, emotions were a domain of concern for various separate sciences like psychology, philosophy, and linguistics. At the intersection of these disciplines, such fields as anthropological linguistics, psycholinguistics, neurolinguistics, cognitive linguistics, communicative linguistics, and comparative linguistics emerged. These fields offer new perspectives on the study of emotions.

Emotiology, or the linguistics of emotions, is one such field that deals with the emotive features of speech, language, and text. **It** was formalized as a discipline in **1980s** by the Russian scholar **Shakhovsky,** who introduced the term and systematized its approaches.

Within this field there is a new discipline which is called Emotive linguoecology. It seeks to combine emotiology, speech culture, and valeology. Linguoecology contributes to resolving communication problems and looks at the ecological or unproductive aspects of language, speech, and communication strategies. The concept of linguoecology (linguistic ecology) emerged in 1970s when the term "language ecology" was introduced by American linguist Einar Haugen. Haugen described language as an ecological system, emphasizing the interaction between languages, their speakers, and the sociocultural environment [2, p. 325].

This paper explains how emotions are categorized and communicated linguistically, exploring the relationship between language, cognition, and culture in shaping emotional experiences. Finally, it highlights the importance of linguistic studies of emotions.

Scientists traditionally distinguish three primary emotional states: emotions, feelings, and affects.

Emotions (from French *émotion*, derived from Latin *emoveo* – to shake, to excite) are subjective reactions of humans and animals to the influence of internal and external stimuli, manifesting as pleasure or displeasure, joy, fear, etc. As mentioned above emotions can be triggered by both real and imagined situations. Emotions are personal constructs that characterize an individual socially and psychologically.

Numerous attempts have been made to identify the basic or "fundamental" emotions. Different researchers include various types of emotions in this category. For instance, Nemov categorizes emotions such as aggressiveness (hostility), apathy, depression, interest, love, sympathy, and passion. A.G. Maklakov, on the other hand, suggests a different set of fundamental emotions: joy, surprise, suffering, anger, disgust, contempt, fear, and shame [3, 4].

Feelings are a special type of emotional experience that has a distinctly expressed object-oriented nature and is relatively stable. In this sense, feelings are associated with the perception of a specific object– either concrete or abstract (e.g., the feeling of love

for a person or homeland). Feelings have a historical character. They differ across various cultures and can manifest differently in different historical epochs among people of the same nations and cultures. In individual human development, feelings play a significant role in socialization. They serve as an important factor in personality formation, especially in shaping the motivational sphere.

Affects are a special type of emotion characterized by their intensity, rapid onset, and pronounced physiological symptoms (e.g., fear, rage). Unlike emotions and feelings, affects unfold abruptly and intensely, accompanied by significant organic changes and motor reactions. Affect does not precede behavior but rather occurs at its conclusion. It is a reaction that arises from an already completed action or deed, reflecting its subjective emotional coloring in terms of how well the action fulfilled the intended goal or satisfied the underlying need.

It is important to understand that each of the emotional states described above has subtypes and can be evaluated according to various criteria (e.g., intensity, duration, depth, awareness, origin, conditions of occurrence and disappearance, impact on the organism, development dynamics, manner of external expression (expression), and more).

In the linguistic studies of emotions most authors choose to ignore the nuances between these terms. Linguists are interested in the sensory spheres of the linguistic space, their cultural significance, and nominative density. Thus, Ponsonnet defines emotions as "internal states that have a cognitive dimension (in contrast to sensations such as hunger or cold, for instance), as well as a subjective appraisal dimension (distinguishing them from purely intellectual evaluations such as belief or agreement)" [5, p. 308].

Linguistic studies have identified universal emotional concepts such as happiness, sadness, fear, and anger, which are encoded in vocabulary and grammar across languages. However, linguistic analyses also reveal that different languages encode emotions in diverse ways, reflecting cultural values, norms, and social practices. For instance, some languages may have specific lexical items or metaphors that capture nuanced emotional states, while others may rely more on nonverbal cues or contextual factors to convey emotional meanings.

Lexical devices have always been given a priority role in revealing the emotive potential of language. With their help, a person can not only describe, name and express their emotions, but also hide, simulate and imitate them. Scientists have long ago suggested that there are more phrases with negative evaluative semantics in the dictionaries of different languages in quantitative terms than with positive ones, however, according to Shakhovsky, they are used less often in the process of communication [1].

In English, "*joy*" is typically described using a variety of words and expressions that convey different intensities and aspects of happiness: *Joy* - the basic term denoting a positive emotional state characterized by happiness and pleasure; *Happiness* - a state of contentment and well-being; *Ecstasy* - Intense joy or delight, often associated with euphoria; *Delight* - Pleasure or happiness derived from something enjoyable or satisfying. Whereas, in Tajik language), joy is expressed through a set of words and expressions that capture various shades of happiness and delight: *Шодӣ* - joy, happiness; *Хурсандӣ, Хушҳолӣ* - cheerfulness, gladness; *Шодмонӣ* - Contentment, rejoicing; *Сурур, Фараҳ* – joy, happiness, victory.

Emotions at the lexical level are expressed by using borrowings, synonyms, antonyms, set expressions and interjections. Lexical means do not always directly convey the emotional state, but they help to realize the emotive background of the message, convey the imagery and expressiveness of the statement, show feelings in relation to what is happening, and convey the flavor of the era, any locality or social group. Although, the same lexical devices can convey different emotions, sometimes even the opposite.

For example, depending on context and its intonational forms, the Tajik interjection "ҳай" may convey different meanings: a) Warning – *Ҳай, хушёр бош!* (*Hey, be careful!*); b) Reproach or criticism – *Ҳай!, Ҳай-ҳай!* (*Hey!* or *Oh, come on!*); c) Regret or lamentation – *Ҳай, дареғ!* (*Alas!*); d) Praise and admiration – *Ҳай бале!, Ҳай, баракалло!, Ҳай-ҳай, чи хуш!* (*Wow! Well done!* or *Hey, how wonderful!*).

From a cognitive and psycholinguistic standpoint, the categorization of emotions through language involves cognitive processes such as categorization, prototype formation, and metaphorical mapping. Research in cognitive linguistics suggests that our conceptualization of emotions is influenced by linguistic categories and cultural representations, shaping how individuals perceive and interpret emotional experiences.

Metaphorical expressions of emotions, for example, highlight the role of language in framing emotional concepts through analogical mappings onto physical experiences or abstract domains. For instance, the English metaphor "*Butterfly in the Stomach*" means nervousness or excitement (Example sentence: "*A butterfly fluttered in her stomach before the stage*."). Or the Tajik metaphor «*Оташи рашк*» is used to emphasize the intense feeling of jealousy (Example sentence: «*Печида андар оташи рашк*»).

Lakoff and Johnson argue that our conceptual system is fundamentally metaphorical, influencing not only language but also thought and action. They state, "Our ordinary conceptual system, in terms of which we both think and act, is fundamentally metaphorical in nature" [6, p. 3]. This perspective suggests that linguistic expressions of emotions are deeply rooted in metaphorical concepts.

For instance, emotions are often described using metaphors related to physical forces or containers, such as "He was bursting with joy" or "She was filled with anger." These expressions illustrate how abstract emotional experiences are conveyed through metaphorical language grounded in more concrete physical experiences.

The emotions «*happiness»* and «*sadness»* in English are metaphorically contrasted as up and down. This metaphor is given, on the one hand, a physical rationale: a person lifts their head when happy and lowers it when sad. On the other hand, a linguistic rationale is offered: this metaphor is a specific case of the general metaphor «good is up, bad is down».

In the last few decades, metaphor has attracted increasing attention from linguists as not only a linguistic but, more importantly, a conceptual phenomenon. This is the basis of the cognitive or conceptual function of metaphors, which relies on their ability to form new concepts from already established ones. Conceptual metaphor typically refers not to isolated objects but to complex domains of feelings and social experience, where the need arises most often to designate objects of the "invisible" world while reflecting their objective properties [7].

In the process of understanding, emotions and feelings are associated through metaphor with simpler or more concretely observable domains.

Metaphor allows verbalization of representations concerning the inner world of a person. According to Arutyunova, without metaphor, the lexicon of the "invisible worlds"– that is, the inner world of a person and their emotions– would not exist [8].

Cross-cultural studies of emotional expression and categorization reveal significant variations in how emotions are linguistically represented and interpreted across different cultures. Cultural factors such as collectivism versus individualism, linguistic relativity, and cultural scripts for emotional expression contribute to these variations. Understanding cross-cultural differences in emotional categories enhances our appreciation of cultural diversity in emotional experiences and communication, challenging universalist assumptions about emotional expression.

Research by Paul Ekman and others has demonstrated that certain basic emotions-such as happiness, sadness, anger, fear, surprise, and disgust-are universally recognized across cultures [9]. However, different cultures establish specific "display rules" that dictate how, when, and to whom emotions can be expressed.

In English-speaking cultures, "*joy"* is often celebrated and openly expressed, reflecting individualistic tendencies where personal happiness and fulfillment are valued. Tajik culture places emphasis on hospitality, family bonds, and social harmony, where expressions of "*хурсандӣ*" (joy*)* often involve communal celebrations and shared happiness. In some cultures negative emotions are suppressed or masked with socially acceptable expressions.

All in all, linguistic studies of emotions are vital for understanding how humans communicate and experience feelings. Some important reasons include the following:

1. Understanding the relationship between language and emotion. Language is a primary medium for expressing and communicating emotions. Studying emotions linguistically helps uncover how different languages encode emotional experiences and how cultural norms shape emotional expression. As Wierzbicka argues emotion words encode cultural scripts, shaping how people conceptualize feelings in different societies [10, p. 23].

2. Cross-cultural insights. Linguistic studies of emotions provide insights into cultural differences and universals in emotional expression. Misunderstanding emotional expressions across cultures can lead to communication barriers in diplomacy, business, or interpersonal interactions.

3. Emotional development and cognitive processing. Studying emotions linguistically reveals how emotions are conceptualized and cognitively processed. Language provides clues about how emotions are categorized and understood in the brain.

4. Improving emotional intelligence and AI development. Linguistic studies of emotions are pivotal in developing emotionally intelligent systems, such as chatbots, virtual assistants, and sentiment analysis tools. According to Pang, and Lee these studies improve human-computer interaction and enable machines to better understand and respond to human emotions [11].

5. Unveiling the role of metaphors. Metaphors are a key component of emotional language, shaping how people understand and experience emotions. Linguistic studies reveal how metaphors influence thought patterns and behavior. Understanding metaphors provides insights into how emotions are constructed and communicated in specific languages. For example, in English, anger is described as heat (*boiling with rage*), while Tajik often uses heart-related metaphors (*dil bastan, dil shikastan*).

6. Linguistic description of emotions contributes to the development of dictionaries of various types. Internet materials indicate an active interest in the emotional sphere, in its verbal reflection, and contain information about projects of such dictionaries (Smirnov, 2011). The idea of the ability of emotions to generalize and communicate was developed in the study of aesthetic emotions and the creation of a dictionary of aesthetic emotions (Razhnikov, 2013). The discovery of nationally oriented emotions inspired T. Lomas to create The Positive Lexicography Project, the goal of which is to collect the "good feelings" of the peoples of the world, with the aim of introducing them to everyone.

At present, linguistic science has become a platform for studying language in close connection with humans, with the comprehension of systemic emotive means as its foundation. As early as the beginning of the 19th century, Wilhelm von Humboldt

stated that language, as a human activity, is permeated with emotions. People, regardless of their racial affiliation, religious and political beliefs, or gender characteristics, have experienced, experience, and will continue to experience the same emotions: joy, envy, sorrow, love, jealousy, sadness, hatred, etc. Humanity has accumulated vast emotional experience.

It is important to note that the emotional sphere of language and speech, since the beginning of its study across different sciences and their intersections, has been regarded as the most complex, ambiguous, and requiring an approach that goes beyond conventional scientific frameworks and disciplinary boundaries. Even today, many dissertations define it as a "new direction" in linguistics, an "innovative approach," and a "promising topic," since the scientific description of emotions in all fields of knowledge remains one of the most challenging areas of research, which modern science is only beginning to explore.

Literature

1. Шаховский В.И. О лингвистике эмоций // Язык и эмоции: сб. науч. тр. / ВГПУ. – Волгоград: Перемена, 2008. – С. 5-15.
2. Haugen E.I., Dil A.S. The Ecology of Language: essays by Einar Haugen. – Stanford (Calif.): Stanford University Press, 1972.
3. Немов Р.С. Психология: учеб. для студ. высш. пед. учеб. заведений: в 3 кн. – 4-е изд. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003. – Кн. 1: Общие основы психологии. – 688 с.
4. Маклаков А.Г. Общая психология. – СПб.: Питер, 2001. – 592 с.
5. Ponsonnet M. Emotional language: a brief history of recent research // Approaches to Language and Culture / ed. by S. Völkel, N. Nassenstein. – Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2022. – P. 307–336.
6. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. – Chicago; London: University of Chicago Press, 1980. – 278 p.
7. Опарина Е.О. Концептуальная метафора // Метафора в языке и тексте. – М., 1988. – С. 45-68.
8. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс. Теория метафоры. – М., 1990. –С. 5-35.
9. Ekman P. Are there basic emotions? // Psychological Review. 1992. – Vol. 99, – No. 3. – P. 550-553.
10. Wierzbicka A. Emotions Across Languages and Cultures: Diversity and Universals. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 780 p.
11. Pang B., Lee L. Sentiment analysis and computational linguistics enable machines to analyze and interpret emotions in written text // Foundations and Trends in Information Retrieval. 2008. – Vol. 2, No. 1–2. – P. 1-135.

ЭМОЦИИ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Раджабова Г.С.
Филиал Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в городе Душанбе

Аннотация. *Понимание того, как эмоции выражаются и воспринимаются лингвистически, имеет большое значение для различных дисциплин, включая психологию, социологию, антропологию и лингвистику. Данная статья углубляется в концептуализацию эмоций как лингвистической категории, исследуя, как язык формирует понимание, выражение и восприятие эмоциональных состояний. В дискуссии подчеркивается роль языка в построении эмоциональных категорий, влиянии на индивидуальные и коллективные эмоциональные переживания в различных языковых и культурных контекстах.*
Ключевые слова: *эмоции, выражение эмоций, лингвистическая категория, язык и познание, кросс-культурные исследования.*

ҲИССИЁТ ҲАМЧУН КАТЕГОРИЯИ ЗАБОНШИНОСӢ

Раҷабова Г.С.
Филиали Донишгоҳи давлатии Москва ба номи М.В. Ломоносов дар шаҳри Душанбе

Аннотатсия. *Фаҳмиши тарзи ифода ва дарк гардидани ҳиссиёт тавассути забон аҳамияти калон барои соҳаҳои гуногун, аз ҷумла психология, сотсиология, антропология ва забоншиносӣ дорад. Мақолаи мазкур ба таҳлили амиқи мафҳуми ҳиссиёт ҳамчун категорияи забоншиносӣ равона шудааст ва мавқеи забонро дар ташаккули дарк, ифода ва фаҳмиши ҳолатҳои эҳсосӣ меомӯзад. Дар муҳокима нақши забон дар шаклгирии категорияҳои ҳиссиётӣ ва таъсири он ба таҷрибаи эҳсосии инфиродӣ ва ҷамъиятӣ дар заминаҳои гуногуни забонӣ ва фарҳангӣ таъкид мешавад.*
Калидвожаҳо: *ҳиссиёт, ифодаи ҳиссиёт, категорияи забоншиносӣ, забон ва шинохт, таҳқиқоти фарҳангӣ-забонӣ.*

Сведения об авторе: **Раджабова Гулнора Сафаралиевна** – к.филол.н., старший преподаватель кафедры «Лингвистика» филиала Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в городе Душанбе, город Душанбе, Республика Таджикистан. **Тел.:** (+992 98) 544 27 57. **E-mail:** gulnorar@yahoo.com.

ТДУ 809; 155; 0(091)

АФКОРИ АДАБИИ САЪДИИ ШЕРОЗӢ РОҶЕЪ БА ХУСУСИЯТҲОИ ИШҚ

Абдулманнонзода М.А.
Донишгоҳи давлатии Данғара

Аннотатсия. *Мақола дарбаргирандаи афкори адабии Саъдии Шерозӣ роҷеъ ба хусусиятҳои ишқ буда, як бахши илми адабиётшиносӣ ба ҳисоб меравад. Муаллиф дар мақола таҳлилу баррасии афкори адабии Саъдии Шерозӣ роҷеъ ба хусусиятҳои ишқро мавриди баррасӣ қарор дода, густариши ин бахши илми адабиётро аз ибтидои омӯзиш то шароити кунунӣ шарҳ дода, онро дар давраҳои гуногуни рушди адабиётшиносӣ қиёс намудааст. Муаллиф зимни таълифи мақола кӯшиш ба харҷ додааст, ки мавзуи мазкурро дар асоси сарчашмаҳои бурҳони илмӣ ва луғату қомусҳои муътамад таҳлил ва маънидод намояд. Инчунин, муаллиф ба ҳар қабати таснифнамудааш дар асоси ахбори сарчашмаҳои солим ва арқоми саҳеҳи таърихӣ маълумоти алоҳидаи комил додааст.*

Калидвожаҳо: *афкори адабӣ, ишқ, Саъдии Шерозӣ, ғазал, вазну қофия, сабку услуб, эҷодиёт фосила, ташаккул ва таҳаввул, маъно, интихоб, нашр ва ғ.*

Ғазалиёти Саъдӣ аз ҷиҳати мазмуну мундариҷа басо ғанӣ аст. Гуногунии мавзуъ ҷанбаи ғоявии ғазалиёти шоирро қавӣ гардонида, нишондиҳандаи ҳадди баланди тафаккуру тахайюл ва завқу истеъдоди шоир маҳсуб мебошад. Мавзуъҳое, ки Саъдӣ дар ғазалиёти хеш муқаррар бар онҳо муроҷиат мекунад, инҳо ишқу муҳаббат, инсондӯстӣ, тараннуми сулҳу дӯстӣ, васфи зебоиҳои табиат, мавзуъҳои пандуандарзӣ, фалсафию ирфонӣ ва амсоли инҳо ба ҳисоб мераванд, ки шоир дар баррасии онҳо қудрати фавқулода нишон додааст. Дар ин маврид мавзуъҳое чун тараннуми сулҳу видод, ташвиқи инсондӯстӣ ё ба истилоҳ, гуманизм, пандуандарзӣ ва васфи зебоиҳои табиат ва аносири табииро метавон ном бурд, ки саропойи ғазалиёти Саъдиро зинати махсус додаанд ва аз ҷониби аҳли таҳқиқ бисёр баррасӣ гаштаанд. Маҳз тавассути мавзуъҳои ахлоқӣ, ки ҷуз аз ғазалиёти шоир, ҳамчунин, дар анвои дигари шеърӣ ва осори насрии вай вомехӯранд, Саъдӣ дар адабиёти форсӣ ба ҳайси устоду омӯзгори ахлоқ эътироф гаштааст.

Тасвири аносири табиӣ ва бо зеботарин тарз дар силки назм кашидани зебоиҳои табиат ҳам аз хасисаҳои шоирии Саъдӣ мебошад, ки ғазалиёти ӯ ва дигар анвои шеърияшро оро додааст.

Миёни кулли мавзуъҳои ғазалиёти шоир ҷойгоҳи ишқу муҳаббат, чи дар маънои воқеӣ ва чи дар маънои ирфонияш, аз ҳама баландтар қарор дорад. Мавзуъҳои дигар дар қиёс бо мавзуи ишқу муҳаббат басо ҳақиру қиёснашаванда буда, аслан, дар соя ва такяи афкори ошиқонаи шоир ва эҳсосоти қалбиву ботинии вай зуҳур намудаанд. Саъдии Шерозӣ мавзуи бунёдии жанри ғазалро,

ки асоси онро ишқу муҳаббат ва ғалабаи эҳсосот ва авотифи инсонӣ ташкил медиҳад, ба дараҷае ба камол расонид, ки болотар ва зеботар аз ӯ он ягон шоири ғазалсаро муваффақ нагаштааст.

Агар ба ғазалҳое, ки дар онҳо шоир ба мавзуъҳои пандуандарзӣ ва таблиғи дӯстиву ғояҳои инсонпарварона руҷуъ кардааст, таваҷҷуҳ намоем, ҳатто дар онҳо низ чизе аз мавзуи муҳаббат эҳсос мегардад, ки ин ҷиҳат муносибати махсуси Саъдиро ба мавзуи ишқ далолат мекунад. Саъдӣ, ҳарчанд ки гоҳе ба мавзуъҳои дигар ҳам таваҷҷуҳ намудааст, аммо боз ҳам, тамоми мавзуъҳои дигарро дар қиёс бо мавзуи ишқ ботил ва ночиз мешуморад ва мегӯяд:

Ҷуз ёди дӯст ҳар чи кунӣ, умр зоеъ аст,

Ҷуз сирри ишқ ҳар чи бигӯӣ, батолат аст [1, с. 239].

Муҳаммадалии Фурӯғӣ зимни баррасии мавзуоти ашъори ғазалиёти Саъдӣ мавқеи ишқро аз ҷамеи мавзуъҳо болотар гузошта, қайд менамояд: «Ҳамаи ин мазоё, ки барои Саъдӣ баршумурдем, агар дар як каффаи тарозу бигузоранд, каффаи дигар, ки бо ӯ баробарӣ мекунад, ҷанбаи ошиқии ӯст. Вуҷуди Саъдиро аз ишқу муҳаббат сириштаанд. Ҳама матолибро ба беҳтарин ваҷҳ адо мекунад, аммо, чун ба ишқ мерасад, шӯри дигар дармеёбад. Ҳеҷ кас олами ишқро на монанди Саъдӣ дарк карда ва на ба баён овардааст. Ишқи Саъдӣ бозича ва ҳавову ҳавас нест, амре бисёр ҷиддӣ аст, ишқи пок ва ишқи тамом аст, ки барои матлуб аз вуҷуди худ мегузарад ва худро барои ӯ мехоҳад, на ӯро барои худ» [2, с. 11].

Агарчи қабл аз Саъдӣ дар ашъори ғиноии дигар шоирони порсӣ, аз ҷумла ғазалиёти Ҳаким Саноӣ ва Мавлоно Ҷалолуддини Балхӣ ҳам мавзуи ишқ аз мавзуоти қобили мулоҳиза ба ҳисоб меравад, ишқи тасвирнамудаи Саъдӣ хусусиятҳои вижаеро бархурдор аст, ки дар шоирони мазкур ба чашм намерасад: ишқи Саъдӣ бештар такя бар ишқи воқеӣ мекунад, ки шоироне амсоли Саноӣ ва Мавлавӣ онро ба ҳайси ишқи маҷозӣ қаламдод кардаанд. М.Л. Рейснер дар ишорат бар ҳамин вижагии шоирони ориф қайд намуда, ки мероси бузурги ғиноии Саноӣ орӣ аз ашъори ишқӣ мебошад.

Дар ғазалиёти Саъдӣ ҳам ишқи поки инсонӣ бо диди нав ва баррасии ҳолоти марғубу мафтуни ошиқона, ҳам ишқи ирфониву фавқуттабиӣ бо тарзи басо муассир мавриди баён қарор гирифтааст. Дар баёни ҳар ду навъи ишқ дар сухани Саъдӣ як навъ латофат ва салосату зебоӣ дида мешавад, ки махсус бар худи Саъдӣ аст. Аммо, дар нигоҳи куллӣ бар девони ғазалиёти Саъдӣ метавон бар ин натиҷа расид, ки тантанаи ишқи поки инсонӣ дар ишқномаҳои вай мақоми аввалро соҳиб мебошанд. Таҳаввулоти бузурги Саъдӣ ҳам дар ғазали порсӣ, пеш аз ҳама, бастагӣ бо объекти марказии он дорад, ки маъшуқ дар сурати зан аст.

Агарчи қабл аз Саъдӣ дар ашъори шоирони орифу мутасаввиф амсоли Саноии Ғазнавӣ, Фаридуддини Аттор, Фахруддини Ироқӣ ва дигар широни ғазалсаро дар мавзуи нигариш бар объекти ғазал таҳаввулоте низ ба вуҷуд омада

буд, вале ин таҳаввулот бастагӣ бар маъшуқи азалӣ ё ирфонӣ дошт. Шоирони мазкур дар ишқномаҳои хеш ба ҳайси орифу суфӣ баромад карда, дар муносибат бар объекти нигариш дар ғазал онро аз инсон бар Худо табдил дода буданд. Бинобар он чи зикр гардид, маъшуқи Саъдӣ дар қисмати бузурге аз ғазалиёташ инсон ва ҷинси зан аст. Саъдӣ қабл аз он ки рахти қалби хешро дар хароботи ишқи маъшуқи азалӣ бигустаронад ва маҷзуби муҳаббати зоти Худованд гардад, гирифтори ишқи инсонӣ низ будааст. Ӯ мукаррар аз гирифторӣ ба ишқи воқеӣ, ки ниҳояти он лаззоти ҷисмонӣ аст, болидааст. Аз ҷумла, дар яке аз ғазалҳояш ба таври равшан мегӯяд:

Як имшабе, ки дар оғӯши шоҳиди шакарам,
Гарам чу уд бар оташ ниҳанд, ғам нахӯрам [2, с. 348].

Дар абёти поён аз як ғазали Саъдӣ низ ба таври равшан муайян мегардад, ки дар он шоир ба маъшуқи воқеӣ муроҷиат мекунад ва он зан аст:

Чӣ латиф аст қабо бар тани чун сарви равонат,
Оҳ, агар чун камарам даст расидӣ ба миёнат.
Дар дилам ҳеҷ наёяд магар андешаи васлат,
Ту на онӣ, ки дигар кас бинишинад ба маконат [1, с. 242].

Дар ғазали дигари худ Саъдӣ возеҳтар ишорат бар шерозӣ будани ин маъшуқ менамояд, дар аснои яке аз сафарҳояш вай ёди ин маъшуқи худ менамояд ва аз боди сабо илтимос менамояд, то бар диёри вай гузар карда, бӯйи маъшуқи ӯро бо худ биёрад:

Охир, эй боди сабо, бӯе агар меорӣ,
Сӯи Шероз гузар кун, ки маро ёр он ҷост [3, с. 191].

Ин зан тибқи тасвирҳои Саъдӣ дар ниҳояти зебоӣ қарор дорад ва ба гуфтаи худи Саъдӣ, модари гетӣ дар умри худ чун вай фарзанди зебое ба дунё наоварда будааст:

Беҳ аз ту модари гетӣ ба умри худ фарзанд
Наёварад, ки ҳамин буд ҳадди зебоӣ [1, с. 155].

Як мавзуъ, ки дар ишқномаҳои Саъдӣ, махсусан, ҷилва мекунад, мавзуи сидқу вафост. Саъдӣ дар ишқи маҳбуби хеш то бад-он ҳад изҳори вафодорӣ менамояд, ки ба хоки пойи азизи худ савганд ёд мекунад, ки дар сурати рӯй гардонидани маъшуқ ҳам аз ӯ рӯй барнахоҳад гардонд ва аҳди собиқро нахоҳад вайрон кард:

Ба хоки пойи азизат, ки аҳд нашкастам,
Зи ман буридаву бо ҳеҷ кас напайвастам [3, с. 339].

Ишқу муҳаббати воқеии Саъдӣ дар сари мавзуи сидқу вафодорӣ ва нигаҳдории аҳду паймони ошиқӣ аз кулли шоирони муосир ва қабл аз вай фарқи назаррас дорад. Агар дар ашъори шоирони дигар маъшуқи заминӣ ба ҳайси каниз, зани хидматгузор ва ҳатто шоҳидписару ғулом тасвир ёфта бошад ва шоир

бо он чун бо молу коло муносибат бикунад, ҳар даме бихоҳад, аз ӯ рӯй бартобад ва дасту рӯй бар ёри дигаре бизанад, аз муҳтавои ишқномаҳои Саъдӣ муайян карда мешавад, ки маъшуқи вай бути ҳарҷойӣ ва чун моли фурӯшӣ нест ва чун арӯси ҳазордомод ҳар вақте бихоҳад, бо дигаре муошиқаву муомила намекунад. Ин маъшуқ барои Саъдӣ ягона аст. Саъдӣ дар роҳи муҳаббат танҳо бо вай розу ниёз менамояд ва муносибати ӯ бо ин маъшуқаш ҳамчун маъшуқи ягона ва зани баргузидаи ормонҳои қалбияш роҳандозӣ мешавад. Симои зан дар ишқномаҳои Саъдӣ нақши бузургу ҷилваи бас назаррас дорад ва ин симо аст, ки ишқномаҳои шоирро зиндаву воқеӣ ва ахлоқӣ таҷассум менамояд. Бинобар ин, ишқи Саъдӣ ишқи ахлоқӣ аст ва дар чаҳорчӯби риояти ахлоқ ва авотифи ахлоқӣ инъикос мегардад.

Дар ғазалиёти Саъдӣ мавзуи ишқи ирфонӣ-тасаввуфӣ низ ҷилваи махсус дорад. Саъдӣ бар ишқи ҳақиқӣ, ки нуқтаи тасаввурнашавандаи эҳсосоти қалбӣ ва ниҳояти ишқи маҷозӣ аст, қоил буд. Мавлоно Абдурраҳмони Ҷомӣ дар «Нафаҳот-ул-унс» ва Гупомӯии Ҳиндӣ дар «Натоиҷ-ул-афкор» Саъдиро аз афозили суфия ва аз муҷовирони буқъаи шариф Шайх Абуабдуллоҳи Хафиф ва соҳиби «Хизонаи омира» «аз афроди авлиё» қайд кардаанд, ки ин аз майли зиёди Саъдӣ ба ҳаёти руҳонӣ далолат менамояд. Шиблии Нуъмонӣ низ Саъдиро аз акобири суфия ва муҳаққиқи эронӣ Ҷалил Назарӣ дар ковиш бар кулли эҷодиёти шоир ва дарёфти нуктаҳое, ки ӯро бо ороъ ва русуми суфиён пайванд медиҳанд, Саъдиро марди комил ва орифи Раббонӣ эътироф намудааст [4, с. 135; 92, 35]. Ин ки Давлатшоҳи Самарқандӣ қайд менамояд, ки Саъдӣ сӣ соли охири умри худро «дар саҷҷодаи тоат» гузаронид, нишондиҳандаи ба тасаввуфу ирфон майл доштани шоир аст [2, с. 202]. Ин нишон медиҳад, ки Саъдӣ дар ниҳояти кор ба тасаввуф гаравида, самти хаёлбофиҳои шоиронаи худро дар шеъри ғиноӣ ба сӯйи ирфону маърифати Илоҳӣ савқ додааст.

Саъдӣ қоил бар азалияти ишқи ҳақиқӣ ё руҳонӣ аст ва замонро дар мавҷудияти ин ишқ беэътибор медонад. Ӯ итминон дорад, ки қабл аз халқ шудани инсон дар дунё ин ишқ мавҷуд буд ва василаи иртиботи инсон бо Холиқ ба ҳисоб мерафт. Аз байти зер ин андешаи шоир собит мегардад:

Эй ки пандам диҳӣ, аз ишқу маломат гӯӣ,
Ту набудӣ, ки ман ин ҷоми муҳаббат хӯрдам [1, с. 210].

Дар байти мазкур мурод аз «ту» танҳо шахси муддаӣ нест, ки шоир бар ӯ хитоб дорад, балки ин «ту» дар маънои «кул» гуфта шудааст ва мақсуд аз он кулли одамӣ аст. Саъдӣ муддаӣ аст, ки қабл аз халқ шудани инсон ва хамр шудани ҷисми ӯ Худой бар вай неъмати ишқро арзонӣ доштааст. Ҳамин андеша дар ғазали Ҳофиз, ки бо матлаи «Дар азал партави ҳуснат зи тачалло дам зад, Ишқ пайдо шуду оташ ба ҳама олам зад» муфассалтар ифода гаштааст.

Мавзуи ишқи ирфонӣ дар ашъори шоир дар иртибот бар маъшуқ – Худо бештар равшан мегардад. Дар ин ишқ маъшуқ танҳову ягона тасвир ёфта ва ошиқон аз ҳар ҷониб кӯшиши баҳравар шудан аз илтифототи ӯро менамоянд:

Танҳо на ман ба қайди ту дармондаам асир,
К-аз ҳар тараф шикастадиле мубталои туст [5, с. 238].

Ин назар муҷиби тафовути ишқи ирфонӣ аз воқеӣ мегардад, чун дар ишқи ғайриирфонӣ вуҷуди як ошиқ лозим аст, зеро дар сурати акс ин ишқ бадал ба бадахлоқӣ мегардад. Агар дар ишқи воқеии тасвирнамудаи Саъдӣ ошиқ танҳо худи шоир ва маъшуқ ҷинси зан бошад, пас дар ишқи ирфонӣ маъшуқ ошиқони зиёдеро дорад ва аз ҳар ҷониб, хайли ошиқон кӯшиш бар наздик шудани ӯ менамоянд. Ягонагӣ ё танҳоии маъшуқ дар ашъори ирфонии Саъдӣ муҷиби беназирии вай мегардад ва дар ҳамин нуқтаи маътуф аст, ки шоир аз сари ҳайрат дар хитоб ба маъшуқ мегӯяд:

Надонамат, ба ҳақиқат ки дар ҷаҳон ба кӣ монӣ,
Ҷаҳону ҳар чи дар ӯ ҳаст, суратанду ту ҷонӣ [1, с. 19].

Дар ашъори ирфонии Саъдӣ образи Худо ба ҳайси объекти марказӣ бештар бо вожаҳое амсоли *ҷонон, дилбар, дӯст* ифода меёбад. Масалан, дар ғазали бо матлаи:

Ба ҳусни дилбари ман ҳеҷ дарнамеояд,
Ҷуз ин дақиқа, ки бо дӯстон намепояд [6, с. 294],

муроди Саъдӣ аз *дилбар* маъшуқи азалӣ аст, вожаи дӯстон инро далолат мекунад; зеро дар мавриди ишқи воқеӣ истифода аз вожаи дӯст дар шумораи ҷамъ муҷиби кароҳат аст, як маъшуқу чанд дӯст ҷуз аз ахлоқситезӣ нест. Вале дар мавриди ишқи ирфонӣ кароҳате надорад, зеро маъшуқи азалӣ ҳазорон дӯст дорад, балки лозимаи ишқи ирфонӣ тааддуди ошиқон аст. Бинобар ин, зиёдии дӯст барои маъшуқи азалӣ айбе надорад.

Дар девони ғазалиёти Саъдӣ намунаҳои зиёдеро метавон бархӯрд кард, ки дар онҳо манзури шоир аз вожаи *дӯст* зоти Худо мебошад, ба ҳайси маъшуқи азаллии орифону суфиён. Аз ҷумла, дар ғазали зерин бо ин матлаъ вожаи дӯст дар маънои ирфонӣ истифода гардидааст:

Субҳе муборак аст, назар бар ҷамоли дӯст,
Бархӯрдан аз дарахти умеди висоли дӯст [1, с. 240].

Сайид Ҷаъфари Саҷҷодӣ дар хусуси ин дӯстӣ чунин қайд менамояд, ки мурод аз он дӯстӣ миёни банда ва Ҳақ аст «сабаб ва ҷиҳати дунявиву ухравӣ» [7, с. 184]. Назаргоҳи Саъдӣ дар ғазали мазкур бар вожаи дӯст орифонаву суфиёна аст ва болотар аз мафҳуми воқеии он аст.

Дар девони ғазалиёти Саъдӣ образи маъшуқ гоҳо як навъ духӯрагӣ ҳосил мекунад ва ба ҳар ду-ҳам ба инсони воқеӣ ва ҳам ба маъшуқи ирфонӣ тааллуқ ё робита пайдо менамояд: гоҳо дар ниёзмандиҳои қалбии шоир маъшуқи воқеӣ

мавриди тасвир қарор мегирад ва гоҳи дигар он ба маъшуқи ирфонӣ бадал мешавад ва бад-ин тариқ, ишқи инсонии вай, ки нисбат ба инсон дар мисоли зан аст, ба ишқи осмонӣ самт мегирад. Муҳаққиқи урдузабони ҳиндӣ Алтоф Ҳусайни Ҳолӣ дар ҳамин бобат бамаврид қайд мекунад, ки Саъдӣ «тасаввуф ва ишқи ҳақиқиро дар перояи ишқи маҷозӣ ҷилва медиҳад» [8, с. 35].

Духӯрагии тасвири маъшуқ ва ё омезиши ду навъи ишқ дар девони ғазалиёти Саъдӣ, агар бисёр набошад ҳам, кам нест. Дар шиносоӣ бо ғазалҳои шоир намоди маъшуқ, баъзан, миёни мафҳуми заминӣ ва фавқуттабиияш ихтилот пайдо менамояд ва ташхиси ду образ каме мушкил мегардад. Шоир дар ин гуна ғазалҳояш, аввалан, ба тасвири маъшуқи воқеӣ пардохта, дар байн руҷуъ ба маъшуқи ирфонӣ мекунад. Ин ҳолат, баъзан, баръакс мушоҳида мешавад: аввал маъшуқи ирфонӣ дар зеҳни шоир қарор мегирад, баъдан, маъшуқи заминӣ ва ҳамин тавр, ихтилоту омезиши ду маъшуқ дар матни як ғазал ба вуҷуд меояд. Аз ҷумла, дар ғазали бо матлаи:

Сарв истода беҳ, чу ту рафтор мекунӣ,
Тӯтӣ хамӯш беҳ, чу ту гуфтор мекунӣ [9, с. 180],

ин ҳолат мушоҳида мешавад. Дар ғазали мазкур дар матлаъ объекти марказии тасвири шоир ба маъшуқи воқеӣ бештар наздик аст, вожаҳои «рафтор ва гуфтор» бар ин далолат мекунанд. Аммо, дар байти дувум маъшуқ тимсоли ирфонӣ мепазирад ва азамату ҷалоли ғайриинсонӣ дорад:

Кас дил ба ихтиёр ба меҳрат намедиҳад,
Доме ниҳодай, ки гирифтор мекунӣ [8, с. 180].

Дар байти сеюм бошад, маъшуқ боз назири воқеиро пайдо мекунад, вожаҳои *фитна* ва *турк* бар ин маънӣ далолат менамоянд:

Ту худ чӣ фитнай, ки ба чашмони турки маст,
Тороҷи ақли мардуми ҳушёр мекунӣ.

Дар мавриди маъшуқи азалӣ истифода кардани вожаи фитна, ки бори манфӣ дорад, ҷоиз нест. Агарчи дар фарҳангномаҳои ирфониву тасаввуфӣ вожаҳои *чашм* ва *маст* ба ҳайси истилоҳоти рамзӣ низ дарҷ гаштаанд, вожаи *турк* ишорат бар инсон дорад, на бар зоти Худо.

Бояд зикр намуд, ки духӯрагии тасвири образи ғиноӣ дар ғазалиёти Саъдӣ аз вижагиҳои ғазалсароии вай ба ҳисоб меравад. Ин равиши тасвир аз объекти асосии ғазал минбаъд дар эҷодиёти шоирони форсу тоҷик, ба хусус, дар ғазалсароии Хоҷа Ҳофиз ба авҷи худ мерасад ва бо сабку услуби вижаи ӯ инкишофу тараққӣ мекунад.

Дар ғазалиёти Саъдӣ матолиб ва мазомини ишқӣ бо тасвири манзараи махсуси авотифи қалбиву равонӣ матраҳ мегардад. Ин маътуфот иборот аз тасвири ҳолот ва авзои махсуси шахси ошиқ мебошад. Ҳолоти ошиқ иборат аз авзои ботиниву равонии вай мебошад, ки дар ҷараёни гирифториҳои қалбӣ бар

шахси шоир рух медиҳанд ва вай мувофиқи ҳунару малакаи хеш онҳоро дар силки каломи мавзун медарорад. С. Сиддиқов дар ҳамин маврид дуруст қайд намудааст, ки Саъдӣ «авзои ботинӣ ва ҳолоти руҳии ошиқонро дар вазъиятҳои гуногун нағз эҳсос мекунад ва муҳимтар аз ҳама ин аст, ки онро бо сухан айнан ифода карда метавонад» [7, с. 21].

Тасвири ҳолоти маъшуқ дар ҳар ду маънӣ: ҳам маънии ирфонӣ ва ҳам воқеии он робита бо зебоиву фаттонии вай дорад. Дар баёни ҳолоти маъшуқи азалӣ бар болои он боз бениёзиву самадият низ зам мешавад. Ин бениёзӣ ишорат бар ягонагии зоти маъшуқи азалӣ ва зиёдии ошиқон мекунад. Ин аст, ки Саъдӣ дар баробари тасвири ҳолоти ин маъшуқ мукаррар ишорат ба ҳақирии худ ва кибру ғурури маъшуқ менамояд, зеро чунонки худи вай мегӯяд, аз ин вазъ чорае надорад; охир мисли вай ошиқони зиёде ҳастанд ва ӯ бояд бар ин хиракушии маъшуқ гардан биниҳад, зеро табиати маъшуқ ҳамин аст:

Кардаам аз роҳи ишқ чанд гузар сӯйи ӯ,
Ӯ ба тафаззул накард ҳеҷ нигаҳ сӯйи ман.
Ҷавр кашам бандавор в-ар кушадам, ҳоким аст,
Хиракушӣ кори ӯст, боркашӣ хӯйи ман [1, с. 149].

Бо ин ки дар баробари беилтифотӣ ва итобу бениёзии маъшуқ Саъдӣ забони шикоят мекушояд, вале ин изҳори вай боз ишорат бар мутакаббирӣ ва самадияти зоти маъшуқ аст, ки касеро бихоҳад, мавриди иноёти хеш қарор медиҳад, касеро бихоҳад, рад менамояд, касеро бихоҳад, бар лавҳи тақдираш хатти бутлон мекашад, касеро бихоҳад, бастаи ҷафову қаҳри хеш мегардонад:

Қалам бар бедилон, гуфтӣ, нахоҳам ронду ҳам рондӣ,
Ҷафо бар ошиқон, гуфтӣ, нахоҳам карду ҳам кардӣ.
Бадам гуфтию хурсандам, афокаллаҳ, накӯ гуфтӣ,
Сагам хондию хушнудам, ҷазокаллаҳ, карам кардӣ [1, с. 8].

Аммо ҳамаи ин итобу беэътиноиҳо ба ҳеҷ вачҳ муҷиби кудурати қалб ва ранҷиши хотири Саъдӣ нестанд, зеро онҳо аз маъшуқи азалӣ содир мешаванд ва ҳар чи аз зоти вай буруз мекунад, барои ошиқон тановури анвори лоязолӣ ва айни савобанд.

Дар нигоҳ бар умқи ишқномаҳои Саъдӣ метавон маълум намуд, ки баёни авотиф ва ҳолоти қалбӣ дар ишқи воқеии шоир, ки миёни шахси ӯ ва маъшуқи воқеӣ сурат мепазирад, ҷилваи бештар дорад. Дар тасвири ҳолоти маъшуқ, Саъдӣ ба тамоми ҷузъиёти вай аҳамият медиҳад. Ҳатто, остин ба ҷамоли худ бурдани маъшуқ ҳам аз назари ӯ пинҳон наемонад: ӯ ин ҳолати маъшуқро ба парӣ шабоҳат менамояд, ки ҷамоли хешро аз бани инсон доимо пинҳон медорад:

Донамат, остин чаро пеши ҷамол мебарӣ,
Расм бувад, к-аз одамӣ рӯй ниҳон кунад парӣ [1, с. 15].

Чигунагии ҳаракат ва роҳпаймойии маъшуқ дар тасвироти Саъдӣ аз хусусиятҳои ҳунари тасвиргарии ӯ дар иртибот бар шахси маъшуқ ба ҳисоб меравад. Муассирию завқбахшии тасвири ҳолати маъшуқ иборат аз он аст, ки худи маъшуқ дар ин тасвир аз ҳаракоти нозуку фиребои хеш огоҳ аст ва аз ин ҷиҳат аст, ки ҷуз ба худ бар ҳеҷ ҷойи дигар назар намедӯзад; вай на танҳо муҷиби фитнаи ошиқ, балки фитнаи худаш ҳам ҳаст:

Ман ҳаргиз аз ту назар бо хештан накунам,
Бинанда дил надиҳад ҳаргиз ба бебасаре.
Азбаски дар назарам хуб омадӣ, санамо,
Ҳар ҷо ки менигарам, гӯӣ, ки дар назарӣ...
Ҳар гаҳ ки мегузарӣ, ман дар ту менигарам,
К-аз ҳусни қомати худ бо кас наменигарӣ.
Азбаски фитна шавам бар рафтанат, на аҷаб,
Бар хештан ту зи мо сад бор фитнатарӣ [1, с. 14].

Бояд қайд кард, ки хусусияти назарраси тасвири ҳолоту авзои ошиқ дар ғазалиёти Саъдӣ ҳам иборат аз таносуби калом бо тарзи тасвир аст, ки дар ашъори вай ба ҳадди аъло инъикос мегардад. Аз сӯйи дигар, эҷоди мазомини нав ба тасвири авзоъ ва ҳолоти ишқӣ як навъ таассуроти эстетикӣ мебахшад. Дар ғазалиёти Саъдӣ тамоми ҳолоте ки дар пайомади ишқи маъшуқ бар шахси ошиқ рух медиҳад, бо авҷи ҳунар наққошӣ гардидаанд.

Тасвири ҳолоти ботиниву қалбии ошиқ дар аксари мавридҳо абёти ҷудогонаи ғазалҳои шоирро оро диҳанд ҳам, баъзан он тамоми матни як ғазали ӯро фаро мегирад ва омили инкишофи мазомини он мегардад. Дар девони Саъдӣ теъдоди ғазалҳоеро метавон пайдо намуд, ки дар онҳо тасвири ҳолоти ботиниву қалбии шоир аз сар то интиҳо ба чашм мерасад. Аз ҷумла, дар ғазале бо матлаи зер:

Меравам в-аз сари ҳасрат ба қафо менигарам,
Хабар аз пой надорам, ки замин месипарам [1, с. 212],

ки аз 20 байт иборат аст, Саъдӣ аз матлаъ то мақтаъ ҳолоти ботинии худро, ки ба ҳангоми сафар мувоҷеҳи он гардидааст, ба таври басо марғуб тасвир намуда, манзараи ҳузнангезу андуҳгинонаеро пешорӯ қарор медиҳад, ки ҳикоят аз шиддати ғаму ғалаёни қалбии шоири ошиқ менамояд.

Ин мавзуъ, ҳамчунин, дар ғазалҳое, ки бо қофияҳои «-арӣ» «-рӣ» (нахустмисраи матлаъҳо: Донӣ, ки чӣ гуфт маро он булбули саҳарӣ; Сарви бустонӣ ту ё маҳ ё парӣ?), «-ӯй» (нахустмисраи матлаъ: Имрӯз чунони, эй парирӯй); радифҳои «шудам» (нахустмисраи матлаъ: Аз дар даромадию ман ба худ бадар шудам), «аст» (нахустмисраи матлаъ: Шаби фироқ кӣ донад, ки то саҳар чанд аст), «мебарӣ» (аввалмисраи матлаъ: Ин чӣ рафтор аст, к-оромидан аз мо мебарӣ), «ман» (нахустмисраи матлаъ: Ваҳ, ки ҷудо намешавад нақши ту аз хаёли ман) матраҳ гардидаанд, ҷилваи махсус дорад [1]. Дар саропойи ғазалҳои

мазкур, Саъдӣ ҳолоту авзои ботиниву қалбии худ ва ҳамчунин сифоти марғуби маъшуқро, ки муҷиби ба вуҷуд омадани чунин ҳолот дар шахси шоир гаштаанд, бо сабки махсус ва ҳунару малакаи вижа мавриди тасвир қарор додааст.

Яке аз мавзуъҳои вижа дар ишқномаҳои Саъдӣ ин масъалаи ҷабрписандӣ дар матолиби ишқӣ ба ҳисоб меравад. Ҷабрписандӣ ҳам дар ғазалҳои орифона ва ҳам ошиқонаи Саъдӣ мушоҳида мешавад. Манзур аз ҷабрписандӣ – ин қабули тамоми мушкилот дар моҷарои ишқи маъшуқ аст. Чун лозимаи маъшуқ будан нозу истиғност ва нозу истиғно кибру ғурури маъшуқро ба вуҷуд меоварад, маъшуқ аз сари ноз ва кибри табиии хеш мудом дар пайи эҷоди мушкилот барои ошиқи хеш мегардад. Аммо ошиқ бо вуҷуди тамомии садду мушкилоте, ки дар пешорӯйи вай қарор мегиранд, зимоми вафову садоқати ёрро аз даст намедиҳад ва дар баробари ҳамаи вазниниҳое, ки дар роҳи ишқ бар шахси вай ҳомил мешаванд, изҳори бурдбориву хушнудӣ менамояд. Ҳамин изҳори бурдбориву хушнудӣ дар раҳи ишқу муҳаббат дар эҷодиёти шоирон бо гунаҳои мухталиф мавриди тасвирҳои бадеъ қарор гирифта, матни ашъори ононро зебоиву ҷаззобияти махсус бахшидааст. Дар эҷодиёти Саъдии Шерозӣ ҳам изҳори хушнудӣ дар баробари хушунатҳову такаббурҳои нозолудонаи маъшуқ, яъне ҷабрписандӣ дар қиболи рафтори ӯ ҷилваи махсус дорад. Дар саропойи девони ғазалиёти шоир, мавзуи мазкур дар сархатти ҳама мавзуоти ошиқона қарор доранд. Аз ин ҷиҳат, метавон гуфт, ки ин мавзуъ яке аз вижагиҳои сабкии шоирро дар иртибот бар ғазалиёти ишқии ӯ нишон медиҳад.

Ҷабрписандӣ агарчи дар эҷодиёти шоирони дигари ғазалсаро, аз ҷумла Саноии Ғазнавӣ, Аттори Нишопурӣ, Мавлоно Ҷалолуддини Балхӣ мавриди тавоҷҷуҳ қарор гирифта бошад ҳам, дар ғазалиёти Саъдӣ аз вижагиҳои назарраси шоирии вай дар баёни матолиби ишқӣ – дар маънии ҳам воқеиву ҳам ирфонияш ба ҳисоб рафта, ба гунаи муассиру ҷолибе ҷилвагар мебошад. Ин мавзуъ пас аз Саъдӣ дар ғазалиёти дигар шоирони ориф ва, махсусан, Хоҷа Ҳофиз мавриди пайравиву пазириш қарор гирифтааст, ки эҳтимоли зиёд меравад, сарчашмаи хешро аз тарзи тафаккури ҷабрписандонаи Саъдӣ гирифтааст.

Манзури Саъдӣ аз изҳори ҷабрписандӣ дар ишқи маъшуқ, агар дар ғазалҳои орифона иборат аз мавриди иноёти маъшуқ гардидан бошад, дар ғазалҳои ошиқона ба даст овардани дили маъшуқ ва бад – ин роҳ мойил кардани вай мебошад. Дар ҳар ду ишқ, ин ҷабрписандӣ бар изҳори садоқату вафо маҳдуд мегардад. Агар ҷабрписандии Саъдӣ, аз як тараф, шахси ӯро нисбат бар тамомии мушкилоту ташаннуҷоти ҳаёт бепарвову бетафовут гардонад ва бо ин роҳ навъе аз ҷасорати ӯро нишон диҳад, аз сӯйи дигар, он василаи рахнашавии иззати шахсии вай мегардад. Дар ҷабрписандии Саъдӣ нафйи иззати шахсӣ дар баробари маъшуқ,-хоҳ маъшуқи азалӣ, хоҳ воқеӣ, мақоми хосса дорад. Аслан, ҳамин кӯшиши беаҳамиятӣ дар поймол гаштани иззати шахсӣ барои Саъдӣ ҳам

дар ишқи ирфонӣ ва ҳам дар ишқи воқеияш василаи қарин гаштан бар маъшуқ аст. Лозимаи ишқ ҳам барои ҳар шахси ошиқ нодида гирифтани худ ва нафйи иззати шахсӣ мебошад. Ҳамин хусусият дар ғабрписандии Саъдӣ аст, ки ӯ ҳамвора дар матни ғазалиёти хеш мудом сухан аз гарди хоки роҳи маъшуқ ё хоки домани маъшуқ шудан мезанад ва ин амалро баҳри хеш ифтихор меҳисобад. Чунончи, дар байти зер мегӯяд:

Саъдӣ ба ғавру ғафо меҳр аз ту барнаканад,
Ман хоки пойи туам в-ар хуни ман бихӯрӣ [1, с. 14].

Дар ин муносибат, маъшуқ дар мақоми болотару дастнаёфтанитаре ғой дорад. Шоир аз мақоми сифлии хеш ба маъшуқ хитоб менамояд, ки бо вуҷуди раво дидани ҳама гуна хориҳо, вай ба бардоштани ҳамаи мушкилот розӣ ва, ҳатто, ҳарис аст:

В-ар ба хорӣ зи дари хеш бironӣ моро,
Ҳамчунон шукр кунемат, ки азизи моӣ.
Ман аз ин дар ба ғафо рӯй нахоҳам печид,
Гар бубандӣ ту ба рӯи ману гар бикшоӣ [1, с. 154].

Баръакс, Саъдӣ аз маъшуқ хоҳиш менамояд, ки бар сари вай ғавру бедодиҳоро равона созад, зеро вуруди ҳама саъбу мушкилиҳо муҷиби бевафоии вай дар ишқи маъшуқ нахоҳад шуд:

Бикун, чандон ки хоҳӣ, ғавр бар ман,
Ки дастат барнамедорам зи доман [1, с. 220].

Дар ғабрписандии Саъдӣ ҳама ғавру ғафои маҳбуб айни қабул ва маҳзи савоб аст; бедодгарии вай худ нишони адл, ғафои ӯ айни каромату эҳсон ба ҳисоб меравад ва дашноми вай беҳтар аз ҳар дуои хушест, ки аз бегона шунида мешавад:

Бедоди ту адл асту ғафои ту каромат,
Дашноми ту хуштар, ки зи бегона дуое [1, с. 156].

Дар девони Саъдӣ ғазалҳое мавҷуданд, ки муҳтавои онҳо комилан андешаҳои ғабрписандона нисбат бар маъшуқи азалӣ ё ирфониро дар бар гирифта, ғилваи чунин мавзуъро дар эҷодиёти шоир бори дигар собит месозанд.

Дар баёни матолиби ишқи воқеӣ андешаҳои ғабрписандонаи Саъдӣ нисбатан фарқ менамояд, зеро ваҷоҳату шаҳоматеро, ки дар муносибат бо маъшуқи азалӣ ва объекти фавқуттабиӣ истифода менамояд, дар ручуъ бар объекти воқеиву табиии тасвир камтар ба кор мегирад. Бинобар ин, дар муносибат бо маъшуқи воқеӣ воқеияти ҳол ва вуҷуди вижагиҳои табиӣ мадди назар гирифта мешаванд, шаҳомати маъшуқ дар баёни ин ғабрписандӣ бадал бар як шахси табиӣ ва воқеӣ мегардад. Ин маъшуқ хосияти ранҷидан дорад, баръакси маъшуқи азаливу руҳонӣ, ки дорои қаҳру итоби махсус аст:

Ман бо ҳама ҷавр аз ту хушнудам,
Ту бе гунаҳе зи ман биёзурдӣ [1, с. 7].

Ин маъшуқ, бо вуҷуди он ки гоҳе ҷурму хатоҳоеро низ ба муқтазои табиати инсонии худ содир менамояд, ба ҳеҷ ваҷҳ муҷиби ранҷишу малолат ва аз дил сутурдани Саъдӣ намегардад, зеро вай дар иштиёқи ин маҳбуб аст:

Муштоқи туам бо ҳама ҷавреву ҷафое,
Маҳбуби манӣ бо ҳама ҷурмеву хатое [1, с. 156].

Дар андешаҳои ҷабрписандонаи Саъдӣ, ҳам дар муносибат бо маъшуқи ирфонӣ ва ҳам маъшуқи воқеӣ, масъалаҳои нафйи иззати шахсӣ дар баробари маъшуқ, бардошту таҳаммули ҷавру ҷафо, ҳифзи вафову садоқат аз мавзуъҳои қобили таваҷҷуҳ ба ҳисоб мераванд. Дар такя бар ин се масъала, ки дар мавзуи ишқу муҳаббат ба ҳайси рукнҳои асосӣ маҳсуб мешаванд, Саъдӣ, дар ҳақиқат, тавонистааст, ки афкору назарияҳои ҷабрписандонаи хешро ба таври беназир ва бесобиқае баён бидорад ва ҳар хонандаро таҳти таъсири суханони гаронбори хеш қарор бидиҳад.

Мавзуи ишқ, чи дар маънои воқеӣ ё маҷозӣ ва чи дар маънои ҳақиқию ирфонияш дар ғазалиёти Саъдӣ аз калидитарин мавзуот маҳсуб мешавад. Мақоми мавзуи мазкур дар ғазалиёти Саъдӣ то он ҷост, ки бидуни он ғазалҳои Саъдӣ арзиши аслии худро қариб ки аз даст медиҳанд. Зеро маҳз дар ҳамин гуна ғазалҳо сабк, забону услуб, тарзи махсуси адои мазомини ошиқона, содагии гуфтор, хушнавойиву дилнишинии тасвироти дилкашу завқбахши ҳолоти гуногуни ботиниву қалбӣ инъикос меёбанд. Вагарна, дар мавзуоти панду мавъиза, нукоти тасаввуфию ирфонӣ ва монанди инҳо шоирони қабл аз ӯ ҳам ғазалиёти зиёд сурудаанд. Бинобар ин, ҷуз аз мавзуоти ишқӣ, хусусан ишқи воқеӣ ва бо воқеият алоқаманд кардани ишқи ирфонӣ, дигар мавзуъҳои ғазалиёти Саъдӣ, аксаран, такрориянд ва навгонии қобили таваҷҷуҳе дар худ надоранд. Нақши Саъдӣ дар тасвири ишқ, ҳам дар маънои воқеӣ ва ҳам дар маънои ҳақиқияш басо бузург аст, ки аз кулли ғазалсароёни адаби форсӣ фарқи назаррас дорад.

Адабиёт

1. Дастгардӣ В. Ғазалсаройии Саъдӣ / В. Дастгардӣ // Армуғон. – №7. – Теҳрон, 1298. – С. 417-428.
2. Сиддиқов С. Саъдӣ ва матни девони ӯ [Матн]: / С. Сиддиқов // Шерозӣ, Саъдӣ. Куллиёт. – Ҷ. 1. Мураттиб ва муаллифи сарсухан: С. Сиддиқов. – Душанбе: Адиб, 1988. – С. 5-32.
3. Ғуломризоӣ М. Сабкшиносии шеъри форсӣ: Аз Рӯдакӣ то Шомлу [Матн]: / М. Ғуломризоӣ. – Душанбе: ДДОТ, 2017. – 252 с.

4. Сирус Б. Арузи тоҷикӣ [Матн]: / Б. Сирус. – Душанбе: Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1963. – 286 с.
5. Мунир М. Породукс ё таркиби маҳолнамо яке аз аносири сабкии шеъри асри Ҷомӣ [Матн]: / М. Мунир // Илм ва фановарӣ: бахши филология. – Душанбе: Ирфон, 2014. – С. 176-183. Даштӣ А. Қаламрави Саъдӣ [Матн]: / А. Даштӣ. – Теҳрон: Интишороти Асотир, 1364. – 408 с.
6. Ҳодизода Р. Аз Рӯдакӣ то имрӯз [Матн]: / Р. Ҳодизода. – Душанбе: Адиб, 1988. – 288 с.
7. Ҳикмат А. Дарсе аз девони Ҳофиз [Матн]: / А. Ҳикмат. – Теҳрон: Ҷаҳоннамо, 1320. – 48 с.
8. Муваҳҳид З. Мусиқии ғазали Саъдӣ [Матн]: / З. Муваҳҳид // Китоби моҳи адабиёт. – №48 (182). – Теҳрон. 1390. – С. 32-35.
9. Сайфуллоев А. Тафаккур ва образ [Матн]: / А. Сайфуллоев. – Душанбе: Ирфон, 1968. – 168 с.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ МЫСЛИ САДИ ШИРАЗИ О ХАРАКТЕРИСТИКАХ ЛЮБВИ

Абдулманнонзода М.А.
Дангаринский государственный университет

Аннотация. *Данная статья посвящена литературным взглядам Саади Ширази на особенности любви и представляет собой одно из направлений литературоведения. Автор рассматривает и анализирует литературные воззрения Саади Ширази относительно природы любви, прослеживая развитие данной области с момента её возникновения до современного состояния, а также проводит сопоставление на разных этапах становления литературной науки. При написании статьи автор стремился осветить тему на основе научно обоснованных источников, а также надёжных словарей и энциклопедий. Кроме того, каждому выделенному уровню анализа автор уделяет отдельное внимание, подкрепляя свои выводы достоверными данными из проверенных источников и точными историческими фактами.*
Ключевые слова: *литературные взгляды, любовь, Саади Ширази, газель, ритм и рифма, стиль и метод, творческая дистанция, становление и развитие, значение, выбор, публикация и др.*

LITERARY THOUGHTS OF SAADI SHIRAZI ON THE CHARACTERISTICS OF LOVE

M.A. Abdulmannonzoda
Dangara State University

Annotation. *This article examines the literary perspectives of Saadi Shirazi on the characteristics of love and belongs to the field of literary studies. The author analyzes Saadi Shirazi's literary views on love, tracing the development of this area from its origins to the present day, and comparing it across various stages of literary evolution. The article is written with reference to scientifically grounded sources and reliable dictionaries and encyclopedias. The author has also provided detailed information on each classification layer, supported by credible sources and accurate historical data.*
Keywords: *literary thought, love, Saadi Shirazi, ghazal, meter and rhyme, style and method, creative interval, formation and evolution, meaning, selection, publication, etc.*

Сведения об авторе: **Абдулманнонзода Мухаммадсиддик Абдуджаббор** – д.филол.н., доцент кафедры таджикского языка и литературы Дангаринского государственного университета. Дангаринский район, Республика Таджикистан. **Тел.:** (+992 98) 529 74 74. **E-mail:** muhammadsiddiqabdulmannonzoda@gmail.com.

УДК 81.2; 372.46

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И ФУНКЦИИ ПРИЧАСТИЯ КАК МНОГОФУКЦИОНАЛЬНОЙ КАТЕГОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Алиева Н.Ш., Самадова З.С.
Таджикский государственный медицинский университет имени Абуали ибни Сино

Аннотация. *В данной статье рассматривается причастие как особая часть речи в русском языке, сочетающая в себе признаки глагола и прилагательного. Анализируются грамматические и семантические особенности причастий, их классификация по времени, виду и залогу, а также их роль в формировании синтаксических конструкций. Особое внимание уделяется образованию действительных и страдательных причастий, их употреблению в различных контекстах, а также особенностям кратких и полных форм. В статье приводятся примеры из научного и художественного стилей речи, иллюстрирующие многообразие функций причастий в языке. Рассматриваются также основные трудности, с которыми сталкиваются студенты-медики при изучении русского языка, и способы их преодоления. Работа направлена на углубленное понимание морфологических свойств причастий и их синтаксической роли, что способствует повышению грамотности и точности речи студентов.*

Ключевые слова: *причастие, морфология, синтаксис, действительные и страдательные причастия, краткие и полные формы, русский язык.*

Введение. Причастие является одной из наиболее сложных и многофункциональных категорий русского языка. Оно объединяет в себе признаки глагола и прилагательного, что позволяет ему выполнять различные синтаксические и семантические функции. Например, причастия могут описывать действия как свойство объекта, что делает их незаменимыми в письменной и устной речи.

Особенно важным является изучение причастий в профессиональной сфере, где точность формулировок играет решающую роль. Для студентов-медиков владение причастиями помогает составлять грамотные медицинские заключения, истории болезней и другие профессиональные документы. Однако обучение этой категории сопряжено с рядом трудностей, таких как сложность морфологических форм и синтаксических конструкций.

Целью данной статьи является исследование причастий в аспекте их структуры, функций и применения, а также разработка методических рекомендаций для их успешного освоения.

Причастие, как особая форма слова, играет важную роль не только в системе современного русского языка, но и в процессах языкового взаимодействия. Одной из наиболее интересных сторон использования причастий является их применение в межъязыковых контактах. В языках, отличающихся от русского по структуре, причастия часто отсутствуют или реализуются через отдельные конструкции. Это создаёт сложности для носителей других языков, которые изучают русский язык, но в то же время обогащает их языковую картину мира. Таким образом, причастия становятся мостом между описанием действий и их характеристиками, что делает их особенно ценными в международной коммуникации.

Причастие занимает уникальное место в системе русского языка, объединяя в себе признаки глагола и прилагательного, что делает его особой частью речи, требующей отдельного внимания в процессе изучения. Это словообразовательная категория, выполняющая сложные функции, такие как выражение признака предмета через действие, что особенно важно для понимания структуры языка и формирования грамотной речи.

Причастия являются значимым инструментом для построения сложных синтаксических конструкций, что позволяет экономить языковые средства, сохраняя при этом их выразительность и точность. С грамматической точки зрения причастие формируется на основе глагольной основы, что придаёт ему динамическое значение действия, а добавление суффиксов и окончаний позволяет использовать его как средство обозначения признаков предмета. Причастия бывают действительными, которые показывают, что субъект сам выполняет действие, и страдательными, которые указывают на то, что действие совершается над субъектом. Например, в предложении *«Человек, читающий книгу, был погружён в мысли»* причастие *«читающий»* выражает активное действие субъекта, а в предложении *«Книга, прочитанная на досуге, оставила глубокое впечатление»* причастие *«прочитанная»* демонстрирует результат действия, совершённого над объектом [1].

Тенденции в развитии языка показывают, что причастия могут изменяться в зависимости от изменений в речи и письменности. В современном русском языке можно наблюдать упрощение синтаксических конструкций, где причастия заменяются на более прямые формы глаголов или имён. Это особенно характерно для разговорной речи, которая требует лёгкости и скорости понимания. Однако в письменной речи причастия продолжают сохранять своё

значительное место, поскольку именно они помогают создать структурированность и точность.

Ещё одним аспектом изучения причастий является их стилистическая нагрузка. В журналистике и рекламе, например, причастия активно используются для создания ярких и запоминающихся выражений. Краткие, но ёмкие конструкции, такие как «признанный лидер» или «определяющий фактор», мгновенно передают смысл и создают эмоциональный отклик. В то же время в поэзии и художественной прозе причастия могут использоваться для создания образов, тонких ассоциаций или передачи настроения.

Причастие остаётся важным инструментом для создания грамотного текста. В длинных сложных предложениях причастия играют роль связующих элементов, позволяя избежать повторений и упрощая восприятие информации. Например, в научной литературе это часто используется для обозначения этапов или характеристик исследования: *«проведённое исследование», «представленные результаты».*

Причастие определяется как неличная форма глагола, совмещающая в себе свойства глагола и прилагательного. Основные признаки причастия включают:

- глагольные признаки: выражение действия или состояния, наличие видовой и временной принадлежности;

- прилагательные признаки: способность изменяться по падежам, числам и родам, а также выступать в роли определения в предложении.

Причастия позволяют лаконично описывать свойства и действия объектов. Например, *«Лекарство, приготовленное фармацевтом, оказалось эффективным»* [2].

В русском языке причастия делятся на две основные группы:

Действительные причастия: обозначают действие, выполняемое субъектом. Пример: *«читающий студент».*

Страдательные причастия: указывают на действие, направленное на объект. Пример: *«прочитанная книга».*

Причастия также различаются по временам:

- настоящее время (*читающий, читаемая*)*;*
- прошедшее время (*прочитанный, читавшая*).

Временные характеристики причастий ограничиваются настоящим и прошедшим временем, поскольку будущее время в их формах не выражается. Это связано с их зависимостью от глагольных основ и специфики суффиксов, таких как *-ущ-, -ющ-, -вш-, -ш-, -нн-, -енн-, -т-* и других. Например, формы действительного причастия настоящего времени *«пишущий»* или страдательного причастия прошедшего времени *«написанный»* чётко указывают на временные рамки действия. Это ограничение усиливает их функциональную нагрузку в

языке, делая их использование более точным в описании состояния или действия предметов [3].

Синтаксические функции причастий также разнообразны. Они могут выступать в роли определения, обстоятельства или части составного именного сказуемого. Например, в предложении *«Студенты, готовящиеся к экзамену, усердно занимались»* причастный оборот выполняет функцию определения, уточняя, о каких студентах идёт речь. Когда причастие используется в качестве обстоятельства, оно добавляет информации о времени, причине, условии или образе действия, как в примере: *«Прочитав книгу, он задумался».*

Причастия формируются с использованием определённых суффиксов:

- для действительных причастий настоящего времени: *-ущий, -ющий;*
- для страдательных причастий настоящего времени: *-мый;*
- для действительных причастий прошедшего времени: *-вший;*
- для страдательных причастий прошедшего времени: *-нный, -тый.*

Например, действительное причастие: «пишущий» (основа «писать» + суффикс *-ущий*). Страдательное причастие: «прочитанный» (основа «прочитать» + суффикс *-нный*).

Причастия могут выполнять различные синтаксические функции:

- определение: *«Препарат, назначенный врачом, оказался эффективным»;*
- обстоятельство: *«Изучив симптомы, врач поставил диагноз».*

Они способствуют созданию более сложных синтаксических конструкций, что важно в научных и профессиональных текстах [2].

Стилистическая функция причастий также заслуживает внимания. В официально-деловом и научном стилях они способствуют лаконичности и точности изложения. Например, *«Проблема, рассматриваемая в исследовании, актуальна для современной науки».* В художественной литературе причастия помогают создавать яркие образы и придают тексту выразительность: *«Ветер, налетевший с моря, принёс прохладу и аромат соли».* В разговорной речи использование причастий ограничено, что связано с их сложной морфологической структурой и менее частой потребностью в лаконичности выражения мысли в бытовых ситуациях.

Особое внимание при изучении причастий уделяется причастным оборотам, которые являются одной из наиболее сложных конструкций для освоения. Причастный оборот состоит из самого причастия и зависимых слов, которые уточняют или конкретизируют его значение. Например, в предложении *«Задание, выполненное студентами качественно, было оценено высоко»* причастный оборот *«выполненное студентами на высоком уровне»* играет ключевую роль в характеристике задания. Однако неправильное употребление причастных оборотов часто приводит к грамматическим ошибкам, таким как

нарушение согласования с определяемым словом или некорректное расположение оборота в предложении.

Причастный оборот – это сочетание причастия с зависимыми словами. Он выделяется в письменной речи запятыми: *«Пациент, принимающий лекарства, чувствует себя лучше»* [2].

Причастные обороты значительно усложняют структуру предложения, но делают его более информативным.

Далее внимание концентрируется на правилах построения причастных оборотов, правильного согласования с определяемым словом и особенностях пунктуации. Например, изучение правил постановки запятых при причастных оборотах, таких как *«Книга, написанная на основе редких архивных данных, вызвала интерес у исследователей»,* позволяет студентам избежать распространённых ошибок.

Практические задания включают морфологический разбор причастий, анализ предложений с причастными оборотами и исправление ошибок в уже готовых текстах. Например, студентам может быть предложено задание: *«Определите грамматические характеристики выделенных слов и укажите их синтаксическую роль в предложении».* Это способствует развитию навыков анализа и понимания функциональной природы причастий в предложении. Также полезным является выполнение упражнений на составление собственных предложений с использованием причастий. Например, *«Составьте предложение с причастным оборотом, характеризующим предмет на основе следующего глагола: читать».* Такое задание стимулирует творческое мышление и закрепляет теоретические знания [4].

Для студентов медицинских направлений важно интегрировать изучение причастий с профессиональными текстами, таких как: тексты медицинских инструкций, справочников и научных статей насыщены конструкциями с причастиями: *«Препарат, рекомендованный врачом, должен применяться строго по инструкции».* Анализ подобных текстов позволяет студентам-медикам освоить особенности профессиональной речи, улучшить понимание терминологии и научиться использовать причастия в собственной письменной практике [2].

Выделяя основные трудности изучения причастий, следует отметить морфологическую сложность их формообразования, неоднозначность употребления в синтаксических конструкциях и стилистические ограничения. Эти аспекты требуют особого внимания при разработке учебных материалов. Упрощение теоретического материала, использование наглядных схем и таблиц, а также интеграция интерактивных методов обучения, таких как кейс-методы или работа в группах, значительно повышают эффективность усвоения темы. А

также студентам может быть предложен кейс: *«Вы являетесь редактором научной статьи. Найдите и исправьте ошибки в использовании причастий и причастных оборотов в следующем тексте».* Это позволяет не только закрепить знания, но и развить навыки критического мышления и анализа текста [4].

Изучение причастий имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Оно способствует развитию языковой компетенции, улучшает навыки письменной и устной речи, а также формирует основу для более глубокого понимания синтаксической структуры русского языка. Применение методических рекомендаций, интеграция профессионально ориентированных текстов и системный подход к обучению делают процесс изучения причастий более доступным и эффективным.

Особым аспектом в изучении причастий является их использование в различных стилях речи, что напрямую связано с функциональной стилистикой. В научных текстах причастия часто применяются для описания процессов, характеристик и свойств, придавая тексту объективность и сжатость. Например, *«Исследование, проведённое на основе современных методов, показало высокую эффективность терапии».* В публицистике и деловой речи причастия помогают кратко и точно изложить суть вопроса: *«Документ, подписанный руководителем, вступает в силу немедленно».* В художественном стиле причастия выполняют выразительную функцию, позволяя автору описывать детали и эмоции: *«Ветви, опустившиеся под тяжестью снега, почти касались земли»* [5].

Однако неправильное или избыточное использование причастий может утяжелить текст, сделать его трудным для восприятия, особенно если предложения перегружены оборотами. Это стилистическое злоупотребление называется канцеляритом, и оно особенно характерно для неопытных авторов официальных документов или деловой переписки. Например, предложение *«Данные, собранные на основании анкетирования, проведённого в образовательных учреждениях, свидетельствуют о значительных изменениях в подходах к обучению»* можно сделать более лаконичным: *«Анкетирование студентов выявило изменения в образовании».*

Ещё одной ключевой сложностью для изучающих русский язык, особенно для иностранцев, является пунктуация при причастных оборотах. Важно помнить, что оборот выделяется запятыми, если находится после определяемого слова: *«Дом, построенный в прошлом году, уже заселён».* Однако, если оборот предшествует определяемому слову, запятая не ставится: *«Построенный в прошлом году дом, уже заселён».* Исключения из этих правил, такие как использование причастных оборотов в устойчивых выражениях или особых конструкциях, требуют дополнительных пояснений в учебных материалах [6; 7].

Методически обоснованным подходом к изучению пунктуации при причастных оборотах является постепенное включение упражнений с возрастающим уровнем сложности. Например, сначала студентам предлагается определить, нужны ли знаки препинания в готовых предложениях. Затем задания усложняются: необходимо не только расставить знаки препинания, но и объяснить их постановку, а на следующем этапе составить собственные предложения с правильным использованием причастных оборотов. Этот метод позволяет студентам усвоить теорию через практику, что особенно важно при обучении языку.

Работа с текстами профессиональной направленности, такими как медицинские или технические статьи, также является важным инструментом при изучении причастий. В этих текстах причастия используются для уточнения характеристик, условий или действий, что помогает сделать текст более структурированным и информативным. Например, в медицинском контексте причастия часто употребляются для описания состояния пациента или характеристик препарата: *«Пациент, поступивший с жалобами на головную боль, был направлен на обследование», «Рекомендованный врачом препарат обладает выраженным обезболивающим эффектом».* Анализ подобных текстов позволяет студентам не только лучше понять профессиональную лексику, но и научиться грамотно использовать причастия в своей письменной и устной речи [2].

Кроме того, важным этапом обучения является интеграция меж предметных связей. Например, в группах студентов-медиков изучение причастий может быть связано с разработкой речевых клише и текстов, используемых в профессиональной деятельности. Это могут быть рекомендации пациентам, описание протоколов лечения или заполнение медицинских карт. Такие задания делают процесс обучения более прикладным, помогая студентам увидеть реальную пользу от изучаемого материала.

Для развития у студентов навыков самопроверки полезно использовать технологии взаимного редактирования. Например, один студент пишет текст с использованием причастных оборотов, а другой проверяет его на наличие ошибок и предлагает исправления. Такой подход позволяет не только выявить пробелы в знаниях, но и развить критическое мышление. Аналогичным образом можно использовать групповые задания, где студенты работают вместе над одним текстом, обсуждая правильность использования причастий и их стилистическую уместность.

Профессиональная практика: работа с медицинскими текстами, включающими причастные конструкции.

Эффективное обучение возможно через использование профессионально ориентированных текстов и заданий, которые помогут интегрировать грамматические знания в медицинскую практику.

Синтаксические особенности причастий заключаются в их способности уточнять, конкретизировать и расширять информацию, передаваемую предложением. В русском языке причастия могут быть как зависимыми элементами в составе причастных оборотов, так и самостоятельными компонентами предложения. Эти формы представляют собой эффективный инструмент синтаксической экономии, позволяя избежать громоздких описательных конструкций. Использование причастий в письменной речи особенно важно для научных, официальных и художественных текстов, где они способствуют точности и выразительности. Например, конструкция *«студенты, изучающие русский язык»* несёт ту же смысловую нагрузку, что и *«студенты, которые изучают русский язык»,* но значительно компактнее и элегантнее.

Морфологическая структура причастий включает в себя признаки вида, времени, залога и согласования с определяемым словом в роде, числе и падеже. Эта многослойность форм определяет сложность их использования, особенно для изучающих русский язык как иностранный. При этом причастия делятся на два основных типа: *действительные и страдательные.* Действительные причастия подчёркивают субъект действия, тогда как страдательные акцентируют объект, на который направлено действие. Этот дуализм открывает широкие возможности для точного выражения отношений между участниками действия.

Этимологический аспект изучения причастий позволяет понять их историческое развитие и место в языковой системе. Эти механизмы служат важным инструментом для обозначения не только конкретного действия или признака, но и нюансов, связанных с временными, модальными и аспектуальными характеристиками. Например, такие формы, как *«бегущий», «бегавший», «прибежавший»,* демонстрируют богатство значений, которые можно передать через модификацию базового глагола.

Динамическая природа причастий проявляется также в их взаимодействии с другими частями речи. Причастия способны адаптироваться к различным синтаксическим контекстам, исполняя роль определения, обстоятельства или даже сказуемого в предложении. Такая многогранность использования делает их важным инструментом в арсенале любого носителя русского языка. Например, причастие в предложении *«Дерево, освещённое солнцем, казалось золотым»* функционирует как средство создания образности и передачи атмосферности [8].

Функциональный потенциал причастий раскрывается и в их способности образовывать устойчивые выражения. Такие конструкции, как *«прошедший*

этап», «проверенные данные», «действующие законы», часто встречаются в деловой и научной речи, где важна чёткость и формализация. Эти устойчивые выражения стали частью лексического фонда русского языка, укрепив его богатство и выразительность.

Однако сложности, связанные с употреблением причастий, часто становятся предметом критики со стороны специалистов по преподаванию русского языка. Одной из таких сложностей является правильное использование времени и залога. Например, выбор между действительным и страдательным причастием иногда вызывает затруднения даже у носителей языка: *«строящийся дом»* и *«дом, который строится»*. Эти различия требуют точного понимания контекста и структуры предложения [1].

Эффективное обучение употреблению причастий в образовательной практике предполагает постепенное погружение студентов в сложную систему грамматических связей. Основной акцент делается на сопоставительном анализе причастий с аналогичными конструкциями на их родном языке, что помогает осваивать не только формы, но и принципы их употребления. Упражнения на перевод и трансформацию предложений являются одним из наиболее действенных способов формирования навыков работы с причастиями.

Научный интерес к причастиям также проявляется в их роли в текстах различных жанров. Например, в юридических документах они используются для определения правового статуса или действий: *«документ, подтверждающий право собственности»*. В то же время в публицистике причастия помогают создавать эмоциональный отклик у читателя, усиливая воздействие текста [1].

Историческое развитие причастий связано с эволюцией глагольной системы русского языка. В древнерусском языке причастия выполняли более универсальные функции, что было связано с менее развитой системой придаточных предложений. По мере развития языка функции причастий специализировались, и их использование стало зависеть от контекста и стиля речи.

Выводы. Таким образом, причастие играет важную роль в русском языке благодаря своей универсальности и функциональности. Для студентов-медиков овладение причастиями способствует развитию профессиональной компетенции. Методическое обучение должно быть направлено на формирование устойчивых навыков использования этой грамматической категории в профессиональной речи.

Литература

1. Шведова Н.Ю. Синтаксические конструкции русского языка. – М.: Высшая школа, 2005.
2. Камынина Н.Н. Методика преподавания русского языка в медицинских вузах. – СПб: Лань, 2010.
3. Бархударов Л.С. Морфология современного русского языка. – М.: Высшая школа, 2003.
4. Морфология современного русского языка. / Под редакцией В.А. Белошапковой. – М.: Просвещение, 1981.
5. Левин В.И. Грамматические категории современного русского языка. – М.: Академия, 2007.
6. Гвоздев А.Н. Современный русский язык: Синтаксис и морфология. – СПб: Лань, 2010.
7. Русская грамматика. Т. 1. / Под редакцией Н.Ю. Шведовой. – М.: Наука, 1980.
8. Залевская А.А. Лингвистические основы обучения русскому языку как иностранному. – М.: Просвещение, 2005.

ХУСУСИЯТҲОИ ГРАММАТИКӢ ВА ВАЗИФАҲОИ ҲИСОБҲО ҲАМЧУН КАТЕГОРИҲОИ БИСЁРФУНКСИЯИ ЗАБОНИ РУСӢ

Алиева Н.Ш., Самадова З.С.
Донишгоҳи давлатии тиббии Тоҷикистон ба номи Абуалӣ ибни Сино

Аннотатсия. *Дар мақолаи мазкур ҳисса ҳамчун ҷузъи махсуси нутқ дар забони русӣ мавриди таҳлили амиқ қарор гирифта, хусусиятҳои феълӣ ва сифатии онро, ки дар ин категория мутамарказ шудаанд, баррасӣ мекунад. Таваҷҷуҳи асосӣ ба таҳлили хусусиятҳои морфологию синтаксисии ҳиссаҳо равона гардида, ҷанбаҳои муҳимтарини таснифи онҳо аз рӯи замон, намуд ва гарав мавриди омӯзиш қарор мегиранд. Дар доираи таҳқиқ ба тарзи ташаккул ва истифодаи ҳиссаҳои фаъол (ҳақиқӣ) ва ғайрифаъол (маҳкум), хосиятҳои шаклҳои кӯтоҳ ва пурра, инчунин мавқеи онҳо дар сохтори ҷумлаҳо диққати хос зоҳир мешавад. Бо мақсади равшантар нишон додани гуногуннамоии функсионалии ҳиссаҳо, дар мақола мисолҳо аз нутқи илмӣ ва бадеӣ пешниҳод шудаанд, ки ба таври возеҳ имкониятҳои васеи истифодаи ин категорияро дар забон инъикос менамоянд. Ҳамзамон, муаллифон ба мушкилоти асосии омӯзиши ҳиссаҳо, ки донишҷӯёни соҳаи тиб дар раванди азбаркунии забони русӣ ба он рӯбарӯ мешаванд, таваҷҷуҳ зоҳир намуда, роҳҳои муассири бартарафсозии онҳоро пешниҳод менамоянд. Ин таҳқиқот ба таҳкими дониши морфологӣ ва фаҳмиши амиқи вазифаҳои синтаксисии ҳиссаҳо равона гардида, дар маҷмӯъ, ба баланд гардидани сатҳи саводнокӣ ва дақиқии нутқи донишҷӯён мусоидат мекунад.*

Калидвожаҳо: *ҳисса, морфология, синтаксис, пасвандҳои воқеӣ ва пассивӣ, шаклҳои кӯтоҳ ва пурра, забони русӣ.*

GRAMMATICAL FEATURES AND FUNCTIONS OF THE PARTICIPLE AS MULTIFUNCTIONAL CATEGORIES OF THE RUSSIAN LANGUAGE

Alieva N.Sh., Samadova Z.S.
Avicenna Tajik State Medical University

Annotation. *This article considers the participle as a special part of speech in the Russian language, combining the features of a verb and an adjective. Morphological and syntactic features of participles, their classification by time, kind and pledge, as well as their role in the formation of syntactic constructions are analyzed. Special attention is paid to the formation of active and passive participles, their use in various contexts, as well as the peculiarities of short and full forms. The article gives examples from scientific and artistic speech style, illustrating the variety of functions of participles in the language. The main difficulties faced by Russian language learners and ways of overcoming them are also considered. The work is aimed at deepening the understanding of morphological properties of participles and their syntactic role, which contributes to improving literacy and accuracy of speech.*
Keywords: *participles, morphology, syntax, active and passive participles, short and full forms, Russian language.*

Сведения об авторах: **Алиева Нигина Шералиевна –** к.пед.н., заведующая кафедрой русского языка Таджикского государственного медицинского университета имени Абуали ибни Сино, город Душанбе, Республика Таджикистан. **Тел.:** (+992 90) 933 96 36. **E-mail:** nigina.a1973@mail.ru.
Самадова Зебо Саидовна – к.филол.н., доцент кафедры русского языка Таджикского государственного медицинского университета имени Абуали ибни Сино, город Душанбе, Республика Таджикистан. **Тел.:** (+992 90) 420 55 77. **E-mail:** zebosamad1@mail.ru.

УДК 005.95

ЦИФРОВОЙ HR-АЛЬЯНС: КАК УНИВЕРСИТЕТ И БАНК СОВМЕСТНО РАЗВИВАЮТ БУДУЩИХ ЛИДЕРОВ

Ганизода Р.Г.[1], Рахмет-Заде С.Х.[2]
Филиал Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в городе Душанбе[1]
ЗАО «Международный банк Таджикистана»[2]

Аннотация. *Современная экономика требует от будущих специалистов не только глубоких теоретических знаний, но и развитых профессиональных компетенций, которые помогут им успешно адаптироваться к быстро меняющейся финансовой среде. В связи с этим всё больше компаний, включая банки, стремятся к активному сотрудничеству с университетами, создавая прочное партнерство для подготовки будущих лидеров. Сотрудничество между вузами и банками становится эффективной моделью взаимодействия, позволяющей объединить академические знания и практический опыт. Благодаря таким партнерствам студенты получают доступ к реальным бизнес-кейсам, стажировкам, наставничеству и программам обучения, разработанным совместно с банками. Цифровизация играет ключевую роль в этих процессах: онлайн-обучение, HR-аналитика, искусственный интеллект в подборе и развитии персонала, а также цифровые платформы для стажировок позволяют эффективно интегрировать университетское образование с реальными потребностями бизнеса. Международный и отечественный опыт показывают, что Банки активно развивают корпоративные университеты, внедряют цифровые образовательные решения и поддерживают перспективных студентов на всех этапах их профессионального роста.*

Ключевые слова: *управление талантами, банк, университет, партнерство в образовании, развитие персонала, цифровые компетенции, корпоративные университеты, стажировки, HR-аналитика, цифровая трансформация.*

В условиях цифровой трансформации экономики перед организациями остро встаёт проблема дефицита квалифицированных сотрудников с актуальными навыками. Традиционная система высшего образования не всегда успевает за динамично меняющимися требованиями рынка, что приводит к разрыву между навыками выпускников и потребностями работодателей и необходимости более тесной кооперации между университетами и бизнесом для подготовки кадров, готовых к работе в современных условиях.

Стратегическое партнёрство между учебными заведениями и компаниями (в частности, банками) в сфере развития человеческих ресурсов приводит к совместному воспитанию будущих лидеров, обладающих актуальными компетенциями для работы и управления в цифровую эпоху. И это подразумевает не только классическое взаимодействие вуза и работодателя, но и широкое использование цифровых технологий в обучении, а также ориентацию

на навыки, востребованные в условиях цифровой экономики. Университет получает поддержку бизнеса в реализации программ обучения и повышении качества подготовки студентов, а компания – устойчивый приток молодых талантов, знакомых с реальными бизнес-задачами и современной практикой.

Сотрудничество вузов и бизнеса рассматривается современными исследователями как система долгосрочных взаимовыгодных отношений с широким спектром направлений взаимодействия. В отличие от единичных контактов (например, разовых стажировок или консультаций), устойчивый университетско-деловой альянс предполагает регулярное и стратегическое партнерство. Подобный расширенный подход созвучен концепции «трёхзвенной спирали» (triple helix), где университет, бизнес и государство совместно способствуют инновациям и развитию человеческого капитала [1].

С теоретической точки зрения, партнерство между образовательными учреждениями и работодателями приносит выгоду на нескольких уровнях.

Во-первых, в образовательной сфере кооперация с компанией повышает качество подготовки студентов за счёт лучшей привязки знаний и навыков к реалиям рынка труда. Университет, сотрудничая с работодателем, может обновлять учебные программы с учётом современных требований, приглашать практиков для чтения лекций, предоставлять студентам доступ к Case-стади из реального бизнеса. Кроме того, партнёрство позволяет создавать востребованные программы повышения квалификации и переподготовки для сотрудников компаний, реализуя концепцию непрерывного обучения в течение всей жизни.

Во-вторых, в сфере науки и инноваций альянс с бизнесом раскрывает потенциал университетов как источника исследований и разработок. Совместные научно-исследовательские проекты, центры и лаборатории при поддержке компаний повышают инновационный потенциал и конкурентоспособность бизнеса, одновременно повышая актуальность научных исследований в вузе. Компания предоставляет университету необходимые ресурсы – финансирование, оборудование, данные, доступ к инфраструктуре, а взамен получает новые идеи, технологии и возможность решения конкретных прикладных задач. В результате университетско-банковский союз способен генерировать инновации, создавать стартапы и спин-офф компании, тем самым вносить вклад в развитие региона и экономики в целом.

В-третьих, партнёрство в области управления и HR позволяет эффективнее использовать совместные ресурсы и обмениваться лучшими практиками. Банк, будучи высокоорганизованной коммерческой структурой, может помочь университету в развитии компетенций управления и предпринимательства, а университет – поддержать банк в научно-методическом обеспечении обучения

персонала. Таким образом, сотрудничество охватывает подготовку как студентов (будущих работников), так и текущих сотрудников компании, создавая сквозную систему развития человеческого капитала [2].

По данным Boston Consulting Group альянс между вузом и работодателем способен эффективно отвечать на растущие потребности бизнеса в талантах: он обеспечивает надёжный способ сформировать образованную и обученную рабочую силу, сокращает затраты компаний на последующее обучение персонала и повышает производительность труда [3]. Тем не менее, правильно спроектированное, взаимовыгодное и прозрачное сотрудничество помогает преодолеть разрыв между системой образования и потребностями рынка труда. Университеты получают возможность повысить качество образовательных услуг, трудоустройство выпускников и свою роль в инновационной экосистеме, а банки – доступ к перспективным молодым специалистам, адаптированным под задачи бизнеса, и инструмент для непрерывного обучения своих сотрудников. В итоге формируется устойчивая платформа для подготовки будущих лидеров, отвечающих вызовам цифровой экономики [4].

Современный этап развития характеризуется тотальной цифровизацией всех сфер бизнеса, и банковский сектор находится в авангарде этих изменений. Банки внедряют финтех-решения, искусственный интеллект, большие данные, переходят на экосистемные модели обслуживания клиентов. Эти процессы ставят новые требования к компетенциям сотрудников и особенно руководителей. Будущие лидеры в банковской сфере должны не только владеть основами финансов и менеджмента, но и разбираться в IT, аналитике данных, кибербезопасности, agile-методологиях и других атрибутах цифровой эпохи.

Следует подчеркнуть, что формат обучения в рамках таких альянсов тоже претерпевает изменения под влиянием цифровизации. Широко применяются онлайн-курсы, вебинары с участием практиков отрасли, виртуальные тренажёры и симуляции, позволяющие отрабатывать навыки в цифровой среде. По данным исследования корпоративных университетов, уже 85% крупных компаний в 2023 году начали применять технологии искусственного интеллекта при разработке и реализации образовательных программ. AI используется для адаптации учебного контента под потребности учащихся, персонализации траекторий обучения, автоматизированной проверки знаний. В корпоративном университете Сбера, к примеру, внедрён цифровой ассистент на базе ИИ «Истра», помогающий сотрудникам и стажёрам в обучении.

Важно отметить, что цифровая среда делает образование более гибким и доступным, что выгодно как вузам, так и бизнесу. Студенты могут совмещать учёбу с практикой в банке, проходить курсы в удобное время, а банки –

масштабировать обучающие программы на тысячи участников одновременно. Это особенно ценно при работе с массовой аудиторией.

Опыт последних лет демонстрирует множество примеров плодотворного сотрудничества российских вузов и банков, направленного на подготовку молодёжи к лидирующим ролям в отрасли.

1) Один из заметных примеров – партнёрство Т-Банка с Московским государственным техническим университетом имени Н.Э. Баумана. В 2023 году стороны подписали соглашение о расширении совместной работы. В рамках сотрудничества организуются специальные учебные курсы и модули для студентов, проводятся совместные лекции, семинары, дискуссионные площадки с участием экспертов банка. Т-Банк и МГТУ имени Баумана реализуют научно-практические конференции и семинары, где обсуждаются актуальные задачи финансовых технологий, и вместе продвигают научные и образовательные программы. Важной частью альянса стала система стипендий от банка: ежемесячно выплачивает стипендии лучшим студентам, участвующим в совместных программах. Также сотрудники банка читают лекции в университете, делясь практическим опытом. Такой подход не только повышает интерес студентов к банковскому делу и финтеху, но и позволяет банку присматриваться к талантам ещё на этапе их обучения.

2) Стратегия Россельхозбанка заключается в том, чтобы через партнерство с техническими и классическими университетами готовить необходимое число квалифицированных специалистов для своих региональных подразделений. Особый акцент делается на подготовку кадров в сфере информационной безопасности и ИТ, где ощущается наибольший дефицит. Банк организует для студентов стажировки, практику на своих базовых кафедрах, участвует в разработке учебных курсов. Представители РСХБ отмечают, что сотрудничество с вузами помогает целенаправленно воспитывать кадры под свои нужды и смягчать проблему нехватки квалифицированных сотрудников. Таким образом, Россельхозбанк выстраивает своего рода практико-ориентированную экосистему обучения по всей стране, инвестируя в человеческий капитал для будущего роста [5].

3) Сбер – один из лидеров по числу и масштабам образовательных коллабораций. По словам руководителя Дирекции академических партнерств Сбера, на сегодня банк в различных форматах взаимодействует примерно с 300 вузами-партнёрами по всей России. Из них около 40 университетов участвуют в углубленных совместных программах обучения по приоритетным для банка направлениям (как упоминалось: ИТ, ИИ, финансы и др.). Сбер организует базовые кафедры в ряде ведущих вузов, где часть дисциплин ведут приглашенные специалисты банка. Также реализуются программы двойных

дипломов и магистратуры под запрос: например, некоторые магистерские программы в партнерских вузах разработаны совместно со Сбером, и выпускники получают не только диплом, но и гарантированную возможность стажировки в банке. Существенным плюсом такого подхода оказалось то, что выпускники совместных программ, приходя на работу в Сбер, демонстрируют большую лояльность – они дольше остаются в компании по сравнению с теми, кто пришёл со стороны. Фактически, банк выращивает «своих» будущих лидеров, знакомых с корпоративной культурой и ценностями Сбера с университетской скамьи. Помимо этого, Сбер поддерживает студенческие инновации: вместе с вузами проводятся хакатоны, конкурсы стартапов, работают акселерационные программы для молодых предпринимателей – это расширяет кругозор студентов и даёт банку доступ к перспективным идеям и командам [6].

Форматы варьируются от создания именных стипендий и проведения совместных кейс-чемпионатов до открытия на базе университетов отраслевых лабораторий. К примеру, Т-банк совместно с МГУ имени М.В. Ломоносова запустил лабораторию риск-аналитики при кафедре финансов – студенты получают доступ к реальным банковским данным (обезличенным) и решают задачи по управлению рисками, готовясь к работе аналитиками. Подобные учебно-практические центры позволяют синтезировать академическое обучение с непосредственной практикой в банке, что существенно повышает качество подготовки.

Практика альянсов между вузами и бизнесом распространена по всему миру, и банковский сектор – не исключение. Например, в США страховая компания BlueCross BlueShield of Tennessee совместно с Восточно-Теннесийским государственным университетом (ETSU) создали учебную программу BlueSky Tennessee Institute, нацеленную на подготовку специалистов в области технологий. Студенты, поступившие в эту программу, могут за сокращённое время получить степень в области компьютерных наук, параллельно проходя практику и работая над проектами под руководством сотрудников компании. Сотрудники BlueCross выступают менторами для студентов, а набор участников специально ориентирован на выпускников школ из числа малообеспеченных слоёв населения, чтобы дать шанс талантливой молодёжи построить карьеру в IT.

Другой пример: канадский банк BMO (Bank of Montreal) известен тем, что создал собственный корпоративный университет для развития лидерских компетенций сотрудников и активно сотрудничает с канадскими вузами в рамках стажёрских программ. Банк отмечен наградами за такие инициативы, которые обеспечивают непрерывное развитие навыков работников в соответствии с новыми цифровыми тенденциями.

В Европе широко распространена модель дуального образования, в которой банки (например, Deutsche Bank, Santander и др.) заключают соглашения с бизнес-школами и университетами: студенты поочередно обучаются в вузе и работают в банке, совмещая теорию с практикой. Это позволяет воспитать новое поколение банковских менеджеров, обладающих как прочной академической базой, так и реальным опытом работы [7].

В этом же срезе приведем в пример успешное сотрудничество филиала Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в городе Душанбе с Международным банком Таджикистана в рамках проекта по «обучению» искусственного интеллекта таджикскому языку. Уникальная для таджикской образовательной и финансовой площадок инициатива была направлена на реализацию целей Годов развития цифровой экономики и инноваций в Республике Таджикистан (2025-2030 годы). Уникален Проект и в том, что в его реализацию, помимо узкопрофильных специалистов, были вовлечены 97 сотрудников и студентов филиала Московского университета в Душанбе, которые внесли существенный вклад в развитие многоязычных платформ искусственного интеллекта, в частности подготовку таджикского сегмента языковых корпусов ИИ, озвучку и анализ текстов, создание диалоговых шаблонов, а также верификацию данных для языковых моделей.

Ожидается, что коллаборация филиала Московского университета в Душанбе и Международного банка Таджикистана в панораме этого проекта заложит основу для их дальнейшего взаимодействия по многогранным сферам совершенствования ИИ, финтеха и цифрового образования.

Проект, продлившийся с января по апрель 2025 года, стал для студентов душанбинского филиала Московского университета актуальной платформой по содействию цифровой трансформации приоритетных областей национальной экономики и популяризации таджикского языка в условиях стремительного развития «цифры». Более того, «цифровой» диалог университета и банка сформировал у студентов четкое представление о реализуемых государством и бизнесом инициативах в области науки и технологий.

Приведённые примеры подтверждают, что HR-альянсы между университетами и банками могут быть разноплановыми, но все они направлены на достижение сходных результатов: обеспечить приток квалифицированных молодых специалистов, сократить затраты на их дообучение и адаптацию, а также повысить инновационный потенциал организации.

Оценить эффективность HR-альянсов можно по нескольким критериям:

- трудоустройство и удержание молодых специалистов. Согласно данным Сбера выпускники, прошедшие через совместные университетско-банковские

программы, более успешно интегрируются в работу банка и демонстрируют высокую лояльность, снижая текучесть кадров на входящих позициях;

- компании получают сотрудников с уже сформированными компетенциями, что экономит время на их обучение;
- качественные показатели: молодые специалисты, прошедшие практику в реальных проектах банка, склонны демонстрировать лучшие результаты работы, более проактивны и инновационны, они лучше понимают культуру организации и процессы, так как фактически росли внутри этой среды.

Международный опыт показывает, что цифровой HR-альянс между вузами и банками становится стратегически важным. Банки инвестируют в образование и технологии, вузы адаптируют программы под запросы цифровой экономики. Такой симбиоз помогает снижать дефицит квалифицированных кадров и формировать у молодых специалистов навыки, необходимые для работы в современных банках. В 2024 году за рубежом наблюдался схожий вектор: интеграция образования, бизнеса и HR-технологий ради подготовки конкурентоспособных кадров для цифровой финансовой индустрии.

Развитие человеческих ресурсов в Таджикистане в последние годы приобретает особую актуальность. Молодые специалисты становятся стратегическим ресурсом для устойчивого развития экономики, особенно в таких секторах, как финансы, информационные технологии и предпринимательство. В этой связи важно отметить, что в стране постепенно выстраивается система взаимодействия между академическим сообществом и деловыми структурами, направленная на подготовку конкурентоспособных, ориентированных на результат профессионалов.

Примером эффективной модели может служить сотрудничество Международного банка Таджикистана и филиала МГУ в Душанбе, где партнёрство выходит за рамки разовых проектов и начинает формировать устойчивую образовательную среду. Помимо инвестиций в инфраструктуру, стороны рассматривают возможности для совместных образовательных инициатив: от программ стажировок до курсов по финансовой грамотности и проектной деятельности студентов. Подобный формат взаимодействия позволяет вовлекать молодёжь в реальный бизнес-контекст уже в процессе обучения, укрепляя их профессиональные и личностные компетенции.

На сегодняшний день в команде Международного банка Таджикистана успешно трудятся 16 выпускников душанбинского филиала Московского университета, что наглядно демонстрирует эффективность выстроенного партнёрства между образовательным учреждением и финансовым институтом.

Особенно примечательно, что 10 из них работают в сфере информационных технологий, занимая ключевые позиции в направлениях цифровой

трансформации, разработки программных решений и поддержки банковских ИТ-систем. Это свидетельствует о высоком уровне подготовки студентов, особенно в области цифровых компетенций, и подтверждает актуальность интеграции академического образования с реальными потребностями бизнеса.

Именно такие формы партнёрства открывают перед молодыми специалистами Таджикистана перспективы карьерного роста внутри страны, снижая «утечку мозгов» и формируя национальный резерв, способный отвечать на вызовы цифровой экономики.

Цифровой HR-альянс между университетом и банком зарекомендовал себя как эффективный инструмент развития будущих лидеров, отвечающих вызовам времени. Он базируется на принципах взаимной выгоды и стратегического партнёрства: университет адаптирует свои образовательные программы к потребностям современного банковского рынка, а банк получает специалистов, подготовленных с учётом специфики его деятельности. В совместных программах обучения студенты осваивают не только академические знания, но и приобретают ценный практический опыт, работая над реальными задачами под руководством опытных наставников. Для самих молодых специалистов это повышает шансы на успешное начало карьеры, а для банков – снижает риски при найме и формирует корпоративную культуру непрерывного обучения. Готовя лидеров нового поколения совместно, университет и банк могут более оперативно обновлять содержание образования, внедрять новые технологии в обучение и тем самым формировать у выпускников актуальные компетенции – от навыков работы с большими данными до умения управлять изменениями.

Фактически стираются границы между университетским образованием и корпоративным обучением, образуя единую экосистему подготовки талантов. Будущие лидеры, выходящие из этой экосистемы, обладают уникальным сочетанием глубоких теоретических знаний и хорошо отточенных практических навыков, а также понимают культуру инноваций и клиенториентированности, присущую современному банковскому бизнесу.

Можно ожидать, что в ближайшие годы цифровые HR-альянсы будут только набирать силу. Всё больше банков и других компаний будут стремиться напрямую участвовать в образовательном процессе, а университеты – укреплять связи с индустрией. Это является естественным ответом на вызовы времени и запросы рынка труда. В итоге выигрывают все стороны: молодёжь получает качественное образование и работу по специальности, университеты – повышение престижности и дополнительное финансирование, бизнес – компетентных сотрудников и инновации, государство – экономический рост и социальную стабильность. Поддержка и развитие таких альянсов представляет

собой инвестицию в человеческий капитал, без которого невозможно построить конкурентоспособную цифровую экономику.

Литература

1. Сидорова А.А. Сотрудничество университетов и бизнеса: направления взаимодействия [Текст]: / А.А. Сидорова // Вестник РУДН. Серия: Экономика, 2019. – №2. – С. 290-302.
2. Меликян А.В. Типология результатов сотрудничества российских вузов с бизнесом [Текст]: / А.В. Меликян // Высшее образование в России. 2024. – Т. 33. – №11. – С. 108-131.
3. Litman S. et al. How Higher Ed and Employers Can Partner to Power Talent Pipelines // BCG Publication, Oct 19, 2022.
4. Меликян А.В. Типология результатов сотрудничества российских вузов с бизнесом [Текст]: / А.В. Меликян // Высшее образование в России. 2024. – №11.
5. IT замену: банки наращивают сотрудничество с российскими вузами. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://iz.ru/1488257/mariia-frai/it-zamenu-banki-narashchivaiut-sotrudnichestvo-s-rossiiskimi-vuzami (дата обращения: 26.03.2025).
6. BlueSky Tennessee Tech Program Addresses Talent Gap – BCBST/ETSU Case. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.bcg.com/publications/2022/bridging-the-talent-gap-by-partnering-with-higher-ed-nstitutions# (дата обращения: 26.03.2025).

ИТТИҲОДИ РАҚАМӢ ДАР СОҲАИ ИДОРАКУНИИ ЗАХИРАҲОИ ИНСОНӢ (HR): ҲАМКОРИИ ДОНИШГОҲ ВА БОНК ДАР ТАРБИЯИ РОҲБАРОНИ ОЯНДА

Ғанизода Р.Ғ.[1], Раҳмет-Заде С.Ҳ.[2]
Филиали Донишгоҳи давлатии Москва ба номи М.В. Ломоносов дар шаҳри Душанбе[1]
ҶСП «Бонки байналмилалии Тоҷикистон»[2]

Аннотатсия. *Иқтисодиёти муосир аз мутахассисони оянда на танҳо дониши амиқи назариявӣ, балки малака ва салоҳиятҳои касбиро талаб менамояд, ки ба онҳо имконият медиҳанд дар муҳити зудтағйирёбандаи молиявӣ ба осонӣ мутобиқ шаванд. Аз ин рӯ, шумораи ҳарчи бештари ширкатҳо, аз ҷумла бонкҳо, ба ҳамкорӣ бо муассисаҳои таҳсилоти олӣ таваҷҷуҳ зоҳир мекунанд, то шарикии устувореро барои тарбияи роҳбарони оянда ташкил намоянд. Ҳамкории байни муассисаҳои таҳсилоти олӣ ва бонкҳо ба модели самарабахши ҳамдигарфаҳмӣ табдил ёфтааст, ки донишҳои академӣ ва таҷрибаи амалиро ба ҳам мепайвандад. Бо шарофати чунин шарикӣ, донишҷӯён ба масъалаҳои воқеии тиҷоратӣ, таҷрибаомӯзиҳо, барномаҳои устодӣ ва омӯзиш дастрасӣ пайдо мекунанд, ки дар ҳамкорӣ бо бонкҳо таҳия шудаанд. Рақамисозӣ дар ин раванд нақши калидӣ мебозад: омӯзиши фосилавӣ, таҳлили захираҳои инсонӣ (HR-аналитика), истифодаи зеҳни сунъӣ дар интихоб ва рушди кадрҳо, инчунин, платформаҳои рақамӣ барои таҷрибаомӯзӣ имконият медиҳанд, ки таҳсилоти донишгоҳ бо талаботи воқеии бозори меҳнат самаранок муттаҳид карда шавад.*

Таҷрибаи байналмилалӣ ва миллӣ нишон медиҳад, ки бонкҳо донишгоҳҳои корпоративиро фаъолона рушд дода, ҳалли рақамии соҳаи маорифро ҷорӣ менамоянд ва донишҷӯёни умедбахшро дар тамоми марҳилаҳои ташаккули касбии онҳо дастгирӣ мекунанд.
Калидвожаҳо: *идоракунии истеъдодҳо, бонк, донишгоҳ, ҳамкорӣ дар соҳаи маориф, рушди кадрҳо, маҳорати рақамӣ, донишгоҳҳои корпоративӣ, таҷрибаомӯзӣ, таҳлили захираҳои инсонӣ (HR-аналитика), табдили рақамӣ.*

DIGITAL HR ALLIANCE: HOW UNIVERSITY AND BANK JOINTLY DEVELOP FUTURE LEADERS

Ghanizoda R.G.[1], Rahmet-Zadeh S.Kh.[2]
Lomonosov Moscow State University in Dushanbe[1]
CJSC «International Bank of Tajikistan»[2]

Annotation. *Modern economy requires from future specialists not only deep theoretical knowledge, but also well-developed professional competences that will help them successfully adapt to the rapidly changing financial environment. In this regard, more and more companies, including banks, seek active co-operation with universities, creating strong partnerships to train future leaders. Co-operation between universities and banks is becoming an effective model of interaction, allowing to combine academic knowledge and practical experience. Through such partnerships, students have access to real business cases, internships, mentoring and training programs developed together with banks. Digitalization plays a key role in these processes: online learning, HR analytics, artificial intelligence in recruitment and staff development, and digital internship platforms make it possible to effectively integrate university education with real business needs. International and Russian experience shows that Banks are actively developing corporate universities, implementing digital educational solutions and supporting promising students at all stages of their professional development.*
Keywords: *talent management, bank, university, partnership in education, personnel development, digital competences, corporate universities, internships, HR analytics, digital transformation.*

Сведения об авторах: **Ганизода Рустам Гафур** – д.э.н., доцент, исполнительный директор филиала Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в городе Душанбе, город Душанбе, Республика Таджикистан. **Тел.:** (+992 94) 022 00 01. **E-mail:** r.ganiev@msu.tj.
Рахмет-Заде Ситора Хуршедовна – руководитель Службы HR ЗАО «Международный банк Таджикистана», город Душанбе, Республика Таджикистан. **Тел.:** (+992 93) 440 33 43. **E-mail:** s.rahmetzade@ibt.tj.

УДК 81.1

РЫНОК ТРУДА ТАДЖИКИСТАНА: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Шодибеки С.
Филиал Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в городе Душанбе

Аннотация. *В статье рассматриваются основные факторы, которые влияют на структуру и тенденцию развития рынка труда в Республике Таджикистан. Проанализированы основные демографические показатели республики и индикаторы современного рынка труда Таджикистана. Рынок труда находится под воздействием множества детерминантов, которые оказывают влияние на его состояние и динамику развития. Современные информационные и коммуникационные технологии влияют на гибкость рынка труда, так как они позволяют работнику осуществлять свою трудовую деятельность удаленно, что способствует формированию как новых возможностей, так и угроз. Современное состояние рынка труда показывает возрастающую потребность в высококвалифицированных, вооруженных знаниями в области ИКТ кадров на всех уровнях производственного процесса.*
Ключевые слова: *рынок труда, детерминанты рынка труда, занятость, безработица, инновация, цифровизация.*

Сегодня современный мир находится у истоков кардинальных изменений. Появляются новые, инновационные техники и технологии производства, происходят национальные, региональные и глобализационные экономические преобразования, которые охватывают как культурные, так и экономические, финансовые и трудовые аспекты жизнедеятельности человека. Динамика инновационных процессов и внедрения результатов инновационной деятельности являются беспрецедентно быстрыми. Таджикистан как часть мирового сообщества реализует национальные, инновационные и цифровизационные стратегии, концепции и программы чтобы не отставать от темпа мировых экономических, политических и культурных преобразований. Следует отметить, что в 2019 году Правительством РТ была принята Концепция цифровой экономики в Республике Таджикистан, целью которой является достижение высшей цели долгосрочного развития Республики Таджикистан.

Необходимо отметить, что в республике реализуются инновационные программы в рамках Национальной стратегии развития на период до 2030 года. Разработана концепция цифровой экономики Республики Таджикистан и на основе данной концепции будут разработаны и реализованы соответствующие программы.

Лидер Нации, Президент республики Эмомали Рахмон в Послании Маджлиси Оли Республики Таджикистан «Об основных направлениях

внутренней и внешней политики республики» от 26 января 2021 года уделил особое внимание противостоянию угрозам и кризисам, формированию нацеленных на развитие финансовых возможностей и ресурсов, обеспечению многовекторности экономики, расширению процесса цифровизации, финансового доступа и поддержки предпринимательства, решению социальных проблем населения республики, готовности к последствиям изменения климата, перехода на «зеленую» экономику [1].

Также отмечаются приоритетные направления развития экономической, социальной, культурной и политической жизни страны. Особое внимание уделяется развитию человеческого капитала, подготовке высококвалифицированных специалистов, формированию и развитию основ для инновационной, цифровой и зеленой экономики. Это говорит о том, что рынок труда Республики Таджикистан должен соответствовать предстоящим вызовам и изменениям.

В условиях таких культурных, социальных, экономических и технологических преобразований рынок труда тоже изменяется. Он находится под воздействием множества детерминантов, которые оказывают влияние на его состояние и динамику развития. Современные информационные и коммуникационные технологии влияют на гибкость рынка труда, так как они позволяют работнику осуществлять свою трудовую деятельность удаленно, что формирует не только новые возможности, но и угрозы. В таких условиях вероятность формирования и развития неформальной экономики и занятости высока.

Важнейшие факторы, которые оказывают влияние на динамику развития и структуру рынка труда являются уровень рождаемости и демографическая ситуация в целом, темпы экономического роста и состояние национальной экономики, спрос и предложение на рынке труда, результаты инновационной деятельности, НТП и другие.

Рисунок 1 – Основные демографические показатели Республики Таджикистан (тыс. человек) [2, с. 26].

На вышеизложенном рисунке приведены основные демографические показатели. Как показывает анализ, численность постоянного населения республики имеет положительную динамику развития и за отчетный период она выросла на 2457,2 тысячи человек. В относительных измерениях рост составляет 32,34 %. За анализируемый период численность населения трудоспособного возраста увеличилась на 1255,8 тысяч человек, в процентном соотношении рост составляет 27,61%.

Экономисты полагают, что рост населения является импульсом роста экономики и мы солидарны с этим тезисом. Практика показывает, что в странах с высоким темпом экономического роста часто наблюдается высокий темп рождаемости и прироста населения. Следует также отметить, что высокий рост населения может стать причиной высокого уровня безработицы, если темпы экономического роста отстают от темпа прироста населения. В таких условиях рынок труда следует охарактеризовать как трудоизбыточный [3, с. 24-25], что наблюдается по мнению автора на рынке труда Республики Таджикистан. О росте населения также свидетельствует увеличение инвестиций в инфраструктуры и экономическая активность.

Согласно НСР на период до 2030 года, население Республики Таджикистан должно превышать 11 миллионов. По нашему мнению, данная цель является достижимой, учитывая темпы прироста населения.

Как показывает анализ, численность трудоспособного возраста тоже является значительным и за анализируемый период показывает положительную динамику роста (рисунок 1). С нашей точки зрения, такая динамика может свидетельствовать о росте производительности, расширении рынка труда, потребительского спроса, потенциале для экономического роста и т.д. Также она может оказать давление на рынок труда, если не создаётся достаточное количество новых свободных рабочих мест, вследствие чего, как уже было сказано, возникает избыток рабочей силы.

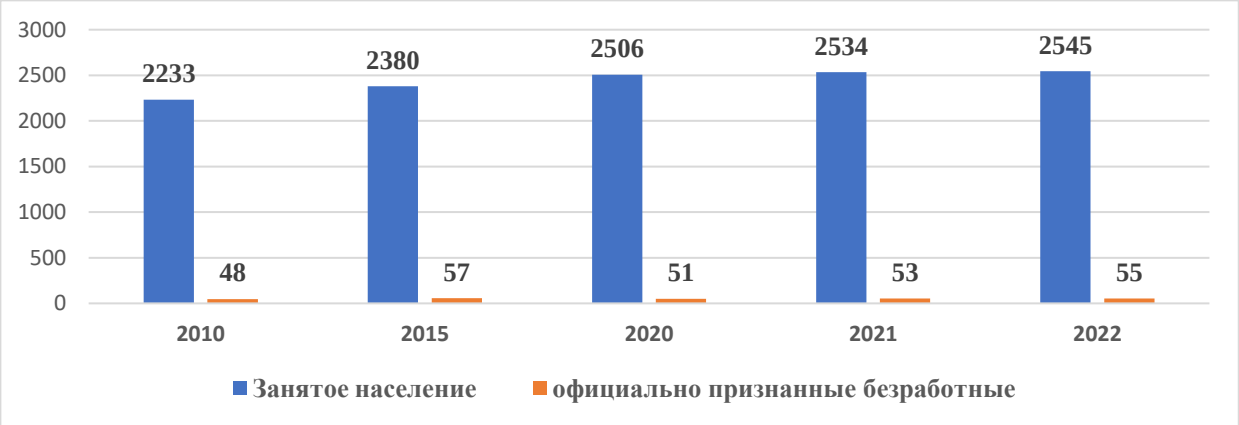


Рисунок 2 – Основные показатели рынка труда РТ в среднем за год (тыс. человек) [4, с. 81].

На рисунке 2 приведены основные показатели рынка труда Республики Таджикистан. Как показывает анализ, уровень занятости населения год за годом увеличивается и за отчетный период он вырос на 13,97 %, а уровень официально признанных безработных вырос на 14,58%. Используя метод сравнительного анализа данных рисунка 1 и 2, можно сделать выводы, о том, что темпы роста экономики за отчетный период отстает от темпа рождаемости. Но как показывает Отчёт Всемирного банка показывает, что за последнее время экономика Таджикистана продемонстрировала высокий уровень роста, в среднем на 7.1 % [5].

Официально признанные безработные тоже год за годом растут. Но анализы показывают, что численность официально признанных безработных к экономически активному населению за отчетный период в среднем составляет 2,1%.

Необходимо отметить, что современное состояние рынка труда показывает возрастающую потребность в высококвалифицированных, вооруженных знаниями в области ИКТ кадров на всех уровнях производственного процесса. Возникает потребность разработки механизмов повышения качества рабочей силы по направлениям цифровой диверсификации в долгосрочной перспективе. В условиях цифровизации производства приоритетным направлением

повышения качества рабочей силы следует признать инновационную составляющую качества рабочей силы, которая характеризуется уровнем знаний и опыта внутренней мотивации, степенью креативного, творческого мышления.

Как было отмечено, в республике реализуется два основополагающих документа: НСР на период до 2030 года и Концепция цифровой экономики в Республике Таджикистан до 2040 года и на основе которых будут разработаны и реализованы соответствующие программы.

Для эффективного управления процессами обеспечения населения занятостью согласно данной концепции будет создана единая платформа, агрегирующая аналитическую и статистическую информацию о рынке труда [6, с. 259-265].

Основополагающий посыл согласно вышеперечисленным стратегией и концепцией является переход к новой модели экономического развития, а именно к индустриально-инновационной, инновационной, инновационно-цифровой и, в конечном итоге, цифровой (зеленой) экономике. Это говорит о том, что рынок труда и его тенденция развития должны соответствовать социально-экономическим изменениям, концепциям, стратегиям и программам.

Таким образом, следует утверждать, что цифровая экономика приведет к возникновению «умных» производств и повышению цифровой грамотности у работников. Но стоит не забывать об отрицательных сторонах данной сферы: засорение информационного пространства, нарушение безопасности конфиденциальности личных данных населения, дефицит высокообразованных кадров, а также появление большого количества безработных людей, которые появились в результате внедрения цифровой экономики.

И все же, развитие цифровой экономики имеет больше положительных качеств, поэтому усиливается необходимость развивать данное направление экономики и внедрять в регионы страны.

Литература

1. Послание Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона Маджлиси Оли Республики Таджикистан «Об основных направлениях внутренней и внешней политики республики» от 26 января 2021 года.
2. Статистический ежегодник Республики Таджикистан. Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан. 2023. – С. 26.
3. Ашуров С.Б. О связи профессионального образования с рынком труда. «Рынок труда». 2024. – № 1(60). – С. 24-25.
4. Статистический ежегодник Республики Таджикистан. Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан. 2023. – С. 81.
5. Электронный ресурс. Режим доступа: https//www.vsemirnyjbank.org.

6. Шодибеки Сафар. Концепция цифровой экономики в Республике Таджикистан в контексте четвертой промышленной революции // Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 115-летию академика Бободжона Гафурова. – Душанбе, 2023. – С. 259-265.
7. Ганиев Р.Г. Роль и значение финансовых технологий в цифровизации банковских услуг / Р.Г. Ганиев // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). 2020. – № 1(69). – С. 69-75.

БОЗОРИ МЕҲНАТИ ТОҶИКИСТОН: ВАЗЪИ МУОСИР ВА ТАМОЮЛИ РУШД

Шодибеки С.
Филиали Донишгоҳи давлатии Москва ба номи М.В. Ломоносов дар шаҳри Душанбе

Аннотатсия. *Дар мақола омилҳои асосие, ки ба сохтор ва тамоюлҳои рушди бозори меҳнат дар Ҷумҳурии Тоҷикистон таъсир мерасонанд, баррасӣ карда мешаванд. Нишондиҳандаҳои асосии демографӣ ва индикаторҳои бозори меҳнати муосири Тоҷикистон таҳлил гардидаанд. Бозори меҳнат таҳти таъсири детерминантаҳои гуногун қарор дорад, ки ба ҳолат ва динамикаи рушди он таъсир мерасонанд. Технологияҳои муосири иттилоотӣ ва коммуникатсионӣ ба чандирии бозори меҳнат таъсир расонида, ба кормандон имкон медиҳанд, ки фаъолияти меҳнатии худро аз роҳҳои фосилавӣ анҷом диҳанд, ки ин ҳам имкониятҳои нав эҷод мекунад ва ҳам таҳдидҳо ба миён меорад. Вазъи кунунии бозори меҳнат ниёзманди афзояндаи мутахассисони баландихтисосро нишон медиҳад, ки бо донишҳои соҳаи ТИК (технологияҳои иттилоотӣ ва коммуникатсионӣ) мусаллаҳ мебошанд ва дар ҳамаи сатҳҳои раванди истеҳсолот заруранд.*
Калидвожаҳо: *бозори меҳнат, детерминантаҳои бозори меҳнат, шуғл, бекорӣ, инноватсия, рақамикунонӣ.*

LABOR MARKET OF TAJIKISTAN: CURRENT STATE AND DEVELOPMENT TRENDS

Shodibeki S.
Lomonosov Moscow State University in Dushanbe

Annotation. *The article examines the main factors influencing the structure and development trends of the labor market in the Republic of Tajikistan. The key demographic indicators of the country and the indicators of the modern labor market in Tajikistan are analyzed. The labor market is influenced by multiple determinants that affect its state and dynamics of development. Modern information and communication technologies impact the flexibility of the labor market, as they enable workers to perform their tasks remotely, creating both new opportunities and threats. The current state of the labor market indicates a growing demand for highly qualified specialists equipped with knowledge in the field of ICT at all levels of the production process.*
Keywords: *labor market, labor market determinants, employment, unemployment, innovation, digitalization.*

***Сведения об авторе*: Шодибеки Сафар** – к.э.н., заместитель исполнительного директора по учебной работе филиала Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в городе Душанбе, город Душанбе, Республика Таджикистан. **Тел.:** (+992 91) 853 52 12. **E-mail.:** sh.safar@msu.tj.

УДК 330.3

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ ТАДЖИКИСТАНА: ВЛИЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ В КОНТЕКСТЕ ПОСЛАНИЯ ПРЕЗИДЕНТА ПАРЛАМЕНТУ В 2024 ГОДУ

Комилова Х.Г., Ризоев А.Ш.
Филиал Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в городе Душанбе

Аннотация. *В статье рассматриваются ключевые направления цифровизации экономики Республики Таджикистан в контексте глобальной цифровой трансформации и Послания Президента Эмомали Рахмона парламенту в 2025 году. Анализируются основные вызовы и достижения в сфере цифрового развития, включая создание цифровой инфраструктуры, развитие электронного правительства, цифрового образования и внедрение инноваций. Особое внимание уделяется международному сотрудничеству в ИКТ-секторе, цифровому суверенитету, цифровому разрыву и роли экономики знаний как основы устойчивого роста. Представлены примеры международного опыта, которые могут быть адаптированы для Таджикистана, а также даны практические рекомендации по усилению цифровой повестки в национальной стратегии и внешней политике. Отдельный акцент сделан на важности подготовки ИКТ-кадров и партнерства с зарубежными университетами.*
Ключевые слова: *цифровизация, цифровая экономика, цифровой суверенитет, цифровая дипломатия, международное сотрудничество, электронное правительство, ИКТ, цифровое образование, цифровой разрыв, экономика знаний, Таджикистан, Послание Президента, технологическое развитие.*

В условиях ускоряющейся цифровой трансформации глобальной экономики Республика Таджикистан всё активнее внедряет цифровые технологии во все сферы своей социально-экономической жизни. Цифровизация становится неотъемлемой частью государственной стратегии и рассматривается как ключевой драйвер устойчивого роста, повышения конкурентоспособности и модернизации национальной инфраструктуры. В Послании Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона парламенту в 2024 году особое внимание было уделено вопросам технологического суверенитета, цифровой экономики и международного сотрудничества в ИКТ-сфере [1]. В последние годы Таджикистан принял ряд стратегических документов, направленных на цифровую трансформацию. В частности, Стратегия цифровой экономики до 2040 года определяет основные направления цифрового развития страны, включая развитие цифровой инфраструктуры, электронного правительства, цифрового образования и здравоохранения [2]. Одновременно реализуется Программа цифровизации государственных услуг на 2023–2027 годы,

охватывающая более 200 электронных сервисов. Созданы первые технопарки и инкубаторы инноваций, развивается цифровая платформа государственных услуг «е-Ҳукумат».

Необходимо подчеркнуть, что электронное правительство – это глобальное явление, которое использует возможности информационных систем (ИС) и информационных технологий (ИТ) для предоставления государственных услуг и управления на местном, муниципальном или даже национальном уровне. Оно направлено на то, чтобы сделать правительство цифровым взаимодействием с гражданами (правительство-гражданин), с другими государственными учреждениями (правительство-правительство), с сотрудниками (правительство-сотрудники или) и с бизнесом (правительство-бизнес) [3, с. 25].

В апреле текущего года в рамках ICT Week состоялась презентация Единого государственного портала EGOV.TJ, созданного Агентством инноваций и цифровых технологий Республики Таджикистан. Этот новый цифровой ресурс является частью государственной программы цифровизации и направлен на объединение онлайн-ресурсов государственных структур, а также на предоставление государственных услуг в электронном формате.

EGOV.TJ представляет собой универсальную платформу для создания официальных веб-ресурсов всех государственных организаций страны. На сегодняшний день уже технически готовы более 40 сайтов различных министерств и ведомств, включая сайт мэрии Душанбе и Генеральной прокуратуры. Эти ресурсы разрабатываются в рамках проекта ЕПИР и будут интегрированы в единый портал.

Одной из главных задач платформы является стандартизация: если ранее каждое ведомство разрабатывало и поддерживало свой сайт по индивидуальным стандартам, теперь все сайты будут создаваться и управляться в рамках единого визуального и технического формата. EGOV.TJ также будет собирать актуальную информацию о деятельности государственных органов и публиковать новости.

Разработка портала началась в сентябре прошлого года. Уже в ноябре были готовы первые 10 сайтов, и их число продолжает расти. Новые ресурсы будут добавляться по мере завершения соглашений с соответствующими ведомствами [4].

Однако уровень цифровизации остаётся недостаточным по сравнению с глобальными стандартами. Ограниченный доступ к интернету в отдалённых регионах, нехватка квалифицированных кадров, слабое внедрение цифровых решений в бизнес-среде – это вызовы, требующие системного подхода и международной поддержки.

В современных исследованиях всё чаще акцент делается на понятии цифрового суверенитета, подразумевающего способность государства контролировать свои цифровые ресурсы, инфраструктуру и данные, защищая их от внешнего вмешательства. В этом контексте развивается и цифровая дипломатия – новая форма международного взаимодействия, основанная на продвижении национальных интересов в киберпространстве и формировании глобальных цифровых стандартов. Одной из острых проблем остаётся цифровой разрыв (digital divide) – неравенство в доступе к цифровым технологиям между странами, регионами и социальными группами. Наконец, важным стратегическим ориентиром становится экономика знаний, где человеческий капитал, инновации и технологии выступают основными факторами экономического роста. Понятие «цифровой разрыв» возникло как следствие развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Этот термин вошёл в научный оборот в 1990-е годы XX века и поначалу обозначал лишь неравенство доступа различных социальных групп к ИКТ.

Спустя десятилетие понятие «цифровой разрыв» стало трактоваться значительно шире: оно охватывало не только техническую доступность ИКТ, но и способность пользователей эффективно применять эти технологии. Под этой способностью подразумевались такие компоненты, как навыки работы с ИКТ, доступность релевантного контента и когнитивные способности пользователей – одним словом, все факторы, влияющие на то, как люди используют современные ИКТ.

Важно отметить, что в современных исследованиях наряду с термином «цифровой разрыв» всё чаще употребляется понятие «цифровое неравенство» Более того, ряд авторов определяет «цифровой разрыв» как новую форму социальной дифференциации, обусловленную неравенством возможностей использования современных ИКТ. Столь широкая интерпретация связана с тем, что цифровой разрыв ныне рассматривается в качестве фактора, усиливающего процессы социальной дифференциации [5, с. 125].

Президент в своём Послании 2025 года подчеркнул необходимость «создания сильной технологической базы, которая обеспечит интеграцию Таджикистана в глобальную цифровую систему» [1]. Он отметил, что цифровизация должна быть не только внутренней задачей, но и частью внешнеполитической повестки страны. В этом ключе международные партнёрства играют важную роль в развитии цифровой экономики Таджикистана. Сотрудничество с такими организациями, как Всемирный банк, Азиатский банк развития, Программа развития ООН и ШОС, позволяет республике привлекать инвестиции, технологии и экспертную поддержку [6]. В рамках инициативы «Цифровой шелковый путь» Таджикистан участвует в строительстве трансграничной

цифровой инфраструктуры совместно с Китаем, включая прокладку оптоволоконных линий связи, развитие дата-центров и обеспечение кибербезопасности [7].

Международные партнёрства способствуют передаче технологий, инвестициям в цифровую инфраструктуру и подготовке кадров, что особенно важно для таких развивающихся стран, как Таджикистан [6].

Цифровизация в контексте национальной стратегии

Послание Президента 2025 года акцентирует внимание на необходимости перехода к экономике знаний и внедрению цифровых решений во всех секторах. В частности, обозначены следующие направления:

- Цифровизация государственного управления и сервисов (электронные документы, цифровые удостоверения);
- Развитие IT-сектора как стратегической отрасли;
- Стимулирование стартапов и инновационной предпринимательской среды;
- Внедрение цифровых решений в агросектор (точное земледелие);
- Поддержка программ цифрового образования [1].

Для реализации этих задач необходима консолидация усилий государства, частного сектора и международных партнёров.

Среди заметных проектов можно отметить:

- Платформа «Таможенная служба онлайн» (снижение коррупции и ускорение внешнеторговых операций);
- Программа цифрового образования при поддержке ПРООН, охватившая более 100 школ;
- Проект «Smart City» в Душанбе (камеры видеонаблюдения, интеллектуальное управление транспортом);
- Платформа онлайн-услуг в сельском хозяйстве с погодным прогнозом и ценами на рынке [7].

Эти инициативы демонстрируют потенциал цифровых технологий для повышения эффективности и прозрачности управления.

В условиях ускоренной цифровизации особое значение приобретает развитие цифрового образования, направленного на подготовку квалифицированных кадров в области информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). В Республике Таджикистан наблюдается положительная динамика в подготовке ИКТ-специалистов. Среди ведущих вузов, активно развивающих цифровые компетенции, стоит отметить Филиал МГУ в городе Душанбе, Таджикский технический университет имени академика М.С. Осими, и Академию государственного управления при Президенте РТ. Эти учреждения не только сотрудничают с университетами России, Германии, Китая и Индии, но и

внедряют в учебный процесс курсы по большим данным, машинному обучению и разработке программного обеспечения, формируя фундамент для технологического суверенитета страны [8].

Несмотря на прогресс, цифровизация в Таджикистане сталкивается с рядом проблем. Среди ключевых вызовов:

- недостаток квалифицированных кадров в области ИКТ;
- цифровое неравенство между городскими и сельскими регионами;
- слабое развитие цифровых навыков среди населения;
- нехватка инвестиций в инновационные стартапы [9].

Президент в Послании 2025 года обозначил необходимость укрепления сотрудничества с международными университетами, повышения качества ИТ-образования и создания национальных инкубаторов цифровых стартапов [1].

В ближайшие годы приоритетом станет переход к цифровой экономике на базе искусственного интеллекта, больших данных и интернета вещей. Ожидается запуск программы «Цифровое село» и расширение проекта «Электронное правительство» [2].

В рамках внешнеполитической стратегии, Таджикистан намерен участвовать в формировании международных цифровых стандартов, а также укреплять сотрудничество с цифровыми лидерами – Китаем, ОАЭ, Южной Кореей и странами ЕС [6].

По итогам исследований подготовлены ряд рекомендаций, которые могут быть применены на практике:

1. Увеличить финансирование программ подготовки ИКТ-специалистов в вузах, особенно в регионах, с акцентом на практикоориентированные курсы (AI, Big Data, кибербезопасность);
2. Поддерживать развитие вузов-партнёров, особенно Филиала МГУ в Душанбе, ТТУ им. М.С. Осими и Акдемии государственной службы при Президенте РТ, как ключевых центров цифровых компетенций;
3. Реализовать программу «Цифровое село» с приоритетом на развитие интернет-инфраструктуры и цифровой грамотности в отдалённых районах;
4. Внедрить бесплатные онлайн-курсы и мобильные приложения для базового ИТ-обучения, особенно для молодёжи и женщин в регионах;
5. Продолжить активное участие в проектах Цифрового шелкового пути с Китаем, а также расширить взаимодействие с ЕС, Южной Кореей и ОАЭ по линии трансграничной цифровой инфраструктуры и кибербезопасности;
6. Открыть инкубаторы и акселераторы при вузах и технопарках с международным участием (например, по модели Astana Hub или Skolkovo).

Цифровизация экономики Таджикистана становится стратегическим направлением как внутреннего развития, так и международного сотрудничества.

Послание Президента 2025 года подтвердило важность цифровой повестки в контексте обеспечения национального суверенитета, модернизации инфраструктуры и интеграции в глобальные цифровые процессы. Международные отношения, в свою очередь, выступают мощным катализатором технологического прогресса и инновационного роста в республике.

Литература

1. Послание Президента Республики Таджикистан Маджлиси Оли (дата обращения 23.01.2025).
2. Стратегия цифровой экономики Республики Таджикистан до 2040 года. – Душанбе, 2021.
3. Victoria Yoon, Lemuria Carter, Dapeng Liu. Analyzing e-government design science artifacts: A systematic literature review. // International Journal of Information Management. – Volume 62. February 2022, 102430.
4. Официальный сайт Медиа группы «ASIA-Plus» (Душанбе, Таджикистан). Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/power/20250408/v-dushanbe-prezentovali-edinii-portal-gosuslug-egovtj (дата обращения: 08.04.2025).
5. Головенчик Г. Цифровой разрыв: причины возникновения, последствия и пути преодоления // Наука и инновации. 2021. – № 6(220). Электронный ресурс. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoy-razryv-prichiny-vozniknoveniya-posledstviya-i-puti-preodoleniya (дата обращения: 01.04.2025).
6. Asian Development Bank. Digital Transformation in Central Asia. Manila, 2023.
7. ПРООН в Таджикистане. Отчёт о проектах цифрового развития. – Душанбе, 2024.
8. Министерство образования и науки РТ. Доклад о цифровом образовании, – Душвнбе, 2024.
9. Цифровой обзор Таджикистана. Центр анализа цифровой политики, 2024.
10. Ганиев Р.Г. Роль и значение финансовых технологий в цифровизации банковских услуг / Р.Г. Ганиев // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). 2020. – № 1(69). – С. 69-75.

РАҚАМИКУНОНИИ ИҚТИСОДИЁТИ ТОҶИКИСТОН: ТАЪСИРИ МУНОСИБАТҲОИ БАЙНАЛМИЛАЛӢ БА РУШДИ ТЕХНОЛОГӢ ДАР ЗАМИНАИ ПАЁМИ ПРЕЗИДЕНТ БА ПАРЛУМОН ДАР СОЛИ 2024

Комилова Х.Ғ., Ризоев А.Ш.
Филиали Донишгоҳи давлатии Москва ба номи М.В. Ломоносов дар шаҳри Душанбе

Аннотатсия. *Дар мақола самтҳои асосии рақамикунонии иқтисодиёти Ҷумҳурии Тоҷикистон дар заминаи тағйироти глобалии рақамӣ ва Паёми Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон ба Маҷлиси Олии кишвар дар соли 2025 таҳлил мегардад. Таҷриба ва мушкилоти асосӣ дар бахшҳои рушди рақамӣ, аз ҷумла инфрасохтори рақамӣ, ҳукумати электронӣ, таҳсилоти рақамӣ ва воридсозии инноватсияҳо баррасӣ шудаанд. Таҷаммул ба ҳамкориҳои байналмилалӣ дар соҳаи ТИК, ҳимояи соҳибихтиёрии рақамӣ, фосилаи рақамӣ ва нақши иқтисоди дониш ҳамчун омили рушд афзудааст. Мисолҳои муваффақи кишварҳои дигар, ки метавонанд барои Тоҷикистон мутобиқ карда шаванд, пешниҳод ва як қатор тавсияҳои амалӣ низ манзур шудаанд. Таъкид шудааст, ки рушди кадрҳои ТИК ва ҳамкориҳо бо донишгоҳҳои хориҷӣ аҳамияти калидӣ доранд.*
Калидвожаҳо: *рақамикунонӣ, иқтисодиёти рақамӣ, соҳибихтиёрии рақамӣ, дипломатияи рақамӣ, ҳамкориҳои байналмилалӣ, ҳукумати электронӣ, ТИК, таҳсилоти рақамӣ, фосилаи рақамӣ, иқтисоди дониш, Тоҷикистон, Паёми Президент, рушди технологӣ.*

DIGITALIZATION OF THE ECONOMY OF TAJIKISTAN: THE IMPACT OF INTERNATIONAL RELATIONS ON TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT IN THE CONTEXT OF THE PRESIDENT'S ADDRESS TO PARLIAMENT IN 2024

Kh.G. Komilova, A.Sh. Rizoev
Lomonosov Moscow State University in Dushanbe

Annotation. *The article explores the key directions of digital transformation in the Republic of Tajikistan in the context of the global digital shift and the 2025 Address of the President of Tajikistan, Emomali Rahmon, to the Parliament. The study analyzes both achievements and challenges in areas such as digital infrastructure, e-government, digital education, and innovation. Special attention is given to international cooperation in ICT, digital sovereignty, the digital divide, and the role of the knowledge economy as a strategic driver of growth. The paper highlights international best practices adaptable to Tajikistan and offers practical recommendations for strengthening the national digital agenda. The importance of ICT-skilled workforce development and partnerships with foreign universities is particularly emphasized.*
Keywords: *digitalization, digital economy, digital sovereignty, digital diplomacy, international cooperation, e-government, ICT, digital education, digital divide, knowledge economy, Tajikistan, Presidential Address, technological development.*

Сведения об авторах: **Комилова Хосият Гуфроновна** – д.и.н., начальник отдела науки, инноваций, международных связей и издательской деятельности филиала Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в городе Душанбе, город Душанбе, Республика Таджикистан. **Тел.:** (+992 98) 562 23 23. **E-mail:** khosiyat.komilova@gmail.com.
Ризоев Алишер Шералиевич – ведущий специалист отдела науки, инноваций, международных связей и издательской деятельности филиала Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в городе Душанбе, город Душанбе, Республика Таджикистан. **Тел.:** (+992 93) 895 59 55. **E-mail:** rizoev.alisher@mail.ru.

УДК 330.3

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРИРОДА И НЕОБХОДИМОСТЬ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Кодирова М.Д.
Российско-Таджикский (Славянский) университет

Аннотация. *Статья посвящена исследованию сущности и содержания цифровой экономики и необходимости перевода отраслей национальной экономики на цифровые технологии. Выделены характерные особенности цифровизации и цифровой экономики, проведена этапизация процесса формирования цифровой экономики в мировой экономике и рассмотрены характерные особенности развития экономики на основе цифровых контентов. Особое внимание уделено характерным особенностям формирования и развития цифровой экономики в отдельных странах и ее характерным чертам в условиях Республики Таджикистан. Отдельно отмечены задачи, поставленные Правительством Республики Таджикистан в рамках реализации стратегических документов для формирования и развития цифровой экономики в стране. Выделены существующие недостатки в процессе цифровизации отраслей национальной экономики и предложены меры по их преодолению. Обоснованы целевые установки, на достижение которых направлены трансформационные процессы в общественной жизни страны по цифровизации экономики.*

Ключевые слова: *цифровизация, цифровая экономика, цифровые технологии, информационно-коммуникационные технологии, кибербезопасность, цифровой дивиденд, программное обеспечение, телекоммуникации, электронные деловые операции, электронная коммерция.*

Последние годы во всех странах мира, особенно в развитых странах с рыночной экономикой, актуализируются вопросы всестороннего использования современных информационно-коммуникационных технологий при организации производства товаров и услуг. Поэтому в современной экономической литературе очень много споров об экономической природе таких понятий, как «цифровизация» и «цифровая экономика» и др. Отдельные группы ученых предлагают рассмотреть эти понятия как синонимы, другие рассматривают их во взаимодействии. Однако, больше всего акцент делается на такие понятия, как «цифровизация» и «цифровая экономика», где цифровизация рассматривается как основа для формирования цифровой экономики.

Рассмотрение вопросов развития национальной экономики на основе использования цифровых технологий находятся в центре внимания органов государственного управления и Республики Таджикистан. Для этого создаются институциональные основы и приняты стратегические документы развития цифровой экономики. Важным документом в процессе формирования и развития цифровой экономики в Республике Таджикистан является «Концепция цифровой

экономики в Республике Таджикистан», которая была утверждена постановлением Правительства Республики Таджикистан от «30» декабря 2019 года, № 642.

Концепция основывается на Национальной стратегии развития Республики Таджикистан на период до 2030 года и представляет собой общее видение использования современных цифровых технологий в целях достижения высшей цели долгосрочного развития Таджикистана, а именно повышения уровня жизни населения страны, скорейшего выхода на уровень жизни стран среднего достатка и значительного снижения бедности, а также достижение приоритетных целей экономического развития республики, таких как обеспечение энергетической независимости и продовольственной безопасности, выход страны из коммуникационного тупика и превращения ее в транзитную, ускоренную индустриализацию страны и создание новых рабочих мест [1, с. 1].

Согласно положениям данной концепции, должны реализоваться мероприятия по поэтапному переходу к цифровым преобразованиям в отдельных отраслях национальной экономики. При этом, согласно плану, до 2040 года необходимо реализовать мероприятия в три этапа. Все мероприятия отдельных этапов по реализации цифровой трансформации будут осуществляться в рамках проекта Digital CASA.

Первый этап охватывает период до 2025 года, где ключевыми инициативами для его реализации являются:

- укрепление нецифровых основ и определение ключевых инициатив и проектов с каскадным эффектом;
- подготовка квалифицированных кадров;
- создание модели управления цифровой трансформацией;
- определение ключевых целевых показателей успеха цифровой трансформации;
- оценка текущего состояния цифрового развития в Республике Таджикистан;
- информационно-просветительское обеспечение цифровой трансформации;
- экосистема цифровой трансформации;
- финансирование и бюджет.

Для реализации мероприятий первого этапа данной концепции была разработана и принята «Среднесрочная программа развития цифровой экономики в Республике Таджикистан на 2021–2025 годы». Она разработана в целях ускорения экономического развития страны и повышения уровня жизни населения посредством использования цифровых технологий в социально-экономических сферах, а также создания благоприятных условий для перехода к новой модели дальнейшего развития цифровой экономики в долгосрочной перспективе. Реализация мероприятий, намеченных в данной программе,

позволяют создавать основу для перехода ко второму этапу цифровых преобразований в стране.

На втором этапе, включающий 2026 - 2030 годы, в качестве основных задач выделены:

- обеспечение широкополосного доступа, информационной безопасности, кибербезопасность и облачные технологии;
- создание дата центров, платформ и развитие цифровых услуг;
- информационное обеспечение, Центр передового опыта и инноваций;
- запуск пилотных проектов.

Важным моментов в реализации мероприятий второго этапа являются обеспечение информационной безопасности и кибербезопасность. Широкое использование информационно-коммуникационных технологий и цифровизация всех сфер социально-экономической жизни также содействуют развитию различных коррупционных схем и угроз финансовым ресурсам субъектов экономической деятельности и сбережениям населения. Поэтому, необходимо будет усилить работу в направлении обеспечения безопасности информации и финансовых ресурсов членов общества.

Мероприятия третьего этапа, включающего период 2031-2040 годы предусматривает дальнейшее укрепление нецифровых и цифровых основ в республике и запуск цифровых проектов в ключевых отраслях экономической деятельности в республике, а также в социальной сфере в соответствии с приоритетами, предусмотренными Национальной стратегий развития на период до 2030 года, которая включает в первую очередь сельское хозяйство, энергетику, телекоммуникации и транспорт, промышленность, включая горнодобывающую, торговлю, в том числе международную, трансформацию сферы услуг, культуру, образование и медицину. К концу третьего этапа в 2040 году планируется получение существенных цифровых дивидендов от реализации среднесрочной программы развития цифровой экономики Республики Таджикистан, в том числе дополнительный рост ВВП на 1,5-2 процента, создание до 0,5 миллиона новых рабочих мест и рост качества жизни населения за счет существенной трансформации сферы услуг [1, с. 3-9].

Кроме реализации данной концепции в Республике Таджикистан большое внимание также уделяется развитию институциональных основ формирования и развития цифровой экономики. Так, например, в Послании Президента Республики Таджикистан, уважаемого Эмомали Рахмон в декабре 2024 года, было отмечено, что: «Таджикистан идет устойчивыми шагами по пути перехода к цифровизации сфер национальной экономики во имя обеспечения прозрачности финансово-экономических отношений.

В следующие 5 лет для продвижения цифровой экономики необходимо уделять первостепенное внимание следующим направлениям:

Первое, оперативное совершенствование правовых основ и принятие необходимых документов в направлении перехода на цифровую экономику.

Второе, развивать цифровую инфраструктуру до сетей 5G, развития центра разработки данных, создания совершенной национальной платформы данных.

Третье, полная цифровизация государственных услуг и создание единой платформы государственных услуг.

Четвертое, развитие человеческого капитала путем изучения и квалификации кадров по информационным технологиям внутри и за пределами страны, повышение уровня культуры использования цифровых технологий.

Пятое, широкое использование искусственного интеллекта в ходе предложения услуг и системы государственной регистрации.

Шестое, принятие мер в направлении обеспечения кибербезопасности информационных платформ.

Седьмое, формирование цифрового предпринимательства и развитие электронной торговли.

С этой целью министерствам экономического развития и торговли, юстиции, финансов, Агентству инноваций и цифровых технологий, Национальному банку, Службе связи, Таможенной службе, Налоговому комитету, другим министерствам и ведомствам необходимо обеспечить создание правовых и организационных основ, государственное регулирование, финансирование цифровых экономических структур, а также наладить отношения участников цифрового предпринимательства и электронной торговли.

Для расширения инновационных процессов и всестороннего использования возможностей цифровых технологий в различных сферах экономики предлагаю объявить 2025-2030 годы «Годами развития цифровой экономики и инноваций»» [2, с. 4-5].

В данном послании были определены стратегические задачи по формированию институциональных основ развития цифровой экономики. Особый акцент сделан на подготовке кадров, как внутри стран, так и за рубежом для обеспечения цифровой трансформации всех сфер общественной жизни. Поэтому далее было подчеркнуто, что: «Наряду с этим в образовательной системе учреждений всех ступеней профессионального обучения необходимо усилить процесс подготовки программистов и других специалистов, нужных для развития цифровой экономики и программирования.

В этом процессе считается важным создание наилучших условий для подготовки кадров, предоставление различных льгот, стимулирование

специалистов в направлении информационных технологий и переквалификации в передовых зарубежных образовательных учреждениях.

В связи с этим предлагаю на базе Института технологий и инновационного менеджмента в городе Кулябе образовать Университет инноваций и цифровых технологий. Этому университету необходимо придать статус основной базы по подготовке специалистов в этом направлении, наряду с этим во всех высших профессиональных образовательных учреждениях страны создать соответствующие факультеты и кафедры» [2, с. 5].

Все это свидетельствует о значимости и роли цифровизации экономики в решении социально-экономических задач развития общества и повышения общественной производительности труда. Кроме того, цифровые технологии сокращают издержки производства и реализации товаров и услуг, усиливают конкурентоспособность отечественных предприятий на внешнем рынке, повышают прозрачность финансовых операций и повышают уровень благосостояния населения. Поэтому необходимо более подробно рассмотреть экономическую природу категории «цифровая экономика» и институциональные основы формирования и развития экономики, основанной на использовании достижений науки и техники, а также широкого использования Интернет-технологий в процессе производства, распределения, обмена и потребления товаров и услуг в отдельных странах мира.

Отдельные авторы при рассмотрении процесса формирования и развития цифровой экономики предлагают этапизацию данного процесса. Так, например, Б. Паньшин отмечает, что экономика нового уклада – продукт развития информационного общества. За последние 30 лет она прошла три этапа [3, с. 53]:

- 1990-е гг. – возникновение и развитие Интернета, с которым связывают качественные сдвиги в производстве и управлении, ставшие основой цифровой экономики;

- начало 2000-х гг. – когда цифровая экономика рассматривалась как деловая активность на базе Интернета (электронная торговля, в том числе торговля цифровым контентом);

- 2010-е гг. – цифровая экономика стала рассматриваться в комплексе с развитием ИКТ и внедрением цифровых датчиков (Интернет вещей), что создало предпосылки для изменений в бизнес-процессах и хозяйственной системе предприятий.

Такое выделение этапов развития цифровизации экономики свидетельствует о том, что это долгий процесс подготовки всех сторон общественной жизни к всеобщему использованию передовых технологий. И эти этапы в отдельных странах имеют отличительные особенности и разную периодизацию. Так, например, по мнению Ю. Сергеевой «во многих странах процессу перехода к

цифровому информационному обществу уделяется особое, пристальное внимание. Это подтверждается принятыми государственными стратегиями и программами развития цифровой экономики. К примеру, в Дании такая стратегия была принята в 2000 г., в Сингапуре – в 2005 г., в Австралии, Гонконге, Великобритании, Новой Зеландии – в 2008 г., в странах Евросоюза – в 2009 г., в Канаде – в 2010 г., в Малайзии – 2012 г., в Южной Кореи – в 2013 г., в Индии и Казахстане – в 2015 г., в Российской Федерации – в 2017 г.» [4], в Республике Узбекистан в 2018 году, а в Республике Таджикистан «Концепция цифровой экономики в Республике Таджикистан» была принята в 2019 году, хотя элементы цифровизации социально-экономических процессов активно использовались с начала нового столетия.

Следовательно, цифровизация это долгий эволюционный процесс, который создает условия для формирования цифровой экономики и широкого использования информационно-коммуникационных технологий для процесса производства, и реализации создаваемых благ и оказании услуг членам общества. При этом сокращаются не только трудовые затраты, но и финансовые, транспортные, логистические, коммуникационные.

Рассматривая цифровизацию как базу для формирования цифровой экономики Паньшин Б., отмечает о выделении двух его основных аспектах: цифровизацию и цифровую экономику. По его мнению, цифровизация представляет собой длительный, сложный и многоаспектный процесс перевода производственных и управленческих технологий и информационных ресурсов в состояние, пригодное для эффективного применения цифровых устройств и технологий и предполагает достижение следующих целей:

- удешевление и повышение надежности сбора, систематизации, передачи и анализа данных (за счет дискретных датчиков – Интернета вещей, RFID-меток и др.);

- снижение стоимости и упрощение коммуникаций в экономике и социуме (цифровизация контента и каналов связи);

- создание системы для мультивзаимодействия людей и бизнес-процессов по вертикали и горизонтали (межорганизационные цифровые системы) [3, с. 49].

В свою очередь, при характеристике цифровой экономики в программе «Цифровая экономика Российской Федерации» выделены три базовые ее компоненты, к которым следует отнести:

1) инфраструктуру – аппаратные средства, программное обеспечение, телекоммуникации и т.д.;

2) возможность проведения электронных деловых операций – бизнес-процессов, реализуемых посредством компьютерных сетей в рамках виртуальных взаимодействий;

3) электронную коммерцию (интернет-торговлю) – доставку товаров с помощью глобальной сети Интернет («Интернет вещей»), представляющую в настоящее время самый весомый сегмент цифровой экономики [5].

Следовательно, цифровизация и цифровая экономика – это взаимосвязанные процессы, которые основаны на использовании современных информационно-коммуникационных технологий и направлены на сокращение издержек производства товаров и услуг, а также ускорения процессов сбора, обработки и передачи информации для принятия управленческих решений на всех уровнях управления.

В экономической литературе цифровую экономику в отдельную дефиницию стали выделять в 90-х годах XX века. Категорию «цифровая экономика» (digital economy) предложил бизнес-аналитик Дон Тапскот в 1995 году. Он рассматривал цифровую экономику как экономическую деятельность, которая определяется через сетевое сознание (networked intelligence) и прямо зависит от виртуальных технологий [6, с. 149].

Анализ современной экономической литературы свидетельствует о том, что не существует единого определения категории «цифровая экономика». Отдельные группы исследователей отождествляют категории «цифровой» и «электронной» экономики, где в качестве основной характеристики рассматривается наибольшее удовлетворение потребностей всех субъектов экономической деятельности за счет использования гигантских объемов информации (включая и персональной) и информационных технологий [7].

Согласно определению Всемирного банка, под цифровой экономикой понимается система экономических, социальных и культурных отношений, основанных на использовании информационно-коммуникационных технологий [8].

Данное определение еще раз показывает значимость цифровой экономики для развития всех сфер общественной жизни. Цифровизация охватывает не только экономические вопросы развития страны, но и широко используется при решении социальных и культурных вопросов жизнедеятельности общества. Инструменты цифровых технологий становятся основой решения социальных вопросов. При этом улучшается уровень и качество жизни населения, сокращаются затраты времени при доступе на отдельные социальные услуги, например, получение пенсий, пособий и др., посредством использования Интернет-технологий предоставления или доставки отдельных видов товаров и услуг.

В отдельных программных документах развития национальных экономик также даны определения цифровой экономики. Данному понятию в «Среднесрочной программе развития цифровой экономики в Республике

Таджикистан на 2021–2025 годы» дано следующее определение: «Цифровая экономика – это цифровизация сфер национальной экономики посредством широкого использования цифровых компьютерных технологий, способствующих повышению производительности производства, оснащенности, хранения, продаж и доступа к товарам и услугам» [9, с. 5].

В свою очередь в Российской Федерации основным документом, определяющим экономическую природу цифровой экономики, выступает Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г., № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы». В данном документе под цифровой экономикой понимается «хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг» [10, с. 12]. Однако, на заседании Совета по стратегическому развитию и приоритетным проектам Президент Российской Федерации В.В. Путин дал следующее определение «цифровая экономика - это не отдельная отрасль, по сути это уклад жизни, новая основа для развития системы государственного управления, экономики, бизнеса, социальной сферы, всего общества. Это вопрос национальной безопасности и независимости России, конкуренции отечественных компаний» [11].

В этих подходах при определении экономической природы цифровой экономики главный акцент делается на совершенствовании процесса производства и реализации товаров и услуг путем использования информационно-коммуникационных технологий. В качестве результата цифровизации экономики рассматриваются обеспечение безопасности и независимости страны, повышение производительности и прозрачности проводимых операций, а также улучшение процесса хранения и доставки материальных благ. Главным результатом формирования и развития цифровой экономики, на наш взгляд, является улучшение условий труда людей, облегчение процесса сбора, накопления, переработки и использования различной информации, а также сокращение времени передачи и получения товаров и услуг потребителям, способствующие повышению общественного благосостояния.

В своих исследованиях Р. Мещеряков выделяет два подхода в определении категории «цифровая экономика»:

- классический – это, экономика, основанная на цифровых технологиях, область обращения электронных товаров и услуг (медиокентенты, дистанционное обучение, телемедицина и др.);

- расширенный подход – это, экономическое производство с использованием цифровых технологий: интернет вещей, индустрия 4.0, умная фабрика, сети связи пятого поколения, инжиниринговые услуги проторипирования и прочее [12, с. 63].

Е.В. Яковлева к цифровой экономике относит часть экономики, в которой основные бизнес-процессы изменились под воздействием информационно-коммуникационных технологий. По ее мнению, всю экономику будущего следует отнести к цифровой экономике, поскольку производство, распределение, обмен и потребление будут связаны с цифровыми решениями [13, с. 1075].

В целом под цифровой экономикой понимают производство, продажу и поставку товаров и услуг с помощью компьютерных сетей. Цифровая экономика - это разновидность рынка субъектов экономической системы, на котором один, несколько или все этапы экономических процессов осуществляются с помощью информационно-коммуникативных технологий (ИКТ); одно из проявлений экономической свободы, инновационности и уровня развития современной экономики [14, с. 487].

Определение цифровой экономики, данное А. Щербатенко, партнера по развитию бизнеса SmartTender.biz немного отличается от привычных, где он предлагает дальнейшие перспективы развития экономики. По его трактовке, «цифровая экономика - это экономика виртуальных миров» [15].

Другое определение, имеющий больше практический аспект, предлагает В. Михайлов, технический директор IT-Enterprise, которые отмечал, что в последние годы цифровая экономика представляет собой «искусственный интеллект, роботизация, электронные деньги, промышленная биология, обработка больших массивов данных, беспилотный транспорт…» [16]. В данном определении выделены основные инструменты цифровизации общественной жизни и рассматриваемые как процессы улучшения фаз общественного воспроизводства, а также порядок формирования и обработки большого объема информационных ресурсов, необходимых для принятия управленческих решений.

Узбекские ученые Л.Н. Хазраткулова и Т.Р. Шайданов в своем исследовании предлагают цифровую экономику рассмотреть, как «систему экономических отношений, основанных на использовании ИКТ, или, скорее, деятельность, связанная с электронной коммерцией, то есть осуществлением коммерческих операций в онлайн-режиме, когда товары и услуги предоставляются с помощью электронных устройств в сети Интернет и оплачиваются посредством электронных платежей» [17, с. 78].

По мнению В.А. Ефимушкина «цифровая экономика – это процессы и способы реализации экономической деятельности, основанные на применении

цифровых технологий, связанных с электронным бизнесом и торговлей, позволяющих осуществлять реализацию цифровых товаров и услуг в киберсреде» [18]. Иными словами, это система заключения сделок с помощью электронных средств передачи, обмена и хранения информации (стационарного и мобильного интернета) с применением возможностей электронных средств платежа, криптовалюты и цифровой валюты.

Такой же позиции придерживается Ю. Сергеева, в широком смысле под цифровой экономикой рассматривающая создание сетевой, системно-организованной пространственной структуры экономических отношений между хозяйствующими субъектами, которая включает секторы создания и использования новой информации, цифровые технологии и цифровые продукты, телекоммуникационные услуги, электронный бизнес, электронную торговлю (интернет-торговлю), электронные рынки, дистанционные механизмы заключения сделок, дистанционное обслуживание, дистанционное образование и ряд других компонентов [4]. По ее мнению, понятие «цифровая экономика» гораздо шире традиционного понимания процессов простой оцифровки данных и автоматизации различного рода процессов. Это инновационный способ осуществления инклюзии многообразия передовых информационных и smart-технологий, а также социальных цифровых платформ нового типа, позволяющих создавать среду гиперкоммуникабельности, гигантских баз данных (big data), беспроводных сетей, различного рода мобильных устройств и гаджетов, а также социальных медиаплатформ [4].

Таким образом, подводя итог рассмотрения экономической природы и содержания «цифровой экономики» отдельными учеными и институциональными структурами можно заключить, что эта экономика, основанная на цифровизации всех сфер общественной жизни, использовании инновационных технологий и широком использовании электронных средств. При этом в условиях развития цифровой экономики все процессы создания добавленной стоимости должны основываться на использовании цифровых контентов, интеллектуализации процесса принятия решений и их реализации, а также ускорении процессов изменений в производстве товаров и оказании услуг. Здесь главной целью формирования и развития цифровой экономики выступает сокращение издержек производства и обращения товаров и услуг, а также принятия управленческих решений, направленные на повышение уровня и качества жизни населения.

Литература

1. Концепция цифровой экономики в Республике Таджикистан: утвержденное Постановлением Правительства Республики Таджикистан от 30.12.2019 г., № 642. – Душанбе, 2019. – 33 с.

2. Послание Президента Республики Таджикистан, уважаемого Эмомали Рахмона Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 28.12.2024 г. – Душанбе, 2024. – 25 с.
3. Паньшин Б. Цифровая экономика: понятия и направления развития [Текст]: / Б. Паньшин // Наука и инновации. 2019. – № 3 (193). – С. 48-55.
4. Сергеева Ю. Вся статистика Интернета на 2020 год – цифры и тренды в мире и в России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.web-canape.ru/business/internet-2020-globalnaya-statistika-i-trendy/ (дата обращения: 25.03.2025).
5. Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 года. – № 1632-р. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf (дата обращения: 25.03.2025).
6. Tapscott D. The Digital Economy: Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence / D. Tapscott. – New York: McGrawHill, 1995. – 342 p.
7. Being Digital (фундаментальная статья Николаса Негропонте по цифровой экономике за 1995 год, часть 2). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://habr.com/ru/company/philtech/blog/354418/ (дата обращения: 24.03.2025).
8. Цифровая экономика России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Цифровая_экономика_России (дата обращения: 23.03.2025).
9. Среднесрочная программа развития цифровой экономики в Республике Таджикистан на 2021–2025 годы. – Душанбе, 2021. – 65 с.
10. Указ Президента РФ от 09.05.2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». – М., 2017. – 12 с.
11. ТАСС: информационное агентство России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tass.ru/ekonomika/4389411 (дата обращения: 24.03.2025).
12. Татаринова, С.С. Цифровая экономика и право: новые вызовы и новые перспективы [Текст]: / С.С. Татаринова // Юридический вестник Самарского университета. 2017. – Т. 3. – № 3. – С. 63-75.
13. Яковлева Е.В. Управление интеллектуальными ресурсами работников в условиях инновационного развития цифровой экономики [Текст]: / Е.В. Яковлева // Креативная экономика. 2018. – Т. 12. – № 8. – С. 1073-1088.
14. Карпович О.Г. Развитие цифровой экономики Казахстана [Текст]: / О.Г. Карпович, Н.Б. Карипов, А.Ш. Ногмова // Проблемы постсоветского пространства. 2020. – № 7 (4). – С. 485-494.

15. Shcherbatenko A. Artificial intelligence, e-document management and online tenders in retail: what will be discussed at RDBS [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rau.ua/ru/newsrdbs/aleksej-shherbatenko-smart-tender/ (дата обращения: 24.03.2025). (In Russ.).
16. Mikhailov V.V. Transformation of domestic mechanical engineering. Presentation [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=fhFvay-biL20 (дата обращения: 24.03.2025). (In Russ.).
17. Хазраткулова Л.Н. Перспективы цифровой трансформации в Республике Узбекистан [Текст]: / Л.Н. Хазраткулова, Т.Р. Шайданов // Интеллектуальный анализ данных и цифровая экономика: матер. межд. науч.-практ. конф. – Пятигорск, 2018. – С. 77–81.
18. Ефимушкин В.А. Понятие цифровой экономики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://bi.hse.ru/data/2017/03/30/1168539176/КС28.03%20-%20Владимир%20Ефимушкин.pdf (дата обращения: 24.03.2025).
19. Ганиев Р.Г. Роль и значение финансовых технологий в цифровизации банковских услуг / Р.Г. Ганиев // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). 2020. – № 1(69). – С. 69-75.

МОҲИЯТИ ИҚТИСОДӢ ВА ЗАРУРАТИ ТАШАККУЛ ВА РУШДИ ИҚТИСОДИ РАҚАМӢ

Қодирова М.Д.
Донишгоҳи славянии Тоҷикистон-Россия

Аннотатсия. *Мақола ба омӯзиши моҳият ва мундариҷаи иқтисоди рақамӣ ва зарурати гузаронидани соҳаҳои иқтисоди миллӣ ба технологияҳои рақамӣ бахшида шудааст. Хусусиятҳои хоси рақамикунонӣ ва иқтисоди рақамӣ қайд карда шуда, раванди давраҳои ташаккули иқтисоди рақамӣ дар иқтисодиёти ҷаҳонӣ ҷудо гардида, хусусиятҳои хоси рушди иқтисодиёт дар асоси қисматҳои рақамӣ баррасӣ карда шудааст. Таваҷҷӯҳи махсус ба хусусиятҳои хоси рушди иқтисоди рақамӣ дар кишварҳои алоҳида равона гардида, махсусиятҳои он дар шароити Ҷумҳурии Тоҷикистон дида шудааст. Вазифаҳои муқаррарнамудаи Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон дар доираи татбиқи ҳуҷҷатҳои стратегӣ барои ташаккул ва рушди иқтисоди рақамӣ дар кишвар алоҳида ҷудо карда шудааст. Камбудиҳои мавҷуда дар раванди рақамисозии бахшҳои иқтисодиёти миллӣ муайян карда шуда, роҳҳои ҳалли онҳо пешниҳод гардидааст. Мақсадҳои асосӣ муайян карда шудаанд, ки рақамикунонии иқтисодиёт барои расидан ба онҳо дар ҳаёти ҷамъиятии кишвар нигаронида шудааст.*

Калидвожаҳо: *рақамисозӣ, иқтисоди рақамӣ, технологияҳои рақамӣ, технологияҳои иттилоотӣ-коммуникатсионалӣ, амнияти кибернӣ, дивиденди рақамӣ, таъминоти барномавӣ, телекоммуникатсияҳо, амалиётҳои электронии тиҷоратӣ, тиҷорати электронӣ.*

ECONOMIC NATURE AND THE NEED FOR THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF A DIGITAL ECONOMY

Kodirova M.D.
Russian-Tajik (Slavonic) University

Annotation. *The article is devoted to the study of the essence and content of the digital economy and the need to transfer branches of the national economy into digital technologies. The characteristic features of digitalization and the digital economy have been highlighted, the process of the formation of a digital economy in the global economy was carried out and the characteristic features of the development of the economy based on digital content were considered. Particular attention is paid to the characteristic features of the formation and development of a digital economy in individual countries and its characteristic features in the conditions of the Republic of Tajikistan. Separately noted the tasks set by the Government of the Republic of Tajikistan as part of the implementation of strategic documents for the formation and development of a digital economy in the country. The existing shortcomings in the process of digitalization of the branches of the national economy have been identified and measures were proposed to overcome them. Targeted attitudes are justified, the achievement of which is aimed at transformational processes in the country's public life on the digitalization of the economy.*
Keywords: *digitalization, digital economy, digital technologies, information and communication technologies, cybersecurity, digital dividend, software, telecommunications, electronic business operations, electronic commerce.*

***Сведения об авторе*: Кодирова Мадина Диловаровна** – к.э.н., доцент кафедры финансов и кредита Российско-Таджикско (Славянского) университета, город Душанбе, Республика Таджикистан. **Тел.:** (+992 37) 227 67 40. **E-mail:** madinak9019@mail.ru.

УДК 336.228.3

НАЛОГИ В СИСТЕМЕ МЕХАНИЗМОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ОБЩЕСТВЕ

Султанов З.С.[1], Махмадмуродова М.А.[2]
Российско-Таджикский (Славянский) университет[1]
Филиал Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в городе Душанбе[2]

Аннотация. *В статье исследуются теоретические и практические вопросы обеспечения социальной справедливости в обществе. Отмечается, что социальная справедливость, как базовый принцип распределения в обществе экономических благ и доходов, является фундаментальным понятием, к которому стремится общество, и обеспечение которого является важнейшей функцией государства. В системе механизмов обеспечения социальной справедливости особое место занимают налоги. Они являются важнейшим инструментом достижения баланса интересов государства, населения, предпринимателей и всего общества посредством применения налоговых льгот, налоговых каникул, налогового кредита, освобождения от налоговых платежей в первые годы предпринимательской деятельности, предоставления налоговых преференций (включая освобождение от налога на доход) отдельным категориям граждан. Материальной базой обеспечения социальной*

справедливости считается состояние экономики, темпы её роста и совершенствование структуры. Здесь налоги и налогообложение становятся важным механизмом достижения указанных целей. В статье также анализируются показатели развития экономики, индикаторы уровня жизни населения и другие аспекты.
Ключевые слова: *налоги, налогообложение, социальная справедливость, предпринимательство, экономика, общество, развитие, производство.*

Обеспечение социальной справедливости в обществе – главная задача государства. Для достижения этой цели оно использует различные методы и подходы, среди которых важнейшими считаются налоговые механизмы. Базовыми условиями социальной справедливости являются стимулирование развития предпринимательства, сдерживание инфляции и роста цен на потребительские товары, развитие производства, сокращение разрыва между высокодоходными и низкодоходными группами населения за счёт постоянного увеличения доходов (заработной платы, пенсий, пособий и др.), выравнивание уровня социально-экономического развития регионов (областей, районов), расширение объёма и повышение качества государственных социальных услуг гражданам пожилого возраста и т.д. Реальной предпосылкой реализации действенных мер в области социальной справедливости является обеспечение динамичного и устойчивого роста валового внутреннего продукта и его объёма на душу населения, а также производства промышленной и сельскохозяйственной продукции [1].

Таблица 1.

Объём производства валового внутреннего продукта и продукции промышленности и сельского хозяйства за период 2000 – 2022 гг.

Показатели	2000	2010	2020	2022	2022 к 2000 г. раз
Валовый внутренний продукт (в ценах соответствующих лет, млн сомони)	1786,8	27707,1	83958,3	145739,4	64
ВВП на душу населения, в сомони	288,4	3285,8	8788,9	11808,0	40,9
ВВП на душу населени, в долларах США	158,0	750,0	864,4	1070,9	6,8
Продукция промышленности в ценах 2020г. млн. сомони	5704	11344	32467	43025	7,5
Продукция сельского хозяйства, в ценах 2020г., млн сомони	9522,3	19994,3	42765,6	49279,5	5,2

Из приведённой таблицы видно, что экономика республики развивается устойчиво, темпы роста высокие, с каждым годом увеличивается объём продукции промышленности и сельского хозяйства, а также производства валового внутреннего продукта на душу населения. Так, за анализируемый

период (2000–2022 гг.) ВВП на душу населения (в долларах США) увеличился почти в 7 раз и достиг 1071 доллара США. Динамично и устойчиво развиваются промышленность и сельское хозяйство страны.

Достаточно высокие и устойчивые темпы экономического роста обеспечиваются также развитием предпринимательства во всех сферах экономики и регионах страны. Предпринимательство развивается как количественно, так и качественно, создавая условия для увеличения доходной части бюджетов всех уровней. С каждым годом растёт число индивидуальных предпринимателей и дехканских хозяйств. Если в 2000 году насчитывалось 12 074 дехканских хозяйства, то в 2022 году их количество достигло 172 107 единиц, что означает увеличение на 160 033 единицы за анализируемый период. Устойчивая тенденция роста наблюдается также в сфере индивидуального предпринимательства.

Таблица 2

Численность граждан, занятых индивидуальной трудовой деятельностью (по числу выданных лицензий и патентов) за период 2000-2022гг. [2].

Показатели	2000	2010	2020	2022	2022 к 2000г., %
Всего, тыс. человек Из них занятие, %:	62,2	94,3	304,0	307,2	193,9
- в бытовом обслуживании	5,3	–	60,8	7,06	133,2
- в социально-культурной сфере	0,06	–	1,2	2,15	35,8 раз
-в торговле и общепит	47,89	–	76,6	57,1	119,2
- другими видами деятельности	48,9	–	220,1	240,8	27 раз

Данные таблицы свидетельствуют о значительном развитии индивидуального предпринимательства в республике. Так, за период 2000–2022 гг. численность индивидуальных предпринимателей, работающих по лицензиям и патентам, увеличилась почти в 5 раз – с 62,2 тыс. человек до 307,2 тыс. человек. Особенно высокими темпами развивается предпринимательство в социально-культурной сфере: рост составил в 35,8 раза. В то же время наблюдается снижение удельного веса предпринимательства в сфере торговли и общественного питания: если в 2000 году его доля составляла 47,9%, то в 2022 году – лишь 18,6%. Однако это не свидетельствует о снижении уровня развития торговли и общепита в целом. Речь идёт только об индивидуальном предпринимательстве, тогда как торговля в целом развивается динамично и высокими темпами. Так, за период 2000–2022 гг. объём розничного товарооборота увеличился более чем в 5 раз – с 7 506,7 млн сомони в 2000 году до 40 047,9 млн сомони в 2022 году [2]. В общественном питании создаются крупные, хорошо оснащённые предприятия, отвечающие высоким требованиям

посетителей, сокращается уличная торговля и число мелких точек общественного питания.

Динамичное и устойчивое развитие национальной экономики, сбалансированность макроэкономических показателей, рост предпринимательства – всё это формирует фундамент для обеспечения социальной справедливости в обществе.

Социальная справедливость стала фундаментальным понятием, к которому постоянно стремится общество и которое развивается вместе с прогрессом человечества. Она представляет собой базовый принцип распределения собственности, экономических благ и доходов. Её обеспечение – важнейшая функция государства, которое, стремясь к социальной справедливости, обязано повышать уровень жизни населения, бороться с бедностью, использовать бюджетные, денежно-кредитные и налоговые механизмы для обеспечения устойчивого и динамичного развития экономики, повышения жизненного уровня населения и достижения высоких социальных стандартов [3].

В социальной статистике для оценки динамики уровня жизни населения и степени достижения социальной справедливости используются такие индикаторы, как: денежные доходы на душу населения; средний размер пенсий; средняя и минимальная заработная плата; товарооборот и платные услуги на душу населения; обеспеченность жильём; уровень безработицы; продолжительность жизни; потребление продуктов питания; уровень грамотности; показатели демографических и медицинских процессов в стране и другие [4]. Ниже представлены некоторые из этих показателей.

Таблица 3

Объем и динамика доходов и потребления продуктов питания на душу населения республики (по данным выборочного обследования домохозяйств) [9].

Показатели	2000	2010	2020	2022	2022 к 2000г, раз
Денежные доходы на душу населения, сомони	16,9	190,18	518,19	297,61	17,6
Среднемесячная номинальная з/п, сомони	15,57	354,44	1393,8	878,9	56,45
Потребление продуктов питания на душу населения; (кг в год) - мясо и мясопродукты, кг.	4,4	11,0	28,1	22,8	4,9
- молоко и молочные продукты	64,9	60,9	63,3	41,4	0,63
- яйца, штук	19	40	158	158	8,3
сахар, включая кондитерские изделия	6,7	12	19,5	15,9	2,4
- хлебные продукты	148	160,6	165,4	157,8	1,06
- картофель	37,8	35,0	41,0	40,5	1,07
- овощи и бахчевые	98,5	70,7	137,1	113,4	1,15
- фрукты, ягоды и виноград	50,8	33,2	30,6	391	7,69
- масло растительное	10,2	14,4	18,4	17,3	1,69
- расходы и сбережения	909,9	13 948,5	110 606,3	72 555,7	79,7
Доходы госбюджета, млн. сомони	251,7	7024,4	25065,0	36056,8	143,2
Расходы госбюджета, млн. сомони	261,8	6712,6	24812,5	35338,9	135,0

Анализ данных показывает устойчивый рост показателей уровня жизни населения. В период с 2000 по 2022 гг. денежные доходы на душу населения увеличились более чем в 17 раз, среднемесячная номинальная заработная плата – в 56 раз, расходы и сбережения – почти в 80 раз. Растёт потребление основных продуктов питания, увеличиваются доходы и расходы государственного бюджета.

Социальная справедливость также проявляется в создании новых рабочих мест повсеместно – в соответствии со спросом на них, обеспечении умеренной инфляции, стабильности цен на товары и услуги, сбалансированного государственного бюджета, наличии достаточного объёма золотовалютных резервов для поддержки отечественных банков и товаропроизводителей в периоды мировых экономических и финансовых кризисов, обеспечении

достаточных внутренних инвестиционных ресурсов для финансирования общенациональных и социально значимых проектов и программ и т. д.

Социальная справедливость, как фундаментальная основа системы распределительных отношений, всегда базировалась на справедливом управлении государственными финансами, разумном распределении и использовании общественных благ, справедливом налогообложении, удобстве и необременительности налоговых платежей, соблюдении взаимных интересов, прав и обязанностей государства и членов общества, выполнении государством социальных функций и обязательств, справедливом распределении средств производства и собственности.

Как было отмечено, в системе механизмов обеспечения социальной справедливости особое место занимают налоги и налогообложение, которые являются важнейшими инструментами регулирования социально-экономических процессов, стимулирования развития предпринимательства, особенно инновационного, в реальном секторе национальной экономики и обеспечения социальной справедливости.

Исследованию сущности налогообложения и налогов, налогового стимулирования и регулирования социально-экономических процессов посвящали свои труды классики экономической науки – А. Маршалл, Дж.М. Кейнс, А. Смит, У. Петти, Д. Рикардо и другие учёные, которые заложили теоретические основы и принципы налогов и налогообложения, обосновали необходимость минимизации издержек взимания налогов, рационализации системы налогообложения, равномерности распределения налогового бремени в соответствии с доходами, а также значение налоговой системы в обеспечении социальной справедливости [5].

Учёт теоретических и методологических основ налогообложения и налогов как механизма обеспечения социальной справедливости и регулирования социально-экономического развития приобретает особую актуальность в условиях трансформации национальной экономики и её перехода на индустриально-аграрную модель развития.

Налоги и налогообложение становятся важнейшим инструментом достижения баланса интересов государства, населения, предпринимателей, регионов и всего общества посредством применения государством следующих инструментов: налоговых льгот, налоговых каникул, налогового кредита, освобождения от налоговых платежей в первые годы деятельности предпринимателей реального сектора экономики, налоговых скидок, специального налогового режима для различных категорий предпринимателей и отдельных территорий [6].

Налоги как важнейший механизм достижения социальной справедливости обеспечивают:

- выравнивание доходов (например, освобождение от подоходного налога наименее обеспеченных слоёв населения);
- стимулирование производства определённых видов товаров или проведение научных исследований (определённые отрасли освобождаются от налогов или получают скидку при их уплате, отсрочку и т. п.);
- стимулирование экспорта определённых товаров или услуг (за счёт отмены акцизов, НДС на товары для внешней торговли, снижения или отмены таможенных пошлин и других мер);
- поощрение определённых видов деятельности (например, исключение из налогооблагаемой базы всех благотворительных пожертвований);
- стимулирование общественно полезных и экономически значимых для государства процессов (например, предоставление скидок или вычетов из облагаемой налогом суммы на расходы налогоплательщика на образование);
- и многие другие, в том числе специфические, виды налоговых льгот [7].

Налоговые льготы и привилегии должны быть эффективными, более целенаправленными, адресно-избирательными, обладать условиями справедливого и обоснованного назначения, соответствовать налоговому законодательству. Важно при их назначении и применении обеспечить должный контроль, не допускать злоупотреблений и необоснованного обогащения узкого круга лиц.

Однако без введения налоговых льгот было бы невозможно реализовать определённые меры по обеспечению социальной справедливости в обществе, рентабельность предпринимательской деятельности не достигала бы приемлемого уровня, а хозяйствующие субъекты не имели бы достаточных средств для инвестирования и инновационного развития и т.д. Поэтому налоговые льготы и привилегии должны существовать даже при недостатке налоговых поступлений в бюджетную систему страны [4].

Литература

1. Султанов З., Махмадмуродова М.А. Стимулирующие воздействие налогов на обеспечение социально – экономической безопасности [Текст]: // Таджикистан и современный мир: актуальные проблемы развития инновационной экономики. Материалы международной научно-практической конференции – Душанбе: ТГУК, 2020. – С. 344-347.
2. Статический ежегодник Республики Таджикистан. АСПРТ, – Душанбе, 2023. – 418с.

3. Султанов З., Джураев Г. Вопросы совершенствования государственного управления налоговой системой [Текст]: – Душанбе, 2021 – 162 с.
4. Султанов З. Монетарные и налоговые инструменты обеспечения экономической сбалансированности и социальной справедливости [Текст]: / Вестник университета (РТСУ). – Душанбе, 2023. – № 1(79). – С. 13-28.
5. Султанов З. Роль налогов в системе государственного регулирования инвестиционно – инновационных процессов [Текст]: / Текущее состояние и перспектива развития бюджетного и государственного аудита в Республике Таджикистан (Материал круглого стола). – Душанбе, 2021. – 250 с.
6. Султанов З., Махмадмуродова М.А., Налоговые механизмы поддержки социально – экономических систем в условиях перехода к цифровой экономике [Текст]: / Государственное управление. Научно – политический журнал Академии государственного управления при Президенте РТ. – Душанбе, 2020. – №4/1 (48). – С. 83-86.
7. Популярная экономическая энциклопедия. – М. Научное издательство «Большая Российская энциклопедия» 2003. – 367 с.

АНДОЗҲО ДАР СИСТЕМАИ МЕХАНИЗМҲОИ ТАЪМИНИ АДОЛАТИ ИҶТИМОӢ ДАР ҶОМЕА

Султонов З.С.[1], Маҳмадмуродова М.А.[2]
Донишгоҳи славянии Тоҷикистон-Россия[1]
Филиали Донишгоҳи давлатии Москва ба номи М.В. Ломоносов дар шаҳри Душанбе[2]

Аннотатсия. *Дар мақола масъалаҳои назариявӣ ва амалии таъмини адолати иҷтимоӣ дар ҷомеа таҳқиқ карда мешаванд. Зикр мегардад, ки адолати иҷтимоӣ ҳамчун принсипи асосии тақсимоти неъматҳои иқтисодӣ ва даромадҳо дар ҷомеа, мафҳуми бунёдӣ маҳсуб ёфта, ба он ҷомеа мекӯшад ва таъмини он яке аз вазифаҳои муҳимтарини давлат ба шумор меравад. Дар низоми механизмҳои таъмини адолати иҷтимоӣ нақши хоссаи андозҳо таъкид мегардад. Андозҳо ҳамчун василаи муҳими таъмин намудани тавозуни манфиатҳои давлат, аҳолӣ, соҳибкорон ва тамоми ҷомеа хидмат карда, тавассути татбиқи имтиёзҳои андозӣ, муҳлатҳои имтиёзноки андоз, қарзҳои андозӣ, озод намудан аз пардохти андоз дар солҳои аввалини фаъолияти соҳибкорӣ, инчунин додани имтиёзҳои андозӣ (аз ҷумла, озод намудан аз андози даромад) барои баъзе қишрҳои аҳолӣ амалӣ мегарданд. Пояи моддии таъмини адолати иҷтимоӣ дар ҷомеа ҳолати иқтисодиёт, суръати рушд ва такмили сохтори он маҳсуб мешавад. Дар ин раванд, андозҳо ва низоми андозбандӣ ҳамчун механизми муҳими ноил шудан ба ҳадафҳои стратегии ҷомеа баррасӣ мешаванд. Дар мақола инчунин нишондиҳандаҳои рушди иқтисодӣ, индикаторҳои сатҳи зиндагии аҳолӣ ва дигар масъалаҳои марбут ба он мавриди таҳлил қарор гирифтаанд.*

Калидвожаҳо: *андозҳо, низоми андозбандӣ, адолати иҷтимоӣ, соҳибкорӣ, иқтисодиёт, ҷомеа, рушд, истеҳсолот.*

TAXES IN THE SYSTEM OF MECHANISMS FOR ENSURING SOCIAL JUSTICE IN SOCIETY

Sultanov Z.S.[1], Makhmadmurodova M.A.[2]
Russian-Tajik (Slavonic) University[1]
Lomonosov Moscow State University in Dushanbe[2]

Annotation. *The article examines theoretical and practical issues of ensuring social justice in society. It is noted that social justice, as a fundamental principle of the distribution of economic benefits and incomes within society, represents a core concept pursued by society, and its provision is one of the most important functions of the state. Taxes hold a special place in the system of mechanisms for ensuring social justice. They serve as a key tool for balancing the interests of the state, the population, entrepreneurs, and society as a whole through the application of tax benefits, tax holidays, tax credits, exemptions from tax payments during the initial years of entrepreneurial activity, and providing tax privileges (including income tax exemptions) to certain categories of citizens. The material basis for ensuring social justice in society is considered to be the state of the economy, its growth, and the improvement of its structure. In this context, taxes and taxation become crucial mechanisms for achieving these goals. The article also analyzes indicators of economic development, standards of living, and other related factors.*
Keywords: *taxes, taxation, social justice, entrepreneurship, economy, society, development, production.*

***Сведения об авторах*: Султанов Зубайдулло Султонович** – д.э.н., профессор кафедры финансов и кредита Российско-Таджикского (Славянского) университета, город Душанбе, Республика Таджикистан. **Тел.:** (+992 93) 520 28 70.
Махмадмуродова Махина Абдусалимовна – экономист отдела учета, отчетности и корпоративного развития филиала Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в городе Душанбе, город Душанбе, Республика Таджикистан. **Тел.:** (+992 98) 877 27 10. **E-mail:** mmahmadmurodova@mail.ru.

УДК 331.52 (575.3)

ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЗЕЛЕНОЙ ЗАНЯТОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

Азимова М.Т.
Научно-исследовательский институт устойчивого развития и зеленой экономики при Международном университете туризма и предпринимательства Таджикистана

Аннотация. *Данная статья посвящена вопросам формирования зеленой экономики и ее влиянию на трансформацию рынка труда Республики Таджикистан. В рамках исследования анализируется определение и критерии зеленых рабочих мест. Одним из основных факторов в данном случае является квалификация работника и его навыки. Основное внимание уделяется подготовке кадров в условиях перехода к зеленой экономике. Показано, что в данный период времени структура подготовки профессиональных кадров в Республики Таджикистан не соответствует реальным требованиям зеленой экономики.*

Ключевые слова: *зеленая занятость, зеленая экономика, сегмент, подготовка кадров, рынок труда, образование, экология.*

Окружающая среда является фундаментом человеческого существования и залогом устойчивого развития будущего, и ее деградация негативно влияет на экономический рост страны и человечество в целом. Международные организации выделили множество проблем в сфере экологии, которые требуют безотлагательного решения. По прогнозу «Организации Объединенных Наций к 2025 году 1,8 млрд. человек будут жить в странах или регионах с абсолютным дефицитом воды» [1]. Исследование Всемирной организации здравоохранения выявило, что «6,7 млн. преждевременных смертей за год связаны с воздействием загрязнения окружающей среды внутри и вне помещений» [2].

В ответ на растущие экологические проблемы 30 сентября 2022 года в Республике Таджикистан была одобрена «Стратегия развития «зелёной» экономики на 2023-2037 годы», целью которой является стимулирование экономического роста страны и создание рабочих мест через эффективное и рациональное использование природных ресурсов, что способствует улучшению уровня жизни и социальной стабильности населения [3].

Для Республики Таджикистан переход к «зеленой экономике» представляет собой ключевую возможность для обеспечения устойчивого развития и индустриализации страны, так как в настоящие время использование природных ресурсов и выбросов в результате производства и потребления, превышают способности функции природных систем. Для преодоления этих проблем в рамках стратегии Правительством Республики Таджикистан реализуются следующие задачи:

- Строительство гидроэлектростанций различной мощности;
- Производство электроэнергии из возобновляемых источников, таких как солнечная и ветряная энергия, в высокогорных и благоприятных районах;
- Организация промышленного производства солнечных панелей и оборудования с использованием отечественного кремниевого сырья, что позволит снизить стоимость электроэнергии;
- Создание предприятий для производства и установки электромобилей (электромобилей, электроскутеров, троллейбусов и электрических локомотивов);
- Внедрение эффективных моделей потребления и производства, «озеленение» рынков, развитие устойчивой инфраструктуры через реализацию «зеленых» инвестиционных проектов, налоговых и бюджетных «зеленых» реформ, а также финансирование природного капитала;

- Управление отходами и их переработка как неотъемлемая часть ресурсной базы национальной экономики [3, с. 13].

Вся это зеленая трансформация производственных структур, повлечет за собой трансформацию и рынка труда, изменяя при этом распределение работников по профессиям и секторам, формируя новые зеленые рабочие места. Для Республики Таджикистан зеленая занятость является малоизвестным сегментом на рынке труда и необходимо определить, что является зеленым рабочим местом и в каких секторах экономики возможен рост зеленых рабочих мест?

Определение понятие зеленого рабочего место исходит от концепции зеленой экономики. В рамках этой концепции возникают новые подходы к созданию рабочих мест, которые оказывают позитивное влияние на экологию и способствуют устойчивому развитию. М. Рутковская, А. Сулич, под зеленой занятостью «понимают людей, которые занимают профессии, охватывающими принципы устойчивого развития при модернизации процессов, то есть рабочие места в секторе общественного транспорта, возобновляемых источников энергии, строительства и управления отходами» [4]. Данное определение при формировании зеленого рабочего места, рассматривает процесс технического и технологического развития и модернизации сфер экономики.

В. Колейн предлагает “использовать несколько сегментов зеленого рабочего места в зависимости от участия в социально-экологическом переходе, назначая определенный сегмент каждому типу занятий в зависимости от степени, в которой трудовая деятельность может считаться «зеленой» [5]. В европейских странах «зеленые» рабочие места не выделяются как отдельная категория занятости, а распределяются по различным секторам и профессиям. При этом подчеркивается, что процессы экологизации традиционных профессий требуют от работников развития дополнительных «зеленых» навыков.

С научной точки зрения, зеленая занятость – это не просто создание рабочих мест, связанных с экологической сферой, но и важный элемент трансформации экономики в сторону устойчивости и устойчивого развития. Это концепция, которая позволяет интегрировать экологические, экономические и социальные аспекты в систему занятости, способствуя решению глобальных экологических проблем, созданию устойчивых рабочих мест и обеспечению лучшего качества жизни в условиях изменения климата. В своем исследовании Пироженковой Е.А. предложены критерии оценки зеленых рабочих мест в целях формирования экологически ориентированного рынка труда:

-оснащение рабочего места высокотехнологичным оборудованием, обеспечивающим высокую производительность труда;

-рабочее место требует использования труда работника со средним и (или) высшим профессиональным образованием с высоким уровнем квалификации; достойный уровень заработной платы; безопасные условия и охрана труда; социально-правовая защищенность работника;

-экологическая безопасность [6, с. 25].

Данные критерии оценки зеленых рабочих мест во многом схожи с критериями, используемыми Международной организацией труда, которая разработала ряд принципов и рекомендаций, направленных на создание устойчивых, безопасных и социально справедливых рабочих мест, в том числе в “зеленых” секторах. Качество рабочих мест и защита прав работников – это важнейшие принципы МОТ. Она подчеркивает, что зеленые рабочие места должны обеспечивать достойные условия труда, включая безопасность, справедливую оплату и уважение прав работников. МОТ активно поддерживает справедливый переход для работников, которые могут быть затронуты изменениями в экономике.

При применении критериев важно так же учитывать, что оценка зеленых рабочих мест может варьироваться в зависимости от региона, отрасли и контекста. Например, для одной страны создание зеленых рабочих мест в области солнечной энергетики может быть приоритетным, в то время как для другой страны более актуальными будут рабочие места в сфере устойчивого сельского хозяйства или переработки отходов. В любом случае, эффективная оценка этих рабочих мест требует учета как экологических, так и социальных и экономических факторов, что позволяет обеспечивать гармоничное и устойчивое развитие общества в целом.

На наш взгляд, в современном мире «зеленое» рабочее место ассоциируется с высокотехнологичным оборудованием,экономией ресурсов и экологически чистымитехнологиями и здесь не менее важным фактором является квалификация работника, его навыки и знания, так в каких же секторах экономики необходимо подготока кадров для роста зеленых рабочих мест?

В научно-аналитических докладах Международной организации труда (МОТ) и Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) уже сейчас говорится о том, что нехватка квалифицированных кадров препятствует переходу к «зеленому» росту экономики. В основном обращают внимание на нехватку навыков в области модернизации энергоэффективного строительства, возобновляемых источников энергии, управление отходами, и нехватку преподавателей и инструкторов в сфере экологических услуг. По оценкам Министерство энергетики Таджикистана вычислено, что, в Таджикистане, где солнечными бывают 300 дней в году, очень удобно использовать технологии

получения энергии от Солнца. Годовой потенциал общей солнечной энергии в Таджикистане эквивалентен 50 миллиардам 973 млн. тонн нефти [7, с. 280].

Сегодня в республике действует только одна солнечная электростанция мощностью 800 кВт, возведенная в Мургабском районе ГБАО, с аккумуляторной системой для хранения 1,2 МВт/ч электроэнергии [8], это объясняется тем, что в Таджикистане не так много специализированных учебных программ по подготовки специалистов солнечной электроэнергии, которые обладают конкретными навыками в этой области.

В Таджикистане, как и во многих странах Центральной Азии, транспортная инфраструктура требует значительных изменений для того, чтобы сделать ее более экологически безопасной. Развитие экологически чистого общественного транспорта является ключевым элементом зеленой транспортной инфраструктуры. На основе Национальной стратегии развития Республики Таджикистан на период до 2030 года Министерством транспорта разработана «Программа развития электротранспорта в Республике Таджикистан на 2023-2028 годы». Целью данной программы является повышения конкурентоспособности национальной экономики, её адаптации к глобальному изменению климата, охраны окружающей среды и улучшения экологического состояния страны. В этой связи импорт электромобилей по данным Таможенной службы при Правительстве республики за 2023 год составил 3316, на общую сумму $59 млн. За первые 6 месяцев 2024 года в страну ввезено еще 5266 электромобилей на общую сумму $76,4 млн., что составляет 26,7% от общего количества ввезенных автомобилей.

На текущий момент одной из актуальных проблем на рынке труда республики является нехватка квалифицированных специалистов по ремонту электромобилей. В первую очередь, это касается электриков и техников, обладающих необходимым опытом в подключении и обслуживании зарядных станций для электромобилей. С возрастающей популярностью электромобилей и их зарядной инфраструктуры возникает необходимость в подготовке специалистов, способных обслуживать эти высокотехнологичные устройства, что в свою очередь влияет на развитие отрасли и доступность услуг для владельцев электромобилей.

В первую очередь, необходимы специалисты в области электрики и автомеханики, обладающие знаниями, необходимыми для работы с электромобилями. Это включает в себя умение проводить диагностику, замену аккумуляторов, работы с зарядными станциями, а также проведение ремонтных и технических обслуживаний. Важно, чтобы такие специалисты также обладали знаниями по безопасности, ведь работа с электричеством и аккумуляторами требует особых мер предосторожности.

В настоящее время структура подготовки профессиональных кадров в Республики Таджикистан не соответствует реальным потребностям зеленой экономики. Наиболее востребованные специальности среди абитуриентов являются сфера здравоохранения, право, вычислительная техника, экономика и педагогика. Необходимо отметить, что именно учреждения начального профессионального образования, ориентированные на зелёную экономику, играют важную роль в подготовке специалистов, способных работать в устойчивых и экологически чистых отраслях. Сравнение данных показывает, что в период с 2019 по 2022 год наблюдается снижение уровня подготовки кадров начального профессионального образования во всех сферах экономики.

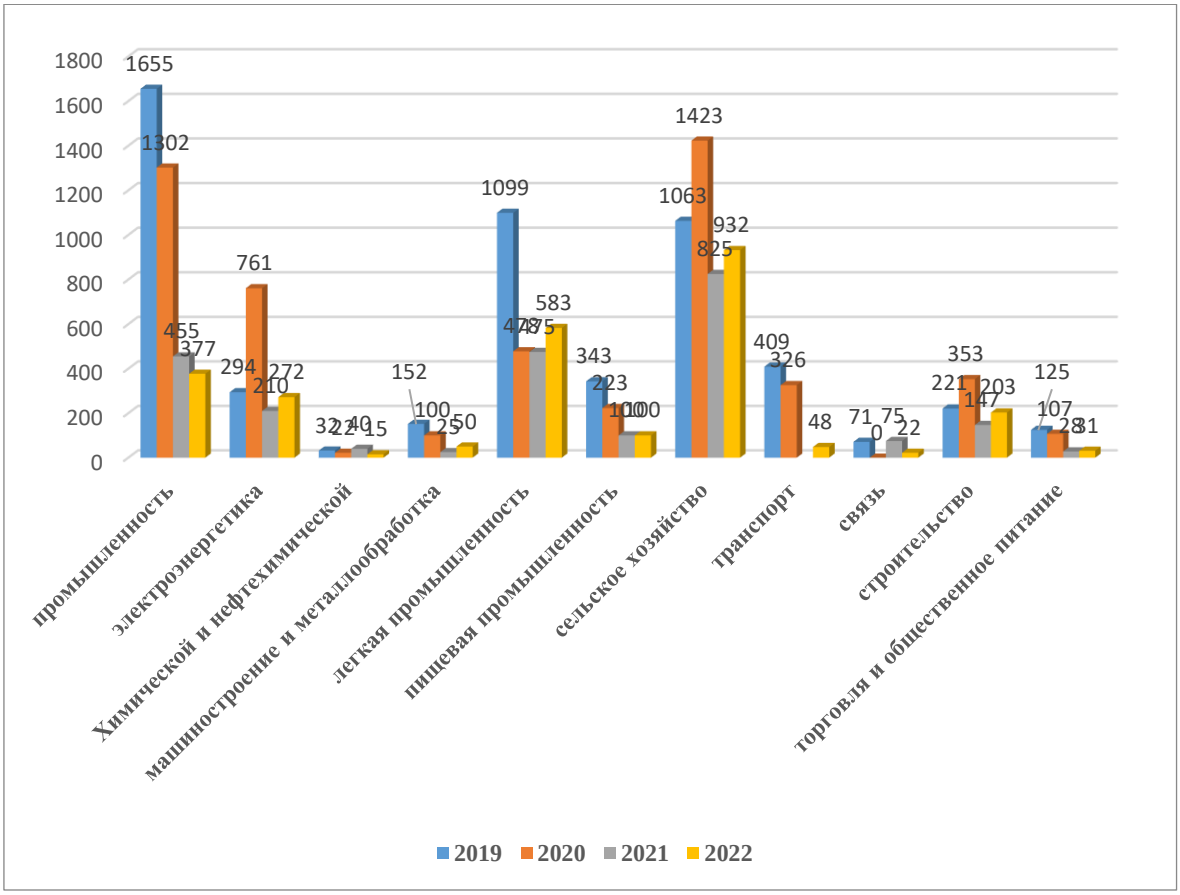


Рисунок 1 – Число работников, завершивших обучение в учреждениях начального профессионального образования и направленных для работы в экономику страны [9, с. 162]

Таким образом, важно констатировать тот факт, что для Республики Таджикистан целесообразно и необходимо соглашение по подготовке кадров к переходу к «зеленой экономике», которое согласовалось между Правительством Республики Таджикистан, представителями работодателей и работников, сектором образования и общественными организациями. Целью данного соглашения является: разработка национальных стандартов, повышение квалификации специалистов-практиков, пересмотр программ обучения и

переквалификация уязвимых работников и управление процессом экологической миграции в условиях перехода к зеленой экономике.

Для эффективного создания «зеленых» рабочих мест требуется интегрированный подход, в который входят законодательство, финансовые механизмы, образование, социальная поддержка и сотрудничество между государством и частным сектором. Институциональная среда играет ключевую роль в создании благоприятных условий для развития зеленых секторов экономики и обеспечения справедливого и устойчивого перехода к зеленой экономике.

Также, необходимо уже сегодня включить в программы профессиональной ориентации общеобразовательных школ и учебные программы студентов выпускных курсов темы, и курсы, посвященные адаптации «зеленой» экономики к рынку труда, чтобы подготовить новое поколение специалистов, готовых к изменениям в экономике и устойчивому развитию. Такой подход поможет повысить квалификацию рабочей силы и обеспечить её соответствие современным экологическим стандартам.

Литература

1. Green economy in action: Articles and excerpts that illustrate green economy and sustainable development efforts / UNDP. 2012. – 58 p. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.greengrowthknowledge.org/sites/ default/files/downloads/resource/ GE_compil ation_report_UNDP.pdf
2. Официальный сайт Всемирного Банка: – [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://worldbank.org
3. Стратегия развития «зелёной» экономики в Республике Таджикистан на 2023-2037 годы. – Душанбе, 2022. – 65с.
4. Rutkowska, M. Sulich, A. Green Jobs on the Background of Industry 4.0. Procedia Comput. Sci. 2020, – 176 p.
5. Colijn, B. Green Jobs in Europe and the Increasing Demand for Technical Skills. Neujobs Working Paper 2014. – No. 4.2. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.transition-europe.eu/fr/publication/green-jobs-europe-and-increasing-demand-technical-skills
6. Пироженко Е.А. Развитие российского рынка труда при переходе к экологически ориентированной экономике [Текст]: / дис. … канд. экон. наук: 08.00.05/ Пироженко Екатерина Андреевна. –Москва, 2016. – 25с.
7. Абдуназарова М.Р. Перспективы развития солнечной и ветряной энергетики в Таджикистане [Текст]: / Вестник педагогического университета 2018. – №4 (76). – С. 279-283.

8. Идрисов Т. Поможет ли установка солнечных энергосистем в зданиях избавить Таджикистан от энергокризиса? – [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/economic/20240710/
9. Рынок труда Республики Таджикистан. – Душанбе, 2023.

МАСЪАЛҲОИ ТАШКИЛИ ШУҒЛИ САБЗ ДАР ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН

Азимова М.Т.
Пажӯҳишгоҳи рушди устувор ва иқтисоди сабзи
Донишгоҳи байналмилалии сайёҳӣ ва соҳибкории Тоҷикистон

Аннотатсия. *Мақолаи мазкур ба масъалаи ташаккули иқтисоди сабз ва таъсири он ба табдили бозори меҳнати Ҷумҳурии Тоҷикистон бахшида шудааст. Таҳқиқот таъриф ва меъёрҳои ҷойҳои кори сабзро таҳлил мекунад. Дар ин чо яке аз омилхои асосӣ ихтисоси коргар ва махорати ӯ мебошад. Таваҷҷуҳи асосӣ ба тарбияи кадрҳо дар шароити гузариш ба иқтисоди сабз равона карда шудааст. Нишон дода шудааст, ки дар айни замон сохтори тайёр кардани кадрҳои касбӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон ба талаботи воқеии иқтисодиёти сабз мувофиқат намекунад.*
Калидвожаҳо: *шуғли сабз, малакаҳои сабз, иқтисоди сабз, омӯзиши кадрҳо.*

ISSUES OF FORMATION OF GREEN EMPLOYMENT IN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Azimova M.T.
Research Institute for Sustainable Development and Green Economy at the International University of Tourism and Entrepreneurship of Tajikistan

Annotation. *This article is devoted to the issue of formation of green economy and its impact on transformation of labor market of the Republic of Tajikistan. The study analyzes definition and criteria of green jobs. One of the main factors here is qualification of the worker and his skills. The main attention is paid to training of personnel in conditions of transition to green economy. It is shown that at the present time the structure of training of professional personnel in the Republic of Tajikistan does not correspond to real requirements of green economy.*
Keywords: *green employment, green skills, green economy, training personnel.*

***Сведения об авторе*: Азимова Мадина Турдыевна** – к.э.н., доцент, начальник отдела рынка труда и экологического просвещения Научно-исследовательского института устойчивого развития и зеленой экономики при Международном университете туризма и предпринимательства Таджикистана, город Душанбе, Республика Таджикистан. **Тел.:** (+992 90) 990 50 62. **E-mail:** madina.azim@mail.ru.

ТДУ 336 (575.3)

ҶАНБАҲОИ НАЗАРИЯВИИ ТАШАККУЛЁБИИ БОЗОРИ АМАЛИЁТИ БОНКӢ

Ҷӯраев Б.М.[1], Шарифзода Б.М.[1], Қурбонова Ф.А.[2]
Институти иқтисодиёт ва демографияи
Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон[1]
Донишгоҳи давлатии Хуҷанд ба номи академик Б. Ғафуров[2]

Аннотатсия. *Мақола ба таҳлили назариявии ташаккулёбии бозори хизматрасониҳои молиявӣ, алалхусус бозори амалиёти бонкӣ дар иқтисодиёти миллӣ бахшида шудааст. Муаллифон хизматрасониҳои молиявӣ, аз ҷумла суғурта, лизинг ва амалиёти бонкиро ҳамчун ҷузъҳои муҳими бозори молиявӣ таҳқиқ намуда, фарқияти байни мафҳумҳои "амалиёти бонкӣ" ва "аҳди бонкӣ"–ро аз нигоҳи ҳуқуқӣ ва раванди танзими давлатӣ пешкаш намудаанд. Дар мақола аҳамияти баланди афзун намудани сифати хизматрасониҳои бонкӣ , таъмини рақобати солим ва устувории низоми бонкӣ таҳқиқ гардида, ҳадафҳои стратегии рушди низоми бонкӣ то соли 2030 пешниҳод гардиданд.*

Калидвожаҳо: *бозори молиявӣ, бозори хизматрасониҳои бонкӣ амалиёти бонкӣ, бонк, устуворӣ, ҳадафҳои стратегӣ.*

Дар замони муосир бозори хизматрасониҳои молиявӣ яке аз ҷузъҳои асосии низоми молиявии ҷаҳонӣ ба ҳисоб рафта, он такондиҳанда ва пешбарандаи иқтисодиёти ҷаҳон мебошад. Истифодабарандагони хизматрасониҳои молиявӣ қариб тамоми субъектҳои хоҷагидорӣ ба ҳисоб мераванд. Маҳз оқилона ва самаранок истифодабарии хизматрасониҳои мазкур ба истеъмолкунандагони он имкониятҳои хубро фароҳам меорад.

Боиси қайд аст, ки коркард ва татбиқи технологияҳои навини муосир дар бозорҳои молиявӣ сабаби пешниҳоди маҳсулотҳои нави молиявӣ гашта истодаанд, ки ин дар навбати худ аз истеъмолкунандагони он доштани донишҳои зарурӣ дар самти молия ва маърифати баланди молиявиро талаб менамоянд. Яке аз ҷузъҳои ҷудонашавандаи бозори хизматрасониҳои молиявӣ ин бозори амалиёти бонкӣ мебошад. Бинобар ин, зарур аст, ки пеш аз ҳама истеъмолкунандагони хизматрасониҳои молиявӣ доир ба унсурҳои асосӣ ва паҳлуҳои нозуки ин хизматрасониҳо ва амалиётҳо маълумоти кофӣ дошта бошанд.

Пеш аз он ки мо моҳияти “бозори хизматрасониҳои молиявӣ”-ро тафсир кунем, бояд доир ба мафҳуми “хизматрасониҳои молиявӣ” маълумот дошта бошем.

Мутобиқи тафсири Созмони байналмилалии савдо, мафҳуми “хизматрасониҳои молиявӣ” чунин шаклҳои фаъолиятро дар бар мегирад:

суғурта ва аз навсуғуртакунӣ, хизматрасониҳои бонкӣ, лизинги молиявӣ, кафолат ва уҳдадориҳо ва дигар хизматрасониҳо аз рӯи тамоми шаклҳои фаъолияти молиявӣ [1].

Боиси қайд аст, дар асоси банди 28 моддаи 2 ва банди 2 қисми 2 моддаи 251 Кодекси андози Ҷумҳурии Тоҷикистон, моддаи 15 Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи Бонки миллии Тоҷикистон», моддаи 3 Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи фаъолияти бонкӣ», моддаи 4 Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи фаъолияти бонкии исломӣ», моддаҳои 20-21 Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи ташкилотҳои маблағгузории хурд», моддаи 3 Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи хизматрасониҳои пардохтӣ ва низоми пардохтӣ», моддаи 4 Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи фаъолияти суғуртавӣ» ва моддаи 4 Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи гаравхона (ломбард)» аз ҷониби Вазорати молияи Ҷумҳурии Тоҷикистон дар мувофиқа бо Бонки миллии Тоҷикистон “Номгуйи хизматрасониҳои молиявӣ”-ро таҳия ва тасдиқ гардидааст. Номгӯи мазкур амалиётҳоеро, ки аз ҷониби Бонки миллии Тоҷикистон, ташкилотҳои қарзии молиявӣ ва агентҳои (субагентҳои) бонкии пардохтии онҳо, ташкилотҳои ғайриқарзии молиявӣ, Хазинаи суғуртаи пасандозҳои шахсони воқеӣ, ломбардҳо, ташкилотҳои суғуртавӣ (азнавсуғуртакунӣ) ва дигар шахсони ҳуқуқӣ анҷом дода шуда, барои мақсадҳои андоз аз арзиши иловашуда ҳамчун хизматрасониҳои молиявӣ муқаррар карда мешаванд, муайян менамояд.

“Номгуйи хизматрасониҳои молиявӣ” дар таҳрири нав соли 2021 таҳия шудааст, ки он зиёда аз 45 амалиётҳоро дар бар мегирад, аз ҷумла чунин хизматрасониҳо:

- амалиёти вобаста ба додани қарзҳо ва қарзҳои исломӣ ё маблағгузориҳои исломӣ;

- амалиёти вобаста ба идоракунии депозитҳо (амонат ё пасандоз, амонат ё пасандозҳои исломӣ), амонати сармоягузорӣ, ҳисоббаробаркуниҳо ва иҷрои дигар уҳдадориҳои қарзӣ;

- амалиёти вобаста ба муомилоти асъорӣ, воситаҳои пулӣ ва пулҳои коғазӣ (банкнотаҳо) ва тангаҳои филизӣ, ки воситаҳои қонунии пардохтӣ мебошанд;

- амалиёти вобаста ба муомилоти саҳмияҳо, вомбаргҳо, тасдиқномаҳо (сертификатҳо), векселҳо, чекҳо ва дигар коғазҳои киматнок, аз ҷумла когазҳои қиматноки исломӣ;

- амалиёти вобаста ба иҷрои шартномаҳои форвардӣ, своп, опсион ва созишномаҳо бо дигар воситаҳои молиявии ҳосила (деривативҳо);

- хизматрасонӣ вобаста ба идоракунии фондҳои сармоягузорӣ ва сармоягузории исломӣ тариқи аҳди “Музораба” ва “Мушорака”;

- амалиётҳои суғуртакунӣ аз рӯи шаклҳои суғурта, азнавсуғуртакунӣ, аз ҷумла суғуртаи пасандозҳои шахсони воқеӣ ва суғуртаи исломӣ (такофул);

- иҷораи молиявӣ ва иҷораи исломӣ;

- амалиётҳои дигар вобаста ба фаъолияти бонкдории исломӣ ва ғайраҳо.

Дар асоси ин тафсирҳо метавонем гӯем, ки ба хизматрасониҳои молиявӣ тамоми он хизматрасониҳое, ки бо ҷамъкунӣ ва тақсимкунии маблағҳои мувақатан озоди пулӣ рабт доранд, шомил мебошанд. Чӣ тавре, ки таҷрибаи ҷаҳонӣ нишон медиҳад ба хизматрасониҳои молиявӣ дохил мешаванд: хизматрасониҳои бонкӣ; хизматрасониҳои суғуртавӣ; хизматрасониҳо дар бозори қоғазҳои қиматнок; хизматрасонии ширкатҳои аудиторӣ ва ғайраҳо.

Чи тавре ки мебинем, тибқи тафсири эътирофгаштаи байналмилалӣ ва тибқи муқаррароти сандаҳои меъёрии ҳуқуқии дохиливатанӣ ҷузъи асосии “хизматрасониҳои молиявӣ” ин “хизматрасониҳои бонкӣ” ба шумор мераванд. Дар бисёр мавридҳо коршиносони соҳаи бонкдорӣ мафҳумҳои “хизматрасониҳои бонкӣ” ва “амалиёти бонкӣ”-ро ҳамчун синоним қабул мекунанд. Аммо бояд қайд намуд, ки ин мафҳумҳо тавъам набуда, аз ҳам тафовут доранд.

Аз нуқтаи назари ҳуқуқӣ шарҳдиҳии мафҳуми “хизматрасониҳои бонкӣ” батанзимдарории хизматрасониҳои бонкиро ҳамчун амалиёти бонкӣ дар назар дорад, ки тибқи тартиби пешбурди муҳосибот дар ҳисобҳои алоҳида бақайд гирифта мешаванд [2].

Тафсири анъанавии мафҳуми “хизматрасонии бонкӣ” аз ҷониби иқтисоддони соҳаи бонкдории Россия профессор О.И. Лаврушин аз рӯи се самт пешниҳод шудааст: ҷалби маблағ, ҷойгиркунии маблағҳо, хизматрасонии хазинавӣ-ҳисоббаробаркунӣ [3].

Аз нуқтаи назари олими дигари рус Ю.В. Головина бошад, “хизматрасонии бонкӣ ин маҷмуи амалиётҳои ифодакунандаи пурраи хизматрасониҳои итмомёфта мебошад, ки ягон талаботи муштариро қонеъ мегардонад” [4].

Р.Ғ. Ғаниев қайд менамояд, ки хизматрасонии бонкӣ ин натиҷа ва ё самараи судбахши амалиёти бонкист, ки дар қонеъгардии талаботи муштарӣ ба онҳо таҷассум мегардад. Илова бар ин, онҳо натиҷаи фаъолияти ташкилоти қарзӣ буда, ба сифати мол дар бахшҳои гуногуни бозори бонкӣ пешниҳод мегарданд [5].

Д.Б. Исаев маънои «амалиёти бонкӣ»-ро ба таври дигар маънидод менамояд: “амалиёти бонкӣ ба сифати созишномаи граждани-ҳуқуқӣ баромад мекунад, ки онро ташкилотҳои қарзӣ дар чаҳорчубаи муқаррарнамудаи қонунгузорӣ ва маҳдудиятҳое, ки дар ҳуҷҷатҳои муассисӣ кайд карда шудаанд, анҷом медиҳанд” [6].

Аз гуфтаҳои боло хулоса намудан мумкин аст, ки ҷузъи асосии “хизматрасониҳои бонкӣ” ин “амалиёти бонкӣ” ба шумор меравад. Амалиёти бонкиро ба таври гуногун шарҳ медиҳанд. Аз нуқтаи назари Иванова А.Н. “амалиёти бонкӣ ин маҷмуи амалҳои ба ҳам алоқаманди ташкилоти қарзӣ ва муштарӣ мебошад, ки аз ҷониби бонк анҷом додашуда, барои ҳалли масъалаи мушаххаси иқтисодӣ, яъне ҳаракати маблағҳо нигаронида шудааст” [7].

Чунин муаллифон ба монанди Б.Н. Топорнинов, Г.А. Тосунян, А.Ю. Викулин, А.М. Экмалян пешниҳод мекунанд, ки амалиёти бонкӣ ҳамчун амалиёте, ки аз ҷониби ташкилотҳои қарзӣ мунтазам анҷом дода мешавад, фаҳмида шавад [8].

Дар асоси таҳлили маҷмуӣ ва мавриди назар қарор додани нуқтаи назари олимон ва кордонони соҳа роҷеъ ба мафҳумҳои “хизматрасонии бонкӣ” ва “амалиёти бонкӣ” мо зарур мешуморем, ки ҷиҳати равшану возеҳтар шарҳ додани ин мафҳумҳо, бояд онҳо боз ҳам чуқуртар ва дақиқтар мавриди омӯзиш қарор дода шаванд.

Ба фикри мо решаи ҳардуи ин мафҳумҳо калимаи “бонк” буда, муайянкунандаи ҳолат ва амал ин калимаҳои “хизматрасонӣ” ва “амалиёт” мебошанд.

Дар Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон “Дар бораи фаъолияти бонкӣ” моҳияти фаъолияти бонкӣ чунин оварда шудааст: “фаъолияти бонкӣ - аз ҷониби ташкилотҳои қарзӣ анҷом додани амалиёти бонкӣ ва аҳдҳое, ки дар Қонуни мазкур пешбинӣ гардидааст” [9].

Дар моддаи 3 Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон “Дар бораи фаъолияти бонкӣ” номгуйи амалиёти бонкӣ оварда шудааст [9]:

-ҷалби амонат ва пасандозҳо;

-додани қарзҳо (таъминшуда ва таъминнашуда), аз ҷумла:

а) қарзҳои истеъмолӣ, ипотекӣ ва байнибонкӣ;

б) факторинг;

в) форфейтинг:

-кушодан ва пешбурди суратҳисобҳои бонкӣ;

-хариду фурӯши воситаҳои зерин барои худ ё муштариён.

а) воситаҳои бозории пулӣ (аз ҷумла: чекҳо, векселҳо, ӯҳдадориномаҳо ва тасдиқномаҳои пасандозӣ);

б) асъори хориҷӣ;

в) саҳмияҳо ва дигар қоғазҳои қиматноки интиқолшаванда;

г) қарордодҳои форвардӣ, созишномаи своп, фючерс, опсион ва дигар ҳосилаҳое, ки ба асъор, саҳмияҳо, вомбаргҳо, металлу сангҳои қиматбаҳо ё қурбу меъёрҳои фоизӣ дахл доранд;

-додани кафолат, баҳисобгирии уҳдадориҳои шартӣ, аз ҷумла кафолатҳо ва эътиборномаҳо (аккредитивҳо) барои худ ва муштариён;

- ҳисоббаробаркунӣ ва интиқоли маблағҳо, аз ҷумла интиқоли маблағҳои электронӣ, бароориш ва ё хизматрасонии воситаҳои пардохт, ба истиснои интиқолҳои почтавӣ;

-миёнаравӣ дар бозори пулӣ;

-амалиёти сейфӣ, нигаҳдорӣ ва идоракунии дороиҳо (пул, қоғазҳои қиматнок, металлҳо, ҷавоҳирот ва ғайра);

-хизматрасонии амалиёти ба боварӣ асосёфта (идоракунии маблағҳои пулӣ, қоғазҳои қиматнок ва ғайра ба манфиати боварикунанда ва дар асоси супориши он);

-ҳар гуна амалиёти дигаре, ки аз амалиёти дар моддаи мазкур зикршуда бармеоянд ва бо санадҳои меъёрии ҳуқуқии Бонки миллии Тоҷикистон пешбинӣ шудаанд.

-амалиёти кассавӣ: қабул намудан, аз нав ҳисоб кардан, иваз намудан, бастан ва нигоҳ доштани пулҳои қоғазӣ ва тангаҳо;

-қабул намудан (инкассатсия) ва фиристодани пулҳои қоғазӣ, тангаҳо ва ашёи қиматбаҳо.

Боиси қайд аст, ки қонунгузорӣ дар баробари номгуйи амалиёти бонкӣ инчунин, номгуйи аҳдҳои бонкиро низ пешбинӣ намудааст.

Тибқи банди 4 моддаи 3 қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон “Дар бораи фаъолияти бонкӣ” ба гуруҳи аҳдҳои бонкӣ инҳо дохил карда шудаанд:

-додани замонат, ки иҷрои ӯҳдадориҳои пулиро дар назди шахси сеюм пешбинӣ менамояд;

-иҷораи молиявӣ (лизинг);

-амалиёт бо металлу сангҳои қиматбаҳо мутобиқи қонунгузорӣ;

-хизматрасонӣ ба сифати агенти молиявӣ;

-хизматрасонӣ ба сифати мушовир ё маслиҳатгари молиявӣ;

-хизматрасонии иттилооти молиявӣ ва қарзӣ.

Чӣ тавре, ки мебинем дар қонуни мазкур номгуйи амалиёти бонкӣ ва номгуйи аҳдҳои бонкӣ дар алоҳидагӣ оварда шудаанд, аммо дар қонун қайд карда нашудааст, ки онҳо аз ҳам чӣ тафовут доранд, ва киҳо ҳуқуқи анҷом додани онҳоро доранд?.

Ба ақидаи мо, тафовут байни ин мафҳумҳоро аз назари ҳуқуқӣ дидан мумкин аст. Яъне ҳуқуқи анҷомдиҳии амалиёти бонкиро танҳо он ташкилотҳои қарзии молиявие, доранд, ки иҷозатномаи Бонки миллии Тоҷикистонро барои он гирифтаанд. Дар баробари ин ташкилотҳои қарзии молиявӣ дар асоси иҷозатнома ҳуқуқ доранд аҳдҳои бонкиро низ анҷом диҳанд. Аммо ба ғайр аз ташкилотҳои қарзии молиявӣ дигар субъектҳои хоҷагидорӣ ҳуқуқи анҷомдиҳии

амалиёти бонкиро надоранд, аммо ҳуқуқи анҷомдиҳии аҳдҳои бонкиро доранд. Яъне, аҳдҳои бонкиро бошад, ба ғайр аз ташкилотҳои қарзии молиявӣ дигар субъектҳои хоҷагидорӣ низ гузаронида метавонанд.

Олими ватанӣ Шеров Ш.З. байни амалиёт ва аҳдҳои бонкӣ чунин фарқият мегузорад:

✓ амалиётҳои бонкиро танҳо ташкилотҳои қарзӣ амалӣ мекунанд, аҳдҳои бонкиро бошад, ду тараф: ташкилоти қарзӣ ва муштарии он;

✓ барои гузаронидани амалиётҳои бонкӣ ҳатман иҷозатнома зарур аст. Масалан, барои қабули пасандозҳо аз аҳолӣ иҷозатнома талаб карда мешавад, аммо барои ҷойгир кардани пул барои пасандоз (амонатгузор будан) иҷозатнома талаб карда намешавад;

✓ амалиётҳои бонкӣ бо истифодабарии усули қатъӣ (императивӣ) ба танзим дароварда мешаванд, аҳдҳо – бо методи диспозитивӣ (граждани-ҳуқуқӣ);

✓ амалиётҳои бонкӣ мавзӯи танзими ҳуқуқии ҳуқуқи оммаро ташкил мекунад, вале аҳдҳо – ҳуқуқи хусусӣ;

✓ аҳд байни ташкилоти қарзӣ ва муштарии он бо меъёрҳои қонунгузории граждани ба танзим дароварда мешавад, аммо амалиётҳои бонкӣ – бо меъёрҳои қонунгузории бонкӣ;

✓ амалиёти бонкӣ – ин бо қонунгузории бонкӣ ва санадҳои меъёрии Бонки миллии Тоҷикистон ба танзимдарории технологияи ба амалбароии аҳдҳои бонкӣ мебошад. Ташкилоти қарзӣ ҳуқуқ надорад аз ин технология саркашӣ намояд. Анҷом додани аҳдҳо маънои онро дорад, ки тарафҳои он бо хоҳиш ва ба манфиати худ амал мекунанд. Онҳо ҳуқуқ доранд шартҳои шартномаро пешбинӣ намоянд;

✓ амалиётҳои бонкӣ мавзӯи муносибатҳои ҳуқуқии байни Бонки миллии Тоҷикистон ва ташкилоти қарзӣ мебошад, вале аҳдҳои бонкӣ – мавзӯи муносибатҳои ҳуқуқии байни ташкилоти қарзӣ ва муштарии он [10, с. 67].

Пас аз лиҳози ҳуқуқӣ фарқияти асосӣ байни амалиёт ва аҳди бонкӣ дар он аст, ки амалиёти бонкӣ аз ҷониби як тараф (ташкилоти қарзӣ) ва аҳд аз ҷониби ду тараф (муштарӣ ва ташкилоти қарзӣ) анҷом дода мешавад. Барои нақом додани амалиёти бонкӣ иҷозатнома доштан зарур аст, барои аҳди бонкӣ не. Амалиёти бонкӣ объекти ҳуқуқи оммавӣ ба ҳисоб рафта, аҳд объекти ҳуқуқи хусусӣ.

Амалиёти бонкӣ бошад, ин раванди хоси технологӣ-барномавӣ буда, ҳамгироии байни бонк ва муштариро дар бар гирифта, аз ҷониби институти молиявӣ (ташкилоти қарзии молиявӣ) барои ҳалли масъалаи муайяни иқтисодӣ ба манфиати муштарӣ равона карда шудааст.

Амалиёти бонкӣ шакли ғайримоддӣ дошта, онҳоро ба мисли ягон предмети моддӣ даст расонидан ғайримкон аст, аз ин рӯ, онҳо нархи собиткардашуда надоранд.

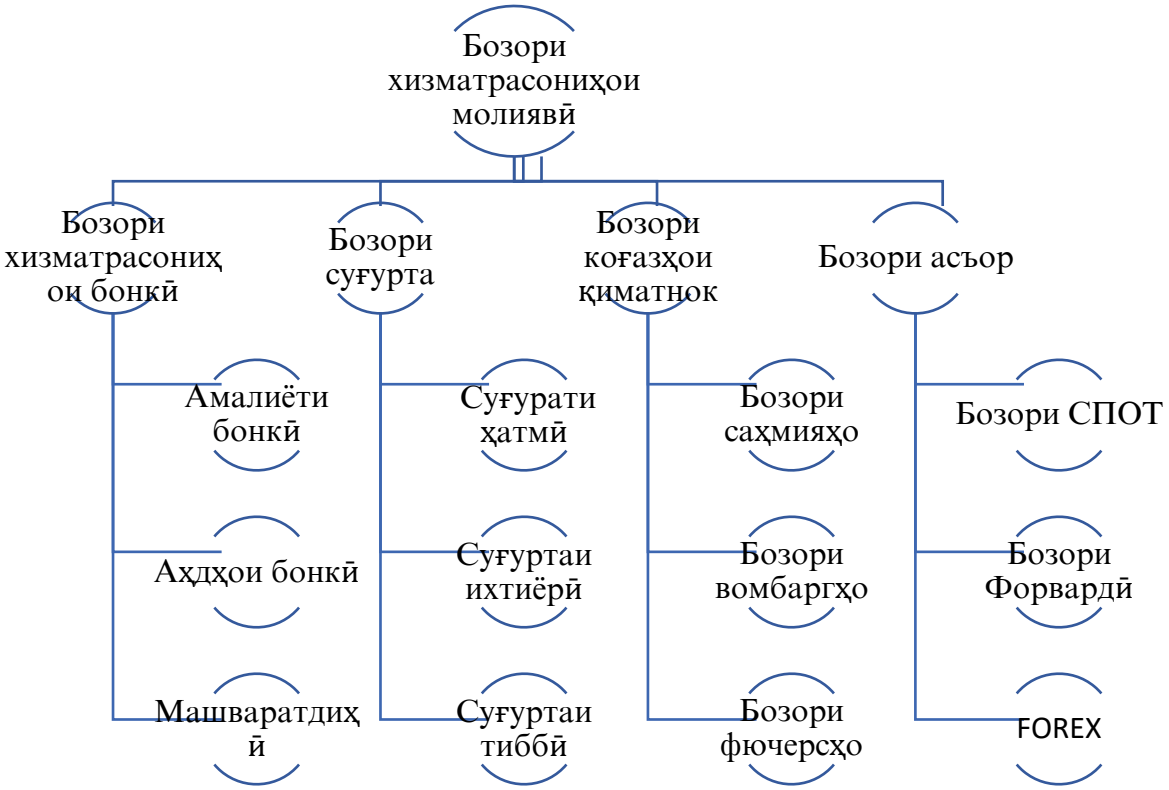
Аз ин бар меояд, ки яке аз ҷузъҳои асосии “хизматрасониҳои молиявӣ” ин “хизматрасониҳои бонкӣ” буда, “амалиёт ва аҳдҳои бонкӣ” як қисми асосии ин хизматрасониҳо мебошанд.

Бозори амалиёти бонкӣ барои таъмини самаранокии баланди молиявӣ ва суботи иҷтимоию иқтисодӣ пешбинӣ шудааст, ки дар натиҷа ба тамоми механизми иқтисодии ҷумҳурӣ ва минтақаҳо, рақобатпазирӣ ва устувории корхонаҳо таъсири судманд мерасонад. Вобаста ба ин зарур аст, ки ба паҳлуҳои назариявии “бозори амалиёти бонкӣ” равшанӣ андозем.

Бозор ин як категорияи асосии хоҷагидории молӣ ба ҳисоб рафта, алоқаҳои махсус ва муносибатҳои бо мубодила алоқамандбударо муаррифӣ мекунад.

Олими ватанӣ Б.М. Шарипов қайд менамояд, ки “Бозори молиявӣ ин низоми мураккаби бахшҳои муттаҳидшуда (қарзӣ, коғазҳои қиматнок, суғурта, асъор ва тилло) мебошад, ки дар он ҷо муносибатҳои пулӣ ва молиявӣ, бо сафарбаркунии пасандозҳои озод дар шакли пулӣ ва табдил додани онҳо ба шаклҳои гуногуни захираҳои молиявӣ бо мақсади самаранок азнавтақсимкунӣ ва ҷойгиркунии байни субъектҳои бозор бо истифода аз усулҳо, воситаҳо, фишангҳо ва шабакаи муассисаҳои молиявӣ (бонкҳо ва муассисаҳои молиявии ғайрибонкӣ) барои таъмини рушди устувор, динамикии иқтисодиёти миллӣ ва афзоиши некӯаҳволии аҳолӣ, ба вуҷуд меоянд ва такрор мешаванд” [11, с. 53].

Аз ин рӯ, мо бояд мафҳумҳои “бозори молиявӣ” ва “бозори хизматрасониҳои молиявӣ”-ро тавъам ва ҳаммаъно донем, чунки дар зери ин ду мафҳум мо як чиро мефаҳмем.



Расми 1 – Сохтори бозори хизматрасониҳои молиявӣ
Сарчашма: таҳияи муаллифон

Дар навбати худ мафҳуми “бозори хизматрасониҳои молиявӣ” нисбат ба мафҳуми “бозори амалиёти бонкӣ” васеътар буда, бозори амалиёти бонкӣ як ҷузъи бозори хизматрасониҳои бонкӣ мебошад, ки дар Расми 1 нишон дода шудааст.

Бо дарназардошти ин гуфтаҳо мо метавонем қайд намоем, ки бозори амалиёти бонкӣ дар маънои танг ҳамчун ҷузъи бозори молиявӣ фаҳмида мешавад, ки дар он субъектҳои асосии амалкунанда ташкилотҳои қарзии молиявӣ буда, объекти он амалиёт ва хизматрасониҳои махсуси бонкӣ мебошанд.

Ба маънои васеъ, мафҳуми «бозори амалиёти бонкӣ» аз мафҳуми анъанавии он ҳамчун ҷузъи бозори молиявӣ берун меравад, зеро сухан дар бораи хизматрасониҳои дорои хусусияти молиявӣ ва ғайримолиявӣ, ки ба муассисаҳои дигар намудҳои тиҷорат хос аст, меравад, ба монанди машварат, пешниҳоди иттилоот, иҷора ва нигоҳдорӣ, пешниҳоди хидматҳои маркетингӣ, хидматҳои трастӣ ва ғайра.

Таҷрибаи бонкдорӣ нишон медиҳад, ки таркиби бозори амалиёти бонкӣ васеъ буда, вобаста ба як қатор нишондиҳандаҳо, аз ҷумла сатҳи тараққиёти давлат, боварии аҳолӣ ба низоми бонкӣ, татбиқи технологияҳои навин дар бонкдорӣ, маърифати молиявии аҳолӣ ва ғарйраҳо доираи фарохи амалиётҳоро дар бар мегирад [12; 13].

Бозори амалиёти бонкӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон навташаккулёбанда буда, чунин амалиётҳоро дар бар мегирад:

✓ Бозори амалиёти қарздиҳӣ;

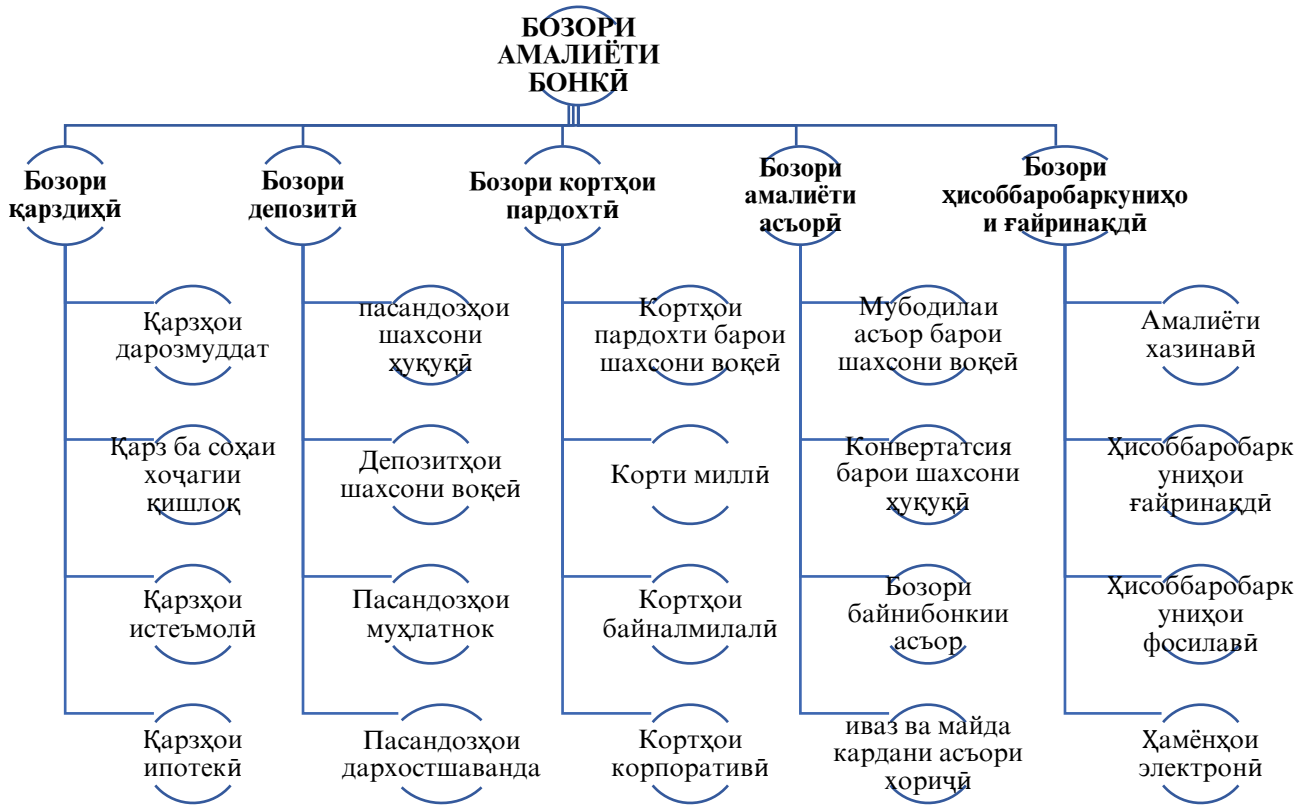
✓ Бозори амалиёти депозитӣ;

✓ Бозори хизматрасониҳои кортҳои бонкӣ;

✓ Бозори амалиёти мубодилавӣ;

✓ Бозори ҳисоббаробаркуниҳои ғайринақдӣ;

Дар навбати худ ҳар як бахши бозори амалиёти бонкӣ зербахшҳои худро доранд, ки он дар расми 2 оварда шудааст.



Расми 2 – Сохтори бозори амалиёти бонкӣ
Сарчашма: таҳияи муаллифон

Дар маҷмуъ, вазифаи стратегии рушди бозори амалиёти бонкӣ ин расонидани амалиёт, хидмат ё маҳсулоти зарурии бонкӣ ба истеъмолкунандаи мушаххас дар ҳар вақт, дар ҳар макони ҷуғрофӣ ва бо нархи дастрас мебошад.

Танҳо чунин низом метавонад ба тамоми субъектҳои хоҷагидор дар саросари ҷумҳурӣ хидматрасонии бонкии босифатро пешниҳод намояд. Тамоюлҳои муосире, ки рушди бозори амалиёти бонкиро тавсиф мекунанд, аз инҳо иборатанд: зиёд кардани номгӯи амалиёт, маҳсулот ва хидматҳои пешниҳодшуда дар асоси муайянкунии гуруҳҳои муайяни муштариён, тамаркуз ба пешниҳоди маҳсулот ва бастаи хидматҳо ва ғайра.

Маҳз, рушди нокифояи бозори амалиёти бонкӣ яке аз омилҳои асосии монеаи фаъолияти соҳибкорӣ ва сармоягузорӣ мегардад. Бевосита аз ин сабаб фаъолсозии бозори амалиёти бонкӣ, ки ба ташаккули рафтори мувофиқи молиявӣ дар байни бонкҳо мусоидат мекунад, ба яке аз масъалаҳои муҳими рушди иқтисодии кишвари мо табдил ёфтааст, ки он таҳлили системавӣ ва муайян намудани имкониятҳои потенциалии ташкилотҳои қарзии молиявии дар он амалкунандаро тақозо менамояд.

Яке аз шартҳои фаъолияти бомуваффақияти бозори амалиётҳои бонкӣ тибқи Стратегияи миллии рушди то соли 2030 аз ҷониби давлат амалӣ намудани сиёсати мутавозин ва пайваста дар ин самт мебошад, ки бевосита ба рушди иқтисодиёт таъсир мерасонад.

Маҳз барои ҳамин дар стратегияи мазкур диққати хоса ба бахши молиявӣ дода шуда, қайд гардидааст, ки “Бахши молиявии Тоҷикистон дар соли 2030 – низоми муосири босуръат афзоишёбандаи муассисаҳои молиявии рақобатпазир, ки дорои қобилияти пешниҳод намудани хизматрасониҳо ва маҳсулоти мухталифи босифат ва инноватсионии молиявӣ ба истеъмолкунандагон мебошад ва шароитҳои мусоид барои рушди босуботи иқтисодиёти миллӣ фароҳам оварда, ба таъсири таконҳои беруна устувор мебошад” [14, с. 84].

Яъне, маҳаки асосӣ то соли 2030 дар бахши бонкӣ ин баланд бардоштани сифати хизматрасониҳои бонкӣ, ба роҳ мондани рақобати солим дар бахши бонкӣ, таъмини устуворӣ ва шаффофияти ташкилотҳои қарзӣ, ки таҳкими нақши бонкҳоро дар равандҳои инноватсионии бахши воқеии иқтисод ва баланд бардоштани самаранокии сармоягузорӣ, таъминкунанда бошад.

Адабиёт

1. Желтоносов В.М., Зиниша О.С., Филатова В.В. Финансовый капитал в условиях системной недостаточности рынка финансовых услуг [Текст]: / Финансы и кредит. 2009. – № 23 (359). – С. 60-67.
2. Латынин Д.В. Финансовое поведение кредитных организаций на розничном рынке банковских услуг: дис. … канд. экон. наук – [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.dslib.net/finansy/finansovoe-povedeniekreditnyh - organizacij-na-roznichnom-rynkebankovskih-uslug.html.
3. Банковский менеджмент [Текст]: / учебник / под ред. О.И. Лаврушина. – М.: КНОРУС. 2009. – 560 с.
4. Головин Ю.В. Банки и банковские услуги в России: вопросы теории и практики [Текст]: / – М.: Финансы и статистика, 2003. – 416 с.
5. Ганиев Р.Г. Организационно-экономические аспекты оказания банковских услуг населению в условиях рыночной экономики (на материалах Республики Таджикистан) [Текст]: диссертация на соискание ученой степени

кандидата экономических наук / Ганиев Рустам Гафурович, 2016. – 165 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.dissercat.com/content/organizatsionno-ekonomicheskie-aspekty-okazaniya-bankovskikh-uslug-naseleniyu-v-usloviyakh.

6. Исаев Д.Б. Некоторые аспекты правового регулирования банковских операций [Текст]: / Законодательство. 1997. – № 4. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://base.garant. ru/3540057/
7. Иванов А.Н. Банковские услуги: зарубежный и российский опыт. – Москва: Финансы и статистика, 2002. – 176 с.
8. Топорнин Б.Н., Тосунян Г.А., Викулин А.Ю., Экмалян А.М. Банковское право Российской Федерации [Текст]: / Общая часть: учебник / под редакцией Б.Н. Топорнина. – М.: Юристъ, 2003. – 444 с.
9. Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон “Дар бораи фаъолияти бонкӣ”. – Душанбе 2011 с.
10. Шеров Ш.З. Доир ба мафҳуми фаъолияти бонкӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон // Қонунгузорӣ. 2019. – № 4(36). – С. 66-69.
11. Шарипов Б.М. Тенденция формирования и развития финансового рынка в Таджикистане. – Душанбе, 2022. – 482 с.
12. Джураев Б.М. Анализ эффективности использования инструментов денежно-кредитной политики [Текст]: / Вестник Таджикского национального университета: Серия социально-экономических и общественных наук. 2016. – № 2/8(215) – С. 212-217.
13. Шарипов Б.М. Теоретические аспекты формирования финансового рынка в условиях перехода экономики таджикистана к новой модели развития [Текст]: / Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2017. – Т. 7. № 10А. – С. 16-29.
14. Стратегияи миллии рушди Ҷумҳурии Тоҷикистон то соли 2030, – Душанбе, 2016. – 84 с.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ РЫНКА БАНКОВСКИХ ОПЕРАЦИЙ

Джураев Б.М.[1], Шарифзода Б.М.[1], Курбонова Ф.А.[2]
Институт экономики и демографии Национальной академии наук Таджикистана[1]
Худжандский государственный университет имени академика Б. Гафурова[2]

Аннотация. *Статья посвящена теоретическому анализу формирования рынка финансовых услуг, особенно рынка банковских операций, в национальной экономике. Авторы рассматривают финансовые услуги, в том числе страхование, лизинг и банковские операции, как важные составляющие финансового рынка, а также представляют различия между понятиями «банковские операции» и «банковские договоры» с правовой точки зрения и процесса государственного регулирования. . В статье рассматривается высокая важность повышения качества банковских услуг, обеспечения здоровой конкуренции и стабильности банковской системы, а также представлены стратегические цели развития банковской системы до 2030 года.*
Ключевые слова: *финансовый рынок, рынок банковских услуг, банковские операции, банк, устойчивость, стратегические цели.*

THEORETICAL ASPECTS OF THE FORMATION OF THE BANKING OPERATIONS' MARKET

Juraev B.M.[1], Sharifzoda B.M.[1], Kurbanova F.A.[2]
Institute of Economics and Demography National Academy of Sciences of Tajikistan[1]
Khujand State University named after academician B. Gafurov[2]

Annotation. *The article is devoted to the theoretical analysis of the formation of the financial services market, in particular the banking market, in the national economy. The authors examine financial services, including insurance, leasing and banking operations, as important components of the financial market, and present the difference between the concepts of "banking operations" and "banking contract" from a legal point of view and the process of state regulation. The article examines the high importance of increasing the quality of banking services, ensuring healthy competition and stability of the banking system, and presents strategic goals for the development of the banking system until 2030.*
Keywords: *financial market, banking services market, banking operations, bank, stability, strategic goals.*

***Сведения об авторах*: Джураев Бехзод Машрабович** – к.э.н., доцент, докторант Института экономики и демографии Национальной академии наук Таджикистана, город Душанбе, Республика Таджикистан. **Тел.:** (+992 43) 377 77 79. **E-mail:** bjuraev@rund.tj.
Шарифзода Бахром Махмуд – д.э.н., доцент, главный научный сотрудник Института экономики и демографии, Национальной Академия наук Таджикистана, город Душанбе, Республика Таджикистан. **Тел.:** (+992 90) 778 65 68, **E-mail:** b_sharipov@mail.ru.
Курбонова Фируза Алиджоновна – к.э.н., доцент кафедры банковского дела Худжандского государственного университета имени академика Б. Гафурова, город Худжанд, Республика Таджикистан. **Тел.:** (+992 92) 701 22 65. **E-mail:** firuza.1978@inbox.ru.

ТДУ 336+36.1/5. (575.3)

ВАЗЪ ВА ТАМОЮЛОТИ ИМТИЁЗҲОИ АНДОЗИЮ ГУМРУКӢ ДАР РУШДИ ФАЪОЛИЯТИ СОҲИБКОРӢ ВА ТАКМИЛИ МЕХАНИЗМҲОИ МОЛИЯВИЮ ИҚТИСОДИИ ОН

Ашурзода Ш.М., Саидзода Ф.М.
Донишгоҳи миллии Тоҷикистон

Аннотатсия. *Дар мақола нақши имтиёзҳои андозию гумрукӣ барои ҳавасмандгардонии соҳибкорӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон баррасӣ ва дараҷаи таъсири онҳо ба бартариҳои рақобатпазирӣ ошкор карда мешавад. Қайд карда мешавад, ки имтиёзҳои гумрукӣ метавонанд ба кам шудани хароҷоти истеҳсолот ва беҳтар шудани вазъи молиявии корхонаҳо, афзоиши ҳаҷми истеҳсолот, таъсиси ҷойҳои нави корӣ ва дар маҷмуъ ба рушди маҷмуи маҳсулоти дохилии кишвар мусоидат намоянд. Муаллифон таҳлили хусусиятҳои вежаи ҳамаи шаклҳои фаъолияти хоҷагидориро пешниҳод менамоянд.*

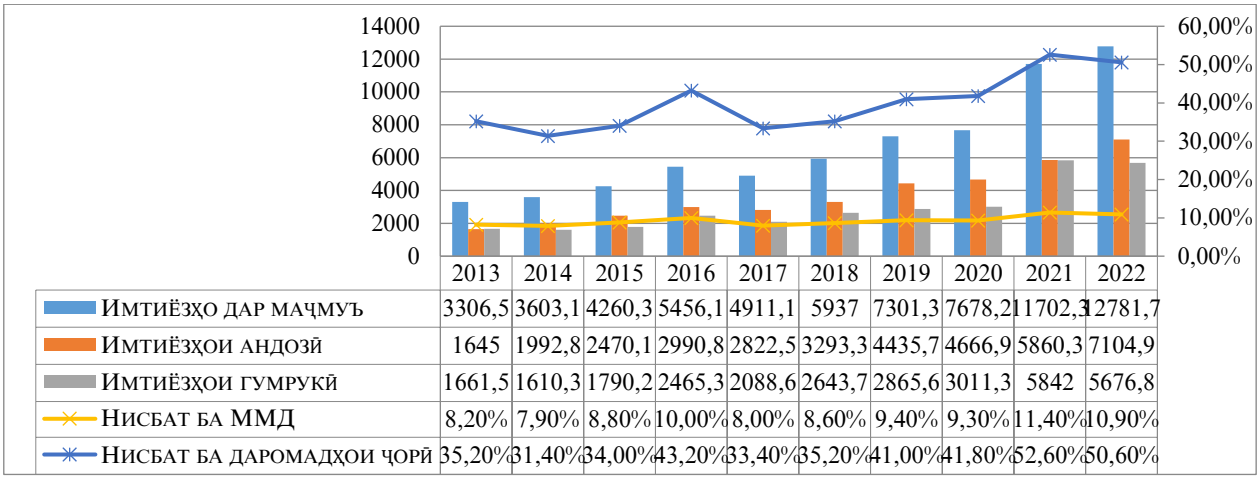
Калидвожаҳо: *имтиёзҳои андозию гумрукӣ, соҳибкории инфиродӣ, рақобатпазирӣ, хароҷоти истеҳсолот, механизмҳои молиявӣ, танзими давлатӣ, иқтидори захираҳо, имкониятҳои молиявӣ.*

Ҳадафи асосии давлат ва Ҳукумати Тоҷикистон имрӯз таъмин намудани рушди босуботи иқтисодӣ ба шумор меравад. Сиёсати иқтисодиву иҷтимоии давлат ҳам, дар навбати аввал, бо таъмин кардани рушди устувори иқтисодӣ баланд бардоштани сатҳу сифати зиндагии мардум, беҳбуд бахшидан ба ҳифзи иҷтимоии табақаҳои ниёзманди аҳолӣ ва фароҳам овардани шароити зарурӣ барои тарбияи насли солиму бомаърифат равона шудааст.

Воқеан, ҳар вақте Асосгузори сулҳу ваҳдати миллӣ – Пешвои миллат, Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон, муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон бо соҳибкорону сармоягузорони ватанӣ мулоқот доир менамоянд, дар он проблемаҳои асосии фаъолияти соҳибкорию сармоягузорӣ мавриди баррасӣ қарор гирифта, дар ин замина самтҳои муҳимтарини фаъолият ва вазифаҳои идораю мақомоти давлатӣ ҷиҳати дастгирии рушди соҳибкорӣ муайян ва мушаххас карда мешаванд.

Ҳукумат дар замони соҳибистиқлолӣ дар доираи сиёсати пешгирифтаи давлат доир ба дастгирии фаъолияти соҳибкориву сармоягузорӣ тадбирҳои зарурӣ амалӣ карда, дар ин самт барои соҳибкорон имтиёзу сабукиҳои зиёд ҷорӣ намудаанд. Ин сабукиҳо то ба имрӯз зиёда аз 120 намудро ташкил менамояд.

Дар умум таҳлил карда бароем, аз тавсифи умумии имтиёзҳо бармеояд, ки дар тақсимоти соҳавӣ ба бахши саноат 39 имтиёз, кишоварзӣ 14 имтиёз, сармоягузорӣ 13 имтиёз, тандурустӣ 3 имтиёз, энергетика 10 имтиёз, қарзӣ - молиявӣ 5 имтиёз, нақлиёт 7 имтиёз, сайёҳӣ 3 имтиёз ва дигар соҳаҳои мухталифи иқтисодиёт 10 имтиёз рост меояд.



	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Имтиёзҳо дар маҷмуъ	3306,5	3603,1	4260,3	5456,1	4911,1	5937	7301,3	7678,2	11702,3	12781,7
Имтиёзҳои андозӣ	1645	1992,8	2470,1	2990,8	2822,5	3293,3	4435,7	4666,9	5860,3	7104,9
Имтиёзҳои гумрукӣ	1661,5	1610,3	1790,2	2465,3	2088,6	2643,7	2865,6	3011,3	5842	5676,8
Нисбат ба ММД	8,20%	7,90%	8,80%	10,00%	8,00%	8,60%	9,40%	9,30%	11,40%	10,90%
Нисбат ба даромадҳои ҷорӣ	35,20%	31,40%	34,00%	43,20%	33,40%	35,20%	41,00%	41,80%	52,60%	50,60%

Расми 1. Имтиёзҳои андозию гумрукӣ, вазни қиёсии онҳо нисбат ба ММД ва даромадҳои ҷории буҷети давлатӣ (бо млн сомонӣ)

Дар давраи солҳои 2013-2022 маблағи имтиёзҳои ба субъектҳои соҳибкорӣ татбиқшуда, дар маҷмӯъ ба 67,0 млрд сомонӣ баробар гардида, аз ин 37,3 млрд сомониро имтиёзҳои андозӣ ва 29,7 млрд сомониро имтиёзҳои гумрукӣ (тарифӣ) ташкил медиҳанд [1].

Маблағи имтиёзҳои андозию гумрукии ба субъектҳои соҳибкорӣ дар соли 2013 татбиқшуда 3,3 млрд сомонӣ, вазни қиёсии он 8,2 фоизи ММД ва 35,2 фоиз даромадҳои ҷории буҷети давлатиро ташкил дода бошад, пас ин нишондиҳанда дар соли 2022 ба 12,8 млрд сомонӣ, баробар ба 10,9 фоизи ММД ва 50,6 фоизи даромадҳои ҷории буҷети давлатӣ баробар гардида, дар соли 2022 нисбат ба соли 2013-ум 3,9 маротиба зиёд гардида, дар давраи таҳлилшаванда вазни қиёсии он нисбат ба ММД 2,7 фоиз ва нисбат ба даромадҳои ҷории буҷети давлатӣ 15,4 фоиз афзоиш ёфтааст.

Тавре ба мо маълум аст, Пешвои миллат, муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон дар Паёмашон ба Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон дар соли 2022 қайд карданд, маблағи имтиёзҳои андозиву гумрукии ҷорикардашуда зиёда аз 12 миллиард сомониро ташкил менамояд. Аз ҷумла, аз ҳисоби паст ва бекор кардани меъёрҳои 5 намуди андоз дар соли 2022 зиёда аз 105 миллиард сомонӣ ҳамчун дастгирӣ дар ихтиёри субъектҳои соҳибкорӣ боқӣ мондааст. Натиҷаи ҳамин дастгириҳо буд, ки шумораи субъектҳои соҳибкорӣ дар соли 2022 ба 339 ҳазор расидааст, ки нисбати соли 2018 беш аз 76 ҳазор зиёд гардидааст.

Афзоиши теъдоди соҳибкорони инфиродӣ сол ба сол дар ҷадвали 2. инъикоси худро ёфтааст.

Ҷадвали 1.

Теъдоди субъектҳои хоҷагидории фаъолияткунанда аз Феҳристи ягонаи давлатӣ дар сатҳи ҷумҳурӣ барои солҳои 2018 – 2022 (адад)

Номгӯи субъектҳои соҳибкорӣ	Солҳо					2022 бо % нисбат ба 2018
	2018	2019	2020	2021	2022	
Фаъолияткунанда	315890	326491	335305	339407	340115	107,67
Шахсони ҳуқуқӣ	31174	30929	31225	31386	32853	105,39
Соҳибкорони инфиродӣ	284716	295562	304040	308021	307262	107,92
Аз ҷумла:						
Шаҳодатнома	33572	34604	37264	36663	35747	106,48
Хоҷагии деҳқонӣ	149774	155621	161376	167009	172104	114,91
Патент	101370	105337	105400	104349	99407	98,06

Сарчашма: Таҳияи муаллиф, дар асоси маълумотҳои Кумитаи андози назди Ҳукумати Ҷумурии Тоҷикистон. Манбаи электронӣ: https://andoz.tj/docs/Deytelnost/a_SHahsoniHukukiVaSohibInfirodi_Tj.pdf.

Тавре аз ҷадвали 2 дида мешавад, дар соли 2022 дар ҷумҳурӣ шумораи умумии субъектҳои хоҷагидорӣ ба 340115 адад расидааст, ки инро метавон аз натиҷаи ҳамон имтиёзҳое, ки дар расми 1 дида мешавад, ҳаҷми имтиёзҳо аз 7678,2 млн. сомонии соли 2020 ба 11702,3 млн. сомонӣ дар соли 2022 омада расидааст, ки соҳибкорони инфиродӣ ҳавасманд гардида, шумораи онҳо 90%-и шумораи умумии соҳибкоронро ташкил додааст.

Дар натиҷа гуфтан мумкин аст, шумораи соҳибкорони инфиродие, ки тибқи патент фаъолият мекунанд, дар панҷ соли охир кам гашта (98,06%), шумораи дигар субъектҳои соҳибкорӣ афзоиш меёбад. Дар панҷ соли охир ба миқдори 1965 адад коҳиш ёфтааст, ки ин коҳишёбӣ соли соли 2022 нисбат ба соли 2018 мебошад.

Таҳлилҳо нишон медиҳанд, ки шахсони воқеие, ки дар асоси шаҳодатнома фаъолияти худро пеш мебаранд, рӯ ба афзоиш доштааст ва соли 2022-ро нисбат ба соли 2018 2177 нафар зиёд гардидааст. Дар шароити муосир ин аз тарафи хуби кор барои иқтисодиёт дарак медиҳад.

Барои фарқ кардани ин низомҳои фаъолият хусусияти фарққунандаи байни онҳоро бояд фаҳмид, яъне соҳибкороне, ки тибқи патент фаъолият менамоянд, аз рӯи ҳаҷми фурӯши мол, кор ва хизматрасонӣ фарққунанда буда, маблағи андозро дар асоси андозаи муайяннамудаи Ҳукумати Ҷумҳурӣ, новобаста аз бузургии даромади худ ба буҷет пардохт менамоянд, аммо дар асоси фаъолияти тибқи шаҳодатнома фаъолияткунанда дар асоси он эъломияе, ки дар давраи ҳисоботӣ пешниҳод менамоянд, аз даромади умумии гирифтаашон дар асоси усули хазинавӣ ба ҳисоб мегиранд ва 6% ба буҷет пардохт мекунанд.

Барои боз ҳам маълумоти бештар пайдо намудан оид ба саҳми соҳибкорони инфиродӣ дар пардохти маблағҳо ба буҷети давлатӣ ба маълумотҳои омории солҳои 2018-2022 назар меандозем, ки маълумоти пурраи онро дар ҷадвали 2

дида мебароем [2].

Ҷадвали 2.

Пардохтҳо аз ҳисоби соҳибкорони инфиродӣ бе назардошти маълумотҳои хоҷагии деҳқонӣ (ҳаз. сомонӣ)

Мазмуни амалиёт	2018					2019					2020					2021					2022				
	Шумора	АТНС	Андози даромад	Андози ичтимой	**Ҳамагӣ**	Шумора	АТНС	Андози даромад	Андози ичтимой	**Ҳамагӣ**	Шумора	АТНС	Андози даромад	Андози ичтимой	**Ҳамагӣ**	Шумора	АТНС	Андози даромад	Андози ичтимой	**Ҳамагӣ**	Шумора	АТНС	Андози даромад	Андози ичтимой	**Ҳамагӣ**
Патент	101447		134448,7	57351,9	**191800,6**	105371,0		144843,4	61477,8	**206321,2**	104560		135963,9	58116,2	**194080,1**	104389		179511,0	75824,8	**255335,8**	99405		204623,0	87369,4	**291992,4**
Шаҳодатнома	33586	200296,4	30231,9	107734,9	**338263,2**	34606	208762,8	33831	122661	**365254,8**	35136	129565,6	17278,8	70224,1	**221068,4**	36663	181104,5	23098,6	92866,4	**297069,5**	35749	234709,7	28828,4	112154,9	**375693**
Ҳамагӣ	**135033**	**200296,4**	**164680,6**	**165086,8**	**530063,8**	**139977**	**208762,8**	**178674,4**	**184138,8**	**571576**	**139696**	**129565,6**	**153257,7**	**128340,3**	**415148,5**	**140139**	**181104,5**	**202609,6**	**168691,2**	**552405,3**	**135154**	**234709,7**	**233451,8**	**199524,3**	**667685,4**

Сарчашма: таҳияи муаллиф, дар асоси маълумотҳои электронии Кумитаи андози назди Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон. Манбаи электронӣ: https://andoz.tj/docs/Deytelnost/a_SHahsoniHukukiVaSohibInfirodi_Tj.pdf.

Аз ҷадвали мазкур дида мешавад, ки шумораи соҳибкорони инфиродӣ афзоиш ёфта, дар соли 2019 нисбат ба соли 2018 22456 адад ё ба 7,92% зиёд гаштааст.

Агар ба таҳлили фаъолияти субъектҳои соҳибкорӣ дар умум пардозем, маълум мешавад, ки дар соли 2022 дар сатҳи аввал ҳиссаи субъектҳои хоҷагидорӣ ба 50,6 фоиз, дуввум тибқи патент фаъолияткунанда 29,22 фоиз, ҳиссаи сеюм тибқи шаҳодатнома фаъолияткунанда 105,1фоиз ва ҳиссаи аз ҳама охирон ҳамчун шахси ҳуқуқӣ фаъолияткунанда 9,66 фоиз, қарор доранд. Аз чунин фаъолиятҳо пардохтҳои дар шакли андоз ба буҷет воридгардида рӯ ба афзоиш дорад, ки чунин пардохтҳо андози даромад ва андози иҷтимоӣ мебошанд.

Даромадҳо аз чунин фаъолиятҳо бе назардошти хоҷагиҳои деҳқонӣ 667685,4 ҳазор сомониро дар соли 2022 ташкил дода, рӯ ба афзоиш доранд, яъне барои пурратар дақиқ будан мо муқоиса мекунем ба соли 2022, ки дар ин сол ин маблағ 552405,3 ҳазор сомониро ташкил медод ва афзоиш дар сатҳи 12,1 фоиз қарор дошт [1].

Дар натиҷаи рушди фаъолияти соҳибкорӣ ҳамасола рушди Маҷмӯи маҳсулоти дохилии кишвар ва даромадҳои андозии буҷети давлатӣ ба назар мерасад, ки инро мо дар ҷадвали 2 мебинем, ки ин афзоишро дар соли 2021 дар муқоиса бо соли 2018 дида бароем 34 фоиз, даромади умумии буҷети давлатӣ 22,2 фоиз, даромадҳои андозӣ 33,4 фоиз афзоиш ёфтааст. Дар ин афзоишёбӣ ҳиссаи соҳибкорони инфиродӣ ба назар расида, танҳо дар чор сол 4,2 фоиз афзоиш ёфтааст, ки ин фаъолият боиси дастгирист.

Ҷадвали 3.

Тамоюли ҳиссаи андозҳо аз соҳибкорони инфиродӣ дар афзоиши даромадҳои буҷетӣ солҳои 2018-2022

Нишондиҳанда	Воҳиди ченак	2018	2019	2020	2021	2022	2022 бо фоиз нисбат ба 2018
ММД	млн. сомонӣ	71059,2	79109,8	83958,3	98910,7	115739,4	162,9
Даромади буҷети давлатӣ	млн. сомонӣ	24097,2	23490,4	25065,0	29478,7	36338,8	150,8
Даромадҳои андозӣ	млн. сомонӣ	14743,9	16317,7	15366,5	19667,0	21814,0	148,0
Даромадҳои ғайриандозӣ	млн. сомонӣ	1772,9	1182,3	1895,4	1640,7	2420,5	136,5
Даромади буҷети давлатӣ аз соҳибкорони инфиродӣ	млн. сомонӣ	530,1	571,6	415,1	552,4	500,8	94,5

Сарчашма: таҳияи муаллиф дар асоси маълумотҳои электронии Кумитаи андози назди Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон. Манбаи электронӣ: httpmoliya.tjwp-contentuploads202302%D2%B3isobot-oid-ba-i%D2%B7roishi-bu%D2%B7eti-davlat%D3%A3-solona.pdf.

Агар мо ба таҷрибаи мамлакатҳои хориҷӣ назар андозем, ҳиссаи андозҳо аз соҳибкорони инфиродӣ дар ММД то 5%-ро ташкил медиҳад. Таҳлили воридотҳои андозӣ аз соҳибкорони инфиродӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон аз ҷадвали 2 дида мешавад, ки аз 049% то 0,75%-ро ташкил медиҳад, хеле паст аст.

Ба даромадҳои андозии буҷет, маълум мегардад, ки омилҳои гуногун, ба монанди паедемияи КОВИД-2019, таъсир расонидаст ва камшавии ҳиссаи даромадҳои андозӣ аз соҳибкорони инфиродиро мебинем, ки 2,70 то 3,56 боқӣ

мондааст. Ин бештар дар солҳои 2020 ва 2021 мушоҳида мегардад.

Дар баробари ин, мушоҳидаҳое, ки дар коҳишёбии ҳиссаи андозҳои соҳибкорон ба буҷет мушоҳида мегардад, ин албатта аз кам шудани даромадҳои шаҳодат медиҳад, ки ин мушкилиҳои худро дорад. Яке аз мушкилӣ ин ба таври кофӣ дастрасӣ надоштани соҳаи кишоварзӣ ба қарзҳои имтиёзнок барои нигоҳ доштани устувории молиявӣ ва ба таври нав ҷорӣ намудани механизми маблағгузорӣ дар соҳа мебошад, ки то ба имрӯз ҳалли худро ба таври кофӣ наёфтааст. Ва ин мушкилиҳо бояд аз тарафи субъектони масъули соҳа бо дастгирии Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳалли худро ёбад. Ба назар мерасад, ки ба воситаи он механизмҳои нави дастгирии молиявие, ки дар соҳа ҳамчун норасоӣ дида мешавад, муҳаё карда шавад, яъне баланд бардоштани сатҳи дастрасии хоҷагиҳои кишоварзӣ ба кумакҳои молиявӣ ва қарзҳои имтиёзноки кутоҳмуҳлат, миёнамуҳлат ва дарозмуҳлат, ҳамчунин таҳияи чорабиниҳо оид ба таъмини бехатарии иҷтимоӣ ва дигарҳо. Ин фаъолиятҳо боз ҳам устувории молиявии худро шароитҳои гугонгун нигоҳ дошта, ҳиссаи онҳо дар рушди маҷмӯи маҳсулоти дохилӣ ва даромади миллӣ меафзояд. Зеро соҳибкории инфиродӣ дар таъмини рушди воқеии иқтисодиёт ҳиссаи ками даромад аз маҳсулоти фурӯхташуда (корҳо, хизматҳо)-ро дар иқтисоди миллӣ таъмин менамояд. Аз натиҷаи таҳлилҳои болозикр маълум гардид, ки ҳиссаи истеҳсоли молу маҳсулот, иҷрои корҳо ва хизматрасониҳо дар ММД-и Ҷумҳурии Тоҷикистон аз ҷониби соҳибкорони инфиродӣ истеҳсолшаванда хело паст буда, имкониятҳои афзун намудани он мавҷуд аст ва бояд роҳҳои зиёд намудани нишондиҳандаҳои мазкурро илман асоснок намуда, ҷустуҷӯ намуд [3, с. 34-43].

Рушди фаъолияти соҳибкорӣ ҳамчун як соҳаи муҳими иқтисоди миллӣ ба чашм расад ҳам, аммо бояд гуфт, ки ҳоло ҳам ҳамаи захира ва имкониятҳо ба таври бояду шояд истифода нашудаанд, ки барои боз ҳам афзоиши ин бахш истифодаи заруриро талаб менамояд. Ба мо маълум аст, ки имрӯз барои дастгирии фаъолияти соҳибкорӣ аз ҷониби Ҳукумати Ҷумҳурӣ корҳои зиёде карда шудааст, аммо дар сатҳи минтақаҳо ба санадҳои меъёрию ҳуқуқӣ барои боз ҳам беҳтар шудани фаъолияти соҳибкорӣ такмил мехоҳад. Барои амалӣ намудани чунин дастгириҳо саҳми Кумитаи давлатии сармоягузорӣ ва идораи амволи Ҷумҳурии Тоҷикистон барои дар амал татбиқ кардани онҳо нақши асосиро иҷро мекунад, зеро ҳамчун мақомоти давлатӣ дар самти дастгирии соҳибкорӣ ва ҷалби сармоя дар сатҳи дохилӣ ва байналмилалӣ нақши муҳим дорад.

Агар мо ба таҳлили марҳилаҳои рушди фаъолияти соҳибкорӣ назар кунем, новобаст аз корҳое, ки дар самти рушди фаъолияти соҳибкорӣ карда мешаванд, бо назардошти имкониятҳое, ки дар ин самт аст, қонеъкунанда набуда, боз такмилро талаб менамоянд.

Инро мо дар он асоснок мекунем, ки дар таҷрибаи дигар давлатҳо, махсусан давлатҳои тараққикарда, 30 фоизи маҷмӯи маҳсулоти дохилии мамлакат ҳиссаи соҳибкорони инфиродӣ мебошад, дар ҳоле ки дар ҷумҳурии мо бо ин қадар имконияту шароитҳои зиёди табиӣ ин 5-фоизи ММД-ро ташкил менамояд. Чунин афзоиш бе ташкили инфрасохтори дастгирии соҳибкории инфиродӣ ғайриимкон аст.

Ба чунин хулоса омадан мумкин аст, ки тавассути таҳкими механизмҳои мавҷуда ва ҷорӣ намудани ислоҳоти зарурӣ дар соҳаи сиёсати гумрукӣ ва иқтисодӣ чунин корҳо бояд сурат гирад:

-дар соҳаҳои муҳими иқтисодӣ, ки афзишёбии ҳиссаи соҳибкорони инфиродӣ дар ММД мусоидат мекунад, ташкил намудани барномаҳои махсус (саноат, кишоварзӣ, технологияҳои нав);

-пешниҳоди имтиёзҳо барои воридоти технологияҳои пешрафта ва маводҳои хом;

-ташкили фондҳои дастгирии молиявӣ барои соҳибкороне, ки аз имтиёзҳои гумрукӣ истифода мебаранд;

-ҷорӣ намудани низоми рақамии идоракунӣ дар мақомоти гумрук;

-таъсис додани платформаҳои онлайн барои бақайдгирии имтиёзҳо;

-ба кор даровардани системаи мониторинг барои назорати истифодаи имтиёзҳо;

-таҳияи нишондиҳандаҳои муайян барои арзёбии таъсири имтиёзҳои гумрукӣ ба рушди иқтисодиёт;

-гузаронидани таҳлилҳои даврӣ оид ба таъсири имтиёзҳо ба фаъолияти соҳибкорӣ;

-бартараф намудани омилҳои боздоранда дар истифодаи самараноки имтиёзҳо.

Татбиқи ин самтҳо метавонад ба таъсиси муҳити мусоид барои рушди соҳибкорӣ, ҷалби сармоягузориҳои дохилӣ ва хориҷӣ, инчунин такмили самаранокии идоракунии захираҳо дар иқтисодиёти Ҷумҳурии Тоҷикистон мусоидат намояд.

Адабиёт

1. Таҳлили самаранокии имтиёзҳои андозӣ ва гумрукии амалкунанда, Вазорати молияи Ҷумҳурии Тоҷикистон. – Душанбе, 2023. – 84 с.
2. Стратегияи миллии рушди Ҷумҳурии Тоҷикистон барои давраи то соли 2030. – Манбаи электронӣ. Реҷаи дастрасӣ: https://mmk.tj/file (санаи мурочиат 21.02.2025)
3. Калаков Р.Н. К вопросу об эффективности налоговых льгот: анализ современной практики / Р.Н. Калаков // Сборник научных трудов SWorld. – 2012. – Т. 20. – № 1. – С. 34-43.

НАЛОГОВЫЕ И ТАМОЖЕННЫЕ ЛЬГОТЫ В РАЗВИТИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ЕЁ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ МЕХАНИЗМОВ

Ашурзода Ш.М., Саидзода Ф.М.
Таджикский национальный университет

Аннотация. *В статье рассматривается роль налоговых и таможенных льгот в стимулировании предпринимательской деятельности в Республике Таджикистан и выявляется степень их влияния на конкурентные преимущества рынка. Отмечается, что таможенные льготы могут способствовать снижению производственных затрат, улучшению финансового состояния предприятий, увеличению объёмов производства, созданию новых рабочих мест и, в целом, росту валового внутреннего продукта страны. Авторы проводят анализ характерных особенностей всех форм хозяйственной деятельности.*
Ключевые слова: *налоговые и таможенные льготы, индивидуальное предпринимательство, конкурентоспособность, производственные затраты, финансовые механизмы, государственное регулирование, ресурсный потенциал, финансовые возможности.*

TAX AND CUSTOMS INCENTIVES IN THE DEVELOPMENT OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITY AND ITS FINANCIAL AND ECONOMIC MECHANISMS

Ashurzoda Sh.M., Saidzoda F.M.
Tajik National University

Annotation. *The article examines the role of tax and customs incentives in stimulating entrepreneurial activity in the Republic of Tajikistan and reveals the degree of their influence on the market competitive advantages. It is noted that customs benefits can help reduce production costs, improve the financial condition of enterprises, increase production volumes, create new jobs and, in general, increase the country's gross domestic product. The authors analyze the features of all economic activity forms.*
Keywords: *tax and customs incentives, individual entrepreneurship, competitiveness, production costs, financial mechanisms, state regulation, resource potential, financial opportunities.*

***Сведения об авторах*: Ашурзода Шохмурод Мирзомурод** – к.э.н., доцент кафедры таможенной деятельности Таджикского национального университета, город Душанбе, Республика Таджикистан. **Тел.:** (+992 91) 816 13 55. **E-mail**: shohmurod_1987@mail.ru.
Саидзода Фирдавс Мадисмон – ассистент кафедры таможенной деятельности Таджикского национального университета, город Душанбе, Республика Таджикистан. **Тел.:** (+992 91) 826 77 93. **E-mail:** firdavs_saidzoda@mail.ru.

УДК 33.06

СТРАНОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ИСЛАМСКИХ ПРИНЦИПОВ РАЗВИТИЯ ФИНАНСОВОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ

Рахматов С.К.
Таджикский национальный университет

Аннотация. *В статье рассматриваются особенности реализации исламских принципов в процессе формирования финансового сектора различных стран. Автор акцентирует внимание на требованиях исламского шариата в сфере финансовых отношений и раскрывает специфику их применения в зависимости от конфессиональных различий и социально-экономических условий в мусульманских и немусульманских странах. Подчёркивается, что каждое государство, исходя из религиозной структуры и культурного контекста, реализует исламские принципы по-своему. На основе анализа различных моделей внедрения исламских финансов автор формулирует предложения, направленные на более эффективную интеграцию шариатских норм в современную финансовую практику. Статья будет полезна преподавателям, исследователям в области экономики и религиоведения, а также специалистам банковского дела, особенно тем, кто работает в исламских банках или с исламскими финансовыми окнами.*

Ключевые слова: *исламские финансы, исламские принципы, финансовый сектор, финансовые институты, банк, банковские операции, исламское страхование, исламское налогообложение.*

Естественно отметить, что в каждой отдельной мусульманской стране развитие финансового сектора на базе исламских принципов все более рассматривается как объективное явление. В зависимости от многочисленных факторов в каждой стране уровни развития и распространения исламских принципов в экономике, и в частности, в финансовой сфере, обладают своеобразными особенностями. Кроме того, исламские финансы в последние 15-20 лет получили широкое развитие в целом ряде неисламских стран. В некоторых из них эти принципы стали реализовываться на базе дополнений к банковскому и другим законодательствам, регулирующим воздействие финансового сектора.

Среди мусульманских стран выделяются такие страны, у которых финансовый сектор экономики целиком регулируется законами, основанными на принципах шариата (Иран, Пакистан, Судан). В других мусульманских странах одновременно развиваются финансовые институты, которые в своем функционировании опираются как на принципах шариата, так и на традиционных принципах, существующих до настоящего времени.

Имеет место ситуация, когда ведущие банки отдельных мусульманских стран, а также первоклассные транснациональные финансовые институты, не

отказываясь от традиционных принципов прибегают к созданию и расширению так называемого «мусульманского окна». Последнее означает, что в таких финансовых учреждениях в пределах такого «окна» применяется исламские принципы функционирования финансового сектора.

Безусловно наднациональные финансово-экономические исламские организации играют ведущую роль в обеспечении позитивного расширения и эффективного функционирования национальных финансовых институтов на базе исламских принципов. К таким институтам прежде всего относится Исламский Банк Развития. Этот банк по решению Организации Исламской Конференции был создан в 1975 году. В начале он был ориентирован на реализацию межгосударственных целей по развитию экономики отдельных мусульманских стран. Внутренние банковские операции в ИБР построены на базе шариатских принципов. Именно этот банк является инициатором создания целого ряда мощных исламских банков, к числу которых относятся Дубай Исламик банк (1975), Файсал Исламик банк (в Судане и в Египте), Бахрейн Исламик банк, Исламская сберегательная корпорация в Малайзии и т.д. Весьма ощутимо воздействие ИБР на развитие исламских финансовых структур в немусульманских странах Европы, Азии и Америки.

Смысл создания самого ИБР заключался в создании международного финансового института для ускорения экономического и социального прогресса мусульманских стран, а также мусульманских общин в немусульманских странах в полном соответствии с принципами шариата [1]. Сам ИБР в широком плане выступает в качестве финансирующего органа как общественного, так и частного сектора в мусульманских странах. В качестве сфер инвестирования ИБР выступают инфраструктурные объекты. ИБР также оказывает техническое содействие членам ОМС (Организация мусульманских стран) и оказывает содействие развитию торговли между исламскими странами, в особенности, торговли инвестиционных товаров. Широко известно участие ИБР в распространении знаний об исламских принципах функционирование экономики. В структурном плане ИБР состоит из следующих составных частей:

а) портфель исламских банков;

б) инвестиционный фонд ИБР;

в) инфраструктурный фонд ИБР;

г) исламская корпорация страхования инвестиций и кредитования экспорта;

д) исламская корпорация по развитию частного сектора.

Мусульманские страны обладают определенными потенциалами в развитии исламских финансов, включая исламский банкинг, которые в силу известных обстоятельств широко дифференцируются. Арабские страны Ближнего Востока, а также Иран (до недавнего времени) являются владельцами огромных сумм

нефтедолларов. Это является причиной формирования высокого уровня ликвидности исламских банков, действующих в указанной группе стран.

Вместе с тем имеется другая группа Исламских государств, которые не обладают нефтегазовыми ресурсами и которые нуждаются во внешних финансовых вливаниях. Такие государства также являются обладателями большого количества банков действующих на основе исламских принципов. Принципы функционирования таких банков требуют более высокого уровня ликвидности по сравнению с традиционно действующими банками. Такие страны до настоящего времени нуждаются в повышении уровня ликвидности, которая не представляется возможным без привлечения финансовых ресурсов из-за рубежа. Ко второй группе стран относятся Египет, Судан, Бангладеш, Турция, Кыргызстан, Таджикистан, Пакистан, Индонезия, Джибути, Эритрея, Сомали, Йемен и т.д.

Такой разброс в уровнях развития банков и других элементов исламской финансовой системы приводит к существенной дифференциации между ними. Это находит выражение в том, что, например, по исламскому банкингу они подразделяются на 3 группы, исходя из их системной значимости. В первой группе включаются системно значимые, во второй группе – потенциально системно значимые, в третьей группе – минимально значимые исламские банки. Первая группа охватывает страны, где доля исламских банков превышает 15% от всего объема активов банковского сектора. Соответственно во вторую группу входят страны, где удельный вес исламских банков составляет от 4 до 14% активов банковского сектора. В третью группу стран входят те, у которых этот показатель не превышает 4 %. Отмеченная дифференциация приведена в нижеследующей таблице.

Классификация некоторых стран по системной значимости исламских банков [2].

Системно значимые исламских банков	Потенциально системно значимые исламские банки	Минимально значимые исламские банки
Иран -100% Судан – 100% Саудовская Аравия – 51% Бруней – 41% Кувейт – 38% Иемен – 27% Катар – 25,1% Малайзия – 21,9% ОАЭ – 17,4% Бангладеш – 17% Джибути – 15%	Бахрейн – 14% Иордания – до 14% Палестина – 10% Пакистан – 9,8% Египет – до 7% Турция – 7,8% Оман – 4,35% Индонезия – 4%	Тунис – 3% Кения – 2,5% Азербайджан – до 2,2% Алжир – до 1% ЮАР – менее 1% США – менее 1% Канада – менее 1% Великобритания – менее 1% Сингапур – менее 1% Казахстан – менее 1% Ливан – менее 1%

Из вышеприведенной классификации можно сделать следующие выводы:

а) в первой группе преобладают нефтепроизводящие страны Ближнего Востока; б) во второй группе преобладают азиатские страны с устойчивыми политическими режимами, которые также являются мусульманскими. в) в третьей группе преобладают страны, где основная часть населения являются немусульманскими или которые находятся на переходном этапе. К числу таких стран принадлежит и Таджикистан. Первая группа стран отличается высоким уровнем конкурентоспособности исламских финансовых учреждений в структуре финансовой системы. В светских и умеренно-мусульманских странах (вторая группа) системно значимые исламские банки вовлечены в процесс ожесточенной конкуренции. Это нередко заканчивается банкротством банков как исламского, так и традиционного направления деятельности. В третьей группе стран исламские банки отличаются резкими различиями в своем финансовом статусе.

Эта проблема находит яркое выражение в исламском банкинге в Индонезии. Основная проблема исламского банка в Индонезии заключается в том, что наряду с основным партнером реализация проектов для пополнения денежных ресурсов банков привлекаются ресурсы третьей стороны. А другая их проблема заключается в том, что такие банки сталкиваются с поисками недостающих ресурсов для достижения необходимой ликвидности из-за того, что инструменты обеспечения деривативов ликвидности носят весьма ограниченный характер. Когда имеет место зависимость исламских банков от третьей стороны, предоставляющая денежные ресурсы по высоким тарифам, то это создает проблемы в использовании текущих депозитов и наращивание денежных ресурсов в депозитных фондах.

Третья проблема – это отрицательный коэффициент ВВП. Это означает, что страна нуждается в стабильном положительном изменении макроэкономических показателей, пока рынки исламских банков откуда исчерпываются деньги отличаются дороговизной, что создает проблемы для достижения высокого ликвидного буфера. Данная ситуация создает высокие риски, в особенности риск утечки банковских депозитов. Такой риск, в конечном итоге, может привезти к дефолту этих банков.

В Пакистане процентная ставка полностью упразднена. Здесь прибыли и убытки делятся между банком, пользователем кредита и владельцами депозитов. Однако полное упразднение процентной ставки (риба) произошло гораздо позднее из-за серьезной подготовки к принятию норм исламских финансов. В самом начале Федеральный Исламский Суд целого ряда исламских продуктов и процессов оценил, как неисламские. Однако Верховный суд Пакистана не признал данное решение Шариатского суда. По этому Шариатскому суду было предоставлено дополнительное время для переоценки своих решений. Этот суд

привлек большое количество крупных экспертов из числа известных уламов для установления степени адекватности своих решений. Изменения в шариатских законах были утверждены лишь в 1990 году. При этом были указаны на следующие уроки, вытекающие из экспертных оценок:

а) Нет необходимости в использовании радикальных методов перехода к исламским принципам функционирования финансов. Вместо этого Верховный Суд Пакистана указал на необходимость использования эволюционного подхода, когда стейкхолдеры в полной мере ощущают приемлемость новых методов, вытекающих из шариатских норм.

б) Переход должен носить гибкий характер. Нужно отказаться от силовых методов, которые препятствуют динамичности развития рынков.

в) Перед широким распространением норм исламских финансов необходимо добиться широкого доверия не только среди финансовых институтов, но и среди широкого круга потребителей. Стейкхолдеры должны располагать новейшими знаниями об исламском банкинге перед переходом от процентной ставки к бесплатному банкингу.

г) Для того, чтобы знать принципы исламских финансов необходимо понять глубокий смысл таких категорий как процентная ставка, ценность денег по времени, стоимость капитала, экономическая теория, теория рисков и т.д.

В финансовую систему Пакистана особое внимание уделяется закату, который занимает одно из ведущих мест среди применяемых налогов. В Пакистане концепция финансовой системы очень близка к общей концепции банковской системы. Последнее предполагает сужение масштабов коммерческой банковской системы, когда предоставление кредитов сопровождается требованием о залогах. В Пакистане широко прибегают к семи разновидностям финансов, которые широко применяются в этой стране. К последним относятся: мушарака, мудараба, салам, истисна, мурабаха, ичара, мусавама.

В последние годы в Пакистане наблюдается создание широкой сети филиалов и отделений банковских и небанковских финансовых учреждений в малых городах и крупных селах. Кстати, менее урбанизированные районы в большей степени тяготеют к использованию исламских финансовых услуг, поскольку уровень религиозности в сельских и недостаточно урбанизированных местностях намного выше, чем в крупных и крупнейших городах Пакистана.

Исламские финансы получили развитие только после исламской революции 1978 года в Иране. С самого начала установления исламского режима было ясно, что национальные финансы, созданные по образцу западных финансовых систем, будут преобразованы в финансы, работающие на базе принципов шариата. В 1983 году был принят Закон «О беспроцентном банковском деле»

новым правительством. Процентная ставка этим законом была ликвидирована в масштабе всей страны и объявлена антиисламским.

В Иране переход на беспроцентные кредиты оказался не из легких. Это особенно касается пассивов коммерческих банков. На первый взгляд кажется, что вклады как срочные, так и долгосредние по своим размерам после такого перехода могут оказаться мизерными. Впрочем, некоторые банки в Иране не только не выплачивают проценты, а взымают определенную плату за обслуживание вклада. Тем не менее после исламской революции в Иране через средства массовые информации была проведена масштабная работа по разъяснению смысла перехода к исламским принципам развития финансовой системы. Хотя в Иране депозиты рассматриваются в качестве кредита, предоставляемого физическими и юридическими лицами банку, тем не менее их объемы, приобрели тенденцию к росту. Такие депозиты в исламских банках были охарактеризованы как «кард-аль-хасана». Такое переименование произошло сразу после принятия Закона «О беспроцентном банковском деле». По сути дела, вклады до востребования, которые называются «кард-аль-хасана» являются формой «аманата», которые передаются банку для сохранения. Основы беспроцентного хранения «аманата» является исламский государственный строй, в основе действия которого лежат нормы шариата. Нельзя сказать, что держатели таких вкладов вовсе не получают деньги. Они получают деньги, когда средства переданы банку для сохранения и используются для реализации тех или иных проектов, финансируемых исламскими банками.

Такие выплаты производятся, когда банк получает свою часть прибыли от участия в реализации проектов, точнее говоря от финансирования проектов. В этом плане средства, получаемые от срочных вкладов, являются более устойчивыми чем от вкладов до востребования. Последние чем дольше содержатся в банках, тем больше в случае прибыльности проектов могут принести их владельцам прибыль. Таким образом, прибыль, получаемая банковскими учреждениями, в свою очередь ещё раз делится на две части. По договоренности с владельцами вкладов, то есть пассивов, прибыль делится в соответствующих пропорциях. Вместе с тем в Иране законом обеспечивается полная гарантия для выплаты основного вклада. При возвращении вклада клиенту последний может получать возрастающую сумму по сравнению с суммой основного вклада. Если в результате реализации проекта стороны, ответственные за использование инвестиций получают убытки, то распределение убытков между банками и депозиторами может не происходить. Другими словами, на этом этапе распределения, убытки не делятся.

В то же самое время иранские банки имеют разрешение на оказание различных услуг в целях увеличения численности клиентов. К таким услугам

могут относится бонусы и призы в денежной и в натуральной форме, применение скидок на тарифы, использование разного рода приоритетов в использования банковских услуг. Срочные вклады по той причине, что проекты, где их средства используются, являются прибыльными и в основном носят рентабельный характер.

В Иране срочные депозиты делятся на два типа: краткосрочные и долгосрочные. По каждому из этих разновидностей вкладов готовятся контракты. Достигнутый поныне опыт показывает, что в Иране медленно, но последовательным путем растет заинтересованность в увеличение сумм таких вкладов.

В постсоветском пространстве исламские финансы получили развитие намного позже, чем в мусульманских и западных странах. Среди постсоветских стран наиболее видное место, в данном плане, занимает Республика Кыргызстан. Первый указ президента Республики Кыргызстан был подписан 12 июля 2006 под названием «О Пилотном проекте внедрения исламских принципов финансирования в Кыргызской Республике». В этом указе было сказано: «Внедрение в Кыргызской Республике исламских принципов банковского дела и финансирования, наряду с традиционно действующим банковским делом и кредитованием, рассматривается как создание условий развития экономических правоотношений, а также конкурирующих систем финансирования и кредитования» [3]. В качестве подзаконного акта правительством Республики Кыргызстан 2 июля 2008 года было принято постановление «О распространении в Киргизской Республике исламского финансирования». Было принято также положение «О реализации исламских принципов финансирования в Киргизской Республике в рамках Пилотного проекта», Национальным Банком КР. В соответствии с вышеотмеченными документами в этой стране были введены изменения в соответствующие законы. К таким изменениям относятся положения о Сукук (ценных бумагах) и Такафул (страхование). Постепенно в Кыргызстане сложился сектор исламской финансовой системы. Целый ряд финансовых компаний перестраивает свою работу на базе названных принципов и функционируют в Бишкеке и во всех областных центрах. В 2013 году была создана Ассоциация развития исламской экономики, финансов и индустрии. Наряду с «ЭкоИсламикБанком» в Кыргызстане действуют многочисленные финансовые институты, работающие на базе принципов шариата. К настоящему времени удельный вес исламского банкинга в банковском секторе республики достигает 1,7%, а в небанковских финансовых структурах - 6%. В Кыргызстане три банка и пять микрофинансовых организаций работают на базе исламских принципов действия финансовой системы. Они широко используют такие инструменты, как мудараба, мушарака, мурабаха. Эти инструменты являются

высокорентабельными и служат ориентиром для дальнейшего развития финансовых институтов в Кыргызстане. Под воздействием отмеченных структур развиваются некоторые производства, носящие сугубо мусульманские черты. Речь идет о производствах по пошиву и продаже мусульманской одежды, мусульманские рестораны и кафе, производство халяльного мяса, шоколадов и другой продукции. В экономических вузах страны преподают такие предметы как «Основы исламской экономики», «Исламское банковское дело», «Исламские финансы», «Исламское страхование», «Исламское налогообложение», «Исламский рынок ценных бумаг» и т.д... Сегодня есть все основания для того, чтобы считать, что Кыргызстан все более трансформируется в методический центр исламского финансирования в масштабе Центральной Азии.

В Таджикистане лишь в 2019 г был создан первый исламский банк под названием «Тавхидбанк». Он был организован на базе ОАО «Сохибкорбанк». Следует отметить, что в Таджикистане исламские кредитные учреждения возникли очень поздно, после всех стран Центральной Азии. На наш взгляд, это ничем не оправданное опоздание. В социальном плане предпосылки развития таких банков в Таджикистане намного больше по сравнению с другими странами названного макрорегиона, поскольку уровень религиозности в этой стране выше по сравнению с соседями. Именно, этим объясняется быстрое возрастание численности клиентов первого исламского банка в стране, что видно из нижеследующей таблицы.

Изменение численности клиентов Тавхидбанка (тыс. чел.)

2020	2021	2022
2,54	14,01	31,03

Источник: Таблица составлена на основе данных «Тавхидбанка»

Из таблицы видно, что в течении двух лет численность клиентов «Тавхидбанка» увеличилось в 12,3 раза. Ни один банк, действующий на базе традиционных принципов, не имеет такие очень быстрые темпы увеличения своих клиентов.

В Российской Федерации исламские финансы получают развитие. Первый исламский банк «Бадр Банк» был создан в 1997 году и сразу же получил лицензию на проведение банковских операций. Этот банк является членом Международной ассоциации исламских банков, Ассоциации национальных финансовых институтов развития в государствах – членах Исламского банка развития. Он признан Исламским банком развития как банк, работающий на основе исламских принципов. Кстати, финансовый кризис, поразивший российскую банковскую систему 1998 году, прошел мимо данного банка. При банке действует инвестиционная финансовая компания «Badr finance», которая

выполняет такие операции, как дилерство, андеррайтинг ценных бумаг, исламские облигации и т.д... Эта компания ориентирована на создание в РФ такой экономической инфраструктуры, которая работала бы на базе законов шариата. Этот банк широко использует такие инструменты как мудараба, мушарака, мурабаха, иджара и иктина. В России «Бадр банк» все еще остается главным финансовым институтом, работающим на базе исламских принципов.

Общая особенность формирования и развития финансовых структур вышеприведенных стран, заключается в нехватке ресурсов для расширения масштабов функционирования исламских финансов. Все они страдают из-за недостаточной ликвидности. В то же самое время в целом ряде нефтегазопроизводящих стран имеет место явление гиперликвидности. К таким странам относятся: Саудовская Аравия, Кувейт, Катар, Бахрейн, Объединенные Арабские Эмираты и Оман. Отмеченная выше гиперликвидность объясняется крупномасштабным притоком нефте - и - газо долларов, которые не ориентированы на финансирование инвестиционных проектов внутри названных стран [4].

В континентальной Европе также в Великобритании исламские финансовые институты имеют более 40-летнюю историю развития. Первый Исламский финансовый дом был открыт в Люксембурге в 1978 году. Затем в Копенгагене был создан Исламский Международный Банк Дании. Даже в далекой Австралии появилась исламская инвестиционная компания. В Женеве была создана международная финансовая группа Дорул Мол аль Ислами.

Ранние исламские финансовые учреждения в неисламском мире представлены в нижеследующей таблице.

Первые исламские финансовые институты в странах Европы

Государства	Названия исламских финансовых учреждений	Год организации
Люксембург	Islamic Banking International Holding	1978
Швейцария	Dar-ul-mal-al-Islami	1981
Дания	Al-Baraka guruhi va Daniya xalgaro Islam banki	1982
Великобритания	Islamic Finance House	1983

Естественно полагать, что эти финансовые учреждения появились в тех странах Западной Европы, где имело место высокий уровень концентрации мусульманского населения. Последнее рассматривало эту необходимость как составную часть совершенствования образа жизни, основанного на правилах Шариата. Кстати, значительную часть работников этих учреждений составляли люди, принадлежащие к неисламским религиозным общинам (христиане, буддисты, индуисты).

Огромный интерес к внедрению исламских принципов в деятельности финансовых учреждений проявили известные финансово-банковские группы Запада.

Ведущие европейские банки ABN Amro, Society general, GP Morgan Chase создали специальные подразделения – «исламские окна», которые оказывают услуги мусульманам, проживающим в Европе на базе шариатских принципов. Исламские финансы получают быстрое развитие в Европе, что связано с быстрой исламизацией Европы. Исламизация континента объясняется растущим переходом коренных европейцев в Ислам, внедрением исламских норм поведения в европейский быт, отказ от традиционных ценностей, включением в законодательство пунктов, основанных не только на Римское право и кодекса Наполеона, но и на нормы шариата.

Следует отметить, что среди европейских стран Великобритания занимает ведущее место в развитии исламских финансовых структур. По своим активам, соответствующим нормам шариата, Соединённое Королевство занимает 7 место в мире (более 20 млрд. долл.). Это объясняется тем, что в Великобритании живет самая многочисленная мусульманская диаспора в немусульманском мире. Двадцать четыре банка Великобритании предоставляют услуги, соответствующие шариатским требованиям (в Швейцарии и Франции по 5 банков, в Люксембурге 4 банка). Три финансовые компании действуют на базе норм шариата (The Islamic Bank of Britain, The European Investment Islamic Bank и The Bank of London and Middle East). В отличие от многих немусульманских стран правительство Великобритании оказывает мощную поддержку финансовому сектору, действующему на базе шариатских принципов. Проф. Дункан Маккензи отмечает, что «Британское правительство в последние годы активно развивало нормативно-правовые основы сектора, которые позволили исламским финансовым услугам функционировать также, как традиционным». Нужно отметить, что быстрое развитие исламских финансовых структур в Великобритании объясняется не только выдвижением Лондона в качестве мирового финансового центра, но и стремлением правительства добиваться социальной интеграции многочисленного мусульманского населения этой страны в британское общество. Британские власти весьма активно реагируют на бюрократические препоны, которые ставятся в отдельных регионах страны на путях развития исламских финансовых структур.

Тем не менее на путях внедрения исламской финансовой системы имеется ряд проблем:

Нехватка специально подготовленных кадров в области исламских финансов. Самостоятельная подготовка персонала в банках и в других финансовых институтах представляется недостаточным. Необходимо организовать их

подготовку в арабских странах, а также создать соответствующие отделения в финансово-экономических факультетах страны.

Нет определенности в переходе исламских финансовых институтов на единые стандарты бухгалтерской отчетности и нормативно-правовой базы.

Недостаточность инвестирования финансовых учреждений, работающих на базе исламских принципов. Есть все основания для участия государства в таком финансировании.

Нужно отметить, что каждая страна обладает своими особенностями, проблемами и трудностями в развитии исламских финансовых структур. Пути преодоления отмеченных выше проблем и трудностей также широко разнятся.

Литература

1. Muhammad Ali. Islamic Development Bank and its Role in Financing Projects // Paper presented at the IEP-SAC Annual Seminar. Saudi Arabia, 24.11.2000.
2. Islamic Finance: Global Trends and the UK Market. 2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.thecity.com/media/uooh3ri4/islamic-finance-global-and-the-market.pdf (дата обращения: 25.02.2025).
3. Каримбеков А.М. Исламский банкинг как альтернативный вариант развития банковских услуг в Кыргызстане [Текст]: // Современный мусульманский мир. 2019. – № 4. – С. 4.
4. Орешев А.Б. Исламский банкинг в Европе [Текст]: // Бизнес и дизайн ревю. 2016. – Т. 1, – № 3. – С. 8.

ХУСУСИЯТҲОИ МИЛЛӢ ОИД БА ТАТБИҚИ ПРИНСИПҲОИ ИСЛОМӢ ДАР РУШДИ СОҲАИ МОЛИЯВИИ ИҚТИСОДИЁТ

Раҳматов С.К.
Донишгоҳи миллии Тоҷикистон

Аннотатсия. *Дар мақола хусусиятҳои татбиқи принсипҳои исломӣ дар раванди ташаккули низоми молиявии кишварҳои гуногун баррасӣ мегардад. Муаллиф ба талаботи шариати исломӣ дар соҳаи муносибатҳои молиявӣ таваҷҷуҳ зоҳир намуда, фарқиятҳои татбиқи ин меъёрҳоро вобаста ба хусусиятҳои мазҳабӣ ва иҷтимоию иқтисодии кишварҳои мусалмонӣ ва ғайримусалмонӣ таҳлил мекунад. Зикр мегардад, ки ҳар як давлат вобаста ба сохтори динию фарҳангии худ принсипҳои исломиро ба таври махсус ҷорӣ менамояд. Бо такя ба таҳлили таҷрибаи кишварҳои мухталиф муаллиф пешниҳодҳое манзур мекунад, ки метавонанд ба самаранокии бештари истифодаи меъёрҳои шариат дар низоми молиявӣ мусоидат намоянд. Мақола барои устодони донишгоҳҳо, кормандони муассисаҳои илмӣ-тадқиқотӣ дар соҳаи иқтисод ва диншиносӣ, инчунин барои мутахассисони соҳаи бонкдорӣ, бахусус онҳое, ки дар бонкҳои исломӣ ё «равзанаҳои исломӣ» фаъолият мекунанд, судманд хоҳад буд.*

Калидвожаҳо: *молияи исломӣ, принсипҳои исломӣ, соҳаи молиявӣ, муассисаҳои молиявӣ, бонк, амалиёти бонкӣ, суғуртаи исломӣ, андозбандии исломӣ.*

COUNTRY-SPECIFIC FEATURES OF IMPLEMENTING ISLAMIC PRINCIPLES IN THE DEVELOPMENT OF THE FINANCIAL SECTOR OF THE ECONOMY

Rakhmatov S.K.
Tajik National University

Annotation. *This article explores the specific features of implementing Islamic principles in the development of the financial sectors of various countries. The author focuses on the requirements of Islamic Sharia in financial relations and analyzes how these principles are applied depending on religious denominations and socio-economic conditions in both Muslim-majority and minority countries. It is emphasized that each country, shaped by its unique religious and cultural context, adapts Islamic financial principles in its own way. Based on the study of different models of Islamic finance integration, the author offers practical recommendations for enhancing the effectiveness of Sharia-based financial practices. This article will be of interest to university professors, researchers in economics and religious studies, as well as banking professionals, particularly those working in Islamic banks or with Islamic financial windows.*
Keywords: *Islamic finance, Islamic principles, financial sector, financial institutions, bank, banking operations, Islamic insurance, Islamic taxation.*

***Сведения об авторе*: Рахматов Сорбон Курбонович** – соискатель кафедры банковского дела Таджикского национального университета, город Душанбе, Республика Таджикистан. **Тел.:** (+992 91) 510 02 11. **E-mail:** rakhmatov.sorbon@gmail.ru.

УДК 338.012

ТРУДОВОЙ ПОТЕНЦИАЛ И ЗАНЯТОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ СТАРШИХ ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП

Бобозода А.
Институт экономики и демографии
Национальной академии наук Таджикистана

Аннотация. *В статье рассматриваются современные подходы к занятости старших возрастных групп в условиях глобальных демографических изменений, вызванных увеличением продолжительности жизни и снижением рождаемости. Особое внимание уделено трудовому потенциалу работников старшего возраста, который включает их физические, интеллектуальные и профессиональные качества. Подчёркивается значимость трудовой активности пожилых людей как ключевого ресурса для устойчивого экономического и социального развития. Отдельное место занимает анализ экономических и социальных эффектов занятости пожилых людей.*
Ключевые слова: *трудовой потенциал, старшие возрастные группы, занятость пожилых людей, демографические изменения, гибкая занятость, профессиональная переподготовка, социальные эффекты.*

В последние десятилетия демографические изменения, вызванные ростом продолжительности жизни и снижением рождаемости, стали глобальным вызовом для большинства стран мира. Старение населения, сопровождающееся увеличением доли граждан старших возрастных групп, оказывает значительное влияние на социально-экономическое развитие общества. Эти изменения требуют пересмотра традиционных подходов к использованию трудового потенциала пожилых людей. В условиях, когда трудоспособное население сокращается, использование опыта, знаний и навыков вчерашних работников, а сегодняшних пенсионеров становится важным фактором устойчивого развития экономики.

В связи с этим определяется необходимость решения вопросов, связанных с занятостью населения старших возрастных групп. Во многих странах пожилые люди сталкиваются с ограничениями на рынке труда, включая стереотипы о снижении их продуктивности, недостаточную гибкость рабочих условий и ограниченный доступ к профессиональной переподготовке. В то же время активное участие граждан старших возрастных групп в трудовой деятельности способствует не только улучшению их материального положения, но и снижению социальной изоляции, поддержанию здоровья и психологического благополучия. Традиционно пенсионеры рассматриваются как социальная группа, исключенная из сферы социально-трудовых отношений, что сводит к минимуму возможности поддерживать привычные социальные связи.

Экономическая значимость этого вопроса особенно проявляется в условиях демографического кризиса, когда дефицит рабочей силы в ряде отраслей экономики в развитых стран требует привлечения дополнительного трудового ресурса [1]. Старшие работники могут стать важным резервом для решения этой проблемы, если будут созданы эффективные механизмы их трудовой интеграции.

В целом, нужно отметить, что стимулирование занятости в старших возрастных группах и использование трудового потенциала пенсионеров – тема отнюдь не нова, «еще во времена Советского Союза к ее решению относились по-разному, в зависимости от особенностей переживаемого периода. На протяжении большей части советской истории занятость пенсионеров поощрялась. Начиная с 60-х годов прошлого века, государство позволяло пенсионерам получать одновременно и пенсию, и заработную плату. Само явление трудовой занятости пенсионеров, помимо демографических причин, было непосредственно связано с низким уровнем пенсий. Политика поощрения трудовой занятости пенсионеров решала проблему низких пенсий и позволяла занять рабочие места, которые в силу либо плохих условий труда, либо низкого уровня оплаты не были заняты молодыми работниками» [2].

Одним из важных аспектов выступает исследование трудового потенциала и занятости населения старших возрастных групп через призму экономических, социальных и демографических факторов. В связи с этим рассмотрены современные подходы к вовлечению пожилых работников в экономическую деятельность, проблемы и перспективы их трудоустройства.

На сегодняшний день весьма актуальным является анализ современных подходов к использованию трудового потенциала старших возрастных групп, изучение успешных практик и программ их поддержки в разных странах, а также на разработку рекомендаций, способствующих их интеграции в рынок труда.

Трудовой потенциал старших возрастных групп: сущность и особенности. Трудовой потенциал старших возрастных групп представляет собой совокупность физических, интеллектуальных, профессиональных и личностных качеств, которые могут быть реализованы гражданами старшего возраста в процессе трудовой деятельности. В условиях старения населения использование этого потенциала становится важным фактором для устойчивого социально-экономического развития. Особенности трудового потенциала пожилых работников обусловлены как возрастными изменениями, так и социально-культурными факторами. С одной стороны, возрастные изменения могут снижать физическую выносливость и темпы обучения, с другой стороны, старшие работники обладают значительным профессиональным опытом, интеллектуальными навыками и эмоциональной устойчивостью, что делает их незаменимыми в ряде отраслей [3].

Особенности трудового потенциала старших возрастных групп:

- Возрастные изменения. Влияние возрастных изменений на трудовую активность неоднозначно. Физические ограничения могут снижать производительность в некоторых сферах, требующих интенсивной физической нагрузки. Однако в интеллектуальных и творческих профессиях старшие работники могут сохранять, а иногда и улучшать свои способности.

- Адаптивность и обучаемость. Одним из распространённых стереотипов является предположение о низкой способности пожилых работников к обучению. Однако исследования показывают, что при правильном подходе к обучению (например, индивидуальные программы, использование наглядных материалов) пожилые люди способны осваивать новые технологии и методы работы. Важно учитывать, что темпы обучения у старших возрастных групп могут быть ниже, чем у молодых, но результаты зачастую оказываются столь же качественными.

- Низкая гибкость и готовность к изменениям. Пожилые работники чаще оказываются менее склонными к изменению места работы и адаптации к новым условиям труда. Это связано с приверженностью привычным схемам работы и

страхом перед технологическими нововведениями. Однако поддержка со стороны работодателей и коллег, а также специальные программы обучения могут помочь преодолеть этот барьер.

- Социальная значимость труда. Для старших работников трудовая деятельность часто является не только средством обеспечения дохода, но и важным элементом социальной идентичности. Работа помогает им сохранять чувство принадлежности к обществу, избегать социальной изоляции и поддерживать активный образ жизни.

- Разнообразие потребностей. Трудовой потенциал старших возрастных групп зависит от множества факторов, включая уровень образования, состояние здоровья, профессиональный опыт и индивидуальные предпочтения. Поэтому при разработке программ занятости необходимо учитывать разнообразие потребностей этой категории работников.

Значимым элементом трудового потенциала пожилых работников является их мотивация. Для многих людей старших возрастных групп трудовая деятельность становится важной частью социальной идентичности, способом сохранения активности, а также источником материального благополучия. Вместе с тем трудовой потенциал этой группы населения требует учета особенностей здоровья, уровня образования и профессиональных навыков. Здоровье часто становится ограничивающим фактором, особенно в профессиях, связанных с физическими нагрузками. Однако адаптация рабочих мест, программы медицинской реабилитации и поддержка здорового образа жизни способны значительно повысить трудоспособность пожилых людей.

Еще одной важной особенностью является готовность к обучению. Несмотря на стереотипы о низкой обучаемости пожилых людей, исследования показывают, что они способны осваивать новые технологии и навыки при условии использования адаптированных методик. Тем не менее, темпы обучения у старших работников могут быть ниже, что требует от работодателей терпения и гибкости. Кроме того, стереотипы и предвзятое отношение работодателей к пожилым сотрудникам представляют значительный барьер для их трудоустройства. Нередко пожилые люди воспринимаются как менее продуктивные или не готовые к изменениям, что в действительности далеко от истины. Для преодоления этих барьеров необходимы государственная поддержка, информационные кампании и программы, направленные на повышение квалификации.

Возрастные изменения здоровья могут ограничивать трудоспособность, особенно в профессиях, требующих физической нагрузки. Медицинская поддержка, программы реабилитации и адаптации рабочих мест помогают пожилым людям сохранять трудовую активность.

Старшие работники, имеющие высокий уровень образования и широкий спектр профессиональных навыков, чаще остаются востребованными на рынке труда. Программы повышения квалификации и переподготовки играют важную роль в поддержании их конкурентоспособности.

Также, следует отметить, что реализации трудового потенциала представителей старших возрастных групп препятствуют стереотипы и предвзятость работодателей. Одним из ключевых барьеров для трудоустройства пожилых работников являются стереотипы, связанные с их низкой продуктивностью, отсутствием гибкости и склонностью к болезням. Борьба с этими предубеждениями требует активного участия государства, бизнеса и гражданского общества.

В целом, динамика рынка труда, особенности экономического развития и уровень безработицы существенно влияют на возможности трудоустройства старших работников. В условиях кризиса они чаще всего первыми теряют работу и испытывают сложности с повторным трудоустройством. Политика государства в области трудовой занятости, включая программы субсидирования, стимулирования найма пожилых работников и создание условий для гибкой занятости, играет решающую роль в реализации их трудового потенциала. «В отношении граждан, прекративших профессионально-трудовую деятельность в связи с выходом на пенсию, вопросы содержания и приоритетности мер государственной социальной политики находятся в прямой зависимости от специфики социально-экономического развития страны и определяются научно обоснованным критерием, характеризующим остроту и значимость выдвигаемых в сложившейся социально-экономической ситуации проблем, исходя из материальных и целого ряда других ресурсов государства», – подчеркивает в своей работе Ж.В. Петрова [4].

Таким образом, трудовой потенциал старших возрастных групп является важным ресурсом для социально-экономического развития общества. Его эффективное использование требует комплексного подхода, включающего борьбу со стереотипами, адаптацию рабочих мест, развитие программ обучения и переподготовки, а также государственную поддержку. Учет особенностей трудового потенциала этой категории населения позволяет не только повышать их занятость, но и способствовать устойчивому развитию экономики.

Текущая ситуация с занятостью пожилых работников: общемировые тенденции. Современные демографические изменения, такие как увеличение продолжительности жизни и старение населения, оказывают существенное влияние на рынок труда. В результате увеличивается доля пожилых работников, и их занятость становится важным элементом экономической политики в разных странах. Однако ситуация с трудоустройством этой возрастной группы

значительно варьируется в зависимости от экономического уровня, социальных программ и культурных особенностей конкретных стран.

В глобальном масштабе трудовая активность пожилых людей демонстрирует рост. Согласно данным Международной организации труда (МОТ), уровень занятости людей в возрасте 65 лет и старше в среднем по миру составляет около 15%, с наибольшими показателями в странах с развитой экономикой [5]. Это связано как с государственной политикой продления трудовой жизни, так и с экономической необходимостью среди самих пожилых людей продолжать работать.

Примером успешной адаптации рынка труда к возрастным изменениям является Япония, где уровень занятости среди людей старше 65 лет достигает 25,2% [6]. В стране активно действует «Закон о стабильной занятости пожилых людей», который обязывает работодателей предоставлять возможность продления трудовой деятельности. Для этого создаются специализированные программы переподготовки и гибкие формы занятости. В частности, многие японские компании предлагают пожилым работникам сокращённый рабочий день, что позволяет сохранить их вовлечённость и снизить физическую нагрузку.

В США действует программа Senior Community Service Employment Program (SCSEP), финансируемая Министерством труда [5]. Она ориентирована на пожилых граждан с низким уровнем дохода, обеспечивая их временной занятостью и обучением в некоммерческих организациях. Программа охватывает более 60 тысяч участников ежегодно, а около 45% из них находят постоянную работу после её завершения. Такой подход способствует интеграции пожилых работников в экономику и поддерживает их финансовую независимость.

В Германии пожилые работники активно вовлечены в рынок труда через программы частичной занятости, такие как «Teilzeit in Alter». Эта инициатива позволяет пенсионерам работать на сокращённой основе, одновременно получая часть пенсии. По данным Федерального агентства труда, уровень занятости среди пожилых людей в возрасте от 65 до 74 лет вырос с 10% в 2005 году до 18% в 2020 году [5]. Кроме того, немецкое правительство предоставляет налоговые льготы компаниям, нанимающим пожилых сотрудников.

Несмотря на позитивные примеры, пожилые работники сталкиваются с множеством трудностей при трудоустройстве. Одной из ключевых проблем является возрастная дискриминация. Работодатели часто воспринимают пожилых сотрудников как менее продуктивных или неспособных адаптироваться к новым технологиям. Например, в странах Восточной Европы, таких как Польша и Чехия, уровень трудовой активности пожилых людей значительно ниже среднего по ЕС из-за сохраняющихся стереотипов [6].

Другим препятствием является ограниченный доступ к образовательным программам и профессиональной переподготовке. В Индии, например, подавляющее большинство пожилых работников трудятся в неформальном секторе, что усложняет их участие в официальных программах занятости и повышении квалификации. Многие из них продолжают заниматься физически тяжёлой работой, которая с возрастом становится для них непосильной.

В развитых странах, таких как Швеция и Дания, акцент делается на балансе между работой и личной жизнью. Например, в Швеции действует программа «Flexjobb», которая позволяет пожилым работникам заниматься трудовой деятельностью в соответствии с их физическими возможностями. Уровень занятости среди людей в возрасте 65-74 лет в Швеции составляет около 15%, что значительно выше среднего показателя по ЕС [7]. Это стало возможным благодаря поддержке со стороны государства, включая субсидирование заработной платы пожилых работников.

В России ситуация с занятостью пожилых людей остаётся сложной. По данным Росстата, уровень занятости среди граждан старше 60 лет составляет около 25% [8]. Однако многие из них продолжают работать не по собственной воле, а из-за низкого уровня пенсионного обеспечения. В последние годы правительство внедрило инициативы, направленные на создание рабочих мест для пожилых людей, включая программы профессиональной переподготовки. Тем не менее, их охват остаётся ограниченным, особенно в сельских районах.

В то же время в развивающихся странах результаты менее очевидны из-за недостатка ресурсов и слабой институциональной поддержки. Например, в странах Африки программы занятости пожилых людей носят локальный характер и не всегда достигают поставленных целей.

Текущая ситуация с занятостью пожилых работников отражает глобальные демографические и экономические изменения. Несмотря на успехи в отдельных странах, остаются значительные вызовы, связанные с дискриминацией, нехваткой образовательных ресурсов и адаптации рабочих мест. Для успешной интеграции пожилых работников на рынке труда необходимы системные меры, включая государственную поддержку, стимулирование работодателей и развитие образовательных программ. Опыт таких стран, как Япония, США и Швеция, может служить примером для разработки эффективных стратегий в других регионах.

Экономические и социальные эффекты занятости населения старших возрастных групп. Занятость пожилых людей оказывает значительное влияние как на экономику, так и на общество в целом. Этот феномен охватывает множество аспектов, включая рост производительности, снижение социальной

нагрузки, улучшение качества жизни пожилого населения и укрепление межпоколенческих связей. Рассмотрим эти эффекты более подробно.

1. Экономические эффекты:

- Повышение экономической активности. Занятость пожилых людей способствует увеличению общей экономической активности, поскольку пожилые работники продолжают вносить вклад в производство товаров и услуг. В странах с высоким уровнем занятости пожилых людей, таких как Япония и Швеция, активное участие старших поколений позволяет компенсировать дефицит рабочей силы, вызванный демографическим старением. По данным ОЭСР, вовлечение на рынок труда людей старше 65 лет может увеличить ВВП страны на 2-3% за 10 лет [9].

- Снижение нагрузки на пенсионные системы. Когда пожилые люди продолжают работать, они меньше зависят от государственных пенсий и социальных пособий. Например, в Германии частичная занятость пожилых людей через программу «Teilzeit in Alter» позволяет снизить бюджетные расходы на пенсионное обеспечение. Это создаёт положительный эффект для государственных финансов, высвобождая средства для других социальных программ.

- Стимулирование потребления. Трудовая деятельность пожилых людей увеличивает их доходы, что, в свою очередь, способствует росту потребления. В Австралии, где программа «Restart» активно способствует трудоустройству пенсионеров, уровень потребительских расходов среди пожилого населения увеличился на 12% за последние пять лет [10]. Это положительно сказывается на секторах экономики, ориентированных на потребление, таких как розничная торговля, медицина и туризм.

- Стабилизация рынка труда. Занятость пожилых людей помогает сглаживать сезонные колебания на рынке труда. Например, в сельскохозяйственных регионах Италии и Испании пожилые работники часто нанимаются на сезонные работы, что снижает нехватку рабочей силы в пиковые периоды.

- Снижение уровня бедности среди пожилых людей. Работающие пожилые люди имеют возможность улучшить своё материальное положение. В странах с низким уровнем пенсионного обеспечения, таких как Россия и Индия, трудовая занятость становится ключевым фактором для предотвращения бедности. По данным Всемирного банка, занятость пожилых людей снижает уровень бедности среди этой возрастной группы в среднем на 15% [11].

2. Социальные эффекты:

- Улучшение физического и психического здоровья. Трудовая деятельность способствует поддержанию физической и когнитивной активности. Исследования в Швеции показали, что пожилые люди, продолжающие работать,

на 30% реже страдают от депрессии и возрастных когнитивных нарушений [12]. Это связано с тем, что работа предоставляет возможность социального взаимодействия и повышает чувство собственной значимости.

- Укрепление межпоколенческих связей. Работа пожилых людей в мультивозрастных коллективах способствует улучшению взаимопонимания между поколениями. В Японии программы наставничества, в которых пожилые сотрудники передают свой опыт молодым коллегам, не только улучшают профессиональные навыки, но и способствуют формированию уважения и гармоничных отношений между разными возрастными группами.

- Снижение социальной изоляции. Занятость пожилых людей помогает предотвратить социальную изоляцию, обеспечивая регулярное взаимодействие с коллегами и клиентами. В Великобритании, например, программы гибкой занятости для пенсионеров, такие как «Age Positive», способствуют созданию сообществ внутри рабочих коллективов, где пожилые люди чувствуют себя вовлечёнными и поддержанными.

- Участие в социально значимой и общественной деятельности. В некоторых странах, таких как Канада, пожилые работники активно участвуют в волонтёрской деятельности, совмещая трудовую занятость с общественной работой. Кроме того, если говорить, например, о российских пенсионерах, то с точки зрения традиционных социальных практик, для пожилых россиян не характерны устойчивые культурно-досуговые виды активности, способные заместить утрату трудовой деятельности. Таким образом, общественная деятельность, благотворительность, волонтерство и иные виды общественной деятельности не только повышают их социальную значимость, но и способствует развитию гражданского общества. Например, в 2021 году около 22% работающих пенсионеров в Канаде участвовали в волонтёрских проектах [13].

- Повышение уровня социальной сплочённости. Когда пожилые люди продолжают трудовую деятельность, они остаются частью социальной структуры, что укрепляет чувство солидарности в обществе. В странах Скандинавии, где распространены программы гибкой занятости, пожилые люди активно участвуют в общественных проектах, способствуя укреплению социальной стабильности.

Занятость пожилых людей является важным элементом устойчивого экономического и социального развития. Она позволяет улучшить материальное положение, укрепить здоровье, снизить социальную изоляцию и обеспечить передачу знаний между поколениями. Вместе с тем, как отмечает Бурлака Н.П., «в условиях сокращения экономически активного населения расширение трудовой занятости пенсионеров является значительным резервом увеличения трудовых ресурсов. Для привлечения этого резерва необходимо законодательное

закрепление возможности для лиц пенсионного возраста частичной трудовой занятости и дистанционной работы …, дающих лицам пенсионного возраста право на сокращенный рабочий день, что позволяло бы пенсионеру работать в посильном режиме. Необходимо также шире применять практики постепенного выхода на пенсию. В связи с этим в настоящее время как никогда приобретает особую актуальность проблема правового регулирования труда лиц старших возрастных групп» [2].

Для успешной интеграции пожилых работников в экономику необходимо развивать программы гибкой занятости, переподготовки и наставничества, а также стимулировать работодателей к найму пожилых сотрудников. Опыт таких стран, как Япония, Швеция и Австралия, подтверждает, что системный подход к занятости пожилых людей приносит как экономические, так и социальные выгоды.

Современные демографические изменения, вызванные старением населения и увеличением продолжительности жизни, требуют разработки и реализации эффективных мер по интеграции старших возрастных групп в экономическую и социальную жизнь. Анализ трудового потенциала и занятости пожилых работников показывает, что их участие в трудовой деятельности приносит значительные экономические и социальные выгоды, включая снижение нагрузки на пенсионные системы, повышение уровня потребления, улучшение физического и психического здоровья, а также укрепление социальной сплочённости.

Подводя итог, отметим, что трудовая занятость пожилых людей способствует решению таких актуальных проблем, как дефицит рабочей силы, бедность среди старших возрастных групп и их социальная изоляция. Пожилые работники вносят уникальный вклад в экономику за счёт своего опыта, знаний и эмоциональной устойчивости, становясь важным ресурсом для устойчивого развития. Однако для полной реализации их трудового потенциала необходимо преодолеть существующие барьеры, такие как стереотипы работодателей, недостаточная гибкость рабочих условий и ограниченный доступ к профессиональной переподготовке.

Опыт таких стран, как Япония, Швеция, Германия и США, показывает, что системный подход к занятости пожилых людей, включающий программы гибкой занятости, наставничества, профессиональной переподготовки и налоговые стимулы для работодателей, способен существенно повысить их экономическую и социальную активность. Эти примеры подтверждают необходимость государственной поддержки и комплексного подхода к решению проблемы.

Вместе с тем, для успешной интеграции пожилых работников требуется учёт национальных особенностей рынка труда, демографической ситуации и

социально-экономического контекста. Разработка целенаправленных программ, направленных на развитие трудового потенциала старших возрастных групп, должна учитывать разнообразие их потребностей и возможностей.

Занятость пожилых работников представляет собой важный ресурс для устойчивого экономического и социального развития. Она позволяет не только повысить качество жизни старших возрастных групп, но и внести вклад в общий рост и стабильность общества. Реализация комплексной политики в этой сфере требует взаимодействия государства, бизнеса и гражданского общества, а также учёта лучших международных практик. Такой подход обеспечит гармоничное включение старших возрастных групп в рынок труда, укрепит их социальный статус и создаст условия для успешного старения в современном обществе.

Литература

1. Ананченкова П.И. Человеческие ресурсы в системе обеспечения предприятия [Текст]: / Труд и социальные отношения. 2013. – Т. 24. – № 12. – С. 3-12.
2. Бурлака Н.П. Влияние пенсионной реформы на уровень занятости пенсионеров [Текст]: / Экономика, социология и право. 2016. – № 4-1. – С. 38-41.
3. Ананченкова П.И., Волкова О.А., Пашко Т.Ю. Эйджизм. Старение. Достойная старость [Текст]: / Монография. – М.: ОУП ВО АТиСО, 2019.
4. Петрова Ж.В. Профессионально-трудовая занятость пенсионеров: геронтологическое направление социальной политики [Текст]: / Известия Саратовского университета. Сер. Социология. Политология. 2017. – Т. 17. Вып. 2. – С. 156–160.
5. Employment trends in the 21st century. – Электронный ресурс. Режим доступа: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.a85b2e0e-67779b4c-99e0cb31-74722d776562/https/humanscience.fandom.com/wiki/Employment_trends_in_the_21st_century (дата обращения: 1.12.2024 г.).
6. Шестакова Е.Е. Старение населения и изменение в социальной политике развитых стран [Текст]: / Вопросы теоретической экономики. 2022. – № 2 (15). – С. 60-76.
7. Швеция: социальная трансформация в условиях замедления экономического роста [Текст]: / Бюллетень о текущих тенденциях мировой экономики. 2019. – №50.
8. Труд и занятость в России [Текст]: / 2023: Стат.сб.– М.: Росстат, 2024.
9. Число работающих пожилых людей в Японии продолжает расти. Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.nippon.com/ru/japan-data/h02137/ (дата обращения: 1.12.2024г.).

10. Австралия: число активных и продуктивных людей зрелого возраста быстро растет. Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.age-diversity.ru/articles/avstraliya-chislo-aktivnyh-i-produktivnyh-lyudey-zrelogo-vozrasta-bystro-rastet (дата обращения: 2.12.2024 г.).
11. Сонина Ю.В. Экономическая активность людей пожилого возраста в России: вслед за мировым трендом? [Текст]: / Вопросы статистики. 2015. – №5. – С. 48-58.
12. «Старикам» тут место. Электронный ресурс. Режим доступа: https://globalcentre.hse.ru/news/428418021.html (дата обращения: 2.12.2024 г.).
13. Волонтерство в Канаде 2024: Почему стоит стать волонтером? Электронный ресурс. Режим доступа: https://nashvancouver.com/volonterstvo-v-kanade/ (дата обращения: 2.12.2024 г.).

ҚУВВАИ КОРӢ ВА ШУҒЛИ ГУРӮҲҲОИ СИННУСОЛИИ КАЛОНСОЛОН

Бобозода А.
Институти иқтисод ва демографияи Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон

Аннотатсия. *Дар мақола равияҳои муосир нисбат ба шуғли гурӯҳҳои синнусолии калонсол дар шароити тағйирёбиҳои демографии глобалӣ, ки аз зиёдшавии давомнокии умр ва коҳиши сатҳи таваллуд сарчашма мегиранд, баррасӣ мешаванд. Таваҷҷуҳи махсус ба қувваи меҳнатии калонсолон равона гардидааст, ки қобилиятҳои ҷисмонӣ, зеҳнӣ ва касбии онҳоро дар бар мегирад. Муҳимияти фаъолияти меҳнатии афроди синну соли калон ҳамчун захираи муҳим барои рушди устувори иқтисодӣ ва иҷтимоӣ таъкид мегардад. Дар мақола инчунин таъсироти иқтисодию иҷтимоии шуғли шахсони синнашон калон таҳлил мегардад.*
Калидвожаҳо: *қувваи корӣ, гурӯҳҳои синнусолии калонсол, шуғли афроди синнашон калон, тағйироти демографӣ.*

LABOR POTENTIAL AND EMPLOYMENT OF THE POPULATION OF OLDER AGE GROUPS

Bobozoda A.
Institute of Economics and Demography National Academy of Sciences of Tajikistan

Annotation. *The article explores modern approaches to the employment of older age groups in the context of global demographic changes caused by increasing life expectancy and declining birth rates. Special attention is given to the labour potential of older workers, which includes their physical, intellectual, and professional qualities. The importance of labour activity among the elderly is emphasized as a key resource for sustainable economic and social development. The article also analyzes the economic and social effects of employing older individuals.*
Keywords: *labour potential, older age groups, employment of the elderly, demographic changes, flexible employment, professional retraining, social effects.*

***Сведения об авторе*: Бобозода Анвар** – ведущий научный сотрудник отдела демографии Института экономики и демографии Национальной академии наук Таджикистана, город Душанбе, Республика Таджикистан. **Тел.:** (+992 91) 730 10 03. **E-mail:** anvar.boboev2016@gmail.com.

УДК 325.1/3(575.3)

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ТАДЖИКИСТАНЕ В 2020-2023 ГОДАХ: ОБЗОР ТЕНДЕНЦИЙ И ТРЕНДОВ

Олимов М.А.[1], Олимова С.К.[2]
Центр региональных и сравнительных исследований при Таджикском национальном университете[1]
Исследовательский Центр «ШАРК»/ORIENS[2]

Аннотация. *В статье рассматриваются тенденции, тренды и особенности миграционных процессов в Республике Таджикистан в 2020-2023 гг. Данные статистики и социологических исследований позволили охарактеризовать миграционную модель, сложившуюся в Таджикистане, её изменения в рамках адаптации к турбулентности последних лет. В статье показаны перемены в основных миграционных трендах: внешней, внутренней, образовательной, интеллектуальной и экологической миграциях. Центральное место в статье занимает анализ динамики изменений трудовой миграции в контексте событий 2020-2023 гг.*

Ключевые слова: *Таджикистан, изменения миграционных трендов и тенденций, трудовая миграция, денежные переводы, Россия, влияние конфликтов, миграционная политика.*

В последние десятилетия в глобальной миграционной системе наблюдаются существенные преобразования. Демографическое старение населения в развитых странах, сопровождающееся дефицитом трудовых ресурсов, привело к росту спроса на мигрантов, преимущественно из стран Азии и Африки. Параллельно усиливаются деструктивные факторы: вооружённые конфликты, политическая нестабильность, голод и экологические катастрофы, провоцирующие массовые потоки беженцев и экономических мигрантов. Миграция стала отличительной чертой современности, демонстрируя высокую динамичность и подвижность. Однако в 2020 г. глобальные миграционные потоки столкнулись с беспрецедентным кризисом, вызванным пандемией COVID-19. Объявление чрезвычайной ситуации Всемирной организацией здравоохранения и последовавшие ограничительные меры привели к закрытию границ и резкому сокращению мобильности. По данным Международной организации по миграции, с марта 2020 по март 2021 гг. в мире было введено около 108 тысяч ограничений на международные поездки, что вызвало серьезный спад в трансграничной трудовой миграции и изменило формат участия иностранных работников в международных рынках труда.

После официального завершения пандемии мобильность населения восстановилась, однако её последствия продолжают оказывать влияние на миграционные процессы, включая Республику Таджикистан. Влияние пандемии дополняется другими мощными факторами: ускоряющимися темпами

технологических преобразований, изменяющими структуру занятости, и ростом числа вооружённых конфликтов, включая ситуацию в Украине, Ближнем Востоке и Афганистане. Эти процессы обуславливают как глобальные, так и локальные трансформации миграционных потоков, затрагивая экономику стран-доноров и стран-реципиентов рабочей силы. В данном контексте миграционная ситуация в Республике Таджикистан представляет особый интерес, поскольку страна на протяжении последних десятилетий является активным участником международной миграции, в первую очередь как страна происхождения рабочей силы.

Общая характеристика миграционных процессов в Республике Таджикистан. Миграционная модель Таджикистана, сложившаяся за годы независимости, характеризуется высокой степенью устойчивости и определённой структурной стабильностью. Она включает ограниченный масштаб международного миграционного обмена, умеренную внутригосударственную мобильность населения и доминирование временной трудовой миграции мужчин, преимущественно в Российскую Федерацию. Несмотря на это, в Таджикистане трудятся иностранные рабочие из КНР, Турции, Афганистана, Ирана, Индии и других стран, а также проходит транзит мигрантов, прежде всего из Афганистана.

Высокий уровень внешней трудовой миграции объясняется структурными особенностями национальной экономики: дефицитом рабочих мест, особенно для молодёжи, несоответствием профессиональной подготовки требованиям внутреннего рынка труда и значительной дифференциацией заработных плат между Таджикистаном и странами назначения. Демографическое давление усиливает напряжение на рынке труда: в 2022 г. суммарный коэффициент рождаемости составлял 2,8 [1, с. 115], а прирост населения – 21,5 промилле [1, с. 100]. Ежегодно на рынок труда выходит около 150 тыс. молодых граждан, не все из которых могут быть трудоустроены внутри страны, что делает выезд за границу единственным вариантом трудовой занятости для многих.

Миграционные потоки демонстрируют как стабильность, так и адаптивность к изменениям политических, экономических и геополитических условий. С 2020 г. миграция в Россию характеризуется «пульсирующей» динамикой: после сокращения в связи с пандемией и военными событиями в Украине, объёмы миграции восстанавливаются, а её структура трансформируется. Возникают новые формы миграции, включая образовательную, миграцию с целью смены гражданства, а также наметился слабый, но устойчивый тренд на возвращение в страну. Одновременно расширяется география внешней миграции, включая страны Европы, Азии и Ближнего Востока.

Внешняя миграция с последующей сменой места жительства. До 2020 года внешняя миграция с целью смены постоянного места жительства оставалась относительно незначительным сегментом в общем миграционном обмене Республики Таджикистан. Иммиграционные потоки в страну были ограничены, а эмиграция носила преимущественно экономический и семейный характер. Иммиграция снизилась с 0,6 тыс. человек в 2015 году до 0,1 тыс. в 2020 году, с последующим ростом до 0,4 тыс. в 2022 году. В то же время эмиграция увеличилась с 2,9 тыс. человек в 2015 году до 9,7 тыс. в 2019 году, но затем резко сократилась – до 1,2 тыс. в 2022 году [1, с. 250].

География внешней миграции традиционно включала Российскую Федерацию и страны Центральной Азии, при этом обмен с государствами вне СНГ оставался крайне ограниченным. Однако в последние пять лет прослеживается смещение акцентов в миграционном взаимодействии. После улучшения двусторонних отношений между Таджикистаном и Узбекистаном, связанного с политическим курсом нового руководства Узбекистана, произошла активизация миграционного обмена между двумя странами. Так, количество эмигрантов из Таджикистана в Узбекистан увеличилось втрое – с 316 человек в 2015 году до 974 человек в 2018 году, в то время как число иммигрантов из Узбекистана в Таджикистан, напротив, незначительно сократилось – с 137 до 111 человек соответственно [1, с. 250–251].

По состоянию на 2022 год Республика Узбекистан остаётся главным миграционным партнёром Таджикистана по числу прибывших, в то время как по числу выбывших первенство принадлежит России и Казахстану - 530 и 477 человек соответственно [1, с. 250-251]. Таким образом, наблюдается регионализация миграционного обмена, при которой усиливаются связи внутри Центральной Азии, наряду с устойчивым взаимодействием с Россией.

Миграционные потоки между Таджикистаном и Россией требуют отдельного анализа ввиду сложности учёта и особого правового режима. С 1995 года между странами действует Договор о двойном гражданстве, благодаря которому многие таджикистанцы имеют возможность сохранить юридическую связь с двумя государствами, одновременно проживая и работая в России. Это создаёт трудности в статистическом отражении реального масштаба миграции, особенно с таджикской стороны. Например, в 2018 году, согласно Агентству по статистике при Президенте Республики Таджикистан, в Россию выбыло 813 человек, тогда как по данным Росстата число прибывших из Таджикистана составило 67 929 человек [2]. Такая разница объясняется спецификой учёта: принимающим странам проще регистрировать мигрантов, чем отправляющим отслеживать отъезд собственных граждан, особенно если они сохраняют регистрацию и имущество на родине.

Росстат демонстрирует устойчивый рост миграционного обмена с Таджикистаном в течение всего XXI века. Так, в 2016 году из Таджикистана в Россию прибыло 52 676 человек, в 2017 году - 63 467 человек, а в 2018 году – 67 929 человек [2]. В 2019 году миграционный прирост России за счёт граждан Таджикистана составил 48,4 тыс. человек. Основными факторами такого увеличения являлись воссоединение семей, а также участие граждан Таджикистана в Государственной программе переселения соотечественников.

Сложности статистического учёта особенно актуализировались после 2023 года, когда МВД РФ прекратило публикацию детализированных миграционных данных по странам, что значительно снизило прозрачность анализа российской миграционной политики.

Тем не менее, даже с учётом ограниченности данных, можно отметить рост эмиграции в Россию в 2020 году на 8% в первом полугодии по сравнению с аналогичным периодом 2019 года – до 43,1 тыс. человек, несмотря на пандемию и карантинные ограничения. Одновременно увеличился и отток населения из России в Таджикистан – на 32%, что обусловлено возвратной миграцией на фоне остановки производств и общего экономического спада.

Активизация эмиграции сопровождалась ростом числа лиц, получивших гражданство РФ. В 2020 году гражданство Российской Федерации приобрели более 63 тыс. граждан Таджикистана. Эта тенденция усилилась в последующие годы: в 2021 году – 103 681 человек, в 2022 году – 173 634 человека [2]. Однако в конце 2023 года процесс натурализации граждан Таджикистана в России был фактически приостановлен, за исключением тех лиц, которые выразили готовность участвовать в боевых действиях на территории Украины.

Особенности регионального распределения мигрантов также заслуживают внимания. В эмиграционных потоках преобладают жители города Душанбе и Горно-Бадахшанской автономной области, в меньшей степени – Согдийской области. Между тем, выходцы из Хатлонской области и районов республиканского подчинения слабо представлены в миграции с целью смены постоянного места жительства. Это может быть связано как с уровнем социально-экономического развития регионов, так и с наличием миграционных сетей.

Таким образом, внешняя миграция с последующей сменой гражданства или долгосрочного проживания за пределами страны остаётся важным, но не преобладающим элементом миграционной системы Таджикистана. Её динамика во многом определяется социально-экономическими факторами, миграционной политикой стран-реципиентов, двусторонними соглашениями и изменяющимся международным контекстом.

Внутренняя миграция. Внутренние миграционные процессы в Республике Таджикистан, по сравнению с внешней трудовой миграцией, долгое время оставались на периферии исследовательского внимания. До 2020 года они характеризовались умеренной интенсивностью и относительно стабильной динамикой. Так, в 2018–2019 годах внутри страны место жительства сменили порядка 40–42 тыс. человек. Однако уже с начала 2020-х годов наметился постепенный рост объемов внутренней миграции. По данным за 2022 год, общий внутренний миграционный оборот достиг чуть более 60 тыс. человек [1, с. 247–248], что свидетельствует о повышенной мобильности населения в ответ на структурные изменения в экономике и региональной политике.

Наиболее распространённой формой внутренней миграции являются внутриобластные перемещения, что отражает региональные различия в уровне социально-экономического развития, инфраструктурного обеспечения и занятости. Статистически значимые миграционные потоки фиксируются, прежде всего, в Хатлонской области и Горно-Бадахшанской автономной области, где преобладает отток населения. В то же время в город Душанбе наблюдается устойчивый приток населения, превышающий тысячу человек в год. Эта тенденция свидетельствует о продолжающемся процессе урбанизации и концентрации человеческих ресурсов в столице, несмотря на историческую дезурбанизацию, начавшуюся в 1970-х годах. В частности, доля городского населения в Таджикистане достигла пика в 1974 году (37,4%), а затем неуклонно снижалась, достигнув минимума в 2020 году – 26,2%. Однако уже в 2021–2023 годах наметился медленный рост: доля городского населения достигла 28,8% [1, с. 24], что может свидетельствовать о возобновлении урбанизационного тренда.

Особое место в структуре внутренней миграции занимает инициированное государством переселение населения, осуществляемое в рамках целевых программ, направленных на выравнивание территориального развития и снижение демографического давления в горных и труднодоступных районах. Эти процессы регулируются Законом Республики Таджикистан «О миграции» и другими нормативно-правовыми актами [3, с. 133–140]. Основной целью данных мер является переселение населения из малоземельных и перенаселённых горных территорий в плодородные долины с незадействованными сельскохозяйственными угодьями. Государственная политика в этой сфере предусматривает предоставление переселенцам земельных участков площадью 0,08 га для индивидуального жилищного строительства и выдачу льготных кредитов Миграционной службой в размере до 5000 сомони (эквивалентно примерно 500 долл. США). В рамках данной программы в 2021 году было переселено 195 домохозяйств, а в 2022 году – 300 домохозяйств.

Среди форм внутренней мобильности значительную роль играет экологическая миграция – вынужденное перемещение лиц, пострадавших от природных катастроф или проживающих в экологически неблагоприятных и опасных для жизни зонах. В условиях горного рельефа, частых селей, землетрясений и оползней экологическая миграция приобретает устойчивую значимость. В 2021 году в безопасные районы были переселены 210 домохозяйств, в 2022 году – 221 хозяйство. Данная форма миграции осуществляется при координации специальных государственных органов в сотрудничестве с местными властями [3].

Таким образом, внутренняя миграция в Таджикистане остаётся важным механизмом адаптации населения к изменениям в социально-экономической, экологической и демографической среде. Хотя её масштабы значительно уступают внешней миграции, внутренняя мобильность играет существенную роль в процессе пространственного перераспределения трудовых ресурсов, урбанизации, реализации политики регионального выравнивания и повышения уровня устойчивости местных сообществ.

Образовательная миграция. Одним из наиболее динамично развивающихся направлений международной мобильности граждан Республики Таджикистан в последние годы стала образовательная миграция. Этот тип миграции, подразумевающий временный выезд граждан за рубеж с целью получения среднего, профессионального или высшего образования, прочно закрепился в миграционном поведении молодежи и приобрёл устойчивый характер. На фоне ограниченных возможностей системы высшего образования внутри страны, высокой конкуренции на национальном рынке труда и глобализации образовательных услуг всё большее число молодых таджикистанцев рассматривает обучение за рубежом как важный ресурс для карьерного роста и социальной мобильности.

Результаты социологических опросов свидетельствуют о высокой мотивации к выезду на обучение за границу. Так, согласно исследованию, проведённому в 2015 году, 56,5% молодых респондентов при наличии возможности предпочли бы учиться за рубежом, тогда как только 29,3% выразили готовность продолжить образование в отечественных учебных заведениях. Наиболее предпочтительной страной для обучения молодёжь называла Россию (42,2%), далее следовали США (16,1%), Китай (8,3%), страны Европейского союза (7,7%) и государства Центральной Азии (6,8%) [4].

Согласно данным ЮНЕСКО, уже в 2018 году количество студентов из Республики Таджикистан, выехавших на обучение за границу, достигло 25 203 человек, что свидетельствует о существенном росте по сравнению с 2017 годом (19 768 человек) [5]. Тенденция к росту продолжилась в последующие годы. По

официальным данным, в 2024–2025 учебном году в зарубежных учебных заведениях обучается свыше 41 200 граждан Республики Таджикистан. Лидирующие позиции в принимающей структуре занимают Российская Федерация, где обучаются 33 178 студентов, и Китайская Народная Республика – 2 900 человек. Значительное количество таджикистанских студентов получают образование в Казахстане (970 человек), Турции (900 человек), Республике Беларусь (802 человека), Индии (675 человек), Узбекистане (504 человека), странах Европейского Союза (481 человек) и Малайзии (420 человек) [5].

Рост образовательной миграции обусловлен рядом факторов. Во-первых, это наличие межгосударственных соглашений о сотрудничестве в сфере образования, предусматривающих выделение квот, грантов и стипендий. Во-вторых, активное участие Таджикистана в международных образовательных программах, включая Erasmus+, DAAD, программы стипендий ОИС, БРИКС и ШОС. В-третьих, усилившаяся конкуренция на внутреннем рынке труда стимулирует молодежь к получению образования, признаваемого за рубежом, что повышает их шансы на трудоустройство как внутри страны, так и за её пределами.

Стоит отметить, что образовательная миграция представляет собой форму «мягкой силы» в международных отношениях, формируя устойчивые связи между поколениями выпускников и странами, предоставившими им образование. Это не только способствует трансферу знаний, технологий и культурных ценностей, но и может выступать в качестве канала для последующей трудовой или научной миграции. Вместе с тем, не все выпускники зарубежных вузов возвращаются на родину, что в определённых случаях превращает образовательную миграцию в форму «утечки умов».

Таким образом, образовательная миграция из Республики Таджикистан, демонстрируя устойчивую положительную динамику, выступает не только как инструмент индивидуального развития, но и как важный элемент национальной стратегии человеческого капитала. Её дальнейшее развитие требует продуманной государственной политики, направленной на поддержку и интеграцию возвращающихся выпускников, развитие академического сотрудничества и признание международных квалификаций на национальном уровне.

«Утечка мозгов» и миграция квалифицированных специалистов. Одним из значимых и одновременно тревожных аспектов миграционной динамики в Республике Таджикистан является феномен так называемой «утечки мозгов» – оттока квалифицированных кадров за рубеж. Этот процесс, наряду с трудовой и образовательной миграцией, стал устойчивым компонентом международной мобильности, оказывающим существенное влияние на национальный рынок

труда, кадровый потенциал и перспективы социально-экономического развития страны.

Под «утечкой мозгов» в таджикистанском контексте чаще всего понимается выезд лиц с высшим и средним профессиональным образованием за пределы страны с целью трудоустройства. В отличие от образовательной миграции, но во взаимодействии с ней, эта форма миграции приводит к длительному, а порой и постоянному выбытию интеллектуального и профессионального потенциала. Достоверных количественных оценок этой категории мигрантов на сегодняшний день не существует, однако результаты социологических опросов и анализа микроданных позволяют реконструировать её параметры и динамику.

Так, в период с 2003 по 2012 годы доля мигрантов с высшим образованием в потоках, направлявшихся преимущественно в Россию и Казахстан, снизилась с 18,6% до 10,7% [6, с. 29; 6]. Однако к 2019 году этот показатель вновь вырос до 13,4%, что в абсолютном выражении составляло около 90 тыс. человек [7]. Наиболее заметно за этот же период сократилась доля мигрантов со средним специальным и техническим образованием – с 27,9% в 2002 году до 15,9% в 2012 году [6, с. 28], с последующей незначительной стабилизацией на уровне 15,3% в 2019 году [7]. Это свидетельствует как о девальвации среднего профессионального образования, так и о структурных изменениях в потребностях зарубежных рынков труда.

Особую значимость приобретает миграция высококвалифицированных специалистов в страны дальнего зарубежья – Европейский союз, США, ОАЭ, Китай и др. Несмотря на то что доля этих мигрантов невелика (в среднем 1,5–2% от общего числа трудовых мигрантов), именно они составляют основу так называемой циркуляции знаний. Как правило, эти специалисты работают по международным контрактам, не меняя гражданства, и вовлечены в научно-образовательную сферу, здравоохранение, IT, международные организации. Их временная мобильность обогащает как принимающие, так и отправляющее общество, при условии эффективного использования приобретённого опыта по возвращении на родину. Однако на практике ресурсы этой миграции используются недостаточно – востребованность зарубежного опыта часто оказывается низкой, а механизмы реинтеграции – неразвитыми.

В 2005–2020 гг. наблюдалась тенденция к снижению объёмов «утечки мозгов», что объяснялось ограниченностью каналов высококвалифицированной эмиграции. Однако с 2021 года начался новый виток оттока кадров, в том числе заместительного характера. Особенно остро выражен дефицит квалифицированных специалистов в сферах здравоохранения и образования. Так, в 2022 году за пределы Таджикистана выехали 1 496 медицинских работников – врачей и медсестёр [9], что оказывает прямое влияние на

функционирование системы здравоохранения в условиях сохраняющегося дефицита кадров и растущего населения.

Важным каналом «утечки мозгов» продолжает оставаться Государственная программа содействия добровольному переселению соотечественников в Российскую Федерацию, в рамках которой уезжают как высококвалифицированные работники, так и представители инженерно-технических профессий. При этом частичное замещение утраченного кадрового потенциала наблюдалось в 2022–2023 гг. за счёт временного притока специалистов из России, покинувших свою страну по политическим и экономическим причинам (т.н. «релоканты»). Однако их присутствие в Таджикистане носит краткосрочный и эпизодический характер и не компенсирует потерь от оттока собственных специалистов.

Таким образом, миграция квалифицированных кадров остаётся сложным и многоаспектным феноменом, отражающим одновременно интеграцию Таджикистана в глобальное распределение человеческого капитала и существующие внутренние проблемы трудоустройства, мотивации и научной реализации. Для минимизации негативных последствий «утечки мозгов» необходима целенаправленная государственная политика, включающая создание условий для возвращения и реинтеграции специалистов, развитие исследовательской и образовательной инфраструктуры, а также признание вклада высококвалифицированных мигрантов в устойчивое развитие страны.

Иностранная рабочая сила в Республике Таджикистан. Несмотря на то, что Республика Таджикистан традиционно считается страной-экспортером трудовых мигрантов, в её экономике также присутствует сегмент, связанный с привлечением иностранной рабочей силы. Этот аспект миграционной действительности часто остаётся в тени масштабов трудовой эмиграции, однако он заслуживает отдельного анализа, учитывая его роль в развитии отдельных отраслей, прежде всего строительства, энергетики и горнодобывающей промышленности.

Иностранная трудовая миграция в Таджикистане имеет ограниченный масштаб и характеризуется высокой концентрацией по странам происхождения. Основную долю иностранных работников составляют граждане Китайской Народной Республики, что объясняется активным экономическим сотрудничеством между двумя странами, а также участием китайских компаний в реализации стратегических инвестиционных проектов на территории Таджикистана. К ним относятся строительство дорог, мостов, энергетических объектов и горнодобывающих предприятий. Присутствие иностранных рабочих также зафиксировано среди граждан Турции, Афганистана, Ирана, Индии, России, Украины и ряда стран Центральной Азии.

Согласно официальной статистике, в 2021 году в Республике Таджикистан официально трудоустроенными значились 5 777 иностранных граждан, из них 3 436 мужчин и 2 341 женщина. В 2022 году общая численность иностранных работников составила 5 716 человек, при этом резко изменилась гендерная структура: 5 188 мужчин и только 528 женщин [3, с. 204]. Данный сдвиг, вероятно, отражает изменения в характере и направлениях проектов, реализуемых с участием иностранных компаний, а также влияние глобальных пандемических и постпандемических факторов, повлиявших на мобильность женщин-мигрантов.

Привлечение иностранной рабочей силы в Таджикистан регулируется национальным законодательством, в том числе Законом Республики Таджикистан «О миграции», нормативными актами Миграционной службы и международными соглашениями. Работодатели обязаны получать разрешение на привлечение иностранных работников, соблюдать трудовые и миграционные нормы, обеспечивать социальные гарантии, а также оформлять соответствующие визы и разрешения. Тем не менее, в ряде случаев фиксируются случаи неформального трудоустройства, особенно в частном строительстве и сельском хозяйстве, что создает риски нарушения прав мигрантов и несоблюдения налоговых обязательств.

Важно отметить, что привлечение иностранных специалистов в Таджикистан имеет не только экономическое, но и институциональное значение. В рамках реализации крупных международных проектов иностранные компании нередко обучают местный персонал, передают технологии и внедряют новые стандарты производственной организации. Таким образом, несмотря на ограниченный масштаб, иностранная трудовая миграция выполняет функцию трансфера знаний и содействует модернизации отдельных секторов национальной экономики.

Вместе с тем, растущее присутствие иностранных работников, особенно в инфраструктурных и горнодобывающих проектах, требует усиленного мониторинга со стороны государства с целью предотвращения социальной напряженности и защиты интересов национального трудового ресурса. Необходимо обеспечить сбалансированный подход, при котором иностранные рабочие дополняют, но не вытесняют местных специалистов, а интеграция иностранных компаний в национальную экономику сопровождается ростом квалификации и занятости таджикистанских граждан.

Таким образом, несмотря на статус страны-донор рабочей силы, Таджикистан также является реципиентом иностранной трудовой миграции, пусть и в ограниченных масштабах. Развитие этого направления требует дальнейшего совершенствования нормативно-правовой базы, укрепления контроля за миграционными потоками и выработки стратегических подходов к

интеграции иностранного труда в национальную экономику на основе принципов справедливости, устойчивости и безопасности.

Беженцы. В 2021 г. после передачи Афганистана в руки талибов и ухода из страны войск НАТО в Таджикистан прибыло более 14 тыс. афганских беженцев. В течение 2022-2023 гг. большая их часть перебралась в третьи страны, так что на конец 2023 г. в Республике Таджикистан оставалось менее 6 тыс. афганских беженцев.

Денежные переводы мигрантов и их роль в социально-экономическом развитии Республики Таджикистан. Одним из ключевых следствий масштабной трудовой миграции из Республики Таджикистан является регулярное поступление денежных переводов от мигрантов, работающих за рубежом. Эти трансферы стали неотъемлемой частью социально-экономического ландшафта страны, оказывая прямое влияние на благосостояние домохозяйств, уровень потребления, инвестиционную активность, развитие сектора услуг и макроэкономическую стабильность. Подобно другим развивающимся странам, Таджикистан в значительной степени зависит от внешних частных трансфертов, что обусловливает особую чувствительность экономики к изменениям в международных миграционных и финансовых потоках.

Важность денежных переводов как ресурса устойчивого и инклюзивного развития подтверждается в ряде глобальных стратегических документов, включая Аддис-Абебскую программу действий (п. 40), Повестку дня в области устойчивого развития до 2030 года (ЦУР 10) и Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции (Цель 20). Однако в последние годы получение точных данных о размере переводов стало затруднено: с 2014 года официальные органы Таджикистана прекратили их публикацию, а в 2022 году аналогичные действия предпринял Центральный банк Российской Федерации. В этой связи анализ основывается преимущественно на оценках международных финансовых институтов, таких как Всемирный банк (ВБ) и Азиатский банк развития (АБР) [10].

До пандемии COVID-19 Таджикистан стабильно входил в число мировых лидеров по соотношению денежных переводов к валовому внутреннему продукту. В 2019 году объём переводов составил 2,7 млрд долларов США, что эквивалентно 33,4% ВВП страны [10]. Однако в 2020 году, на фоне карантинных ограничений, снижения мобильности и экономической активности в странах приёма, приток денежных переводов сократился на 6,3%, а их доля в ВВП снизилась до 22% – минимального значения с начала 2000-х годов. Это привело к серьёзным социально-экономическим последствиям: снижению

потребительского спроса, росту бедности, ограничению доступа к базовым товарам и услугам.

Для минимизации негативных эффектов правительство Республики Таджикистан предприняло комплекс антикризисных мер, направленных на поддержку уязвимых слоёв населения, оставшихся без возможности трудовой миграции. Министерством труда, миграции и занятости населения (МТМЗН) был разработан специальный «Антикризисный план по снижению воздействия пандемии COVID-19 на рынок труда и миграцию» от 3 июня 2020 года. В рамках документа предусматривалась организация краткосрочных профессиональных курсов, дистанционного обучения, поддержка самозанятых через льготное кредитование, расширение общественных и сезонных работ, а также предоставление помощи женщинам, вернувшимся из миграции. Некоторые мероприятия были реализованы при поддержке международных организаций, в том числе Всемирного банка, МОМ и ПРООН.

Тем не менее, последствия пандемии оказались длительными. Вернувшиеся мигранты, как правило, не имели сбережений, и были вынуждены заниматься любыми доступными видами деятельности: от случайных подработок и частного извоза до торговли, клининга, мелкого предпринимательства и сельского хозяйства. Важную роль в этом контексте сыграло производство продовольствия на приусадебных участках, позволившее частично компенсировать утраченные доходы. Несмотря на общий спад, по итогам 2020 года рост ВВП Таджикистана составил 4,5%, при этом промышленное производство увеличилось на 9,8%, а сельское хозяйство – на 8,8% [1].

С восстановлением внешней миграции в 2021 году усилилось поступление денежных переводов. Их объём составил 1,8 млрд долларов США (эквивалент 23% ВВП), что на 3,4% больше по сравнению с предыдущим годом. По данным Всемирного банка, экономический рост в 2021 году составил 8,9%. Это восстановление сопровождалось ростом потребительского спроса, особенно в секторах торговли и услуг, что, в свою очередь, стимулировало занятость и деловую активность. Однако структурные проблемы национального рынка труда сохранялись, и значительная часть населения продолжала испытывать продовольственную и экономическую нестабильность.

Анализ показывает, что около 97% трудовых мигрантов систематически отправляют денежные средства на родину, при этом 58% перечисляют от 25% до 50% своего дохода, а остальные – свыше 50%. В 2021 году 76% переводов из России в Таджикистан были осуществлены гражданами Таджикистана, остальные – гражданами России и обладателями вида на жительство. Валютная структура трансфертов демонстрирует преобладание рублёвых переводов –

94,3%, в то время как доля долларов США составила 5,6%, а евро – лишь 0,1% [11].

В 2022 году объём переводов достиг рекордных 5,2 млрд долларов США, что эквивалентно 34% ВВП страны. Эта сумма сыграла решающую роль в поддержке внутреннего потребления, особенно в условиях глобальной инфляции и санкционного давления на российскую экономику. Согласно отчёту АБР, потребительский сектор стал главным драйвером экономического роста Таджикистана, который, по оценкам Всемирного банка, составил 8%. Однако доля переводов из России в общем объёме снизилась до 76%, тогда как 24% поступлений пришлись на страны Турции, ОАЭ, КНР, ЕС и США, что свидетельствует о диверсификации источников денежных трансфертов.

В 2023 году рост переводов продолжился, увеличившись на 14% по сравнению с предыдущим годом. Общий объём трансфертов составил сумму, равную 32% ВВП, вновь выведя Таджикистан в десятку стран с наибольшей зависимостью от внешних переводов. По данным Международной организации по миграции, в 74% домохозяйств, получающих переводы, они являются основным источником дохода. Более 80% полученных средств используется на покупку продуктов питания, а около 10% – на медицинские услуги, образование и улучшение жилищных условий.

Несмотря на сохраняющиеся вызовы, денежные переводы остаются жизненно важным элементом национальной экономики и социальной стабильности. Благодаря им в 2021–2023 годах в стране наблюдалось снижение уровня бедности: с 26% в 2021 году до 21,2% в 2023 году (по официальным данным). Тем самым они выполняют не только экономическую, но и социальную функцию, смягчая последствия внешних шоков и способствуя реализации целей устойчивого развития.

Направления миграционной политики Республики Таджикистан в 2020–2023 гг. Миграционная политика Республики Таджикистан в последние годы формировалась в условиях глубоко изменяющегося глобального контекста, характеризующегося нарастанием геополитических противоречий, последствиями пандемии COVID-19, экономическими вызовами и изменениями в структуре международной мобильности населения. В этих условиях основными задачами миграционной политики стали защита прав и интересов трудовых мигрантов, обеспечение устойчивости внутренних рынков труда, развитие международного сотрудничества и адаптация к новым форматам мобильности.

С началом пандемии в 2020 году ситуация на международных рынках труда резко ухудшилась. Закрытие границ, остановка производств, ужесточение миграционного контроля в странах приёма привели к массовой возвратной

миграции и ограничению выезда. В ответ на это Министерством труда, миграции и занятости населения Республики Таджикистан был разработан «Антикризисный план по снижению воздействия пандемии COVID-19 на рынок труда и миграцию» от 3 июня 2020 года. План включал комплекс мероприятий по поддержке населения, оказавшегося в затруднительном положении в результате сбоев в системе трудовой миграции. Среди ключевых направлений – организация краткосрочного профессионального обучения, расширение дистанционного образования, поддержка самозанятых и развитие временной занятости в рамках государственных программ.

Вместе с мерами кризисного реагирования, в 2020–2023 гг. акцент в миграционной политике был сделан на стратегическое планирование и институциональное развитие. В 2022 году было утверждено Постановлением Правительства Республики Таджикистан «Концепция развития продуктивной занятости населения на период до 2040 года», а в июне 2023 года – «Стратегия регулирования миграционных процессов в Республике Таджикистан на период до 2040 года». Последняя стала основополагающим документом, отражающим современное видение государства в сфере миграции. В Стратегии миграция рассматривается как фактор экономического роста и модернизации, а не как исключительно временная мера по снижению давления на внутренний рынок труда.

Ключевыми направлениями реализации государственной миграционной политики, закреплёнными в Стратегии, стали: развитие внешнего и межгосударственного сотрудничества, совершенствование нормативно-правовой базы, организация системной предвыездной подготовки мигрантов, расширение каналов легальной трудовой миграции, реинтеграция возвратившихся мигрантов в национальную экономику, создание электронных систем учёта мигрантов, развитие гендерно-чувствительных подходов в подготовке мигрантов и институционализация диалога между государством, международными и общественными организациями.

Важной инициативой стало создание Общественного совета при Миграционной службе Республики Таджикистан с участием представителей различных секторов. Также была заложена основа для создания Социального фонда поддержки трудовых мигрантов и членов их семей – института, способного системно решать проблемы уязвимых категорий населения, связанных с миграцией.

Серьёзное внимание было уделено вопросам международного сотрудничества. В последние годы Республика Таджикистан подписала соглашения в сфере труда и миграции с Объединёнными Арабскими Эмиратами, Катаром и другими государствами. Однако особую интенсивность приобрели

отношения с Российской Федерацией – основным партнёром Таджикистана в сфере трудовой миграции. В январе 2020 года Россия ратифицировала Соглашение об организованном наборе граждан Таджикистана для временной трудовой деятельности, а в сентябре 2021 года было подписано межгосударственное соглашение о пенсионном обеспечении трудящихся-мигрантов. В 2023 году был ратифицирован двусторонний договор о реадмиссии, регулирующий процедуры возвращения граждан, нарушивших миграционные режимы.

Практические шаги в сфере регулирования миграции включали организацию организованных каналов набора, развитие цифрового учёта и контроль миграционных потоков. В 2022 году между МТМЗН Таджикистана и ФГУП «Паспортно-визовый сервис» МВД РФ был подписан меморандум о сотрудничестве, а в Душанбе открылось представительство Многофункционального миграционного центра «Сахарово», предоставляющее услуги по оформлению патентов и регистрации мигрантов для работы в Москве и Московской области.

Одним из приоритетов стало развитие системы профессиональной подготовки мигрантов с акцентом на знание русского языка, адаптацию к условиям стран приёма и юридическую грамотность. Это направление получило поддержку международных партнёров, включая МОМ и ПРООН, и способствовало повышению конкурентоспособности таджикистанских мигрантов на зарубежных рынках труда.

Следует, однако, отметить, что с 2022 года в Российской Федерации усилилась антимигрантская риторика, что сопровождалось ужесточением миграционного контроля и ограничениями на получение гражданства. Это вызвало обеспокоенность таджикской стороны, что неоднократно становилось предметом переговоров между внешнеполитическими и миграционными ведомствами двух государств. Несмотря на это, сотрудничество продолжилось: в 2023 году был подписан Меморандум о взаимопонимании между МТМЗН Таджикистана и Федеральной службой по труду и занятости РФ, направленный на защиту прав трудящихся.

Сохраняя приоритетность сотрудничества с Россией, Таджикистан одновременно углублял взаимодействие с Узбекистаном. В 2022 году было подписано четыре соглашения о сотрудничестве в сфере труда и занятости, что отражает усиливающееся значение региональных связей в рамках Центральной Азии.

Таким образом, миграционная политика Республики Таджикистан в 2020–2023 гг. эволюционировала от краткосрочных мер реагирования на кризисные явления к стратегическому планированию, ориентированному на долгосрочную

устойчивость, защиту прав мигрантов, развитие внутреннего потенциала занятости и интеграцию в глобальные и региональные процессы управления миграцией.

Заключение. Миграционные процессы в Республике Таджикистан в период 2020–2023 гг. развивались под влиянием сложных и разнонаправленных факторов, отражающих глобальные трансформации, региональные вызовы и внутренние социально-экономические процессы. Начало десятилетия ознаменовалось пандемией COVID-19, которая резко изменила характер мобильности и привела к сжатию трансграничных трудовых потоков, включая массовую возвратную миграцию и временную утрату заработков миллионов трудящихся за рубежом. Восстановление миграционной активности в 2021 году сопровождалось новыми рисками, связанными с изменениями в международной политике, прежде всего в контексте специальной военной операции Российской Федерации в Украине, и последовавшими волнами эмиграции, сменой гражданства и диверсификацией миграционных направлений.

За последние четыре года миграционная картина Таджикистана приобрела новые черты. Помимо сохранения доминирующего положения трудовой миграции в Российскую Федерацию, наметилась устойчивая тенденция к расширению географии миграционных потоков – рост числа мигрантов, направляющихся в Турцию, страны Персидского залива, Южную Корею, Китай, США, Великобританию и Европейский союз. Одновременно фиксируется рост образовательной миграции и усиление «утечки умов», в том числе в сфере здравоохранения и образования. Эти процессы сопровождаются изменением гендерной и возрастной структуры мигрантов, появлением новых форм транснациональной мобильности, включая цифровую миграцию и циркуляцию высококвалифицированных специалистов.

Серьёзной проблемой остаётся высокая зависимость Таджикистана от денежных переводов мигрантов. Несмотря на позитивное влияние трансфертов на сокращение бедности, стабилизацию внутреннего спроса и рост ВВП, такая зависимость делает национальную экономику уязвимой к внешним шокам – изменениям миграционной политики стран-реципиентов, валютным колебаниям, международным санкциям и глобальным кризисам. Тем не менее, в 2021–2023 гг. объёмы переводов достигли рекордных уровней, что стало ключевым фактором экономической устойчивости и социальной стабильности.

Миграционная политика Таджикистана в этот период продемонстрировала переход от реактивного управления к формированию комплексной, ориентированной на развитие стратегии. В числе приоритетов – расширение организованных форм трудовой миграции, предвыездная подготовка мигрантов, институциональное укрепление межведомственного взаимодействия, развитие цифровых механизмов учёта, формирование социальной инфраструктуры для

поддержки мигрантов и их семей. Принятие Стратегии регулирования миграционных процессов до 2040 года и Концепции продуктивной занятости закладывает долгосрочные ориентиры в этой области.

Наряду с этим, сохраняется необходимость углублённого анализа и научного осмысления миграционных процессов, в частности проблем реинтеграции возвращающихся мигрантов, эффективного использования потенциала образовательной и квалифицированной миграции, адаптации внутреннего рынка труда к глобальным трендам. Государственная миграционная политика должна быть гибкой и чувствительной к изменяющимся условиям, одновременно ориентированной на защиту прав мигрантов независимо от их правового статуса, а также на защиту интересов национального развития.

В долгосрочной перспективе, учитывая демографическую динамику и сохраняющееся несоответствие между числом трудоспособного населения и возможностями национального рынка труда, можно с высокой долей вероятности утверждать, что Республика Таджикистан продолжит оставаться страной исхода рабочей силы. В этих условиях стратегической задачей становится формирование такой модели миграционного управления, которая бы обеспечивала баланс между социальной защитой граждан, экономическими интересами страны и обязательствами в рамках международных договоров.

Литература

1. Демографический ежегодник Республики Таджикистан. – Душанбе, 2023.
2. Росстат – Федеральная служба государственной статистики РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 12.01.2025).
3. Стратегия регулирования миграционных процессов в Республике Таджикистан на период до 2040 года. – Душанбе: Министерство труда, миграции и занятости населения РТ, 2023.
4. Олимов М.А., Сахибов Ш.К. Молодёжь Центральной Азии. Таджикистан. – Алматы, 2017. – 396 с.
5. Аслонова Н. Минобрнауки назвало число обучающихся за границей таджикских студентов // Asia-Plus, 27 августа 2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20240827/minobrnauki-nazvalo-chislo-obuchayutshihsya-za-granitsei-tadzhikskih-studentov (дата обращения: 12.01.2025).
6. Olimova S., Bosc I. Labour Migration from Tajikistan. – Geneva: International Organization for Migration, 2003.
7. JICA. Household Survey: Migration, Living Conditions and Skills: Panel Study– Tajikistan, 2019. – Tokyo, 2019.

8. Данцер А., Диц Б., Гацкова К. Обследование домохозяйств Таджикистана: миграция, денежные переводы и рынок труда. – Регенсбург: Institute for East and Southeast European Studies, 2013.
9. Мазхаб Джума. Таджикистану не хватает около 2,5 тысяч врачей и 600 медсестёр. В Россию уехало почти 1,5 тысячи // Asia-Plus, 10 февраля 2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20230210/tadzhikistanu-ne-hvataet-okolo-25-tisyachi-vrachei-i-600-medsester-v-rossiyu-uehali-pochti-15-tisyachi (дата обращения: 12.01.2025).
10. World Bank. Migration and Remittances Data; Annual Remittances Data [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.worldbank.org/ (дата обращения: 12.01.2025).
11. Всемирный банк. Экономический и социальный мониторинг с использованием опроса «Слушая Таджикистан». Декабрь 2023 года. – Всемирный банк, 2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.vsemirnyjbank.org/ru/country/tajikistan/brief/listening2tajikistan (дата обращения: 12.01.2025).

РАВАНДҲОИ МУҲОҶИРАТ ДАР ТОҶИКИСТОН ДАР СОЛҲОИ 2020-2023: ШАРҲИ ТАМОЮЛҲО ВА САМТҲО

Олимов М.А.[1], Олимова С.К.[2]
Маркази мутолиоти минтақавӣ ва муқоисавии назди Донишгоҳи миллии Тоҷикистон[1]
Маркази таҳқиқотии «ШАРҚ»/ORIENS[2]

Аннотатсия. *Дар мақола тамоюлҳо, равандҳо ва хусусиятҳои раванди муҳоҷират дар Ҷумҳурии Тоҷикистон дар солҳои 2020–2023 мавриди таҳлил қарор гирифтаанд. Маълумоти оморӣ ва пажӯҳишҳои сотсиологӣ имконият доданд, ки модели муҳоҷиратии ташаккулёфта дар кишвар ва тағйироти он дар шароити мушкилоти солҳои охир арзёбӣ шаванд. Дар мақола тағйироти асосии равандҳои муҳоҷиратӣ – муҳоҷирати хориҷӣ, дохилӣ, таҳсилотӣ, зеҳнӣ ва экологӣ инъикос ёфтаанд. Ҷойгоҳи марказиро дар таҳқиқоти мазкур таҳлили динамикаи муҳоҷирати меҳнатӣ дар заминаи рӯйдодҳои солҳои 2020–2023 ишғол менамояд.*
Калидвожаҳо: *Тоҷикистон, тағйироти тамоюлҳо ва равандҳои муҳоҷиратӣ, муҳоҷирати меҳнатӣ, пулҳои интиқолӣ, Русия, таъсири низоъҳо, сиёсати муҳоҷиратӣ.*

MIGRATION PROCESSES IN TAJIKISTAN IN 2020-2023: REVIEW OF TRENDS AND TENDENCIES

Olimov M.A.[1], Olimova S.K.[2]
Center for Regional and Comparative Studies Tajik National University[1]
Research Center «SHARQ»/ORIENS[2]

Annotation. *This article examines the trends, patterns, and characteristics of migration processes in the Republic of Tajikistan during 2020–2023. Statistical data and sociological studies enabled the authors to describe the migration model that has formed in Tajikistan and how it has adapted to recent years' turbulence. The article highlights key changes in major migration trends, including*

external, internal, educational, intellectual, and environmental migration. The central focus is the analysis of the dynamics of labor migration within the context of events that occurred between 2020 and 2023.
Keywords: *Tajikistan, changes in migration trends and patterns, labor migration, remittances, Russia, impact of conflicts, migration policy.*

***Сведения об авторах*: Олимов Музаффар Абдуваккосович** – д.и.н., руководитель Центра региональных и сравнительных исследований при Таджикском национальном университете, профессор кафедры регионоведения зарубежных стран факультета международных отношений Таджикского национального университета, город Душанбе, Республика Таджикистан. **Тел.:** (+992 93) 472 72 47. **E-mail**: muzaffarolimov@mail.ru.
Олимова Саодат Кузиевна – к.филос.н., директор Исследовательского Центра «ШАРК»/ORIENS, город Душанбе, Республика Таджикистан. **Тел.:** (992 37) 227 16 98. **E-mail**: s_olimova@mail.ru.

УДК 331.1

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ МОТИВАЦИИ ПЕРСОНАЛА К ИННОВАЦИОННОМУ РАЗВИТИЮ ПРЕДПРИЯТИЙ

Мирзоев Б.Р.
Филиал Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в городе Душанбе

Аннотация. *В современных условиях все более возрастает роль и значение человеческих ресурсов, мотивация к труду и к инновационному развитию предприятий. Велики человеческие возможности и знания, поэтому именно мотивация и поощрение выступает как конструктивным механизмов изменения этих возможностей для достижения целей и развития предприятий.*
Ключевые слова: *мотивация персонала, инновация, инновационное развитие, стимулирование работников, инновационные модели стимулирования.*

Актуальность изучения и применения зарубежного опыта мотивации персонала в условиях инновационного развития экономики Республики Таджикистан определяется необходимостью повышения эффективности управления человеческими ресурсами. Международная практика демонстрирует, что используемые за рубежом мотивационные подходы способствуют не только усилению трудовой активности и вовлечённости работников, но и оказывают положительное воздействие на инновационный сегмент рынка труда, формируя благоприятный информационный фон и деловую репутацию предприятий. Это приобретает особое значение в условиях усиления конкуренции и стремительного технологического обновления. Следует отметить, что результаты управленческой деятельности в значительной степени

зависят от профессиональной компетентности и инициативности персонала, а уровень их трудовой отдачи напрямую коррелирует с применяемыми механизмами мотивации. В этой связи обращение к зарубежному опыту может способствовать адаптации эффективных моделей стимулирования, ориентированных на достижение стратегических целей и устойчивого развития предприятий [1].

Научные проблемы мотивации получило широкое исследовали в трудах зарубежные ученые, как М. Армстронга, Р. Дафт, А. Маслоу, А.Я. Кибанова, В.И. Бовыкина, Н.Ю. Кауфман и др. [2, с. 283; 3; 4; 5]. Анализ их труды показывает необходимость и углубления теоретических вопросов мотивации отдельных теорий на практике функционирование отечественных предприятий промышленности.

В системы мотивации персонала западных странах наблюдается большие разнообразие относительно использования экономических инструментов: организации гибкую налоговую систему, материальные стимулирования к созданию, освоению и выпуску новой продукции, налаженная работа института социального партнерства, прежде всего в направлении организации повышения квалификации работниками и т.п. В предприятиях многих странах Европы объем фонда премий зависит от приращения размера продаж новой продукции и ее доли в общем объеме производимый продукции. Доминирует процесс индивидуализации заработной платы, базирующийся на оценке вклада и заслуг конкретного работника. В системе инструментов и механизмов индивидуализации используются также механизмы дифференциация условий найма работника и критерии оценку результативности трудовой деятельности работника. Во многих развитых стран системы мотивации персонала формируется с учетом особенности и условия внутреннего рынка, национальной специфики и особенности менталитета населения [6].

Например, немецкая модель мотивации труда сращивает в себе параметры рынка и социального сектора и базируется на принципах справедливости. Вознаграждение и тарифные ставки работников и управленческого персонала считаются минимально гарантированное, а за повышение уровня производительности труда и индивидуальные заслуги работника выделяется бонусы. Во многих предприятий Германии получило распространение социальные программы само предприятие для наемных рабочих является дополнением к государственной системе социальной защиты. Работодателям и работникам выплачиваются взносы по пенсионному страхованию на паритетных началах. Многие крупные немецкие предприятия кроме медицинского страхования еще и предоставляют своим работникам возможность посещать в

разнообразные культурные программы, стадион, заниматься спортом, записаться на курсы, которыми заинтересован [7].

Стратегического планирования в рыночный механизм является специфическим особенностями французской модели мотивации. В системе оплаты труда работает два механизма: а) индексация заработной платы в зависимости от уровня инфляции или повышение стоимости жизни; б) индивидуализация оплаты труда, который используется в основном для управленческого персонала. Индивидуализация организуется на основе учета степени профессиональной квалификации, качества выполняемой обязанности, число разработки и предложений рационализаторских предложений, уровня мобильности персонала. Участие в прибылях, продажа персоналам акций предприятия, выплата премий являются формами индивидуализации заработной платы. На многих предприятиях Франции используется бальная оценка труда сотрудников (от 0 до 120 баллов). В данной системе применяется шести критерий: профессиональные знания, производительность труда, качество работы, соблюдение правил техники безопасности, этика производства, инициативность [8, с. 607].

Интересным является шведская модель мотивации труда. Шведская модель построена на принципах солидарной заработной платы: на всех предприятиях одной отрасли применяется принцип равная заработная плата за аналогичную работу, а также сокращение разницы между минимальным и максимальным уровнем заработной платы. Даная модель направлена на сокращение уровня имущественного неравенства и экономического расслоения общества. Данный механизм обусловливает перераспределения национального дохода в пользу менее обеспеченных слоев населения. В результате реализации такой политики происходит структурная перестройка экономики, снижение числа убыточных предприятий.

В Польше в системе мотивации работников главный акцент делается на повышение эффективности производства, но с ограничением доходов населения. Данная модель направлена на преодоления кризисных явлений в экономике страны путем обеспечения готовностью населения страны нести жертвы ради будущего социально-экономического развития. Однако, при такой модели происходит «отток умов», ради того, чтобы приобрести именно сегодня определенные материальные блага, а не в будущем.

Максимальное поощрение предпринимательской активности является характерная черта американской системы мотивации. Данная модель опирается на концепции индивидуализма, доминирование личные интересы в общества: стимулирует активизации стремлении к личному благосостоянию, что в конечном счете способствует экономическому процветанию страны в целом.

Перечень профессий и детализированный уровень квалификации работников предприятий, которые необходим работодателю лежит в основе определения величины трудовой тарифной ставки [9, с. 88]. Американская компания Mcdonald's в этом направлений является примерным. По одной бизнес-модели построены деятельность ресторанов и его сети, и простая и эффективная организация работы способствует молодым и неопытным сотрудникам быстро адаптироваться к требованиям и найти свое место в коллективе. В Компания Apple также персонал объявлен как ценный ресурс и трудовой деятельности в нем поддерживается ряд программ, которые направлены на меры по обеспечению благотворительности, организации, дополнительное образование, скидки для сотрудников на продукты компаний и т.д.

В Японии компания Toyota Motors в условиях пожизненной занятости и кооперативных производственных отношений разработал собственный кадровый состав производственных рабочих. Организация системы оплаты труда, базирующийся на старшинстве является основным принципом управления человеческими ресурсами. В зависимости от стажа работы происходит рост заработной платы и соответственно повышается уровень квалификации и опыт производственных рабочих в компании. Обеспечение развитии внутреннего рынка труда в компании обеспечит укрепление кадрового потенциала японского завода Toyota, за счет повышения квалификации производственных работников. При организации системы оплаты труда учитывается, также качества работы, что стимулирует производственных работников повышать свой профессиональный уровень. Таким образом, организация системы оплаты труда на базе оценки результативности труда в сочетании с традиционными принципами, основанные на трудовом стаже, способствуют не только активизации инновационной деятельности компаний, но и обеспечивают безопасность сотрудников и их уверенность в будущее. В этих условиях работники компаний выполняют многофункциональную работу, чтобы максимизировать свои показатели.

Примером инновационного типа мотивации является компании Microsoft. В данной компании работает более 110 тыс. работников. Инновации, равные возможности, социальные партнерства, социальная ответственность, искусственный интеллект, защищенные информационные системы являются основными ценностями компании. В компания Microsoft реализуются ряд социальных пакетов для работников: долгосрочный оплаченный отпуск, добровольное медицинское страхование, оплата посещений фитнес-клуба и т.д.

Американская компания Tesla, также имеет большой опыт в мотивации инновационной деятельности. В компании инженерный и управленческий персоналы имеют гибкий график работы, и оценка результатов работы

мотивируют сотрудников достигать результаты раньше установленного графика и окончания рабочей смены.

Участие работников в управлении производством как одна из метод мотивации применяется в Германии. Суть данной модели состоит в участии работников на совещаниях с высшим руководством, построение системы «рабочий-директор» и производственных советов, состоящий только из рабочих. В данной модели реализуется принцип равноправие взаимодействий персонала высшего управленческого звена с производственным персоналом. Способность овладеть новой профессией или повысить квалификацию является критерием при тестировании и отбора кандидатов на должность.

Сочетание сдельной и почасовой оплаты труда, премирования, доплаты за повышение квалификационного уровня, стажа работы и других инструментов широко используются в предприятиях американской экономики. Большинства американских предприятий (около 61%) используют модель денежных выплат по системе Pay for-Performance (PFP). В данной системе индивидуальных и групповых результатов лежит в основе определение размера вознаграждения работника. В компаниях, где используется система PFP, у сотрудников наблюдается высокий уровень мотивации, т.е. с целью получение высокого уровня дохода, работают более эффективно. Поэтому производительность труда в компаниях повысился от 5% до 49%, доходы сотрудников - от 3% до 29%, т.е. Руководители, управленческие персоналы предприятий для обеспечения себя квалифицированными кадрами разрабатывают и реализуют различные программы, способствующие профессионального совершенствования работников на ряд лет. Практикуются такие механизмы мотивации как участие в акционерном капитале, дифференцированное вознаграждение работников за счет прибыли, которые проработали не менее года, и т.п. Таким образом, американская модель мотивации, хотя является достаточно эффективной, но она не может повысить заинтересованность сотрудников работать долго на интересы компании, как в компаниях Японии.

Для нашей республики более приемлемым считается изучение и использование опыта или модель мотивации в предприятиях Японии и Китая. В системе управление или менеджмента предприятий Японии и Китая удачно сочетаются опыт запада с традиционными национальными особенностями. Концепция коллективизма и стремление обеспечить идеологическую сплоченность корпораций составляет суть японской модели мотивации персонала. Компания – это «одна семья» это лозунг и принцип деятельности: все сотрудники должны организовать трудовую деятельность ради общего блага коллектива. Другими словами, здесь работает центробежная сила сплоченности. Реализуется в японских компаниях набор выплат и услуг социального характера,

т.е., предоставляется персоналам выходные пособия и пенсии, медицинские услуги и личное страхование в случае производственной травмы, оказание помощи в получении образования детям сотрудников и т.п. Фактических результатов труда и стажа работников лежит в основе определения их уровня оплаты, а результаты работы предприятия определяет уровень оплаты менеджеров (так называемые «плавающие оклады»). Как выше отметили наличие система пожизненного найма, а также неформальные межличностные отношения работников, идеология сплочённости, корпоративная философия, ротация кадров, трудовая мораль являются основными составляющими мотивации труда в предприятиях Японии. Эти перечисленные элементы мотивации действуют в комплексе, что способствует активизацию общей трудовой активности сотрудников.

В Китае в отличие от Японии семейный бизнес является ядром корпоративной организации предпринимательства. Люди должны чувствовать себя хозяином собственного небольшого бизнеса, чем служащим и сотрудником в крупной корпорации. В результате такого подхода активизируется нематериальная сторона (поощрение) системы мотивации труда.

В китайских компаниях уровень образования, стаж работы, является определяющим фактором размера основной заработной платы. За это начисляются бонусы, размер которого зависит от уровня прибыли предприятия, бонусы так же предоставляется за качественные результаты работы. Типичными компенсациями в передовых китайских компаниях являются такие механизмы социального партнерства как медицинская страховка, расходы на транспорт и телекоммуникации (телефон, мобильный телефон, интернет), денежная помощь для приобретения квартиры, образования, повышение квалификации и т.д. Важным моментом является то, что за средства, полученные в виде компенсаций, налоги не оплачиваются. Можно наблюдать, также такие инструменты нестандартной мотивации, как собственный детский сад (рядом с офисом), корпоративный доступ к интернету из дома, подготовка сотрудника за счет компании по престижным программам цифровой экономики и т.д.

Отмечая особенности системы мотивации в предприятиях Китая А.Б. Оришев связывает его со спецификой китайского менталитета, прежде всего, с трудоголизмом. «Трудолюбие китайцев проявляется и в такой особенности построения рабочего дня, что они предпочитают закончить работу сразу, не откладывая на более позднее время, как принято в Европе» [10, с. 246].

По сравнению мотивации персонала в предприятиях зарубежных стран в нашей республике он малоэффективен, у нас руководители предприятий ориентируются в основном на результативность труда. Традиционные ценности ориентированы в трудовые отношения и ее престиж попадает на второй план,

что все это обусловливает такое поведение, что работники не видят реальных возможностей получения благ за счет честного труда. Поэтому привычкой стало предпочтение приобретения благ и выгод путем неформальной деятельности, занятие в неформальном секторе экономики. Поэтому зарубежный опыт может стать определенной базой для разработки адекватных способов и инструментов мотивирования персонала в отечественных предприятиях, соответствующими параметрами социально-ориентированной рыночной экономики и перехода к инновационному развитию экономики. На основе обобщения все вышеизложенные модели мотивации, применяемых в зарубежные страны приведены в таблице 1.

Таблица 1. Основные фундаментальные подходи к мотивации персонала на предприятиях индустриально развитых стран

США	ЕС	Японии
В американских компаниях управленческий подход направлен на рассмотрение человека как рабочая сила, делается упор на индивидуализм, личные интересы работника, индивидуальным принятием управленческих решений на основе служебных полномочий, осуществлением найма работника.	В европейских компаниях отбор персонала происходит согласно принципу каждый должности имеет свой работник, следовательно, ищут человека специальности. Данный специалист имеет права принимать решений относительно те вопросы, на которых они компетентен. Такой подход позволяет специализированный работник постоянно совершенствует себе, повысит квалификации и инновации в свои направления, и т.д.	В управленческих практик японской компаний ориентация на человека (человек − центр хозяйственной деятельности) занимает центральное место. Доминирует подход к человеку как к личности, работника оценивают не по индивидуальной выработке, а по его вкладу в работу коллектива и в совокупную производительность человеку как к личности.
Для американских компаний главный акцент делается на оценку и продвижение сотрудника по службе, специализация его функциональной деятельности, качественные и количественные методы оценки персонала, которые форматизирован.	В европейских компаниях единые тарифные соглашения лежит в основе системы оплати, тариф и различные виды дополнительных выплат, конечно, с учетом конкретных условий труда. Только в лучшую сторону имеет тенденции отклонения в тарифном соглашении, но постоянный тариф практически не меняется, а переменных как раз и зависит доход работника.	Коллективизм, практикуется коллективное принятие решений (полное сотрудничество, коллективизм). Компаний тщательно отбирают и комплектуют своих сотрудников по функциональным группам, что и обеспечивает максимальное взаимодействие друг с другом и, как следствие, приводит к наиболее качественному результату работы.
Человек, персонал рассматривается в качестве одного из средств достижения целей организации, но	Руководство европейские компаний постоянно разрабатывает систему мер по стимулированию деятельности сотрудников, которые	Главной отличительной чертой японских компаний. является осуществление долгосрочного (пожизненного) найма

игнорируется его собственные цели.	нацелены на внедрение инновации и высоко производительный и эффективный труд. По окончании данных мероприятий проводится аттестация работников. Работники, получившие наивысшие оценки, премируются, остальные - работают над своими ошибками.	работника, следовательно уверенность в завтрашнем дне является главным стимулом каждому работнику.
Материальная заинтересованность, же конкуренция, приводящая к победе сильного, является основными стратегическими средствами реализации целей деятельности компаний	Организован непрерывный процесс обеспечения разностороннего обучения и повышения квалификации сотрудников компаний.	Постепенной, медленной оценкой и продвижением, неформальными тонкими механизмами контроля деятельности работников, отсутствием жесткой специализации персонала является специфическая характеристика и особенности японских компаний. Отношение к труду, аккуратность и пунктуальность, взаимодействие с коллегами, нацеленность на выполнение производственных программ является важными критериями оценки.
Американская экономика доминирует институт найм рабочего, приспособлены к системе, где рабочий продает свой труд за определенную плату. Это и стимулирует рабочим заняться трудом, они осознают что труд является источником дохода, заработная плата, иначе они будут уволены от компаний.	Активизированы участие рядовых работников в управлении компаний, который осуществляется посредством наблюдательного совета. Кроме того, на европейских предприятиях функционирует производственные советы, избираемые производственными коллективами, и представляют интересы трудящихся. Производственный совет отличается, от профсоюзной организации, тем, что представляет только интересы работников данного предприятия. Идеи каждого работника могут быть услышаны, если его предложение рационализаторское, то руководство обязательно вознаграждает работника	В Японии верность и единство работников компаний, их плотное и непрерывное сотрудничество является основными стратегическими средствами реализации целей функционирования компаний.

Теперь подробно остановимся на зарубежный опыт стимулирования инновационной деятельности сотрудников. Исследование опыта зарубежных стран показывает, что мотивация к инновационной деятельности, основан преимущественно на преобладания материального стимулирования и новаторств [11, с. 208]. Компании США создают условия и среду, которые способствуют проявлению инициативы к внедрению новых предложений и их быстрым оценкам, и отдаче. Устанавливается вознаграждение более высокого уровня за инициативу, что активизирует мотивацию сотрудников за обеспечение постоянного роста инновационного процесса. Награждение, предоставляется даже, на такие инновации, которые по причине технологического несовершенства не могут сразу быть внедрены. Авторы творческих идей, также в компаниях США получают вознаграждения: за удачное нововведение, который оказывает влияние на результаты деятельности компаний до 50 тыс. дол, за лучший патент года вознаграждение в размере 500 дол.; премия за творческую идею до 15 тыс. дол. Кроме того, еще работники награждаются почетным знаком за творческую идею.

Изобретателям также установлен определённой размер субсидии на разработки и реализации инновационных проектов, что способствует расширению возможностей индивидуального роста персонала. Внедряется, также система «двойных лестниц» в зависимости от индивидуальных способностей или желаний, которые предоставляют возможности служебного продвижения персонала по административным или научно-инженерным иерархиям в компании.

Американские университеты выступают основными центрами инновации. Потому что там осуществляются фундаментальные и прикладные исследования сращивается с подготовкой высококвалифицированных специалистов. По сравнение с другими странами мира в США объемы государственной поддержки научно-исследовательской деятельности университетов значительно выше. Это позволило достичь самого высокого уровня рационального использования результатов интеллектуального капитала, деятельности интеллектуального ресурса в мире. От правительства в большом объеме предоставляются гранты для научно-исследовательских проектов университетов, подписываются для сотрудничества с ними контракты, соглашения о совместной деятельности и т.д.

В многих американских университетов созданы офисы по лицензированию и трансферту технологий. Если стратегии компаний ориентированы на максимизацию лицензионных платежей «роялти», то миссия университетских инновационных офисов имеют широкий диапазон действий – направленные на повышения уровня общественной значимости результатов трансферта технологий посредством усиления активности субъектов предпринимательского

сектора в научной сфере. Деятельности инновационных офисов университетов находятся в сфере регулирования и контроля государственными структурами США, Ассоциация менеджеров университетов по технологиям подготовят и публикуют отчет о своей деятельности.

В Великобритании и ЕС практикуется формирование премиальных фондов за разработку, освоение и выпуск новой продукции. Размеры фонда зависит от расширения объема продаж новой продукции и ее доля в общем объеме производства продукции. На предприятиях Великобритании, Дании, Нидерландов применяется система «отложенных» премий: выплата откладывается и величины премий корректируется с учетом положений новой продукции на рынке. Применительно к инновационной деятельности сотрудников университетов Великобритании отсутствуют единые правила. Например, в кембриджском университете ученый, занимающийся бизнесом для коммерциализации своей разработки, отсутствуют любые ограничения. В университете Оксфорд Брукс ученый-новатор получает до 10 000 ф.ст. за свои разработки, независимо от его эффективности. В данном случае университету ничего не достается, и все участники научной разработки получают вознаграждение.

Системы стимулирования инновационной деятельности работников в зарубежных странах постоянно совершенствуются, применяются кроме материальных форм и разнообразные нематериальные формы стимулирования. Практикуется, в рамках реализации института социального партнерства использование программы образовательно-профессионального развития сотрудников, активизация прямого участия работников в управлении производством, например на основе организации «кружков качества», автономных бригад, совместных советов, где участвуют представители администрации и рабочие, реструктуризация трудовых отношений, обогащающих содержания труда (увеличение «горизонтального» и «вертикального» функций и обязанностей работников), ротации кадров, использование нетрадиционных форм организации рабочего и производственного процесса и др.

В предприятиях зарубежных стран получило распространение, также социальные стимулы инновационной деятельности сотрудников. Например, в случае, когда работники настойчиво выдвигают свою инновационную идею, несмотря на частичные неудачи или успехи они превращается в общественным представителем компании, приобретает широкую известность не только внутри компаний, но в отрасли и сферы экономической деятельности, т.е. за пределами компании. Такое личное признание работника становится большим вознаграждением в духовном аспекте, мотивирует его в дальнейшее творческое

развитие, увеличение рационализаторских изобретении. Поскольку общественное признание дает работнику чувство самореализации творческого потенциала, и гарантию рабочего места как специфического актива развития компаний. Работник приобретающие такое социальное признание за инновационную деятельность, еще более активизирует проявление и реализацию своего творческого потенциала. Видя признание работника за инновационную разработку, другие работники, окружающие их люди, будут стремится тоже заниматься инновационной деятельностью. Социальные награждения работников – новаторов и включение на этот процесс других работников в компании формируется условия и среда, поддерживающая позитивную динамику инновационной деятельности.

В зарубежной практике имманентное вознаграждение, также является другим типом стимулирования инновационной деятельности работников. В данном типе работник имеет возможность продолжать любимую работу, для большинства новаторов это является важнейшим вознаграждением, поскольку это возможность и деятельность является имманентным и истинным вознаграждением работника, который занимается инновационной деятельностью. Компания, отдающая преимущества на инновационную деятельность, стремятся привлечь к себе имманентно мотивированных людей, работников-инноваторов и для них разрабатывают специальные служебные «лестницы», направленные на их мотивацию, чтобы бросить свою прежадную работу ради продвижения по службе. В данном аспекте применяются механизмы повышения в звании, ранге без перевода их в управленческий состав.

Интересным является, также системы стимулирования инновационной деятельности сотрудников российских предприятий. В России можно выделит две группы работников национальной инновационной системы:

а) сотрудников научно-исследовательских учреждений и вузов, проектных институтов, научно- производственных объединений, технопарков, которые непосредственно занимаются научно - исследовательской работой и продвигают новые идеи и разработки;

б) группа персоналов или сотрудников, занятых научно-конструкторской деятельностью в производстве, компаний, предприятий или организаций, т.е., непосредственно занятых в производственном процессе.

Однако в промышленных предприятиях России и других стран СНГ встречаются ряд проблем с использованием инновационной активности сотрудников. Прежде всего не созданы надлежащие условия для эффективного использования инновационного труда сотрудников. В связи со сложной финансовой устойчивостью, почти во многих предприятиях не функционируют патентно-лицензионные отделы и бюро рационализаторских предложений,

которые раньше выполняли функции обслуживания изобретателей и рационализаторов. Занимаются больше всего решением текущих проблем, руководители предприятий не имеют возможности решит проблемы относительно обеспечения развития творческого потенциала персоналов. Поэтому наблюдается тенденция уменьшения численности изобретателей и рационализаторов. Эта тенденция больше всего наблюдается в предприятиях реального сектора экономики, сокращается число внедрений в производство многих рационализаторских предложений. Экономические стимулы и механизмы инновационной деятельности почти не работают, потому что инструменты материального стимулирования имеют непрозрачный вид, ресурсы, направляемые на вознаграждения, поступают нерегулярно, отсутствует регулярное начисление вознаграждений авторам, а их размеры очень незначительны. На очень низком уровне развитость инновационно-предпринимательской среды. Транзакционные издержки оформление предложений работников – новаторов очень высокий, они теряют больше времени, ресурсов, чем получают вознаграждения за инновационную разработку [12, с. 208].

У нас в республике, также в промышленных предприятиях наблюдается низкий уровень инновационной деятельности. Для сотрудников сферы научно-исследовательской деятельности не хватает надлежащей информации о реальных потребностях предприятий реального сектора экономики в организации инновационной деятельности. Кроме того, для новаторских заявлений большинство ученых-новаторов, отсутствует спрос со стороны субъектов экономики, ограничена возможность реализации изобретений, направленных на совершенствование производства, чтобы донести до потенциального пользователя. У промышленных предприятий, также отсутствует в широком доступе к необходимая информация о современных достижениях науки, конъюнктуры развития рынка инновационных продуктов.

Слабая инновационная активность кадрового потенциала в научно-технологической сфере и в промышленных предприятиях, это также является существенной проблемой. Одной из причин снижения качества кадрового потенциала в научно-технологической сфере является низкий уровень государственного финансирования в направления повышения уровня и качества материально-технического обеспечения научных учреждений и вузов. Отсутствие адекватного материального стимулирования научных работников, способствующих нарастанию процессов, также снижение качества и результативности научной деятельности. На снижение уровня кадрового потенциала учреждений научной сферы и промышленных предприятий повлияли активное вовлечение научных работников республики в

интеллектуальный сегмент международной миграции, эмиграционных процессов, т.е. активизировался процесс «утечки мозгов». Несовершенство законодательных аспектов в сфере защиты интеллектуальной собственности, также является причиной слабого уровеня творческой активности работников, занимающихся в инновационной деятельности.

Как показывает анализ зарубежного опыта мотивации инновационной активности персонала, главный акцент преимущественно на создание системы мотивации, поддерживающий и стимулирующий новаторский труд занимает центральное место в модели мотивации, применяемые в предприятиях. Построение такой системы оплаты труда и в целом материального поощрения, где новаторство является главным аспектом, выгодным для сотрудника, особенно на работника-новатора выступает в качества основного фактора мотивации инновационного развития предприятия. Поскольку, в условиях рыночной экономически, системы, где доминируют личные интересы, следует объективно рассматривать систему материального вознаграждения, оплаты труда, который занимает существенное положение трудовых отношений по отношению работников которые занимаются новаторством, инновацией, инновационной деятельностью и это должно становится фактором, оказывающий прямое влияние на размер материальных вознаграждений, а значит и на размер заработка сотрудника.

Литература

1. Ильченко С.В. Актуальные аспекты организации деловой оценки персонала [Текст]: / Вестник экспериментального образования. 2019. – № 3(20). – С. 30-37.
2. Маслоу А.Г. Дальние пределы человеческой психики: 16+ / Абрахам Маслоу [Текст]: [перевела с английского О. Чекчурина]. – СПб: Питер, 2020. – 444 с.
3. Бовыкин В.И. Научная мотивация труда: всё остальное не работает: практическая модель научной мотивации труда в 4 раза эффективнее любой из общепринятых систем оплаты и стимулирования труда: окладно-премиальных, в том числе на основе KPL, сдельных и других: [12+] [Текст]: / В. Бовыкин. – М.: Эксмо, 2020. – 209 с.
4. Кауфман Н.Ю. Система мотивации труда в сфере предпринимательской деятельности [Текст]: // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. – № 2-1. – С. 79-82.
5. Кибанов А.Я. Управление персоналом в России: теория, отечественная и зарубежная практика [Текст]: Книга 2: Монография / А.Я. Кибанов, Б.М. Генкин, И.В. Лаврентьева / под ред. А.Я. Кибанова. – Москва: НИЦ ИНФРА-М, 2018. – 283 с.

6. Николаева И.И. Зарубежный опыт мотивации персонала [Текст]: / Human progress. 2018. – Том 4. – № 7. Электронный ресурс. – Режим доступа: http://progress-human.com/images/2018/Tom4_7/Nikolayeva.pdf, свободный.
7. Димчевска К., Шумбор В.В. Сравнительный анализ особенностей кадрового менеджмента в Германии и Швейцарии [Текст]: / Вопросы управления и экономики: современное состояние актуальных проблем. Сборник статей по материалам XIII международной научно-практической конференции. – М.: ООО «Интернаука», 2020. – С. 34-41.
8. Валова О.С., Софьина В.Н., Галченко С. Международный опыт мотивации персонала [Текст]: / Современное образование: содержание, технологии, качество. 2019. – Т. 1. – С. 605-607.
9. Тюрина К.А. Сравнительный анализ российского и зарубежных подходов к мотивации труда [Текст]: / Вектор экономики. 2020. – № 4(46). – С. 88.
10. Оришев А.Б. Бизнес и менталитет: строим эффективные коммуникации в Китае [Текст]: / Маркетинговые коммуникации. 2018. – № 4. – С. 242-250.
11. Инновационный менеджмент в управлении персоналом [Текст]: / Данилина Е.И. – Москва: Дашков и К, 2016. – 208 с.
12. Управление инновационной деятельностью / Агарков А.П., Голов Р.С. // – Москва: Дашков и К, 2017. – 208 с.
13. Ганиев Р.Г. Роль и значение финансовых технологий в цифровизации банковских услуг / Р.Г. Ганиев // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). 2020. – № 1(69). – С. 69-75.

ТАЪҶРИБАИ ХОРИҶӢ ДАР СОҲАИ АНГЕЗИШИ КОРМАНДОН БА РУШДИ ИННОВАТСИОНИИ КОРХОНАҲО

Мирзоев Б.Р.
Филиали Донишгоҳи давлатии Москва ба номи М.В. Ломоносов дар шаҳри Душанбе

Аннотатсия. *Дар шароити муосир нақш ва аҳамияти захираҳои инсонӣ, ангезиш ба меҳнат ва рушди инноватсионии корхонаҳо пайваста меафзояд. Қобилият ва дониши инсон бузург аст, аз ин рӯ маҳз ангезиш ва ҳавасмандгардонӣ ҳамчун механизмҳои созанда барои тағйир додани ин имкониятҳо ҷиҳати расидан ба ҳадафҳо ва рушди муассисаҳо баромад мекунанд.*
Калидвожаҳо: *ангезиши кормандон, инноватсия, рушди инноватсионӣ, ҳавасмандгардонии кормандон, моделҳои инноватсионии ҳавасмандгардонӣ.*

INTERNATIONAL EXPERIENCE IN EMPLOYEE MOTIVATION FOR THE INNOVATIVE DEVELOPMENT OF ENTERPRISES

Mirzoev B.R.
Lomonosov Moscow State University in Dushanbe

Annotation. *In today's conditions, the role and importance of human resources, motivation for work, and the innovative development of enterprises are steadily increasing. Human capabilities and knowledge are vast, which is why motivation and encouragement serve as constructive mechanisms for transforming these capabilities to achieve organizational goals and drive enterprise development.*
Keywords: *employee motivation, innovation, innovative development, employee incentives, innovative incentive models.*

Сведения об авторе: **Мирзоев Баходур Рустамович** – к.э.н., заместитель исполнительного директора по воспитательной деятельности и связям с общественностью филиала Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в городе Душанбе, город Душанбе, Республика Таджикистан. **Тел.:** (+992 93) 538 42 42. **E-mail:** tjbaha@yandex.ru.

ТДУ 342

КОНСТИТУТСИОНАЛИЗМ, СИСТЕМАИ СИЁСИИ ҶОМЕА ВА ИДОРАКУНИИ ДАВЛАТӢ

Каримзода К.М.
Суди конститутсионии Ҷумҳурии Тоҷикистон

Аннотатсия. *Дар мақола таҳлили сиёсӣ-ҳуқуқии конститутсионализм бо такя ба равияҳои назариявие, ки дар доираи илми сиёсатшиносӣ ва ҳуқуқшиносӣ таҳия шудаанд, баррасӣ мегардад. Таваҷҷуҳи махсус ба ҳамбастагии конститутсионализм бо фаъолияти низоми сиёсӣ, механизмҳои идоракунии давлатӣ ва динамикаи равандҳои сиёсӣ зоҳир мегардад. Ҳадафи таҳқиқ муайян намудани асосҳои консептуалии конститутсионализм ҳамчун унсури калидии сохтори институтиҳои ҳокимият дар давлати муосир мебошад.*

Калидвожаҳо: *конститутсионализм, конститутсия, низоми сиёсӣ, идоракунии давлатӣ дар чаҳорчӯби равандҳои сиёсӣ.*

Дар таҳқиқоти сиёсатшиносии (сиёсӣ) имрӯза конститутсионализм ҳамчун системаи сиёсие муайян карда мешавад, ки ба методҳои конститутсионии идоракунӣ асос ёфтааст. Конститутсионализм ҳамчун модел, консепсия, назария, амалия ва раванди муҳими сиёсӣ-иҷтимоӣ баромад намуда, дар он кори муътадили низоми сиёсӣ, нақш ва мавқеи устувори субъектҳои асосии низоми сиёсӣ, аз ҷумла инсон, ҷомеа ва давлат дар раванди идора ва татбиқи равандҳои сиёсӣ-иҷтимоӣ тавассути қонуни асосии давлат амиқ муайян карда мешаванд.

Замина, сохтор ва присипҳои муносибатҳои ҳокимиятӣ миёни мақомоти давлатии барои тақсими ҳокимият ва қувва талошдошта, барои баробар, муназзам ва муътадил амал намудан гузошта шуда, тавассути институтҳои сиёсӣ-ҳуқуқии ифодакунандаи давлати демократӣ маҳдуд карда мешаванд.

Вобаста ба ин, Графский В.Г. таъкид менамояд, ки «конститутсионализм дар дискурси сиёсии муосир дар Ғарб ва берун аз он зуҳуроти оддӣ ба ҳисоб меравад, лекин он мафҳуми фаҳмишаш душвор аст. Баъзеҳо андеша доранд, ки онро мафҳум додан мумкин нест (ҳатто даркор) нест. Ба ин нигоҳ накарда якчанд хусусиятҳои умумии ин консепсияро мумкин аст, ҷудо намуд: волоияти қонун, на одамон; маҳдуд кардани ҳокимияти сиёсӣ; ҳифзи ҳуқуқ ва озодиҳои граждани; ва идоракуние, ки ба розигии озоди идорашавандагон асос ёфтааст» [1].

Таҳқиқоти сиёсии конститутсионализм дар заминаи институтҳои мавҷудаи сиёсӣ – ҳуқуқӣ, ки дар низоми сиёсии давлат маҳдуд кардани ҳокимияти сиёсиро эълон медорад, муҳимтарин ва асоситарин ифодаи хусусиятҳои мафҳуми конститутсионализм ба шумор меравад. Ин мазмуни маҳдуд кардани ҳокимияти сиёсӣ, низоми (режими) сиёсӣ, идоракунии давлатӣ, дур кардани олигархия аз

идоракунии давлат, пешгирии зуҳуроти коррупсия дар давлат ва оқибатҳои ногувори он барои ҷомеа, элементҳои нодурусти идора дар масъалаи интихоб ва ҷобаҷогузории кадрҳо ва хизмати давлатӣ, бе низом намудани ҷомеа ва наёфтани риштаи муносибат миёни ҷомеа бо аҳолӣ, аз як тараф ва давлатро аз тарафи дигар дар бар мегирад.

Ин мазмуни ба ҳокимият дар симои мақомоти давлатӣ, мансабдорон ва амалдорони зиёди сиёсию маъмурии он имконият надодан ва шароит фароҳам наовардан барои дурравӣ аз идоракунии ҳамаро фарогиранда, поймол ва маҳдуд кардани ҳуқуқу озодӣ ва манфиатҳои инсон ва шаҳранд мебошад.

Чунонки Графский В.Г. таъкид менамояд «Муқаррар намудани маҳдудият барои ба амал баровардани ҳокимияти сиёсӣ дар мафҳуми конститутсионализм ҷойи марказиро ишғол менамояд ва чораҳои расидан ба ин мақсад дар худ огоҳии ҳоким-вайронкунанда, муайян намудани ҳуқуқи халқ ба мубориза, ҷазо додани ҳокими бедодгар, тақсими соҳибихтиёрӣ тавассути федерализм; тағзияи ҳокимият ё дигар чораҳои низоми бездориву мувозинатро дар бар мегирирад» [1].

Заминаи ҳуқуқии фаъолияти низоми (системаи) сиёсии дар асоси усулҳои идоракунии конститусионӣ фаъолияткунанда, ғояи маҳдуд кардани ҳокимият, ҳаркати иҷтимоӣ-сиёсӣ, низоми институтҳои оммавӣ-ҳуқуқӣ, ки татбиқи меъёрҳои конститутсиониро таъмин менамоянд; системаи сиёсӣ муайянкунанда ва ифодакунандаи хусусияти конститутсионализм нишон дода мешаванд [2, с. 3-39; 3, с. 79].

Д.В. Лиситсин конститутсионализмро ҳамчун қисмати муҳими равандҳои муосири сиёсӣ, ки дар худ модели сиёсии ҳамкории ҷомеа ва давлат, ки низоми институтҳои сиёсӣ ва оммавӣ–ҳуқуқиро мемонад ва дар асоси принсипи соҳибихтиёрии халқ, кафолати ҳуқуқу озодии инсон ва шаҳрванд, волоияти қонун, тағзияи ҳокимият ва назорати конститутсионӣ амал мекунанд, арзёбӣ менамояд. Ба андешаи ӯ, маҳз дар чунин фаҳмиш конститутсионализм шакли идоракунӣ ва сохтори давлатӣ, режими сиёсиро муайян ва барои самаранокии институтҳои ҷомеаи шаҳрвандӣ мусоидат менамояд [3, с. 68-69].

Чунин навъи плюрализми категориявӣ маънои онро дорад, ки конститутсионализм дорои мафҳуми васеъ буда, ба тарафҳои гуногуни воқеияти сиёсӣ-ҳуқуқӣ хусусияти объективӣ дода, онҳоро муттаҳид менамояд. Бо ин сабаб ба конститутсионализм додани мафҳуми дорои як аломат ва мукаммал имконнопазир мебошад.

Муносиб ва боназокатӣ он аст, ки зимни хислатдиҳии конститутсионализм нисбат ба табиати он муносибати маҷмӯиро татбиқ намуда, конститутсионализмро тавассути принсипҳои асосии онро ташкилкунанда ва хусусиятҳои сифатии он муайян намоянд. Он ҳолатро бояд дар назар дошт, ки

конститутсионализм заминаи институтсионалии тартиботи сиёсӣ ба ҳисоб меравад, ки дар навбати худ рушди устувор ва суботи равандҳои сиёсиро таъмин менамояд.

Таҳқиқоти сиёсатшиносӣ аз он бармеояд, ки конститутсионализм на танҳо проблемаи илмҳои сиёсӣ-ҳуқуқӣ, инчунин проблемаи амалияи муосири коркунии системаҳои сиёсӣ ва равандҳои сиёсӣ ба ҳисоб меравад. Дар ин ҷо чизи асосӣ барои кор кардани системаи сиёсӣ ҳама вақт ҷомеа ва давлат ва дигар институтҳои сиёсии бо инҳо алоқаманд (ҳизбҳои сиёсӣ, иттиҳодияҳо, гурӯҳҳои иҷтимоӣ ва ғ.) баромад мекунанд. Онҳо субъектҳои асосӣ ба шумор рафта, аз хусусият ва сатҳи ҳамкорӣ миёни онҳо самтҳои асосӣ ва динамикаи равандҳои муосири сиёсӣ вобастагӣ дорад.

Дар ҷомеаҳои имрӯзаи демократӣ якҷоя амал кардани ин институтҳои асосӣ, охири охирон, ба ташаккули ҷомеаи шаҳрвандӣ, бунёди давлати ҳуқуқбунёд ва иҷтимоӣ ва суботи иҷтимоӣ-сиёсӣ дар ҷомеа оварда мерасонад.

Равандҳои сиёсии мазкур дар доираи системаи мавҷудаи сиёсӣ ба консепсия ва механизми татбиқ ниёз доранд, ки дар ин ҳолат конститутсионализм баромад менамояд.

Ҳамин тариқ, равандҳои сиёсӣ дар доираи системаи муайяни сиёсӣ ва бо он мувофиқ, ҳамеша ҳамчун механизми ҳамкории иҷтимоӣ-сиёсии субъектҳои раванди сиёсӣ баромад менамоянд.

Бо ин назардошт, дар раванди шакливазкунии системаи сиёсӣ-ҳуқуқӣ, таҳлили динамикаи мафҳуми конститутсионализм ҳамчун қисми ҷудонашавандаи системаи муосири сиёсӣ, қисми муҳими ҷудонопазири фаҳмиши конститутсионализм ба ҳисоб меравад.

Ба андешаи И.М. Степанов, зери мафҳуми конститутсионализм, пеш аз ҳама, аз афташ, бояд низоми тасаввуротҳо оид ба арзишҳои сиёсӣ-ҳуқуқии умумидемократӣ, умумитамаддунии ҷомеаи давлатии мураттабшуда фаҳмида шавад. Конститутсионализмро ҳамчун зуҳуроти васеъ хислат дода, дар мафҳуми танг зери мафҳуми конститутсионализм низоми умумии донишҳоро оид ба арзишҳои бунёдии сиёсӣ-ҳуқуқии демократия мефаҳмад [4, с. 3].

Дар мазмуни васеъ ва бисёртарафаи мафҳуми конститутсионализм як қатор хусусиятҳо, аз қабили арзиши бунёдии демократия, қоидаҳои бунёдии рафтори демократӣ, бо розигии ҷомеа муқарраршуда, рафтори граждании ҳар як фард, мавҷудияти мураттаб ва бошууронаи арзишҳои конститутсионӣ, кафолати ягона ва аз санҷиши асрҳо гузаштаи рушди устувор ва розигии ҷомеа номбар карда мешаванд, ки онҳо аз муҳимияти ин масъалаи давлати демократӣ шаҳодат медиҳанд.

Чунончи, Г.Г. Арутюнян конститутсионализмро ҳамчун арзиши бунёдии демократия ҳисобида, дар мафҳуми конститутсионализми ӯ мавҷудияти

қоидаҳои бунёдии рафтори демократӣ ва ҳуқуқии бо розигии ҷомеа муқарраршуда, мавҷудияти онҳо ҳамчун воқеияти зиндаи ҳаёти ҷамъиятӣ дар рафтори граждании фард дар раванди ваколатҳои давлатӣ-ҳокимиятӣ ҷойи махсусро ишғол менамояд. Дар шакли нисбатан умумишуда чунин меҳисобад, ки «конститутсионализм ин мавҷудияти мураттаб ва бошууронаи арзишҳои конститутсионӣ дар ҳаёти ҷамъиятӣ мебошад. Ин кафолати ягона ва асрҳо аз санҷиш гузаштаи рушди устувор ва розигии ҷомеа мебошад» [5, с. 15].

Н.С. Бондар чунин мешуморад: «категорияи конститутсионализм» он қадар бисёррӯя ва ҳаматарафа мебошад, ки қодир аст бо мундариҷаи худ чи зуҳуроти ҳуқуқӣ ва чи ғайриҳуқуқӣ… падидаи хусусияти иҷтимоӣ, иқтисодӣ, сиёсӣ, фарҳангиро то он дараҷае, ки онҳо ҳамчун заминаи иҷтимоӣ-фарҳангии ташаккули конститутсионализм баромад мекунанд ва дар як вақт муҳити мавҷудият ва рушдро, ки ба мазмуни мушаххаси таърихии он таъсир мерасонанд, дар бар гирад» [6, с. 13].

Муаллифоне ҳастанд, ки мафҳуми конститутсионализмро бо моҷароҳои иҷтимоӣ дар ҷомеа ва воситаҳои ҳалли онҳо алоқаманд медонанд.

Чунончи, ба андешаи А.Н. Медушевский конститутсионализм метавонад ҳамчун дарки моҷарои иҷтимоӣ аз ҷониби ҷомеа, ҳамчун усули ҳалли воситавии чунин моҷарои иҷтимоӣ ва дар охир ҳамчун падидаи муайяни системаи сиёсӣ маънидод карда шавад» [7, с. 4].

Ба чунин шарҳдиҳӣ дахл карда, бояд зикр кард, ки алоқамандии моҷарои иҷтимоӣ ва конститутсионализм дар он ифода меёбад, ки раванди рушди ҷамъиятӣ аз низоҳо ва созишҳо (консенсус), мубориза ва ризоят, илова бар ин, моҷарои иҷтимоӣ шарти муҳими рушди ҷамъиятӣ ҳисобида мешавад. Он дар тамоми ҷомеаҳо ногузир мебошад.

Ба сарчашмаҳои моҷаро ҳамеша сохтори иҷтимоии ҷомеа бо тафриқаи дурушти табақаҳои гуногуни иҷтимоӣ, гурӯҳҳо ва фардҳои алоҳида дохил мешаванд. Ва мураккабии сохтори иҷтимоии намутобиқ ва баъзан инкоркунандаи манфиатҳои ҳамдигарӣ, мақсадҳо ва арзишҳо, барои моҷароҳои рухдиҳанда сарчашма мегарданд. Дар як вақт дар системаи иҷтимоӣ, ба мураккабии он нигоҳ накарда, ҳамеша механизмҳои созиш, яъне ҳалли моҷароҳо, ба болои ин танзими бомуваффақона мавҷуд мебошад.

Конститутсионализм дар ин ҳолат ҳамчун воситаи идеологӣ, ҳамчун тадбир, ки дар доира ва ҳудудаш оқибатҳои манфии моҷароҳо роҳ дода намешаванд ва то дараҷае паст карда мешаванд, баромад менамояд ва онро барои ҳалли мусбати проблемаи бамиёномада истифода мебарад.

Конститутсионализм ба системаи сиёсӣ таъсири худро мерасонад ва бояд дар алоқамандӣ бо низоми сиёсӣ маънидод карда шавад. Зеро системаи сиёсӣ дар худ маҷмӯи ташаккулёфта, муназзам ва бонизоми институтҳои сиёсӣ мебошад. Он

ба принсипҳои ташкили сиёсии ҷомеа, муносибатҳо ва принсипҳои демократӣ, равандҳои сиёсии аз конститутсионализм сарчашмагирифта асос ёфта, пеш аз ҳама дар конститутсия эълон карда мешавад.

Дар навбати худ Конститутсия ҳуҷҷати муҳими сиёсӣ ва ҳуқуқӣ ва санади меъёрии эътибори олӣ ва волоиятдошта мебошад, ки тартиби кори системаи сиёсиро муайян менамояд ва кор кардани системаи сиёсӣ ба он асос ёфтааст. Низоми сиёсӣ дар худ муносибати миёни субъектҳои асосии он: ҷомеа ва давлат, тавсифи иштироки сиёсӣ, фаъолияти сиёсӣ, равандҳои сиёсӣ, муносибати сиёсӣ ва дараҷаи эҷодиёти сиёсӣ дар ҷомеа, яъне ташкили ҳокимияти сиёсиро тавсиф медиҳад. Системаи сиёсӣ ба давлат ва ҷомеа метавонад дар демократикунонии минбаъдаи ҳаёти сиёсӣ-иҷтимоии ҷомеа мусоидат намояд, дар сурати дар давлат мавҷуд будани конститутсияи сохташуда ба рушди авторитаризм дар ҷомеа ё беҳокимиятӣ замина фароҳам биёрад.

Зикр кардан ба маврид аст, ки барои дуруст муайян намудани сохтори системаи сиёсӣ маҳаки интихоби ҷузъиётҳои он зарур мебошад. Маҳаки ташкилӣ вуҷуд дорад, ки он сохтори дохилии ба тартиб даровардашудаи системаи сиёсӣ мебошад, ки ба самти сиёсии фаъолият нигаронида шудааст. Маҳаки сиёсӣ барои ин ё он институти системаи сиёсӣ инро мефаҳмонад:

якум, қобилияти ифода кардани манфиатҳои сиёсии синфи муайян, гурӯҳҳо ё ки ҳама гуна умумиятҳои иҷтимоӣ;

дуюм, иштирокчии ҳаёти сиёсӣ ва иштироккунандаи муносибатҳои сиёсӣ будан;

сеюм, муносибати бевосита ва бавосита доштан ба ҳокимияти давлатӣ – ба даст овардан, ташкил ва истифодаи он, илова ба ин, ҳатмӣ набудан дар шакли ҳамкорӣ бо мақомоти давлатӣ, инчунин ба онҳо муқобил истодан;

чорум, дар фаъолияти ҳаррӯзаи худ ба роҳбарӣ гирифтани меъёрҳо ва қоидаҳои сиёсӣ, ки дар қаъри ҳаёти сиёсии ин ё он мамлакат ташаккул ёфтаанд [8, с. 240].

Бо ин назардошт, давлат, ҳизбҳои сиёсӣ ва иттиҳодияҳои ҷамъиятӣ ташкилотҳои сиёсие ба ҳисоб мераванд, ки алоқамандии бевосита ба сиёсат хусусият ва аломатҳои махсуси онҳо ба шумор рафта, ба ҳокимият ва қудрат расиданро ҳадафҳои сиёсии худ эълон дошта, татбиқи сиёсати дохилӣ ва хориҷӣ, таъсиррасонии идеологӣ ва сиёсӣ ба ҷомеа ва аз ҳама муҳим амалӣ намудани манфиатҳои сиёсии доираҳои ҳукмрон ва ё ҷомеа мақсадҳои асосии барномавии онҳо ба шумор меравад.

Ба сифати санади асосӣ (умда) миёни меъёрҳо ва қоидаҳои ҳаёти сиёсӣ конститутсионализм баромад мекунад ва санади муҳими асоси меъёрии системаи сиёсии ҷомеа конститутсия ба шумор меравад.

Дар Конститутсия, ки ба ғояи конститутсионализм ва ё назарияҳои сиёсӣ-идеологӣ, консепсияҳо ва муносибатҳои он асос ёфтаанд, на танҳо асосҳои ҳуқуқӣ, балки асосҳои ҳуқуқии системаи сиёсӣ ва худи ҷомеа мустаҳкам карда шудааст.

Масалан, Боби якуми Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон «Асосҳои сохтори конститутсионӣ» номгузорӣ шудааст. Дар ин Боб эълон шудааст, ки Ҷумҳурии Тоҷикистон давлати соҳибихтиёр, демократӣ, ҳуқуқбунёд, дунявӣ ва ягона мебошад (моддаи 1); Дар Тоҷикистон халқ баёнгари соҳибихтиёрӣ ва сарчашмаи ягонаи ҳокимияти давлатӣ буда, онро бевосита ва ё ба воситаи вакилони худ амалӣ мегардонад (моддаи 6); Ҳеҷ як иттиҳодияи ҷамъиятӣ, ҳизбҳои сиёсӣ, гурӯҳи одамон ва ё фарде ҳуқуқ надорад, ки ҳокимияти давлатиро ғасб намояд (моддаи 6); Ҳокимияти давлатӣ дар асоси таҷзияи он ба ҳокимияти қонунгузор, иҷроия ва судӣ амалӣ мегардад (моддаи 9) ва ғ.

Г.Н. Зокиров ба таъсири Конститутсия ва санадҳои қонунгузорӣ ба системаи сиёсӣ дахл карда, қайд менамояд, ки «Системаи сиёсӣ қисми соҳаи сиёсиро, ки аз ташкилотҳо ва институтҳои иҷтимоӣ иборатанд ва дар алоқамандии якдигар вазифаҳои сиёсиро дар асоси ягонаи конститутсионӣ ба амал мебароранд, дар бар мегирад. Ба системаи сиёсӣ иттиҳодияҳои ҷамъиятӣ ва ҷунбишҳои сиёсӣ, ки мақсадашон мухолифи конститутсия, дигар санадҳои қонунгузорӣ мебошанд, фаъолияти сиёсии онҳо хосияти иртиҷоӣ доранд ва ба расмият шинохта нашудаанд, дохил намешаванд» [9, с. 128].

Ин матлаб дар Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон возеҳу равшан баён ёфтааст, ки тибқи он: Ғасби ҳокимият ва ё тасарруфи салоҳияти он манъ аст (моддаи 6); Таъсис ва фаъолияти иттиҳодияҳои ҷамъиятӣ ва ҳизбҳои сиёсие, ки нажодпарастӣ, миллатгароӣ, хусумат, бадбинии иҷтимоӣ ва мазҳабиро тарғиб мекунанд ва ё барои бо зӯрӣ сарнагун кардани сохтори конститутсионӣ ва ташкили гурӯҳҳои мусаллаҳ даъват менамоянд, манъ аст (моддаи 8).

Дар амалияи Ҷумҳурии Тоҷикистон барҳам хурдани чунин ҳизбҳо ба чашм мерасад.

Чунончи, 29 сентябри соли 2015 бо ҳалномаи Суди Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон Ҳизби Наҳзати Исломии Тоҷикистон барои содир кардани амалҳои зиддиконститутсионӣ, ташкилоти ифротгароӣ (экстремистӣ-террористӣ) эътироф гардида, фаъолияти ӯ дар қаламрави Ҷумҳурии Тоҷикистон қатъ ва ҳамчун шахси ҳуқуқӣ барҳам дода шуд [10].

Муқаррароти зикршуда ва дигар муқаррароти Конститутсия асоси системаи сиёсии давлат ва ҷомеаро ташкил меамоянд, ки бе онҳо бунёди давлати демократӣ ғайриимкон мебошад.

А. Муҳаббатов системаи сиёсии ҷомаеро мавриди таҳлил қарор дода, бо назардошти мафҳум ва вазифаҳо, таркиб, сарчашмаҳои инкишоф ва ақидаҳои

назариявии олимони соҳа: Л. Фон Берталаниф, Д. Истон, Г. Алмон, К. Бойме, М.Н. Марченко, Р. Монд ва дигарон мафҳуми системаи сиёсиро чунин пешниҳод намудааст:

«Системаи сиёсӣ-ин маҷмуи институтҳои сиёсии ҷамъиятӣ ва давлатӣ буда, гурӯҳҳои ҳукмрон ба воситаи онҳо дар ҳудудҳои муайян дастурҳои сиёсию меъёрии амали худро таъмин мекунанд» [10, с.73].

Бо низоми сиёсӣ идоракунии давлатӣ вобастагии амиқ дорад, зеро таъиноти асосии он батартибдарории фаъолияти гуногуни сиёсию ичтимоӣ, фарҳангӣ, ташкилию хоҷагӣ, муносибатҳои шахс, коллектив, давлат ва ҷамъият бо роҳи татбиққунии ҳокимияти давлатӣ мебошад. Ҳамоҳангсозии фаъолияти субъектҳои гуногуни давлатӣ ва ҷамъиятӣ, таъмини устувории алоқаи самараноки байниҳамдигарии онҳо низ самти асосии идоракунии давлатӣ мебошад.

Ба андешаи Муллоев Д.М., ҷанбаҳои доктринаи идораи давлатии муосир, воситаҳои ташкилӣ, функсионалӣ ва равандҳо дар масъалаҳои маъмурӣ ва менеҷмент ҷамъаст карда шуданд… ва низоми сиёсии ҷомеа яке аз низомҳои ҳаматарафа рӯшоди идоракунии низоми ҷамъиятӣ мебошад, ки ба таври комплексӣ ин вазифаро иҷро менамояд ва бо идоракунии корҳои ҷамъиятӣ фаъолияти он маҳдуд намегардад…. Аммо иқтидори асосии идора дар дасти давлат муттаҳид гаштааст, ки он ба сифати ҷанбаи асосии низоми сиёсӣ баромад мекунад» [11, с. 9].

Аз ин рӯ, мафҳумҳои конститутсионализм, ки олимони соҳаҳои гуногуни илм пешниҳод менамоянд, бо равандҳои сиёсии солҳои охир алоқамандӣ дошта, моҳияти дигаргуниҳои сиёсии замони муосирро инъикос менамоянд.

Ҳамин тариқ, конститутсионализм реша, омил ва методологияи амалияи муосири амалишавии низомҳои сиёсӣ ва равандҳои сиёсӣ ба ҳисоб меравад. Зеро мафҳуми равандҳои сиёсӣ, ки зери он маҷмӯи амалҳо оид ба таъмини ташаккул, тағйир, ислоҳот ва кор кардани системаи сиёсӣ фаҳмида мешавад, барои тавсифи низоми сиёсӣ аз нуқтаи назари тағйири он ва ҷузъиёти он истифода бурда мешавад.

Илова бар ин, ҳамаи равандҳои сиёсӣ, ба монанди: ташаккули мақомоти системаи сиёсӣ (институализатсия); аз нав бавуҷудории қисматҳо ва аломатҳои системаи сиёсӣ дар раванди коркунии он; қабул ва иҷрои қарорҳои сиёсии бо ҳам алоқамандбуда якҷояшавии мураккаби амалҳоро ба миён меоранд, ки онҳо ба таъмини субот, пойдорӣ дар ҳаёти сиёсӣ ва тағйирот, ҷараёни инкишоф ва эҷодиёт равона карда шудаанд.

Аз ин рӯ, ба фикри Н.С. Бондар розӣ нашудан мумкин нест, ки: «хусусиятҳои хоси конститутсионализм дар он ифода меёбад, ки он дар ягонагии асосҳои сиёсӣ-ҳокимиятӣ, иҷтимоӣ-фарҳангӣ, ахлоқӣ-этикӣ ҳамчун инъикоси арзишҳои

умумии тамаддуни муосир арзёбӣ мегардад, ки дар шакли ҷамъшуда дар қонунияти объективии ташкили демократии ҷомеа ва давлат дар заминаи таҷзияи ҳокимият, моликият ва озодӣ ифода меёбад.» [12, с. 3-18; 13].

Сиёсатшиноси машҳур Хейвуд Эндрю конститутсионализмро консепсияе арзёбӣ менамояд, ки тибқи он ҳокимият дар давлат ҳар тавре ки бошад, аз тарафи қонуни асосӣ муайян карда шудааст [14].

Ҳамин тариқ:

1. Конститутсионализм ҳамчун зуҳуроти ҷамъиятӣ яке аз дастовардҳои бунёдӣ ва муҳимтарини афкори сиёсӣ-ҳуқуқии ҷомеаи инсонӣ маҳсуб меёбад ва дар равандҳои сиёсӣ-ҳуқуқӣ нақши консепсияро мебозад, ки дар ба вуҷуд овардан ва ташаккули системаи муназзам ва муътадили сиёсии ҷомеа нақши калидӣ дорад.

2. Мафҳум ва моҳияти он замина ва хусусияти объективӣ дошта, аз шароити моддии ҳаёти инсоният ва ниёзи он ба озодӣ, баробарӣ ва адолати ичтимоӣ бармеояд. Он инъикосгари рушди системаи муосири сиёсии давлатҳо ва равандҳои глобалии сиёсӣ мебошад ва барои сари вақт дарк кардани онҳо ва пешбинӣ намудани чораҳои сиёсӣ–ҳуқуқии сатҳи давлатӣ заминаи мусоид фароҳам меорад. Дар сурати суй истифода аз ҳокимият дар доираи меъёрҳои муқаррарнамудаи қонуни асосиии давлат ва одату анъанаҳои мавҷуда барои ҳокимият маҳдудият муқаррар менамояд.

3. Конститутсионализм маҷмуи мафкура, андеша, арзишҳои умумиинсонӣ, анъана, системаи институтҳо ва нишонаҳо мебошад, ки онҳо ба рушди сохтори ҷамъиятӣ ва давлатӣ, муносибати ҷомеа ва ҳокимият, муътадил кор кардан ва дар як вақт нав кардани низоми сиёсии ҷомеа равона гардидааст.

Адабиёт

1. Графский В.Г. Конституционализм как предмет изучения. Правовая мысль: история и современность. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: https: // docs. yandex.ru/ publications. hse.ru//80157615.pdf (дата обращения: 20.11.2024).
2. Топорнин Б.Н. Российский конституционализм на современном этапе (вступительное слово) [Текст]: / Российский конститутсионализм: проблемы и решения. Материалы Международной конференции. // – М.: Изд. ИГИП РАН, 1999. – С. 3-39.
3. Лисицын Д.В. Российский конституционализм как модель взаимодействия общества и государства Текст]: / диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. – Ставрополь, 2004.
4. Степанов И.М. Уроки и парадоксы российского конституционализма: Очерк –эссе [Текст]: / И.М. Степанов // – М.: Изд.фирма «Манускрипт». 1996. – С.3.

5. Арутюнян Г.Г. Конституционализм: уроки, вызовы, гарантии: сб. избр. публ. и выст. на межд. форумах, посв. данной проблематике [Текст]: / Г.Г. Арутюнян. – К.: Логос, 2011. – С.15.
6. Бондарь Н.С. Российский судебный конституционализм: введение в методологию исследования [Текст]: / Н.С. Бондарь // Формула Права. – Москва, 2012. – С. 13.
7. Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм. Российский конституционализм в сравнительной перспективе. [Текст] / А.Н. Медушевский // – М.: РОССПЭН. 1997. – С. 4.
8. Общая теория государства и права [Текст]: / Академический курс в двух томах. Отв. ред. проф. М.Н. Марченко. – Том 1. Теория государства. – М.: Изд. «Зерцало», 1998. – С. 240.
9. Ҳалномаи Суди Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон дар бораи ташкилоти ифротгарою террористӣ эълон намудани ҲНИТ. [Захираи электронӣ] // Реҷаи дастрасӣ: http://khovar.tj/2017/10/alnoma-az-nomi-um-urii-to-ikiston-dar-borai-tashkiloti-ifrotgaroyu-terrorist-elon-namudani-nit/ (санаи дастрасӣ: 28.07.2020).
10. Муҳаббатов Абдусалом. Сиёсатшиносӣ (Китоби дарсӣ барои донишҷуёни муассисаҳои таҳсилоти олии касбӣ). Нашри дуюми такмилёфта. [Матн] / – Душанбе: «Истеъдод», 2013. – С. 73.
11. Муллоев Д.М. Назарияи идораи давлатӣ: китоби дарсӣ. [Матн] / – Душанбе. 2013, – С. 9.
12. Бондар Н.С. Судебный конституционализм: доктрина и практика. [Текст] / Н.С. Бондар // Монография. 2-ое издание, переработанное. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. – С. 26.
13. Бондарь Н.С. Современный российский конституционализм: философское осмысление в свете конституционного правосудия. [Текст] / Н.С. «Бондарь, Право. Журнал Высшей школы экономики» 2012. – № 4. – С. 3-18.
14. Эндрю Хейвуд. Политология [Текст] / Учебник для студентов вузов /Пер. с англ. под ред. Г.Г. Водолазова, В.Ю. Вельского. (Серия «Зарубежный учебник»). – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. – 544 с. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: http:anko.lib.ru/books/ politologiya/heywood-politology-2005-orig 2002 (дата обращения 12.03.2021).

КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Каримзода К.М.
Конституционный суд Республики Таджикистан

Аннотация. *В данной статье рассматривается политико-правовой анализ конституционализма с опорой на теоретические подходы, разработанные в рамках политической науки и юриспруденции. Особое внимание уделяется взаимосвязи конституционализма с функционированием политической системы, механизмами государственного управления и динамикой политических процессов. Исследование направлено на выявление концептуальных основ конституционализма как ключевого элемента институциональной организации власти в современном государстве.*
Ключевые слова: *конституционализм, конституция, политическая система, государственное управления в рамках политических процессов.*

CONSTITUTIONALISM, THE POLITICAL SYSTEM OF SOCIETY AND PUBLIC ADMINISTRATION

Karimzoda K.M.
Constitutional Court Republic of Tajikistan

Annotation. *This article presents a political and legal analysis of constitutionalism, based on theoretical approaches developed within the frameworks of political science and jurisprudence. Special attention is given to the interrelation between constitutionalism and the functioning of the political system, mechanisms of public administration, and the dynamics of political processes. The research aims to identify the conceptual foundations of constitutionalism as a key element of the institutional organization of power in the modern state.*
Keywords: *constitutionalism, constitution, political system, public administration within political processes.*

Сведения об авторе: **Каримзода Карим Мазиё** – к.полит.н., заместитель Председателя Конституционного суда Республики Таджикистан, город Душанбе, Республика Таджикистан. **Тел.:** (+992 91) 867 05 32. **E-mail:** karimov-karim@mail.ru.

УДК 342

ПАРЛАМЕНТ И ПАРЛАМЕНТАРИЗМ – СИСТЕМНОСТЬ ПРИЗНАКОВ И СООТВЕТСТВИЕ НАУЧНЫМ КОНЦЕПЦИЯМ

Салимзода О.С.
Российско-Таджикский (Славянский) университет

Аннотация. *В статье рассматривается системность и масштабность научных трактовок понятий «парламент» и «парламентаризм». Отмечается, что предлагаемые учеными определения относительно идентичны за исключением некоторых региональных характеристик, равно как и его наименований в каждой конкретной стране, что, в свою очередь, зависит от ряда исторических предпосылок и обусловлено национальными правовыми, политическими, культурными и лингвистическими традициями. Утверждается,*

что основу парламентаризма составляют компетенции представительного органа по установлению внешне- и внутриполитического курсов страны.
Ключевые слова: *парламент, парламентаризм, исполнительная власть, общественный институт, народ, государство.*

Возникновение и развитие общенационального представительного учреждения демократического общества – парламента – стало результатом многовекового становления институтов представительной демократии, при которой носителем суверенитета и единственным источником власти в государстве признавался сам народ.

В идеальной форме подобный вид демократии мог функционировать лишь в обществе, где все обладатели избирательного права собирались в одном месте для обсуждения актуальных вопросов и путем голосования принимали политические решения. Такая система была характерна для государственных образований аналогичных древнегреческому полису или вече Новгородской республики, границы которых ограничивались одним городом и близлежащими окрестностями. Однако политическая жизнедеятельность общества в масштабах государства, позиционирующего себя как республика, империя, королевство и т.п., в условиях роста народонаселения и усложнения социальной структуры тяготело к специальному выборному представительному органу, который обладал бы исключительным правом принимать законы, охраняющие свободу и права человека и обеспечивающие решение общественных проблем в интересах всех граждан государства. При этом законотворческая деятельность не требовала участия всего населения страны, поскольку данная функция возлагалась на лиц, выбираемых самим народом.

В.И. Жуков и Б.И. Краснов предлагают рассматривать структуры власти посредством фиксации основных формационных и функциональных вех системы государственных институтов [1, с. 480].

Поиск идеальной модели государственного устройства сопровождался вариативностью форм и политических режимов. Деспотия и диктатура, монархия и республика, олигархия и демократия – каждый строй определял свою систему государственных органов и ареал их полномочий, устанавливался принцип выборности или назначения на государственные посты и регулировался доступ народа к участию в политической жизни государства.

Современные парламенты условно разделить на четыре этапа согласно периодизации их становления и развития: древние (античные и средневековые) парламенты; парламенты позднего средневековья и времен новой истории; парламенты, созданные после Второй мировой войны; современные парламенты.

Особый интерес представляет четвертое поколение парламентов. Парад суверенитетов, прошедший после распада Советского Союза, требовал правового оформления новой государственности, то есть разработку и принятие новых конституций в соответствии с новым международно-правовым статусом стран. Формируется новый конституционный строй, основанный на принципах демократии.

Рассуждая об активизации этих процессов, отечественный исследователь М. Джалилов пишет: «Реализация демократических начал есть одна из важнейших целей современного государства. Не случайно многие суверенные государства, появившиеся в конце XX века, с начала своего независимого существования провозгласили приоритет общечеловеческих демократических ценностей и взяли на себя существенные обязательства в области прав человека» [2, с. 195].

В начале 90-х гг. во многих странах-участницах СНГ были приняты новые конституции, которые впервые закрепили понятие «парламент» в качестве высшего представительного и законодательного органа государственной власти. Вместе с тем, как отмечает М. В. Баглай, «период становления государственного механизма данных государств еще не завершен. Конкретно это выражается в том, что далеко не во всех странах СНГ имеется подробно разработанная правовая основа формирования и деятельности некоторых высших органов государственной власти, а также органов местного самоуправления» [3, с. 211].

Форма правления государств Содружества позволяет разделить их на две группы: президентские республики (Азербайджан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан) и полу президентские, то есть республики со смешанной формой правления. Но независимо от формы правления все они ставят в приоритет национальные интересы, соблюдение которых возлагается в том числе на парламент, который может быть одно- или двухпалатным (Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия, Таджикистан, Узбекистан).

При этом для каждой республики бывшего Советского Союза характерна своя парламентская практика, отличаются и направления ее развития. Разнится и порядок избрания высших представительных органов власти, хотя в целом наблюдается тенденция перехода от мажоритарной избирательной системы к пропорциональной.

Парламентские системы продолжают развиваться во всех странах мира – регулярно совершенствуются принципы парламентаризма как системы представительства народа в виде избираемого собрания, расширяются права и полномочия парламентариев, институты власти постоянно адаптируются к инновационным вызовам и непрерывно трансформирующимся реалиям [4, с. 35].

Традиционно парламент определяется как «общегосударственный представительный орган, главная функция которого в системе разделения

властей заключается в осуществлении законодательной власти [5, с. 96]. Однако дефиниционный круг этого понятия, предлагаемый учеными, достаточно широк. К примеру. М.Ю. Зеленков определяет парламент как «многочисленный по составу выборный орган, автономный по отношению к другим органам власти, члены которого равны по статусу» [6, с. 60]. Н.С. Крылова понимает под парламентом «верховный законодательный орган страны (собирательно законодательное собрание, или легислатура от латинского слова – закон), обладающий исключительными полномочиями в области контроля над правительством [7, с. 86-87].

Ж. Овсепян выделяет несколько признаков парламента: «1) это представительное учреждение власти, форма правления не противоречит принципам народного суверенитета; 2) это исключительно коллегиальный орган государственной власти, который принимает решения на основе конкуренции политических позиций, борьбы и сопоставления мнений; 3) это выборный орган; 4) это орган, наделенный непосредственными, предметно-определенными, а не производными, делегированными полномочиями; 5) исключительно государственный орган, не обладающий полнотой власти, олицетворяет собой законодательную ветвь власти; 6) орган, строго соблюдающий правила надлежащей правовой процедуры; 7) орган, осуществляющий законодательную, контрольную (бюджетный и финансовый контроль) и кадровую/органообразующая (назначение (участие в назначениях)) на высшие государственные должности» [8, с. 10-11].

Пространную дефиницию парламентаризму дают З.Ю. Доржу и Е.М. Ондар, называя его «прямой демократией» [9, с. 4].

М.А. Сапронова отмечает, что парламент в определенный период времени считался «зеркалом нации», поскольку в нем максимально отображались «религиозный, сословный, профессиональный, возрастной составы избирательного корпуса избирательного корпуса государства» [10, с. 18].

Парламент в представлении В.Е. Чиркина – это «высший орган народного представительства, выражающий суверенную волю народа, призванный регулировать важнейшие общественные отношения главным образом путем принятия законов, осуществляющий контроль за деятельностью органов исполнительной власти и высших должностных лиц [11].

Ученые предлагают относительно идентичные определения понятия «парламент», которые отличаются некоторыми региональными характеристиками, равно как и его наименования в каждой конкретной стране, что, в свою очередь, зависит от ряда исторических предпосылок и обусловлено национальными правовыми, политическими, культурными и лингвистическими традициями.

Вариантов наименования парламента достаточно много: в России – Государственная Дума; есть парламенты и в субъектах Российской Федерации – в Татарстане – Государственный Совет, в Чечне – Парламент, в Республике Тыва – Верховный Хурал, в Брянской и Белгородской областях – Областная Дума, в Самарской области – Самарская Губернская Дума, в Челябинской области – Законодательное Собрание, в Архангельской области – областное Собрание депутатов.

Отличаются названия представительного органа и в других странах Содружества: Милли Меджлис – Азербайджан; Национальное Собрание – Армения; Национальное Собрание – Беларусь; Парламент – Казахстан; Законодательное собрание Жогорку Кенеш – Кыргызстан; Парламент – Молдова; Маджлиси Оли – Таджикистан; Халк Маслахаты и Меджлис – Туркменистан; Олий Мажлис – Узбекистан.

По-другому парламент номинируется в Украине – Верховная Рада или в США – Конгресс, Дания – Фолькетинг, Швеция – Риксдаг, Испания – Генеральные Кортесы, Израиль – Кнессет, Польша, Литвия и Латва – Сейм и т.д.

Важная роль парламента в механизме государства привела к появлению такого понятия, как парламентаризм, который в силу своей многозначности до сих пор не имеет универсальной трактовки, удовлетворяющей всем научным концепциям.

Определение парламентаризма происходит через такие категории, как «режим» (Н.А. Богданова), «формы правления» (Б.С. Крылов), «политическая система» (Von Sydow B.), «некая шкала социальных ценностей» (О.О. Миронов), «политический институт» (И.Д. Левин), «государственный строй», «принцип» (М.А. Могунова).

Обращаясь непосредственно к дефинициям, отметим, что, например, Л.Г. Коновалова, связывает парламентаризм «не с формальным наличием в стране парламента, а с его позитивной деятельностью» [12, с. 110]

Парламентаризм ассоциируется с такой системой управления государством, при которой утверждается верховенство парламента и теоретико-практические аспекты его деятельности. При этом центром парламентаризма всегда остаются такие элементы, как разделение властей, представительность и законность.

Интересной представляется точка зрения о том, что наличие парламента не всегда подразумевает наличие парламентаризма (М.В. Баглай и В.А. Туманов).

Термин «парламентаризм» отличается и политико-правовыми гранями. Английский исследователь А. Дайси обозначает парламентское верховенство в качестве основополагающего критерия парламентаризма. Российский ученый С. Котляревский определяет его как «выражение солидарности между правительством и представительством».

Е.К. Глушко, П.С. Грацианский, И.М. Степанов, Т.Ф. Хабриева предлагают обобщенное толкование термина «парламентаризм», используя следующие коллокации: «особая система организации государственной власти», «принцип разделения властей», «верховенство закона», «социальная справедливость и правопорядок» [13, с. 86-102; 14; 15, с. 5].

Однако в современных исследованиях по вопросам парламентаризма в силу его дуалистической политико-правовой природы и содержательной структуры группируются достаточно категоричные, а порой противоречивые мнения. При этом, акцентируя внимание на различных политико-правовых аспектах, ученые склонны выделять особую роль парламента, в связи с которой и возникает понятие «парламентаризм». Так, В.М. Шаповал называет его «таким взаимодействием государства и общества, для которого исторически характерным является признание ведущей, а в наше время – особенной и существенной роли высшего и постоянно действующего представительного органа в осуществлении государственно-властных функций» [16, с. 15].

И.В. Гранкин полагает, что парламентаризм характерен только для «государств, где есть парламент, который наделен не только законодательными, но и органообразующими и контрольными функциями» [17, с. 19].

Р.М. Романов рассматривает его как следствие наличия у парламента базовых компетенций: «законотворчество, избрание правительства, контроль за его деятельностью и другими органами исполнительной власти, их отставки, а также отставки президента» [18, с. 138].

Для М.В. Баглая и В.А. Туманова парламентаризм – это априорное верховенство парламента [3, с. 301].

Обобщая существующие трактовки, Н.А. Съедин выделяет критерии, рельефно демонстрирующие природу парламентаризма в современном государстве: «1) во всех определениях речь идет об организации власти (государственного руководства, системы взаимодействия государства и общества); 2) ключевым во всех определениях является фиксация роли и степени влияния парламента в осуществлении государственно-властных полномочий (ведущая, главенствующая, доминирующая, верховная или особая); 3) во всех определениях, как правило, указываются те или иные условия существования парламентаризма, его составляющие и непременные атрибуты» [19, с. 27].

Вектор современного государствоведения определяется трансформационными процессами, происходящими во многих общественно-политических институциональных образованиях (партийный плюрализм, рост значимости референдумов, изменение депутатских полномочий и усиление зависимости от партий, беспрецедентное расширение медиапространства и появление новых каналов распространения информации), которые, безусловно,

отразились на подходах к рассмотрению конституционной природы парламентаризма в том числе сквозь призму диады «парламент – общественные институты».

Согласно широкому пониманию этой концепции «парламентаризм есть там, где парламент играет существенную роль в механизме политической власти» [20, с. 111]. В узком смысле он предстает как «система организации и функционирования высшей государственной власти, которая характеризуется разделением законодательных и исполнительных функций при верховенстве парламента, наличием у него исключительных прерогатив и полномочий» [21, с. 81].

Суть парламентаризма заключается в неспособности ни одной политической партии иметь в парламенте абсолютное большинство (коалицию), а следовательно, исключается возможность сформировать однопартийное правительство, что предопределяет полное его подчинение парламенту [5, с. 6-7]. Помимо этого, в основу парламентаризма положены компетенции представительного органа по установлению внешне- и внутриполитического курсов страны, а также способности выразить вотум недоверия правительству или отдельному министру и отправить его в отставку.

Таким образом, специфика парламентаризма представлена в его способности обеспечить эволюционный путь развития общества. Несмотря на ряд проблемных зон парламентаризм обладает существенными перспективами, ввиду чего сегодня парламентские институты стали органичной частью государственного механизма.

Литература

1. Общая и прикладная политология: Учебное пособие [Текст]: / Под общей редакцией В.И. Жукова, Б.И. Краснова. – М.: МГСУ; Изд-во «Союз», 1997. – 992 с.
2. Джалилов М. Историческая и политическая природа парламентаризма в современном Таджикистане [Текст]: / М. Джалилов // Вестник таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. 2012. – №4(52). – С. 191-207.
3. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации [Текст]: учебник / М.В. Баглай. – 13-е изд., изм. и доп. – М.: Норма: Инфра-М, 2018. – 767 с.
4. Вишняков В.Г. Конституции стран-членов СНГ: система государственной власти и местного самоуправления [Текст]: / В.Г. Вишняков // Государство и право. – М.: Наука, 1994. – С. 35-41.

5. Конституционное (государственное) право зарубежных стран [Текст]: / Учебник: В 4 т. Т.2.Отв. ред. Б.А. Страшун. – М.: Бек, 1995. – 757 с.
6. Зеленков М.Ю. Политология для юристов [Текст]: / М. Ю. Зеленков. – М.: Юрид. ин-т МИИТа, 2003. – 562 с.
7. Крылова Н.С. Парламент: особенности эволюции и основные тенденции развития [Текст]: / Н.С. Крылова // Труды Института государства и права Российской академии наук № 3/2013 – С. 86-107.
8. Овсепян Ж. Парламент как основа демократического конституционного строя (проблемы и перспективы развития в Российской Федерации) [Текст]: / Ж. Овсепян // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. –№ 2 (59) – С. 9-16.
9. История российского парламентаризма [Текст]: учебно-методическое пособие для студентов исторического факультета Тувинского государственного университета / составитель З.Ю. Доржу, Е.М. Ондар. – Кызыл: Изд-во ТувГУ, 2020. – 74 с.
10. Сапронова М.А. Правительство и парламент в арабских странах (правовой статус и политическая практика) [Текст]: / М.А. Сапронова. –М, 2008. 248 с.
11. Чиркин В.Е. Конституционное право зарубежных стран [Текст]: / В.Е. Чиркин. – М., Юристъ, 1997. – 237 с
12. Коновалова Л.Г. Современный парламент как основа становления парламентаризма [Текст]: / Л.Г. Коновалова // Известия АлтГУ. 2016. – №3 (91). – С. 107-111.
13. Глушко Е.К. К вопросу о парламентаризме в дореволюционной России [Текст]: / Е.К. Глушко // Разделение властей и парламентаризм. – М.: Изд-во ИГиП РАН, 1992. – С.86-102.
14. История буржуазного конституционализма XIX в. [Текст]: / П.С. Грацианский, С.А. Егоров, В.В. Кизяковский и др.; Редкол.: В.С. Нерсесянц (отв. ред.) и др. – М.: Наука, 1986. – 279 с.
15. Парламентское право России [Текст]: Учеб. пособие для вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». Под ред. Т. Я. Хабриевой. – 2. изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2003. – 653 с.
16. Шаповал М.В. Парламентаризм в Україні: пошуки парадигме че рух до нового [Текст]: / М.В. Шаповал // Віче. – Киев. 1997. – №5. – С. 13-16.
17. Гранкин И.В. Парламент в России [Текст]: / И.В. Гранкин. – М.: Консалтбанкир, 2001. – 301 с.
18. Романов Р.М. Понятие и сущность парламентаризма [Текст]: / Р.М. Романов // Право и государство: теория и практика. 2009. – №11 (59). – С. 136-143.

19. Съедин Н.А. Особенности становления и развития парламентаризма в России и Украине [Текст]: / дис. …канд. полит. наук: 23.00.02 / Съедин Николай Александрович. – М.: 2002. – 207 с.
20. Чиркин В.Е. Президентская власть [Текст]: / В.Е. Чиркин // Государство и право. 1997. – №5. – С. 15-23.
21. Журавський В. Український парламентаризм на сучасному етапі: теоретико-правовий аспект: Монографія [Текст]: / В. Журавський. – К.: Ін-т держави і права ім. В. М. Корецького НАН України, 2001 – 248 с.

ПАРЛАМЕНТ ВА ПАРЛАМЕНТАРИЗМ – СИСТЕМАИ АЛОМАТҲО ВА МУВОФИҚАТ БА КОНСЕПСИЯҲОИ ИЛМӢ

Салимзода О.С.
Донишгоҳи славянии Тоҷикистон-Россия

Аннотатсия. *Дар мақола системавӣ ва миқеси тафсирҳои илмии мафҳумҳои парламент ва парламентаризм баррасӣ карда мешавад. Қайд карда мешавад, ки таърифҳои пешниҳодкардаи олимон нисбатан якхелаанд, ба истиснои баъзе хусусиятҳои минтақавӣ, инчунин номҳои он дар ҳар як кишвари мушаххас, ки дар навбати худ аз як қатор заминаҳои таърихӣ вобаста аст ва бо анъанаҳои миллии ҳуқуқӣ, сиесӣ, фарҳангӣ ва забонӣ вобаста аст. Гуфта мешавад, ки асоси парламентаризмро салоҳиятҳои мақомоти намояндагӣ оид ба муқаррар кардани курсҳои сиесати хориҷӣ ва дохилии кишвар ташкил медиҳанд.*
Калидвожаҳо: *парлумон, парламентаризм, ҳокимияти иҷроия, институти ҷамъиятӣ, халқ, давлат.*

PARLIAMENT AND PARLIAMENTARISM – CONSISTENCY OF FEATURES AND COMPLIANCE WITH SCIENTIFIC CONCEPTS

Salimzoda O.S.
Russian-Tajik (Slavonic) University

Annotation. *The article examines the consistency and scale of scientific interpretations of the concepts of "parliament" and "parliamentarism". It is noted that the definitions proposed by scientists are relatively identical, with the exception of some regional characteristics, as well as its names in each specific country, which, in turn, depends on a number of historical prerequisites and is conditioned by national legal, political, cultural and linguistic traditions. It is argued that the basis of parliamentarism is the competence of a representative body to set the country's foreign and domestic political course.*
Keywords: *parliament, parliamentarism, executive power, public institution, people, state.*

Сведения об авторе: **Салимзода Олим Салимович** – доцент кафедры отечественной и зарубежной журналистики Российско-Таджикского (Славянского) университета, город Душанбе, Республика Таджикистан. **Тел.:** (+992 93) 500 22 19. **E-mail:** salimzoda56@mail.ru.

ТДУ 346.6

ҶАНБАҲОИ ҲУҚУҚИИ ТАНЗИМИ СОҲИБКОРИИ ОИЛАВӢ ДАР ШАРОИТИ ИҚТИСОДИ РАҚАМӢ

Рофиева А.Ҳ.
Донишгоҳи давлатии ҳуқуқ, бизнес ва сиёсати Тоҷикистон

Аннотатсия. *Дар мақола ҷанбаҳои ҳуқуқии танзими соҳибкории оилавӣ дар шароити иқтисоди рақамӣ бо назардошти таҳлили назария ва амалияи самти нави соҳибкорӣ баррасӣ мегардад. Таъкид гардидааст, ки дар айни ҳол қонунгузор соҳибкории оилавиро бояд ҳамчун самти фаъолияти соҳибкорӣ ва падидаи муассири ҳуқуқи соҳибкорӣ ва оилавӣ бо дарҷи он дар санадҳои меъёрии ҳуқуқии дахлдор эътироф намояд.*

Калидвожаҳо: *ҷанбаҳои ҳуқуқӣ, танзими ҳуқуқӣ, соҳибкории оилавӣ, иқтисоди рақамӣ, қонунгузории соҳибкорӣ, фаъолияти соҳибкорӣ.*

Дар Паёми худ Асосгузори сулҳу ваҳдати миллӣ – Пешвои миллат, Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон такид намуданд, ки: «Тоҷикистон дар ҷодаи гузариш ба рақамикунонии соҳаҳои иқтисоди миллӣ ҷиҳати таъмин намудани шаффофияти муносибатҳои иқтисодиву молиявӣ қадамҳои устувор гузошта истодааст. Дар панҷсолаи минбаъда ҷиҳати пешбурди иқтисоди рақамӣ бояд ба самтҳои зерин диққати аввалиндараҷа дода шавад: Якум, такмили фаврии заминаҳои ҳуқуқӣ ва қабули санадҳои дахлдор дар самти гузариш ба иқтисоди рақамӣ; дуюм, то шабакаҳои панҷ–ҷӣ (5G) инкишоф додани инфрасохтори рақамӣ, рушди марказҳои коркарди маълумот, таъсиси махзани мукаммали миллии маълумот; сеюм, рақамикунонии пурраи хизматрасониҳои давлатӣ ва ташкили махзани ягонаи хизматрасониҳои давлатӣ; чорум, рушди сармояи инсонӣ бо роҳи омӯзиш ва бозомӯзии кадрҳо доир ба технологияҳои иттилоотӣ дар дохил ва хориҷи кишвар ва баланд бардоштани маърифати истифодаи технологияҳои рақамӣ; панҷум, истифодаи васеи зеҳни сунъӣ дар пешниҳоди хизматрасониҳо ва низоми бақайдгирии давлатӣ; шашум, андешидани чораҳо дар самти таъмин намудани амнияти киберии махзанҳои маълумот; ҳафтум, ташаккул додани соҳибкории рақамӣ ва рушди савдои электронӣ.

Бо ин мақсад, вазоратҳои рушди иқтисод ва савдо, адлия, молия, Агентии инноватсия ва технологияҳои рақамӣ, Бонки миллӣ, хадамоти алоқа, гумрук, Кумитаи андоз ва дигар вазорату идораҳо фароҳамсозии асосҳои ҳуқуқиву ташкилӣ, танзими давлатӣ, маблағгузории ташкили инфрасохтори иқтисоди рақамӣ, инчунин, муносибатҳои иштирокчиёни соҳибкории рақамӣ ва савдои электрониро таъмин намоянд. Ҷиҳати вусъат бахшидан ба равандҳои инноватсионӣ ва истифодаи ҳамаҷонибаи имкониятҳои технологияҳои рақамӣ

дар иқтисодиёт пешниҳод менамоям, ки солҳои 2025 – 2030 «Солҳои рушди иқтисоди рақамӣ ва инноватсия» эълон карда шаванд» [1].

Таҷрибаи рушди кишварҳое, ки дар ислоҳоти бозории иқтисодиёт ва таъмини сатҳи баланди даромади аҳолӣ ба комёбиҳои назаррас ноил гардидаанд, нишон медиҳад, ки соҳибкории хусусӣ на танҳо дар таъмини шуғли аҳолӣ, балки дар ташкили омилҳои устувор, тараққиёти ичтимоию иқтисодӣ низ нақши рӯзафзун мебозад. Дар ҷаҳони муосир қисми зиёди соҳибкории хурдро соҳибкории оилавӣ ташкил медиҳад. Афзалиятҳои иҷтимоию иқтисодии ин самти соҳибкорӣ самаранокии баланди фаъолияти субъектҳои он ва дарозмуддат будани динамизми тараққиётро муайян менамоянд. Дар як қатор давлатҳои хориҷӣ ассотсиатсияҳои махсусе мавҷуданд, ки дар соҳаи ташкили соҳибкории оилавӣ тадқиқот мегузаронанд, манфиатҳои онҳоро ҳимоя мекунанд ва барои мубодилаи таҷриба дар фаъолияти соҳибкории оилавӣ майдонҳои мубоҳиса пешниҳод мекунанд. Ин имкон медиҳад, ки аҳолӣ ба фаъолияти соҳибкорӣ фаъолона ҷалб карда шавад, анъанаҳои соҳибкории оилавӣ инкишоф дода шуда, сулолаҳои соҳибкории оилавӣ ташаккул дода шаванд. Яъне соҳибкории оилавӣ на танҳо муҳити муътадили иҷтимоию иқтисодиро дар ҷомеа таъмин менамояд, балки муҳити соҳибкорӣ ва ояндабиниро низ ташаккул медиҳад.

Намунаи равшантарини муваффақияти молиявии соҳибкории оилавӣ империяҳои тиҷоратии Ротшилдҳо ва Рокфеллерҳо мебошад. Ҳамин тариқ, сарвати умумии бонкдорони Ротшилд мувофиқи ҳисобҳои консервативии коршиносон 3,2 триллион долларро ташкил медиҳад, гарчанде ки ҳеҷ кас наметавонад рақами дақиқро номбар кунад. Муаррихон мегӯянд, сарвати сулолаи дигари машҳури ҷаҳон Рокфеллер тақрибан як триллион камтар аз он аст (2,2 триллион доллар) [2].

Дар шароити муосири ҷомеаи индустриалӣ ва постиндустриалӣ соҳибкории оилавӣ ҷойҳоеро ишғол мекунанд, ки мутааллиқи соҳибкории миёна ва калон намебошад. Инҳо савдои хурди яклухт ва чакана, хизматрасонии маишӣ (ҷомашӯӣ, ателье, сартарошхонаҳо, дӯзандагӣ ва таъмири техникаи рӯзгор, либосу пойафзол ва ғайра), тиҷорати хурди тарабхона, хизматрасонии нақлиётӣ ба аҳолӣ (кашонидани мебел), кирояи асбобу анҷоми маданию маишӣ ва рӯзгор, таъмири ҷузъӣ ва сохтмони манзил, гаражҳо, биноҳои хизмати маишӣ ва маданӣ, ҳисоби бухгалтерӣ ва аудит, ҳунармандӣ, кишоварзӣ ва ғайра мебошанд [3, с. 9].

Соҳибкории оилавӣ сарфи назар аз миқёси фаъолият, шакли ташкилию ҳуқуқӣ, фаъолияти истеҳсолӣ, дараҷаи тараққиёти иҷтимоию сиёсӣ ва рушди бозорӣ асоси ҳаёти корпоративии ҳамаи мамлакатҳо буд ва дар айни ҳол асоси тараққиёти иҷтимоию иқтисодӣ боқӣ мемонданд. Таърихан ширкатҳои оилавӣ дар аксар маврид институтҳои устувор буданд. Муҳимияти онҳо монанди

пешрафтҳои иҷтимоию фарҳангӣ, технологӣ ва тартиботи нави бозор бо назардошти ҷаҳонишавӣ мебошад [4, с. 1].

Дар айни ҳол қонунгузории давлатҳои танзимкунандаи соҳибкории оилавиро дар доираи кишварҳои пасошӯравӣ ба гурӯҳҳои зеринро ҷудо намудан мункин аст: 1) қонунгузорӣ, ки санадҳои меъёрии ҳуқуқии алоҳидаро дар бар мегирад, ки соҳибкории оилавиро қонунӣ мегардонанд ва барномаҳои давлатии дастгирии онҳо ҷой дорад (Ӯзбекистон, Ҷумҳурии Приднестровии Молдавия); 2) қонунгузорӣ, ки асосҳои вазъи ҳуқуқии соҳибкории оилавиро муайян мекунад (Латвия, Арманистон); 3) қонунгузорӣ, ки дар он санадҳои меъёрии ҳуқуқии алоҳидаи танзим ва пешбурди соҳибкории оилавӣ мавҷуд нестанд, вале мафҳумҳои соҳибкории оилавӣ ё корхонаи оилавиро бо қонунҳои махсус дар бораи фаъолияти соҳибкорӣ муайян мекунанд (Озарбойҷон, Белоруссия, Қазоқистон); 4) қонунгузорӣ, ки дар он ҷанбаи соҳибкорӣ дар қонунҳои махсус дар бораи хоҷагиҳои деҳқонӣ (Тоҷикистон, Қирғизистон, Украина, Россия ва дигар давлатҳо) инъикос ёфтааст [5, с. 46-47].

Дар Ҷумҳурии Тоҷикистон ин самти соҳибкорӣ дар асоси қонунгузорӣ мушаххас муқаррар нашудааст ва ба таври дахлдор ба рушд намудани он мусоидат наменамояд. Дар Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи хоҷагии деҳқонӣ (фермерӣ)» аз 15 марти соли 2016, № 1289 ибораи “соҳибкории оилавӣ” ва ё «хоҷагии оилавӣ» умуман ҷой надорад. Дар моддаи 1 ин Қонун омадааст: хоҷагии деҳқонӣ (фермерӣ) (минбаъд - хоҷагии деҳонӣ) субъекти соҳибкорӣ, ки дар он истеҳсол, нигоҳдорӣ, коркард ва фурӯши маҳсулоти кишоварзӣ ба фаъолияти шахсии як нафар ё фаъолияти якҷояи гурӯҳи шахсони воқеӣ дар қитъаи замин ва молу мулки ба онҳо тааллуқдошта асос ёфтааст [6]. Дар таносуб аз қонуни амалкунанда Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 19 майи соли 2009, № 526 «Дар бораи хоҷагии деҳқонӣ (фермерӣ)» (соли 2016 аз эътибор соқит дониста шуд) манфиатҳои оиларо ҳифз менамуд. Аз ҷумла дар моддаи 1 ин Қонун мукаррар шуда буд, ки хоҷагии деҳқонӣ (фермерӣ) (минбаъд - хоҷагии деҳқонӣ) субъекти хоҷагидории мустақилест, ки фаъолияти он ҳамчун соҳибкор ба меҳнати шахсии як нафар, аъзои як оила ё гурӯҳи шахсон асос ёфта, заминаи онро қитъаи замин ва дигар молу мулки ба аъзои он тааллуқдошта ташкил медиҳанд. Хоҷагии деҳқониро метавонанд як шахс, як оила ё гурӯҳи шахсон ташкил диҳанд (м.3). Хоҷагии деҳқонии оилавӣ - хоҷагии деҳқоние, ки дар он фаъолияти меҳнатӣ дар шакли соҳибкории оилавӣ дар заминаи моликияти якҷоя асос ёфтааст (м.5). Сардори хоҷагии деҳқонии оилавӣ аз ҷониби аъзои оила интихоб карда мешавад (м.12). Узви хоҷагии деҳқонии фардӣ ва аъзои хоҷагии деҳқонии оилавӣ метавонанд мутобиқи Кодекси граждании Ҷумҳурии Тоҷикистон дар заминаи молу мулки хоҷагӣ ширкати хоҷагидорӣ ва ё кооперативи истеҳсолии (кишоварзии) дорои мақоми шахси ҳуқуқӣ таъсис

диҳанд (м.14) [7]. Дар Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон "Дар бораи ҳимоя ва дастгирии давлатии соҳибкорӣ" аз 26 июли соли 2014, № 1107 ибораи “соҳибкории оилавӣ” ҳато пешбинӣ нагардидааст [8]. Дар шароити имрӯза реҷаҳои махсуси танзими ҳуқуқии соҳибкории оилавӣ суст инкишоф ёфтаанд ва оид ба дастгирии соҳибкорони оилавӣ ташаббусҳо нокифоянд. Механизмҳои маблағгузории соҳибкории оилавӣ вуҷуд надоранд, сарчашмаҳои маблағгузории стартапҳо маҳдуд мебошанд, системаҳои махсуси андозӣ, инчунин барномаҳои дастгирии соҳибкории оилавӣ дар асоси технологияи баланд вуҷуд надоранд.

Бар муқобили нуқсони қонунгузорӣ дар ин самт дар амалияи Тоҷикистон бошад соҳибкории оилавӣ ҷой дорад. Ин навъи соҳибкорӣ дар Тоҷикистон ҳамагӣ 20 сол пеш маъмул шуд. Соҳибкории оилавӣ имрӯз шояд дар ҳама ҷо ва барои ҳама дар соҳаҳои гуногуни иқтисодиёт, аз намояндагони қишрҳои болоии ҷомеа то шаҳрвандони оддӣ рушд мекунад [9].

Дар тафовут аз Тоҷикистон дар ҷумҳурии ҳамсоя Ӯзбекистон дар соли 2022 барои барномаи дастгирии соҳибкории оилавӣ, омӯзиши касбии бекорон ва ҷавонон, татбиқи лоиҳаҳо дар бахши хизматрасонӣ ҳокимияти Ӯзбекистон 13 трлн сум ($1,2 миллиард) равона менамояд. Бонкҳо қарзҳои имтиёзнок бо меъёри 7% барои машғул шудан дар хоҷагии қишлоқ дар заминҳои наздиҳавлигӣ пешниҳод менамоянд. Ба касоне, ки ба соҳибкории оилавӣ мехоҳанд машғул шаванд, қарз ба муҳлати 3 сол бо назардошти муҳлати имтиёз аз 3 то 6 моҳ 14% солона дода мешавад. Тибқи маълумоти Кумитаи давлатии омор то санаи 1 январи соли 2021 дар Ӯзбекистон 45954 корхонаҳои оилавӣ бақайдгирифташуда, аз онҳо ба 43122 амалкунанда мебошанд [10].

Соҳибкории оилавӣ институти ҳуқуқӣ дар низоми ҳуқуқи соҳибкорӣ ва намуди рафтори иқтисодии воҳиди чамъият – оила мебошад. Дар айни ҳол қонунгузор соҳибкории оилавиро бояд ҳамчун самти фаъолияти соҳибкорӣ ва падидаи муассири ҳуқуқи соҳибкорӣ ва оилавӣ бо дарҷи он дар санадҳои меъёрии ҳуқуқии дахлдор эътироф намояд. Аз ин рӯ, зарур аст, ки дар танзими ҳуқуқии соҳибкории оилавӣ таносуби манфиатҳои оилавӣ ва давлатӣ риоя карда шуда, кафолати давлтии рушди соҳибкории оилавӣ таъмин гардад. Соҳибкории оилавӣ, ки аз дастгирии давлатӣ ва танзими махсуси қонунгузорӣ маҳрум гаштаву танҳо дар шакли худмашғулият боқӣ монда, вазифаҳои муҳимтари ҳуқуқиву иқтисодиро дар модели миллии пешбурди соҳибкорӣ дар ягон давлат иҷро карда наметавонад [11, с. 13-17].

Соҳибкории оилавӣ ин самти фаъолияти соҳибкорӣ мебошад, ки дар он ду ё зиёда аъзои оила тавассути робитаҳои оилавӣ нақшҳои роҳбарӣ ё соҳибмулкӣ доранд ва бо мақсади ба даст овардани фоида таҳти масъулият истеҳсолот, иҷрои кор, хизматрасонӣ ва ё фурӯши молро ба сомон мерасонанд. Алоҳида пешниҳод гардидани истилоҳоти ҳуқуқии соҳибкории оилавӣ дар сатҳи қонунгузорӣ

шароити иқтисодӣ, ҳуқуқӣ ва ташкилиро барои ташаккули инфрасохтори пешрафтаи соҳибкории оилавӣ, рушди оила ҳамчун муҳити худидоракунии инсон, баланд бардоштани иқтидори оилавӣ фароҳам меорад ва ба манфиати тараққиёти ҷамъият ва иқтисодиёт истифода мегардад. Аломатҳои фарқкунандаи соҳибкории оилавӣ аз дигар самтҳои соҳибкорӣ чунинанд: оила барои идоракунӣ масъул мебошанд ва ё ҳадди аққал 25% саҳмияҳои ташкилот ба оила тааллуқ доранд; молик ё менеҷерҳо соҳибкориро ҳамчун соҳибкории оилавӣ муайян ва дарк мекунанд.

Истифодаи ин самти соҳибкорӣ дар иқтисодиёти Тоҷикистон имкон медиҳад, ки иҷрои вазифаи муҳими иҷтимоии давлат фаъолона амалӣ гардида, шароити ҳуқуқӣ баҳри фароҳам овардани имкониятҳои соҳибкории шаҳрвандон таъмин карда шавад. Омилҳои асосии мусоидаткунанда ба рушди соҳибкории оилавӣ инҳо мебошанд: ташаккули фарҳанги ҳуқуқии соҳибкории оилавӣ; ҷалби аъзоёни оила ба идоракунии фаъолият; таъминоти ворисияти соҳибкорӣ; нигоҳдории идорашавандагии соҳибкории оилавӣ; заминаи устувор барои соҳибкории хурд, миёна ва калон.

Субъектони соҳибкории оилавӣ 2 гурӯҳ ҷудо карда мешавад: 1. Ташкилоти оилавӣ субъекти соҳибкории миёна ва калон мебошад, ки аз ҷониби аъзоёни як оила (сардори оила, зан, шавҳар, фарзандон, наберагон, падару модар, дигар хешу табори ба синни меҳнатӣ расида (занони фарзандон ва набераҳо, бародарони хуниву угай, зану шавҳар ва фарзандони онҳо, амакҳо ва холаҳо) таъсис дода шуда, идора карда мешавад; 2. Соҳибкории оилавии инфиродӣ - шахси воқеие, ки ба ҳайси соҳибкор аз қайди давлатӣ гузашта, худ ва ё бо ҷалби меҳнати аъзои оила фаъолияти соҳибкориро анҷом медиҳад.

Аъзоёни ташкилоти оилавӣ ҳуқуқ доранд: дар идоракунии соҳибкории оилавӣ, қабули қарорҳо, назорат аз болои фаъолияти молиявию хоҷагидорӣ иштирок намояд; вобаста ба шартҳои шартномаи таъсиси ташкилоти оилавӣ ҳиссаи худро аз фоида гиранд; ихтиёран аз кори оилавӣ даст кашидан; барои баргардонидани як қисми арзиши амволи ташкилоти оилавӣ ҳангоми баромадан аз ҳайати он мутаносибан ба маблағи амволе, ки ӯ ба сармояи оинномавӣ гузоштааст ё ба ӯ дар шакли асл ҷудо кардани амвол бо ҳамон арзиш, агар дар шартномаи таъсиси ташкилоти оилавӣ тартиби дигаре пешбинӣ нагардида бошад, талаб кунанд.

Давлат риояи ҳуқуқҳо ва ҳимояи манфиатҳои қонунии субъектони соҳибкории оилавиро кафолат медиҳад ва ба рушду таҳкими соҳибкории оилавӣ мусоидат менамояд. Мақомоти давлатӣ мувофиқи тартиби муқарраркардаи қонун ба субъектони соҳибкорони оилавӣ: барои ташкили истеҳсоли мол (кор, хизматрасонӣ) биноҳои ғайриистиқоматии истифоданашударо ба иҷора медиҳанд; барои сохтмони майдонҳои истеҳсолӣ замин ҷудо менамоянд;

объектҳои истеҳсолии субъектҳои соҳибкории оилавиро ба шабакаҳои муҳандисию алоқа пайваст менамоянд; барои фурӯхтани маҳсулоти субъектони соҳибкории оилавӣ ҷойҳои махсус ҷудо мекунанд.

Таҳлили назария ва амалияи соҳибкории оилавӣ далели он аст, ки дар ин самти соҳибкорӣ таъсири оила ва омилҳои мураккаби системавӣ мавҷуданд ва ба равандҳои стратегӣ ва натиҷаҳои соҳибкории онҳо таъсир мерасонанд. Таъсири нодири системавии оила (модел)-ро бо истифода аз захираҳо ва имкониятҳои оила ба даст овардан мумкин аст. Ин модел нишон медиҳад, ки чӣ гуна муносибатҳои мутақобилаи системавии як воҳиди оила, субъекти хоҷагидорӣ ва узви инфиродии оила бо иҷроиш алоқаманданд.

Механизмҳои муайяни ҳуқуқӣ вуҷуд доранд, ки ба соҳибкорони соҳаи саноат ва сайёҳӣ имкон медиҳанд, ки аз дастгирии молиявии давлатӣ бархурдор шаванд. Дар ин замина аз ҷониби давлат фароҳам овардани шароит барои пешбурди соҳибкории оилавӣ дар соҳаи саноат ва сайёҳӣ тавассути маблағгузории имтиёзнок, махсусияти андозбандӣ, таъмини кафолатҳои иҷтимоӣ ва суст кардани назорати мақомоти назоратӣ имкон медиҳад, ки субъектони соҳибкории оилавӣ некӯаҳволии худро беҳтар созад. Бешубҳа, соҳибкории оилавӣ дар мамлакати мо дар шароити муосир бояд аз ҷониби давлат ва доираҳои бузурги соҳибкорӣ бештар дастгирӣ карда шавад, барои рушди фаъолияти соҳибкории аъзои оила низ кӯмакҳои гуногун расонида шаванд.

Дар Ҷумҳурии Тоҷикистон барои дастгирии оилаҳо ва рушди соҳибкории оилавӣ устувор намудани заминаи ҳуқуқии хоҷагиҳои деҳқонии оилавӣ зарур аст. Хоҷагии деҳқонии оилавӣ – якҷоя амалӣ намудани фаъолияти истеҳсолӣ ва дигар фаъолияти хоҷагидорӣ (истеҳсол, коркард, нигоҳдорӣ, интиқол ва фурӯши маҳсулот) дар деҳот аз ҷониби аъзоёни оила ва шахсоне, ки якҷоя бо онҳо дар асоси меҳнати инфиродӣ ва молу мулке, ки дар моликият ё ба иҷора қарор доранд, амал мекунанд.

Дар асоси омӯзиши паҳлуҳои гуногуни мавзӯи барррасишаванда, баҳри такмили қонунгузорӣ дар ин самт чунин пешниҳодҳоро саривақтӣ меҳисобем:

1. Қабули Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи соҳибкории оилавӣ» саривақтӣ буда, мақсади он танзими муносибатҳо дар самти соҳибкории оилавӣ муқаррар гардад ва дарбаргирандаи меъёрҳо оид ба муқаррароти умумӣ, ташкили ташкилоти оилавӣ, соҳибкории оилавии инфиродӣ ва бақайдгирии давлатии онҳо, ҳуқуқ ва уҳдадориҳои субъектони соҳибкории оилавӣ ва аъзоёни он, фаъолияти субъектони соҳибкории оилавӣ, кафолатҳои озодии фаъолияти соҳибкории оилавӣ, муқаррароти интиқолӣ бошад

2. Дар Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон “Дар бораи ҳимоя ва дастгирии давлатии соҳибкорӣ” аз 26 июли соли 2014, №1107 моддаи 3(1) бо мазмуни зайл илова карда шавад:

“Моддаи 3(1). Самтҳои фаъолияти соҳибкорӣ

1. Давлат ҳама гуна самтҳои соҳибкории пешбининамудаи қонунгузории Ҷумҳурии Тоҷикистонро эътироф намуда, ба он иҷозат медиҳад.

2. Соҳибкорӣ тибқи муқаррароти қонунгузории Ҷумҳурии Тоҷикистон дар самтҳои зерин амалӣ карда мешавад:

- соҳибкории иҷтимоию фарҳангӣ;
- соҳибкории иҷтимоӣ;
- соҳибкории оилавӣ;
- соҳибкории стратегӣ;
- соҳибкории инноватсионӣ;
- соҳибкории зеҳнӣ;
- соҳибкории экологӣ;
- соҳибкории виртуалӣ”.

3. Бо роҳи ворид намудани тағйиру иловаҳо ба Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон “Дар бораи хоҷагии деҳқонӣ (фермерӣ)” аз 15 марти соли 2016, № 1289 зарур аст, ки хоҷагии деҳқонии оилавӣ ҳамчун шакли хоҷагидорӣ муқаррар карда шавад.

Адабиёт

1. Паёми Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон дар бораи самтҳои асосии сиёсати дохилӣ ва хориҷии ҷумҳурӣ аз 28.12.2024 // – [Захираи электронӣ]. Реҷаи дастрасӣ: https://prezident.tj/event/missives/49225 (санаи мурочиат: 12.01.2025).
2. Каримова А. Плюсы и минусы семейного бизнеса – [Захираи электронӣ]. Реҷаи дастрасӣ: https://kontur.ru/articles/579 (санаи мурочиат: 06.08.2021).
3. Семейное предпринимательство: международный опыт и перспективы развития в Республике Беларусь. – Минск, 2021. – 24 с. – С. 9.
4. Handbook of Research on Family Business / ed. by Panikkos Zata Poutziouris, Kosmas X. Smyrnios, Sabine B. Klein. – Cheltenham: Edward Elgar, 2006. – P. 1.
5. Барков А.В., Баркова Л.А. Совершенствование правовой модели семейного предпринимательства в России с учетом зарубежного правового опыта // Актуальные проблемы развития гражданского права и процесса на современном этапе: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. – Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2015. – С. 46-47.
6. Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон "Дар бораи хоҷагии деҳқонӣ (фермерӣ)" аз 15 марти соли 2016, № 1289 // Махзани мутамаркази иттилоотӣ-ҳуқуқии ҶТ «Адлия». Шакли 7.0. – [Захираи электронӣ]. Реҷаи дастрасӣ: http://www.adlia.tj (санаи мурочиат: 06.08.2024).
7. Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон "Дар бораи хоҷагии деҳқонӣ (фермерӣ)" аз 19 майи соли 2009, № 526 // Ахбори Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон.

2009. – № 5. – Мод. 333. – Махзани мутамаркази иттилоотӣ-ҳуқуқии ҶТ «Адлия». Шакли 7.0. – [Захираи электронӣ]. Реҷаи дастрасӣ: http://www.adlia.tj (санаи мурочиат: 06.08.2024).
8. Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон "Дар бораи ҳимоя ва дастгирии давлатии соҳибкорӣ" аз 26 июли соли 2014, № 1107 // Ахбори Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон. 2014. – № 7, қ. 2. – Мод. 404; Қонуни ҶТ аз 18.03.2015 № 1194, аз 30.05.2017, № 1436, аз 2.01.2020, № 1684. – Махзани мутамаркази иттилоотӣ-ҳуқуқии ҶТ «Адлия». Шакли 7.0. – [Захираи электронӣ]. Реҷаи дастрасӣ: http://www.adlia.tj (санаи мурочиат: 06.08.2024).
9. Новый уровень семейного бизнеса – [Захираи электронӣ]. Реҷаи дастрасӣ: https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20150810/novyi-uroven-semeinogo-biznesa-konkurs-blogerov-zhivoi-tekst (санаи мурочиат: 06.08.2021).
10. Семейный бизнес в Узбекистане поддержат льготными кредитами – [Захираи электронӣ]. Реҷаи дастрасӣ: https://asiaplustj.info/ru/news/centralasia/20211222/semeinii-biznes-v-uzbekistane-podderzhat-lgotnimi-kreditami (санаи мурочиат: 22.12.2021).
11. Рофиева А.Ҳ. Танзими ҳуқуқии соҳибкории оилавӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон: дис. ... номз. илмҳои ҳуқуқшиносӣ. – Душанбе, 2023. – 178 с.

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ СЕМЕЙНОГО ПРЕДПРЕНИМАТЕЛЬСТВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Рофиева А.Х.
Таджикский государственный университет права, бизнеса и политики

Аннотация. *В статье рассматриваются правовые аспекты регулирования семейного предпринимательства в условиях цифровой экономики с учетом анализа теории и практики нового направления предпринимательства. Подчеркивается, что в настоящее время законодателю следует признать семейное предпринимательство направлением предпринимательской деятельности и действенным явлением предпринимательского и семейного права, включив его в соответствующие нормативные правовые акты.*
Ключевые слова: *правовые аспекты, правовое регулирование, семейный бизнес, цифровая экономика, законодательство о предпринимательской деятельности, предпринимательская деятельность.*

LEGAL ASPECTS OF REGULATION OF FAMILY ENTREPRENEURSHIP IN THE CONTEXT OF THE DIGITAL ECONOMY

Rofieva A.Kh.
Tajik State University of Law, Business and Politics

Annotation. *The article examines the legal aspects of regulating family entrepreneurship in the context of the digital economy, taking into account the analysis of the theory and practice of a new direction of entrepreneurship. It is emphasized that at present, the legislator should recognize family entrepreneurship as a direction of entrepreneurial activity and an effective phenomenon of entrepreneurial and family law, including it in the relevant regulatory legal acts.*

Keywords: *legal aspects, legal regulation, family business, digital economy, legislation on entrepreneurial activity, entrepreneurial activity.*

Сведения об авторе: **Рофиева Азиза Хамдамовна** – к.ю.н., старший преподаватель кафедры предпринимательского и международного права юридического факультета Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики, город Худжанд, Республика Таджикистан. **Тел.:** (+992 92) 800 20 05. **E-mail:** zar_1966@mail.ru.

ТДУ 342

ТАШАББУСИ ҚОНУНГУЗОРӢ ҲАМЧУН ШАКЛИ ИШТИРОКИ ПРЕЗИДЕНТИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН ДАР РАВАНДИ ҚОНУНГУЗОРӢ

Қасимова Ф.А.
Филиали Донишгоҳи давлатии Москва ба номи М.В. Ломоносов дар шаҳри Душанбе, Донишгоҳи миллии Тоҷикистон

Аннотатсия. *Дар мақола муаллиф кӯшиш кардааст ташаббуси қонунгузориро ҳамчун шакли иштироки Президент дар раванди қонунгузорӣ таҳлил намояд. Таъкид шудааст, ки роҳбари давлат дар байни субъектҳои қонунгузорӣ мавқеи калидӣ дошта, нақши асосиро дар сохтори дастгоҳи давлатӣ мебозад. Бо назардошти мақоми хосси конститутсионӣ-ҳуқуқии худ, Президент ба ташаккул ва рушди низоми ҳуқуқӣ таъсири назаррас расонида, самтҳои стратегии фаъолияти қонунгузориро муайян мекунад.*
Калидвожаҳо: *ташаббуси қонунгузорӣ, Президент, роҳбари давлат, қонунгузорӣ, раванди қонунгузорӣ, қонун, санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ, Ҷумҳурии Тоҷикистон.*

Шакли дуюми бевоситаи иштироки Президент дар фаъолияти қонунгузорӣ ҳуқуқи ташаббуси қонунгузорист. Ҳуқуқи ташаббуси қонунгузории Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон имконияти ҳуқуқии муқарраршудаи сарвари давлат барои пешниҳод намудани лоиҳаҳои қонун ба баррасии мақоми қонунгузории кишвар мебошад. Ин ҳуқуқ дар Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон пешбинӣ шуда, унсури муҳимми механизми идоракунии давлатӣ ва раванди қонунгузорӣ мебошад. Тавре ки Ш.С. Давлатова таъкид мекунад, Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон, на танҳо ҳамчун сарвари давлат, балки ҳамчун роҳбари ҳокимияти иҷроия (Ҳукумат) фаъолона дар раванди қонунгузорӣ иштирок мекунад. Таъсири ӯ ба соҳаи қонунгузорӣ, аз ҷумла, тавассути ҳуқуқи ташаббуси қонунгузорӣ амалӣ мегардад, ки ба ӯ имкон медиҳад, самти стратегии рушди ҳуқуқии кишварро мустақиман муайян намояд [1, с. 15].

Дар ҳақиқат, ҳуқуқи ташаббуси қонунгузорӣ, ки ба Президент дода шудааст, дар баробари дигар мақомоти давлатӣ, нақши калидӣ дар нигоҳдории асосҳои ҳуқуқӣ ва демократии давлат мебозад ва як қатор вазифаҳои муҳимеро иҷро мекунад, ки онҳоро ба таври зерин метавон тавсиф кард. Якум, ташаббуси қонунгузории Президент вазифаи ташаккулдиҳандаи низомро иҷро мекунад, яъне Президент, ҳамчун кафили Конститутсия ва роҳбари ҳокимияти иҷроия, ҳуқуқи ташаббуси қонунгузории худро барои таъмини ҳамоҳангӣ байни шохаҳои гуногуни ҳокимият истифода мебарад. Ӯ самти стратегии танзими ҳуқуқиро муайян намуда, самтҳои асосии сиёсати давлатиро мушаххас мекунад [2].

Дуюм, ин ҳуқуқ аҳамияти сиёсӣ-ҳуқуқӣ дорад, яъне дар низомҳои муосири сиёсӣ-ҳуқуқӣ падидаи ташаббуси қонунгузории сарвари давлат ҳамчун механизми татбиқи ваколатҳои конститутсионии ӯ амал мекунад. Дар мавриди Тоҷикистон, Президент, ҳамчун шахси мансабдори олии давлатӣ, метавонад лоиҳаҳои қонунро пешниҳод намояд, ки ба таҳкими ҳокимияти давлатӣ ва тартиботи ҳуқуқӣ, танзими иқтисодӣ ва рушд, дастгирии иҷтимоии шаҳрвандон ва ҳамкории давлат бо ташкилотҳои байналмилалӣ нигаронида шудаанд [3, с. 96-98].

Сеюм, ин ҳуқуқ ҳамчун воситаи татбиқи сиёсати давлатӣ хизмат мекунад, яъне Президент, бо доштани ҳуқуқи ташаббуси қонунгузорӣ, метавонад ба мушкилоти мухталифи ҳаёти ҷамъиятӣ фавран вокуниш нишон дода, тағйироти заруриро дар қонунгузорӣ, ки ба талаботи замон мутобиқанд, пешниҳод намояд. Ин, махсусан, дар шароити рушди босуръати иқтисодӣ, муносибатҳои байналмилалӣ ва равандҳои иҷтимоӣ муҳим мебошад [4; 5].

Чаҳорум, ҳуқуқи ташаббуси қонунгузории Президент барои гузаронидани ислоҳоти ҳуқуқӣ ва ташкилӣ фаъолона истифода мешавад. Тавассути ин механизм метавон тағйиротеро ворид кард, ки ба такмили амалияи татбиқи ҳуқуқ, мубориза бо коррупсия, рушди низоми судӣ ва дигар ислоҳоти муҳим равона шудаанд [5].

Панҷум, ҳуқуқи ташаббуси қонунгузории сарвари давлат ба тавозуни низоми тақзияи ҳокимият мусоидат намуда, назорати конститутсиониро таъмин мекунад. Ҳарчанд Президент дорои вазифаи муҳими қонунгузорӣ мебошад, он хусусияти мутлақ надорад. Мақоми қонунгузорӣ – Маҷлиси Олии Тоҷикистон – ҳуқуқ дорад, ки лоиҳаҳои пешниҳодшударо баррасӣ, тағйир ё рад намояд. Ин низоми мувозинати ҳокимиятро ба вуҷуд меорад, ки дар моддаи 9 Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон мустаҳкам шудааст [5].

Ҳамин тавр, тавассути ин механизм заминаи ҳуқуқӣ ва меъёрӣ, ки ба талаботи воқеии ҷомеа ва давлат ҷавобгӯ аст, фароҳам оварда мешавад. Ин ба

вокуниши саривақтӣ ба мушкилоти иҷтимоӣ, иқтисодӣ ва сиёсӣ мусоидат мекунад.

Ҳуқуқи ташаббуси қонунгузории Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон ба таври равшан дар моддаи 58 Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон, инчунин дар Қонуни конститутсионӣ «Дар бораи Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон» ва Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ» таҳким ёфтааст. Ин санадҳои меъёрӣ муайян мекунанд, ки ҳуқуқи ташаббуси қонунгузорӣ ҳамчун пешниҳоди расмии лоиҳаи қонун ё пешниҳодоти қонунгузорӣ барои баррасии парлумон ифода меёбад, ки онҳо метавонанд ҳам аз ҷониби мақомоти давлатӣ ва ҳам шахсони мансабдори муайяннамудаи Конститутсия, аз ҷумла, Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон, пешниҳод гарданд.

Ташаббуси қонунгузорӣ дар чанд шакл амалӣ карда мешавад:

- Пешниҳоди лоиҳаи қонуни нави Ҷумҳурии Тоҷикистон,
- Ворид намудани тағйиру иловаҳо ба қонуни амалкунанда,
- Пешниҳод дар бораи беэътибор донистани қонун,
- Пешниҳоди расмии қонунгузорӣ дар бораи зарурати қабули қонуни нав ё тағйири қонунгузории мавҷуда [6; 7].

Ҳамин тариқ, ҳуқуқи ташаббуси қонунгузории Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон воситаи ҷудонашавандаи раванди қонунгузорӣ буда, барои мутобиқсозии қонунгузорӣ ба таҳаввулоти нави ҷомеа ва давлат хизмат мекунад. Ин маънои онро дорад, ки Президент на танҳо ҳуқуқи пешниҳоди лоиҳаҳои нави қонунро дорад, балки метавонад тағйиру иловаҳо ба қонунгузории амалкунандаро низ ташаббус намояд, то низоми ҳуқуқии кишварро мутобиқи афзалиятҳои сиёсати давлатӣ танзим намояд.

Президенти кишвар ин ҳуқуқро хеле фаъолона истифода мебарад. Тавре ки Ш.С. Давлатова зикр менамояд, «Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳамчун сарвари давлат бо истифода аз ҳуқуқи ташаббуси қонунгузорӣ ба таҳаввулоти замони муосир, аз ҷумла равандҳои ҷаҳонишавӣ, ки ба соҳаҳои гуногуни ҳаёти ҷамъиятӣ таъсир мерасонанд, фаъолона вокуниш мекунад. Фаъолияти қонунгузории ӯ ба нигоҳ доштани субот дар соҳаи иҷтимоӣ-сиёсӣ, ҳифзи анъанаҳои миллӣ, арзишҳои фарҳангӣ ва мероси таърихӣ равона шудааст. Дар ин замина, ташаббусҳои қонунгузории Президент нақши калидӣ бозида, боиси қабули қонунҳои муҳими зерин гардиданд:

- Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи танзими анъана ва ҷашну маросимҳо»;
- Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи масъулияти падару модар дар таълиму тарбияи фарзанд»;
- Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи забони давлатӣ» ва дигар санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ.

Ин қонунҳо ҳамчун механизми самараноки ҳифзи манфиатҳои миллӣ, таҳкими ҳувияти фарҳангӣ ва ҳифзи мероси таърихии кишвар хидмат мекунанд. Президент ҳамчун шахси олии мансабдор ҳуқуқи ташаббуси қонунгузориро барои ташаккули сиёсати давлатии мутавозин истифода мебарад, ки ба мутобиқсозии арзишҳои анъанавӣ бо талаботи ҷомеаи муосир нигаронида шудааст» [1].

Воқеан, ташаббусҳои қонунгузории роҳбари давлат дар раванди сиёсӣ-ҳуқуқии фаъолияти давлат нақши асосӣ мебозанд. Онҳо ба ташкили низоми идоракунии самараноки давлат нигаронида шудаанд. Ҳамин тавр, дар ҷараёни суханронии худ 1 сентябри соли 2024 бахшида ба Рӯзи дониш, Президент бо ташаббуси қабули қонуни «Дар бораи мақоми омӯзгор» баромад намуд.

Ҳангоми таҳлили адабиёти илмии ватанӣ оид ба ин масъала, бояд зикр намуд, ки як қатор муаллифон ба хусусиятҳои ҳуқуқи ташаббуси қонунгузории Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон, ки бо мақоми ҳуқуқии ӯ алоқаманданд, диққат медиҳанд [1; 2; 3; 5]. Аз ҷумла, муаллифони ватанӣ хусусияти ташаббуси қонунгузории Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистонро дар табиати дугонаи ӯ дар низоми идоракунии давлатӣ муайян мекунанд, зеро ӯ ҳамзамон сарвари давлат ва роҳбари ҳокимияти иҷроия мебошад. Дар ин замина, Ш.С. Давлатова ба мушкилоти муайян кардани нақши дақиқи Президент дар раванди ташаббуси қонунгузорӣ ишора мекунад: оё ӯ ҳамчун сарвари давлат амал мекунад ё ҳамчун роҳбари Ҳукумат? [1]

М.С. Сулаймонов, дар навбати худ, қайд мекунад, ки «додани ҳуқуқи ташаббуси қонунгузорӣ ба ҳам Президент ва ҳам Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон муайянкунандаи баъзе нозукиҳои ҳуқуқӣ мебошад. Аз лиҳози расмӣ, ин боиси он мегардад, ки Президент ин ҳуқуқро ду маротиба соҳиб мешавад: дар як ҳолат – ҳамчун сарвари давлат ва дар ҳолати дигар – дар доираи ваколатҳои худ ҳамчун роҳбари Ҳукумат» [3, с. 96-98].

Дар ин замина, барои бартараф намудани эҳтимоли номуайянӣ дар доираи ҳуқуқи ташаббуси қонунгузории Президент, як қатор олимон пешниҳод мекунанд, ки тағйироти сохторӣ ворид карда шавад. Аз ҷумла, лоиҳаҳои қонунҳое, ки Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон ташаббус мекунад, бояд аз ҷониби Сарвазир имзо шаванд. Ин равиш имкон медиҳад, ки доираи ваколатҳои дахлдор равшан карда шуда, номуайянии ҳуқуқӣ бартараф карда шавад. Ҳамин тавр, ба таври мушаххас муайян карда мешавад, ки кадом ташаббусҳо аз ҷониби Президент ҳамчун сарвари давлат ва кадомашон аз ҷониби Ҳукумат пешниҳод мегарданд. Дар навбати худ, ин боиси ташаккули таҷрибаи қонунгузории шаффоф ва пайгирона мегардад [3, с. 97].

Ин нуқтаи назар бешубҳа арзандаи таваҷҷуҳ аст, аммо мо онро ҳамчун мавриди баҳс арзёбӣ мекунем, зеро татбиқи чунин усул ниёз ба арзёбии амиқи

ҳуқуқӣ бо дарназардошти хусусиятҳои шакли идоракунии президентӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон дорад [1; 2; 3; 5].

Мутобиқи Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон, Президент ҳамзамон сарвари давлат ва сарвари ҳокимияти иҷроия (Ҳукумат) мебошад. Дар ин замина, пешниҳодоти баъзе муҳаққиқони ватанӣ оид ба супоридани ҳуқуқи имзои ташаббусҳои қонунгузории Ҳукумат ба Сарвазир бештар хоси низомҳои нимпрезидентӣ (омехта) мебошад, ки дар онҳо Президент роҳбари Ҳукумат набуда, бо Сарвазир дар ҳамоҳангӣ амал мекунад.

Бинобар ин, дар ҳолате ки ин пешниҳод қабул шавад ва имзои лоиҳаҳои қонунии Ҳукумат ба Сарвазир вогузор гардад, ин амалан боиси тағйири шакли идоракунии давлат мегардад, ки он, дар навбати худ, ниёз ба ворид кардани тағйирот ба Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон хоҳад дошт.

Ба ҷойи тағйири шакли идоракунӣ, роҳи мантиқӣ ва ҳуқуқии ҳалли мушкилоти табиати дугонаи ташаббуси қонунгузории Президент ин равшан сохтани доираи ташаббусҳои қонунгузории ӯ вобаста ба танзими ҳуқуқӣ ва ваколатҳояш мебошад:

- Ҳамчун сарвари давлат, Президент ташаббуси қонунгузориро дар масъалаҳои асосии сохтори конститутсионӣ, муносибатҳои байналмилалӣ, амнияти миллӣ, ҳуқуқ ва озодиҳои шаҳрвандӣ амалӣ мекунад.
- Ҳамчун сарвари ҳокимияти иҷроия, Президент лоиҳаҳои қонунҳоеро пешниҳод мекунад, ки ба танзими маъмурӣ, сиёсати молиявию иқтисодӣ, идоракунии ниҳодҳои давлатӣ, барномаҳои иҷтимоӣ ва дигар масъалаҳои марбут ба фаъолияти ҳокимияти иҷроия рабт доранд.

Ин равиш имкон медиҳад, ки номуайянии ҳуқуқие, ки аз ҷониби олимони ватанӣ зикр шудааст, бе тағйири шакли идоракунии давлатӣ бартараф карда шавад ва дар айни замон равшанӣ дар тақсимоти ваколатҳои Президенти кишвар дар раванди қонунгузорӣ таъмин гардад.

Аз ин рӯ, аз нигоҳи ҳуқуқӣ ва институтсионалӣ, роҳи ҳалли беҳтарин на супоридани ваколатҳои ташаббуси қонунгузорӣ ба Сарвазир, балки ҷудо кардани ташаббуси қонунгузории Президент дар асоси мавзуи танзим мебошад. Ин равиш ба пешгирии ихтилофоти ҳуқуқӣ мусоидат намуда, низоми идоракунии президентиро дар Тоҷикистон устувор нигоҳ медорад.

Хулоса, ҳуқуқи ташаббуси қонунгузории Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон як механизми муҳими идоракунии давлатӣ мебошад, ки самаранокии раванди қонунгузорӣ ва устувории низоми ҳуқуқиро таъмин мекунад. Аҳамияти он дар ташаккули сиёсати давлатӣ, вокуниш ба мушкилоти иҷтимоию иқтисодӣ, гузаронидани ислоҳоти ҳуқуқӣ ва ҳифзи тартиботи конститутсионӣ зоҳир мегардад.

Аз нуқтаи назари илмӣ, ин падида унсури асосии ҳокимияти президентӣ буда, дар доираи низоми боздориву мувозинат амал мекунад. Истифодаи дурусти он ба таҳкими демократия, пойдории қонуният ва самаранокии идоракунии давлатӣ мусоидат менамояд.

Адабиёт

1. Давлатова Ш.С. Общетеоретические основы и особенности реализации законодательной инициативы в Таджикистане[Текст]: / автореферат дисс. … канд. юрид. наук: 12.00.01 / Ш.С. Давлатова // – Душанбе, 2014. – 22 с.
2. Имомов А.И. Конституционное право Республики Таджикистан [Текст]: / (на тадж. яз.). / А.И. Имомов // – Душанбе, 2012. – 496 с.
3. Сулаймонов М.С. Конституционно-правовой статус Президента Республики Таджикистан [Текст]: / дисс..соис…к.ю.н. / М.С. Сулаймонов // – Душанбе, 2019. – 201 с.
4. Тагойбеков Х.С. Правовая политика в Республике Таджикистан: общетеоретический аспект [Текст]: / дисс..соис…к.ю.н. / Х.С. Тагойбеков // – Душанбе, 2014. – 188 с.
5. Диноршоев А.М. Конституционные основы разделения властей в Республике Таджикистан [Текст]: / А.М. Диноршоев // – Душанбе, 2007. – 197 с.
6. Закон Республики Таджикистан «О нормативных правовых актах» от 30 мая 2017 года, № 1414. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mmk.tj (дата обращения: 22.09.2024).
7. Закон Республики Таджикистан «О Маджлиси Оли Республики Таджикистан» от 19 апреля 2000 года, № 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mmk.tj (дата обращения: 22.09.2024).

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ИНИЦИАТИВА КАК ФОРМА УЧАСТИЯ ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН В ПРАВОТВОРЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Касымова Ф.А.
Филиал Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в городе Душанбе,
Таджикский национальный университет

Аннотация. *В статье автором предпринято попытка проанализировать законодательную инициативу как форму участия Президента в правотворческом процессе. Отмечается что глава государства занимает ключевое место среди субъектов правотворчества, выполняя системообразующую функцию в структуре государственного аппарата страны. Благодаря своему уникальному конституционно-правовому статусу, Президент оказывает значительное влияние на формирование и развитие правовой системы, определяя стратегические направления законодательной деятельности.*

Ключевые слова: *законодательная инициатива, Президент, глава государства, правотворчество, правотворческий процесс, закон, нормативно правовые акты, республика Таджикистан.*

LEGISLATIVE INITIATIVE AS A FORM OF PARTICIPATION OF THE PRESIDENT OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN IN THE LAW-MAKING PROCESS

Qasymova F.A.
Lomonosov Moscow State University in Dushanbe,
Tajik National University

Annotation. *In the article, the author attempts to analyze legislative initiative as a form of participation of the President in the law-making process. It is noted that the head of state occupies a key place among the subjects of law-making, performing a system-forming function in the structure of the state apparatus of the country. Due to his unique constitutional and legal status, the President has a significant influence on the formation and development of the legal system, determining the strategic directions of legislative activity.*
Keywords: *legislative initiative, President, head of state, lawmaking, lawmaking process, law, normative legal acts, Republic of Tajikistan.*

Сведения об авторе: **Касымова Фариза Асомидиновна** – ведущий специалист отдела кадровой политики и специальных работ филиала Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в городе Душанбе, соискатель 3-го курса кафедры конституционного и административного права юридического факультета Таджикского национального университета, город Душанбе, Республика Таджикистан. **Тел.:** (+992 00) 088 38 06. **E-mail.:** kasymovaf11@mail.ru.

УДК 342

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ГАРАНТИИ ЗАЩИТЫ МАТЕРИНСТВА В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН И В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Ганиева С.О.
Таджикский национальный университет

Аннотация. *В данной статье рассматриваются актуальные вопросы конституционных гарантий защиты материнства в Республике Таджикистан и в зарубежных странах. В Республике Таджикистан закреплены основные права женщин и матерей, однако в сравнении с передовыми странами возможны дополнительные меры по их совершенствованию. Опыт зарубежных стран может служить ориентиром для дальнейшего развития законодательства, направленного на защиту материнства.*
Ключевые слова: *материнство, право на материнство, государственная защита, защита материнства.*

В условиях современной правовой действительности охрана материнства приобретает особую значимость и занимает центральное место в системе конституционных ценностей демократического государства. Государственная защита материнства требует не только нормативного закрепления, но и

эффективной реализации мер, направленных на поддержку женщин в период беременности, родов и воспитания детей. В этом контексте изучение конституционно-правовых гарантий защиты материнства приобретает особую актуальность и представляет собой значимый элемент в процессе совершенствования национального законодательства, а также в обеспечении устойчивого функционирования правовой системы в целом.

Настоящее исследование направлено на комплексный анализ норм, обеспечивающих охрану материнства в Конституции Республики Таджикистан и международных правовых актах, а также на выявление особенностей зарубежного опыта в данной сфере. Защита материнства как составной части системы прав человека рассматривается в качестве приоритетного направления государственной социальной политики. Эффективная реализация этой функции требует нормативного обеспечения в виде соответствующей конституционно-правовой базы, исполнения обязательств государства и учета международных правовых стандартов.

Конституционно-правовая основа охраны материнства в Республике Таджикистан включает положения Конституции, в которых закреплены принципы защиты семьи, материнства и детства, а также разветвлённую систему законодательства, состоящую из кодексов, законов и подзаконных актов. Эти нормативные источники регулируют широкий круг вопросов, включая охрану репродуктивного здоровья, предоставление социальных гарантий женщинам, совмещающим трудовую деятельность и материнство, а также меры по недопущению дискриминации на гендерной основе.

Государственные обязательства по обеспечению конституционных гарантий материнства представляют собой совокупность взаимосвязанных мер, направленных на создание устойчивой системы правовой, социальной и экономической поддержки женщин в период беременности, родов и воспитания детей. Эти меры охватывают широкий спектр направлений, каждое из которых играет ключевую роль в обеспечении эффективной защиты прав женщин и детей, а также в реализации принципов социальной справедливости и гендерного равенства в обществе.

Одной из важнейших обязанностей государства в данной сфере является формирование благоприятной социально-экономической среды, способствующей полноценному осуществлению репродуктивных прав женщин. Это включает в себя разработку и внедрение программ по улучшению условий труда женщин, особенно тех, кто совмещает профессиональную деятельность с обязанностями по уходу за детьми, обеспечение жилищной стабильности, доступ к системе детских учреждений и инфраструктуры, способствующей гармоничному развитию ребёнка. Устойчивое развитие экономики, в свою

очередь, должно служить основой для реализации масштабных социальных инициатив, направленных на поддержку материнства.

Неотъемлемым элементом государственной политики в области охраны материнства является обеспечение всеобщего доступа к квалифицированной и своевременной медицинской помощи. Это предполагает функционирование системы охраны репродуктивного здоровья, предоставление бесплатных или льготных медицинских услуг, включая дородовое и послеродовое наблюдение, акушерскую и гинекологическую помощь, а также профилактические меры, направленные на предупреждение заболеваний, способных повлиять на способность женщины к деторождению. Особое значение в этом контексте приобретает развитие перинатальных центров, расширение сети женских консультаций, внедрение современных медицинских стандартов и повышение квалификации медицинского персонала.

Государство также несёт ответственность за создание и поддержание эффективной правовой и институциональной базы, обеспечивающей надлежащий уровень защиты женщин от всех форм дискриминации, включая дискриминацию по признаку пола, семейного положения или наличия детей. Законодательство должно включать прямые запреты на подобные формы неравного обращения и содержать механизмы правовой защиты, обеспечивающие возможность оперативного реагирования на случаи нарушения прав. Это предполагает, как уголовно-правовые, так и административные меры ответственности, а также наличие эффективных процедур рассмотрения жалоб, доступных каждой женщине независимо от её социального или правового статуса.

Важным направлением деятельности государства является практическая реализация действующего законодательства в области охраны материнства. Здесь речь идёт не только о формальном закреплении прав, но и о реальном обеспечении их исполнения через соответствующую административную и судебную практику. В этом аспекте ключевую роль играют институты правовой помощи, специализированные службы по защите прав женщин и детей, деятельность омбудсменов, а также мониторинг соблюдения международных обязательств, принятых государством.

Наконец, значительное внимание должно уделяться разработке и внедрению целевых программ социальной поддержки, ориентированных на нужды женщин-матерей. Такие программы могут включать прямые выплаты и пособия, предоставление налоговых льгот, материальную поддержку в виде субсидий на оплату жилья, питания и медицинских услуг, а также поддержку женщин, находящихся в уязвимом положении – одиноких матерей, женщин с инвалидностью, женщин, проживающих в сельской местности и др. При этом

эффективность социальной политики во многом зависит от точности её адресности, гибкости механизмов предоставления помощи и устойчивости финансирования из государственного бюджета.

Таким образом, государственные обязательства по защите материнства представляют собой комплексный и многоуровневый механизм, охватывающий нормативно-правовое регулирование, институциональные меры, программы медицинской, социальной и экономической поддержки. Реализация этих обязательств в совокупности способствует укреплению положения женщин в обществе, снижению уровня социальной уязвимости и формированию условий для устойчивого демографического и социального развития государства.

Немаловажную роль в формировании правовых механизмов охраны материнства играют международные правовые акты. Устанавливая универсальные стандарты, эти документы оказывают значительное влияние на развитие национальных правовых систем. Несмотря на преимущественно рекомендательный характер, международные договоры обязывают государства-участников создавать условия, способствующие эффективной реализации прав женщин. В этом контексте особое значение приобретают такие международные документы, как Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, Конвенция о политических правах женщин, Конвенция МОТ № 183 об охране материнства, Конвенция о правах ребёнка, а также Декларация об искоренении насилия в отношении женщин и иные международные акты.

Следует отметить значение Венской всемирной конференции по правам человека 1993 года, в ходе которой в Декларации и Программе действий было провозглашено, что права женщин и девочек являются неотъемлемой и неделимой частью всеобщих прав человека. В числе ключевых приоритетов были определены необходимость обеспечения полного и равного участия женщин в политической, социальной и экономической жизни, а также ликвидация всех форм дискриминации по признаку пола.

Современные конституции, основываясь на международных обязательствах, должны включать положения, направленные на обеспечение гендерного равенства, защиту прав детей, приоритет официального права над обычаями и религиозными нормами, ущемляющими права женщин и детей, запрет вредных традиционных практик, а также наличие эффективных правовых средств защиты. В тех случаях, когда национальные конституции не содержат таких норм, необходимо их пересмотр и модернизация в соответствии с актуальными гуманитарными стандартами.

Право на материнство, будучи составной частью системы основных прав, представляет собой комплексный правовой институт, охватывающий личные, семейные и социальные компоненты. Это право включает возможность создания

семьи, вступления в брак, реализации репродуктивной функции, участия в воспитании и содержании детей, получения медицинской и социальной помощи, присвоения ребёнку имени и гражданства, а также получения заботы от детей в случае утраты трудоспособности. Отдельного внимания заслуживают случаи, при которых материнская функция реализуется не биологической матерью, а женщиной, воспитывающей неродного ребёнка – как в рамках института усыновления, так и в роли мачехи. Такие формы родительства также подлежат правовой защите и признанию.

Гарантии реализации права на материнство охватывают как материальные и социальные условия, так и правовые механизмы обеспечения прав. К числу гарантий относятся система здравоохранения, охрана труда женщин, наличие декретных отпусков и социальных пособий, а также судебные и административные средства защиты, надзор за исполнением законодательства и применение международных правовых норм.

Таким образом, право на материнство в конституционно-правовом измерении предстает как многогранная категория, требующая комплексного подхода к её реализации. Эффективная защита данного права возможна при наличии устойчивого нормативного фундамента, согласованного с международными обязательствами и обеспеченного действующими правовыми механизмами, способствующими реализации прав и свобод женщин в обществе [1].

Вопрос защиты материнства на конституционном уровне приобретает особую значимость в условиях современного правового государства. Конституционные нормы, действующие как в Республике Таджикистан, так и в зарубежных странах, охватывают широкий спектр общественных отношений, направленных на обеспечение прав женщин и матерей. Конституция Республики Таджикистан выступает в качестве базового источника гарантии защиты материнства. В частности, статья 34 Основного Закона гласит: «Мать и ребенок находятся под особой защитой и покровительством государства» [2]. Эта норма возлагает на государство прямую обязанность по созданию условий, способствующих реализации прав женщин в сфере материнства, что подчеркивает высокую степень значимости данного института в национальной правовой системе.

Со времени обретения независимости в Республике Таджикистан наблюдается поступательное институциональное развитие механизмов, направленных на поддержку женщин. Существенным этапом стало учреждение в 2004 году Комитета по делам женщин и семьи при Правительстве Республики Таджикистан, деятельность которого направлена на продвижение гендерного равенства и защиту интересов женщин, включая охрану материнства. Особое внимание данной теме уделяет Глава государства, Основатель мира и

национального единства – Лидер нации Эмомали Рахмон, который в своих ежегодных посланиях подчеркивает необходимость создания условий для всестороннего развития женщин и девушек как ключевого фактора устойчивого развития общества [3]. В одном из таких посланий была поставлена задача по разработке и реализации «Национальной стратегии активизации роли женщин в Республике Таджикистан на 2021-2030 годы» и соответствующего плана мероприятий на 2021-2025 годы.

Положения, закрепляющие охрану материнства, получили широкое признание в конституционном праве различных государств, что свидетельствует о признании материнства в качестве особой социальной ценности, подлежащей правовой охране на высшем нормативном уровне. Конституционные акты зарубежных стран демонстрируют стремление государств к созданию благоприятной правовой среды, способствующей реализации репродуктивных прав женщин, укреплению института семьи и защите интересов матери и ребёнка.

Так, Конституция Республики Болгария содержит ряд положений, прямо указывающих на приоритетность защиты материнства. В статье 14 закреплено, что семья, материнство и дети находятся под защитой государства и общества, что свидетельствует о коллективной ответственности за благополучие женщин и детей. Статья 47 дополняет данную норму, устанавливая, что женщина-мать пользуется особой защитой со стороны государства, которое, в частности, обеспечивает предоставление оплачиваемого отпуска по беременности и родам, бесплатную медицинскую помощь, облегчение условий труда, а также другие формы социальной поддержки [4]. Эти положения представляют собой пример комплексного подхода к обеспечению социальных прав женщин в период материнства.

Конституция Греческой Республики также содержит нормы, направленные на всестороннюю охрану материнства. В статье 21 указано, что семья, как основа сохранения и развития нации, а также материнство и детство находятся под охраной государства [5]. Уникальной чертой греческой модели правовой защиты является внимание, уделяемое многодетным семьям, что отражает стремление к стимулированию рождаемости и укреплению традиционных семейных институтов.

Конституция Республики Казахстан в статье 27 закрепляет, что брак и семья, материнство, отцовство и детство находятся под защитой государства [6]. Конституционный Совет Республики Казахстан неоднократно акцентировал внимание на том, что данные ценности относятся к числу фундаментальных и вытекают из высоких целей и базовых принципов, закреплённых в Основном Законе. В официальных разъяснениях подчёркивается, что именно устойчивость

института семьи, преемственность поколений и охрана репродуктивного здоровья обеспечивают стабильность и развитие казахстанского общества [7].

Конституция Республики Азербайджан также содержит нормы, непосредственно регулирующие охрану материнства. Так, в статье 34 установлено, что семья и брак находятся под опекой государства, а материнство, отцовство и детство охраняются законом. Кроме того, государство обязуется оказывать поддержку многодетным семьям, что свидетельствует о приверженности социальной направленности конституционной политики [8].

Значительное количество норм аналогичного содержания содержится и в конституциях других государств постсоветского пространства. Так, Конституция Республики Беларусь в статье 32 провозглашает защиту брака, семьи, материнства, отцовства и детства как важнейшую обязанность государства. Конституция Кыргызской Республики в статье 36 закрепляет аналогичные положения, устанавливая государственные гарантии в отношении семьи и материнства как основного института общества. В статье 38 Конституции Российской Федерации говорится о том, что материнство, детство и семья находятся под защитой государства, что служит подтверждением общего подхода к правовому признанию роли матери как носителя особого социального статуса.

Особое место в ряду международно признанных образцов занимает Конституция Португальской Республики. В её статье 68 детально регламентируются меры по охране материнства и отцовства, в том числе вопросы, касающиеся семейных отношений, трудовых и социальных гарантий родителей, их прав на участие в воспитании детей и обеспечение их благополучия [9]. Подобная детализация свидетельствует о высоком уровне нормативной проработки и придаёт конституционному регулированию конкретный и действенный характер.

Не менее значимым является Основной закон Федеративной Республики Германия, статья 6 которого гласит: «Каждая мать имеет право на защиту и попечение общества» [10]. Это положение не просто провозглашает право матери на защиту, но и возлагает на государство обязанность по его реализации. Оно охватывает меры финансовой поддержки, правовую охрану условий труда, защиту от дискриминации по признаку материнства, а также доступ к социальным и медицинским услугам. В целом, германская правовая система выстраивает многоуровневую модель государственной поддержки женщин, сочетающую в себе принципы социальной справедливости, гендерного равенства и правового гуманизма.

Сравнительный анализ представленных конституционных норм позволяет сделать вывод о том, что защита материнства в современном конституционном праве приобрела характер общепризнанного принципа, являющегося

неотъемлемой частью системы основных прав и свобод человека. Особенно характерно это для государств постсоветского пространства, где защита материнства, отцовства и детства закрепляется как единый правовой институт, отражающий стремление к всесторонней охране семьи и созданию условий для её полноценного функционирования.

Особое внимание при этом уделяется биологической и социальной специфике материнства, обусловленной его неразрывной связью с женской природой. Это обуславливает необходимость разработки и реализации особых правовых, медицинских, социальных и трудовых гарантий, позволяющих женщинам реализовывать своё право на материнство без ущемления других прав и свобод. Защита материнства становится не только средством обеспечения здоровья и благополучия женщин, но и стратегическим направлением государственной политики, направленным на устойчивое развитие общества, укрепление демографического потенциала и формирование здорового поколения.

Таким образом, можно утверждать, что конституционное закрепление норм, направленных на охрану материнства, свидетельствует о признании ключевой роли женщин в воспроизводстве населения, развитии института семьи и формировании ценностей будущих поколений. С учётом значимости данной сферы, необходимо постоянное совершенствование законодательства и механизмов его реализации, как на национальном, так и на международном уровне, с тем чтобы обеспечить реальную защиту прав женщин-матерей в условиях современного правового государства.

Литература

1. Сравнительное конституционное право [Текст]: / отв. ред. В.Е. Чиркин. – М.: Изд. фирма «Манускрипт», 1996. – 729 с.
2. Конституция Республики Таджикистан (принята на референдуме 6 ноября 1994 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mfa.tj/ru/main/tadzhikistan/konstitutsiya?Ysclid=lgttgtxriz422406952 (дата обращения: 17.02.2025).
3. Послание Президента Республики Таджикистан, Лидера нации, уважаемого Эмомали Рахмона Маджлиси Оли Республики Таджикистан «Об основных направлениях внутренней и внешней политики республики» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mfa.tj/ru/bishkek/view/7039/poslanie-prezidenta-respubliki-tadzhikistan-lidera-natsii-madzhlisi-oli (дата обращения: 17.02.2025).

4. Конституция Республики Болгария [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://legalns.com/download/books/cons/bulgaria.pdf (дата обращения: 17.02.2025).
5. Конституция Португальской Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://legalns.com/download/books/cons/portugal.pdf (дата обращения: 17.02.2025).
6. Конституция Республики Казахстан (принята на всенародном референдуме 30.08.1995) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://worldconstitutions.ru/?p=129 (дата обращения: 17.02.2025).
7. Нормативное постановление Конституционного совета Республики Казахстан от 18 мая 2015 г. № 3 «Об официальном толковании пункта 1 статьи 27 Конституции Республики Казахстан…» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz (дата обращения: 13.02.2025).
8. Конституция Республики Азербайджан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://president.az/ru/pages/view/azerbaijan/constitution (дата обращения: 17.02.2025).
9. Конституция Португальской Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://shirakcentre.am/hy/constitution/2015/30/ (дата обращения: 17.02.2025).
10. Основной закон Федеративной Республики Германия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://legalns.com/download/books/cons/germany.pdf (дата обращения: 17.02.2025).

КАФОЛАТҲОИ КОНСТИТУТСИОНИИ ҲИМОЯИ МОДАРОН ДАР ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН ВА КИШВАРҲОИ ХОРИҶӢ

Ганиева С.О.
Донишгоҳи миллии Тоҷикистон

Аннотатсия. *Дар мақолаи мазкур масъалаҳои муҳими кафолатҳои конститутсионии ҳифзи модарӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон ва кишварҳои хориҷӣ мавриди таҳлил қарор дода шудаанд. Дар Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳуқуқҳои асосии занон ва модарон ба таври муқаррарӣ танзим гардидаанд, аммо дар муқоиса бо кишварҳои пешрафта имконияти татбиқи чораҳои иловагӣ ҷиҳати такмили онҳо вуҷуд дорад. Таҷрибаи кишварҳои хориҷӣ метавонад ҳамчун намуна барои рушди минбаъдаи қонунгузории миллӣ дар самти ҳифзи модарӣ хизмат намояд.*
Калидвожаҳо: *модарӣ, ҳуқуқ ба модарӣ, ҳифзи давлатӣ, ҳифзи модарӣ.*

CONSTITUTIONAL GUARANTEES OF MATERNITY PROTECTION IN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN AND FOREIGN COUNTRIES

Ganieva S.O.
Tajik National University

Annotation. *This article discusses relevant issues concerning the constitutional guarantees of maternity protection in the Republic of Tajikistan and in foreign countries. In the Republic of Tajikistan, the fundamental rights of women and mothers are legally established; however, in comparison with developed countries, additional measures for their improvement may be considered. The experience of foreign countries can serve as a model for the further development of national legislation aimed at protecting motherhood.*
Keywords: *motherhood, right to motherhood, state protection, maternity protection.*

***Сведения об авторе*: Ганиева Суман Одилджоновна** – доктор PhD 3-го курса кафедры конституционного и административного права юридического факультета Таджикского национального университета, город Душанбе, Республика Таджикистан. **Тел.:** (+992 90) 121 72 82. **E–mail:** karimmbsms@mail.ru.

УДК 342

ПРИНЦИПЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

Рисолати Р.
Таджикский государственный педагогический университет имени С. Айни

Аннотация. *В статье рассматриваются концептуальные и прикладные аспекты формирования и реализации социальной политики в Республике Таджикистан в условиях постсоветской трансформации. Автор акцентирует внимание на значении социальной политики как одного из стратегических направлений государственной деятельности, обеспечивающего устойчивое развитие и социальную справедливость. Обосновывается роль национальной идеи, даётся характеристика принципов социальной политики, а также анализируются практические механизмы её реализации. Выделены шесть ключевых принципов, лежащих в основе государственной социальной стратегии. Делается вывод о необходимости дальнейшей институционализации и цифровизации социальной сферы, а также расширения участия гражданского общества в решении социальных задач.*
Ключевые слова: *социальная политика, социальное государство, принципы, Таджикистан, трансформация, устойчивое развитие, человеческий капитал, социальная защита.*

С обретением государственной независимости Республика Таджикистан вступила в сложный и многоплановый процесс трансформации общественно-политических и социально-экономических институтов. Построение современной государственности, сопряжённое с радикальной перестройкой социальной структуры общества и формированием новых механизмов управления, представляет собой длительный исторический процесс, требующий

чёткого осмысления национальных приоритетов, стратегических задач и целевых ориентиров развития. На данном этапе особую значимость приобретает формирование концептуальной основы национального развития, выраженной в виде национальной идеи, способной консолидировать общество вокруг ключевых ценностей и целей [1, с. 480].

Национальная идея в данном контексте должна отразить совокупность базовых интересов, направленных на укрепление национальной безопасности, формирование социально ориентированной рыночной экономики, обеспечение социальной справедливости и создание условий для всестороннего развития личности. Эти цели обусловливают необходимость определения приоритетных направлений государственной политики, среди которых ведущую роль занимает социальная политика как стратегический инструмент достижения устойчивого развития и общественного благополучия. Как подчёркивается в Послании Основателя мира и национального единства – Лидера нации, Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона, социальная защита населения занимает приоритетное место в системе государственных приоритетов. Особое внимание уделяется обеспечению устойчивого функционирования социальной сферы, что проявляется в последовательном увеличении объёмов государственного финансирования, направляемого на реализацию соответствующих программ. Такая политика свидетельствует о стремлении государства к формированию благоприятных условий для повышения уровня и качества жизни граждан, а также к обеспечению социальной стабильности и справедливости [2].

В научной и прикладной плоскости социальная политика трактуется как целенаправленная и системная деятельность государственных институтов, общественных объединений и органов местного самоуправления, направленная на обеспечение достойного уровня жизни населения, реализацию социальных прав граждан, укрепление социальной стабильности, развитие механизмов социального партнёрства, а также достижение консенсуса в социально значимых вопросах. Она охватывает широкий спектр мер, включающих в себя как нормативно-правовое регулирование, так и практическую реализацию программ в области образования, здравоохранения, занятости, социальной защиты и других сфер.

Таким образом, социальная политика в Республике Таджикистан выступает важнейшей составляющей общей государственной стратегии, призванной обеспечить не только материальное благополучие граждан, но и социальную интеграцию, справедливость и солидарность в обществе. Ввиду её значимости необходимо чёткое концептуальное и правовое определение принципов социальной политики, которые должны служить методологической основой для

формирования и реализации соответствующих программ, обеспечивающих эффективное функционирование социальной сферы в условиях постсоветской трансформации и глобальных вызовов современности [3, с. 92-97].

Социальная политика как приоритетное стратегическое направление деятельности социального государства основывается на системе принципов, отражающих фундаментальные ориентиры государственной ответственности перед гражданами. Указанные принципы не только определяют концептуальные рамки социальной политики, но и служат методологическим основанием для формирования, разработки и реализации государственных программ и механизмов в социальной сфере. Они обеспечивают системность, последовательность и устойчивость функционирования социальной системы, а также способствуют достижению целей, направленных на повышение качества жизни населения, обеспечение социальной справедливости, реализацию прав человека и минимизацию социального неравенства [4, с. 75-79].

Анализ действующего законодательства страны и существующих теоретических исследований в данной сфере, позволяют выделить шесть ключевых принципов, обеспечивающих устойчивое развитие общества и защиту граждан – принцип защиты уровня жизни населения, принцип социальной поддержки при безработице, принцип адресной поддержки малообеспеченных семей, принцип социальной защиты работающего населения, принцип развития социальной инфраструктуры, принцип содействия профессиональной квалификации.

Рассмотрим данные принципы более подробно.

Принцип защиты уровня жизни населения. Одним из краеугольных принципов социальной политики является обеспечение стабильности и приемлемого уровня жизни граждан в условиях социально-экономических колебаний. Для достижения этой цели государство осуществляет меры по компенсации последствий инфляции и роста цен, в том числе посредством механизма индексации доходов населения, пенсий, социальных пособий и заработной платы. Этот механизм позволяет сохранить покупательную способность граждан и минимизировать негативное влияние экономических шоков на уязвимые слои общества. В Таджикистане последовательно реализуются меры, направленные на компенсацию снижения покупательной способности граждан в условиях инфляционных процессов. Так, ежегодно пересматриваются размеры заработных плат работников бюджетной сферы, пенсий и социальных пособий. Например, в рамках Послания Президента Республики Таджикистан к Маджлиси Оли (2024) было поручено с сентября 2025 года повысить минимальную заработную плату до 1000 сомони, а также проиндексировать пенсии и доплаты к ним на 10%. Эти меры направлены на

смягчение влияния роста цен и укрепление социальной устойчивости населения, особенно наиболее уязвимых его категорий [2].

Принцип социальной поддержки при безработице. Важным направлением социальной политики является предоставление помощи гражданам, временно утратившим источник дохода в результате потери работы. Государство реализует меры по выплате пособий по безработице, созданию служб занятости, организации программ профессиональной переподготовки и содействия трудоустройству. Целью этих мер является не только компенсация утраченного дохода, но и возвращение человека в экономически активную деятельность в кратчайшие сроки. В последние годы в республике активно реализуются государственные программы по созданию рабочих мест и снижению уровня безработицы. В рамках стратегии индустриализации только в 2024 году было открыто 740 новых промышленных объектов, обеспечивших около 20 тысяч рабочих мест. Также Министерство труда, миграции и занятости населения РТ координирует деятельность по профессиональной переподготовке безработных граждан, в том числе женщин, молодежи и возвращающихся трудовых мигрантов. На региональном уровне функционируют центры занятости, предоставляющие услуги по трудоустройству и переобучению [2].

Принцип адресной поддержки малообеспеченных семей. Особое внимание в рамках социальной политики уделяется поддержке наиболее уязвимых групп населения – семей, находящихся за чертой бедности. Для таких категорий граждан разрабатываются и внедряются механизмы адресной социальной помощи, обеспечивающие предоставление материальной поддержки на основе объективной оценки уровня доходов и потребностей семьи. Это позволяет эффективно использовать ресурсы и достигать наибольшего социального эффекта. Государство реализует программу адресной социальной помощи, основанную на принципе оценки нуждаемости домохозяйств. Внедрение Единого регистра социального обеспечения позволяет идентифицировать наиболее уязвимые группы населения и предоставлять помощь в виде денежных переводов, продовольственной поддержки, доступа к медицинским услугам и образованию.

Принцип социальной защиты работающего населения. Социальная политика предусматривает реализацию всеобъемлющей системы социального страхования, включающей страхование по временной нетрудоспособности, материнству, старости, инвалидности и другим социальным рискам. Важным элементом этого направления является установление минимального уровня заработной платы, который должен гарантировать базовые условия для жизни трудящихся и предотвращать эксплуатацию. Эти меры направлены на обеспечение социальной защищенности трудоспособного населения и

формирование справедливых условий труда. Трудовой кодекс РТ, Закон «О государственной системе социального страхования», а также нормативные акты в области охраны труда устанавливают гарантии защиты прав трудящихся. Внедрена система обязательного социального страхования, в том числе пенсионного и по временной нетрудоспособности. В рамках реформирования системы обязательного медицинского страхования разрабатываются механизмы страхового покрытия для работников различных отраслей, особенно в сфере образования и здравоохранения. Кроме того, ежегодно утверждается минимальный размер оплаты труда, регулируемый государством.

Принцип развития социальной инфраструктуры. Реализация эффективной социальной политики невозможна без надлежащего уровня развития таких базовых сфер, как образование, здравоохранение и охрана окружающей среды. Государство обязано создавать доступную и качественную систему образования, обеспечивающую подготовку конкурентоспособной рабочей силы, а также эффективную систему здравоохранения, направленную на профилактику заболеваний, охрану здоровья и повышение продолжительности жизни населения. Наряду с этим, экологическая составляющая социальной политики предполагает обеспечение благоприятной среды обитания и устойчивого природопользования. Бюджетные приоритеты Таджикистана в значительной степени ориентированы на развитие человеческого капитала. В 2024 году около 43% государственного бюджета направлено на финансирование социальной сферы. Образование, здравоохранение, социальная защита – ключевые получатели финансирования. Только на сферу образования выделено более 6 миллиардов сомони. Параллельно реализуются национальные программы по строительству школ, медицинских учреждений и учреждений социального обслуживания, включая интернаты и дома престарелых. Также принимаются меры по улучшению экологической ситуации и устойчивому использованию природных ресурсов [2].

Принцип содействия профессиональной квалификации. В условиях динамичного развития экономики особую значимость приобретает проведение активной политики, направленной на развитие человеческого капитала. Государство должно обеспечивать возможности для профессионального обучения, переподготовки и повышения квалификации населения, особенно в условиях технологических изменений и трансформации рынка труда. Это способствует адаптации граждан к новым экономическим условиям, расширяет их возможности трудоустройства и повышает устойчивость к социальным рискам.

Таким образом, принципы социальной политики отражают многоаспектный характер государственной социальной деятельности, ориентированной на

устойчивое развитие общества, защиту человека труда, поддержку уязвимых слоёв населения и формирование условий для социальной мобильности и интеграции. Их реализация требует согласованных усилий со стороны всех уровней государственной власти, а также участия институтов гражданского общества и частного сектора.

Таким образом, социальная политика в Республике Таджикистан представляет собой одно из ключевых направлений государственной стратегии, ориентированной на построение социального государства и устойчивое развитие общества. В условиях постсоветской трансформации страна демонстрирует последовательность в формировании концептуальных и институциональных основ социальной защиты, что находит выражение в системном подходе к решению социальных задач, нормативной закреплённости принципов и активной реализации практических мер.

Социальная политика выступает не только механизмом поддержки уязвимых категорий населения, но и важным инструментом консолидации общества, повышения качества жизни граждан, укрепления социальной справедливости и развития человеческого капитала. Выделение базовых принципов социальной политики позволяет обеспечить её целенаправленность, эффективность и адаптивность к внутренним и внешним вызовам. В этом контексте особое значение приобретают процессы цифровизации, институционального совершенствования и расширения участия негосударственных акторов в решении социальных задач.

Следовательно, дальнейшее развитие социальной политики Таджикистана должно основываться на балансе между экономической рациональностью и социальными приоритетами, что является необходимым условием для укрепления устойчивости государства и повышения уровня общественного благосостояния.

Литература

1. Побережная О.Е. Принципы, цели и задачи социальной политики [Текст]: / О.Е. Побережная // Проблемы управления. 2006. – № 2. – С. 54 – 59.
2. Послание Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона Маджлиси Оли от 28.12.2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.president.tj/ru/node/49237 (Дата обращения: 06.02.2025).
3. Диноршоев А.М., Солехзода Г.Д. К вопросу о понятии социальной политики государства [Текст]: / Конституционные ценности и ценность Конституции: Материалы круглого стола с международным участием, проводимого в рамках XV Фестиваля науки города Москвы, Москва, 09 октября 2020 года. – Москва: Издательство "Саратовский источник", 2020. – С. 92-97.

4. Дыльнова Т.В., Панкратов И.А. Социальная справедливость - важнейший принцип социальной политики государства [Текст]: / Информационная безопасность регионов. 2012. – № 1(10). – С. 75-79.

ПРИНСИПҲОИ СИЁСАТИ ИҶТИМОИИ ДАВЛАТ

Рисолати Р.
Донишгоҳи давлатии омӯзгории Тоҷикистон ба номи С. Айни

Аннотатсия. *Дар мақола паҳлӯҳои назариявӣ ва амалии ташаккул ва татбиқи сиёсати иҷтимоӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон дар шароити гузариши пасошӯравӣ таҳлил мегарданд. Муаллиф ба нақши стратегии сиёсати иҷтимоӣ дар низоми идоракунии давлатӣ ва аҳамияти он дар таъмини рушди устувор ва адолати иҷтимоӣ таваҷҷуҳ мекунад. Дар заминаи ғояи миллӣ, принсипҳои асосии сиёсати иҷтимоӣ муайян шуда, механизмҳои амалии татбиқи онҳо баррасӣ мегарданд. Дар мақола шаш принсипи калидии сиёсати иҷтимоии давлатӣ ҷудо карда мешаванд. Хулоса бароварда мешавад, ки тақвияти минбаъдаи соҳаи иҷтимоӣ тавассути рақамикунонӣ ва иштироки фаъоли ҷомеаи шаҳрвандӣ амалӣ карда мешавад.*
Калидвожаҳо: *сиёсати иҷтимоӣ, давлати иҷтимоӣ, принсипҳо, Тоҷикистон, табдилдиҳӣ (трансформатсия), рушди устувор, сармояи инсонӣ, ҳимояи иҷтимоӣ.*

PRINCIPLES OF THE STATE'S SOCIAL POLICY

Risolati R.
Tajik State Pedagogical University named after S. Ayni

Annotation. *The article examines conceptual and practical aspects of the formation and implementation of social policy in the Republic of Tajikistan within the context of post-Soviet transformation. The author emphasizes the significance of social policy as one of the strategic directions of state activity, aimed at ensuring sustainable development and social justice. The role of the national idea is substantiated, the core principles of social policy are characterized, and the practical mechanisms of its implementation are analyzed. The study identifies six key principles that form the basis of the state's social strategy. The article concludes with the assertion of the need for further institutionalization and digitalization of the social sphere, as well as the expansion of civil society's participation in addressing social issues.*
Keywords: *social policy, welfare state, principles, Tajikistan, transformation, sustainable development, human capital, social protection.*

Сведения об авторе: **Рисолати Раджабали** – старший преподаватель кафедры права Таджикского государственного педагогического университета имени С. Айни, город Душанбе, Республика Таджикистан. **Тел.:** (+992 98) 509 02 92.

УДК 342

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА КАК САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Диноршоев А.М., Давронов И.О.
Филиал Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в городе Душанбе

Аннотация. *В статье рассматриваются теоретические и правовые аспекты экологических прав человека как самостоятельной категории в системе конституционных прав и свобод. Анализируются различные подходы к определению их правовой природы, выделяются ключевые особенности и основания институционализации. Особое внимание уделяется классификации экологических прав на материальные и процессуальные, индивидуальные и коллективные, а также их роли в обеспечении устойчивого развития. В статье подчёркивается необходимость конституционного закрепления экологических прав в условиях нарастающих глобальных вызовов в сфере охраны окружающей среды.*
Ключевые слова: *экологические права, конституционные права, окружающая среда, устойчивое развитие, экологическая безопасность, коллективные права, экологическая справедливость.*

Экологические права человека представляют собой важнейшую составляющую современного конституционно-правового статуса личности. От точности их определения, содержательной наполненности, а также степени закрепленности в нормативно-правовых актах во многом зависит эффективность реализации глобальных задач, направленных на обеспечение экологической безопасности, охраны окружающей среды, рационального использования природных ресурсов и формирования устойчивой модели социально-экономического развития, свободной от кризисных явлений.

Несмотря на кажущуюся очевидность и значимость экологических прав, в юридической литературе существует дискуссия относительно их правовой природы, источников формирования, а также их места в системе конституционных прав человека. Некоторые исследователи утверждают, что проблема отнесения тех или иных прав к категории экологических не представляет существенных теоретических трудностей. Однако среди ученых не достигнуто единого мнения относительно перечня этих прав, их природы и механизмов реализации на глобальном уровне.

Анализ международно-правовых актов, таких как Декларация Стокгольмской конференции ООН по окружающей среде (1972 г.) [1], Всемирная хартия природы (1982 г.) [2], Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию (1992 г.) [3], а также Орхусская конвенция (1998

г.) [4], позволяет сделать вывод о наличии тенденции к признанию экологических прав неотъемлемой частью системы основных прав и свобод человека.

В современной правовой науке выработались три основных концептуальных подхода к определению правовой природы экологических прав человека, каждый из которых имеет свои теоретико-прикладные особенности и ограничения. Их сравнительный анализ позволяет не только обозначить дискуссионные аспекты, но и выявить наиболее перспективные направления институционализации экологических прав в системе конституционных гарантий.

Первый подход базируется на расширительном толковании уже существующих фундаментальных прав человека, таких как право на жизнь, здоровье, информацию и участие в управлении делами, как инструментов охраны окружающей среды. Его сторонники утверждают, что эффективное применение имеющихся конституционных и международно-правовых норм способно в полной мере обеспечить экологическую безопасность. В соответствии с данной логикой, формулировка новых прав считается избыточной и даже потенциально деструктивной, поскольку может привести к правовому дублированию и снижению эффективности защиты прав в целом [5]. Однако критический анализ показывает, что этот подход страдает ограниченностью: классические права, будучи универсальными по своей природе, не охватывают всей специфики экологических угроз и не всегда способны адекватно реагировать на вызовы, возникающие в условиях экологического кризиса.

Второй подход исходит из необходимости переосмысления содержания традиционных прав человека сквозь призму их экологического измерения. В рамках данного направления предлагается расширение объёма таких прав, как право на здоровье, частную собственность, свободу предпринимательской деятельности, с учётом их возможного влияния на состояние окружающей среды. Однако данный подход несёт в себе определённый риск: приоритет традиционных прав может вытеснить экологические интересы на периферию правового регулирования, подчиняя их вторичным целям и тем самым лишая автономии как категорию [6].

Наиболее перспективным с точки зрения доктринального и нормативного развития представляется третий подход, утверждающий самостоятельность экологических прав человека как специфического, содержательно и функционально обособленного института. Он ориентирован на формирование новых юридических конструкций, предназначенных для защиты экологических интересов настоящих и будущих поколений. В числе таких прав, как правило,

называют право на экологическую справедливость, на защиту от экологически вредной деятельности, а также на участие в формировании и реализации экологической политики. Этот подход предполагает не только правовое признание, но и создание устойчивых институциональных механизмов обеспечения этих прав [6].

Сторонники данной позиции исходят из того, что существующие права, даже при условии их полного соблюдения, не способны обеспечить должный уровень защиты окружающей среды. Именно выделение экологических прав в качестве самостоятельной категории позволяет повысить степень их нормативной определённости и обеспечить реализацию публичного интереса в сохранении окружающей среды [6]. В частности, А.О. Меняев подчёркивает необходимость закрепления экологических прав в качестве равноправного элемента конституционного статуса личности наряду с экономическими и социальными правами [5].

Аналогичную точку зрения разделяют и Г.В. Чубуков с Н.А. Духно, отмечая, что экологические права и обязанности принципиально отличаются от других категорий, поскольку регулируют не только межчеловеческие отношения, но и отношения между человеком и природой, что придаёт им уникальную правовую природу [6]. Д.С. Велиева, развивая эту мысль, утверждает, что экологические права должны быть выдвинуты на авансцену конституционной конструкции прав человека, так как от их реализации зависит жизнеспособность других прав и институтов [7]. А.Р. Акопян, в свою очередь, предлагает классифицировать права человека по сферам общественного взаимодействия, в рамках чего экологические права обоснованно выделяются в самостоятельную группу [8].

Аналогичная позиция поддерживается и рядом таджикских исследователей. В их работах подчёркивается, что Республика Таджикистан на практике демонстрирует приверженность защите экологических прав, активно участвуя в международных инициативах, таких как Десятилетие «Вода для жизни» (2005–2015 гг.), и принимая специализированные отраслевые законы – «Об охране атмосферного воздуха», «Об экологической информации», «Об экологической экспертизе», «Об экологическом мониторинге» и др. [9]. В этой связи отечественные учёные выступают за конституционное закрепление экологических прав как неотъемлемой части правового статуса гражданина [9].

Значимым аргументом в пользу конституционализации экологических прав служит и позиция Д.Ш. Шерализода, который в контексте анализа конституционных реформ подчёркивает необходимость адаптации основного закона к реалиям XXI века, включая закрепление новых поколений прав человека, в том числе экологических [10].

Таким образом, анализ подходов различных ученых демонстрирует тенденцию к институционализации экологических прав как самостоятельного элемента конституционного регулирования, что обусловлено их особой природой и значимостью для гармоничного взаимодействия общества и окружающей среды.

Экологические права человека в условиях глобального экологического кризиса формируют особую, самостоятельную категорию в системе конституционных прав и свобод, обладающую высоким уровнем значимости как с точки зрения индивидуальных интересов, так и с позиции общественного и планетарного блага. Их сущностное предназначение заключается в правовом обеспечении благоприятной окружающей среды, устойчивого развития и межпоколенческой справедливости.

Одной из ключевых черт экологических прав является их тесная связь с фундаментальными правами человека, такими как право на жизнь, здоровье, жильё и достойные условия существования. Состояние окружающей среды напрямую влияет на реализацию этих прав, что делает экологические права неотъемлемым условием обеспечения человеческого достоинства и безопасности.

Особую значимость представляет двойственная природа экологических прав – они выступают как в качестве индивидуальных прав, так и в качестве коллективных. Право на благоприятную окружающую среду может принадлежать каждому отдельному человеку, тогда как права на сохранение экосистем и устойчивое управление природными ресурсами отражают интересы общества в целом, а в ряде случаев и всего человечества как глобального субъекта.

Международный и трансграничный характер экологических прав обусловлен природой экологических угроз, не признающих государственных границ. Глобальные проблемы, такие как изменение климата, загрязнение океанов, утрата биоразнообразия, требуют международной правовой координации и совместных механизмов реализации прав на здоровую среду обитания.

Экологические права также нацелены на обеспечение баланса между потребностями экономического роста и задачами охраны природы. Они воплощают принципы устойчивого развития, согласно которым удовлетворение потребностей настоящего поколения не должно подрывать возможности будущих поколений.

Превентивный характер экологических прав предполагает приоритет недопущения ущерба окружающей среде над устранением его последствий. В правовом плане это находит выражение в институтах экологической экспертизы,

правовых ограничениях хозяйственной деятельности, раннем оповещении о рисках, а также в обязательствах по снижению уровня загрязнений.

Кроме того, экологические права характеризуются выраженной междисциплинарностью. Они затрагивают сферы права, экологии, экономики, социологии и политологии. Эффективная реализация данных прав требует согласованных усилий специалистов разных отраслей, разработки комплексных политик, правовых стратегий и механизмов экологического управления.

Важнейшим элементом концепции экологических прав является поколенческий аспект. Эти права направлены на защиту не только современных, но и будущих поколений от последствий экологической деградации, обеспечивая справедливое распределение природных благ во времени.

В научной литературе экологические права рассматриваются как сложное и многосоставное правовое явление, выходящее за рамки классического правозащитного подхода. Они требуют как национального, так и международного нормативного признания и эффективного правового механизма реализации.

Формирование института экологических прав не ограничивается удовлетворением индивидуальных экологических интересов, но и служит инструментом охраны окружающей среды как общего публичного блага. Это обусловливает особую юридическую природу данной категории прав, сочетающей в себе черты частного и публичного права.

На международном и национальном уровнях существует устоявшийся подход к классификации экологических прав, включающий: – право на благоприятную окружающую среду; – право на чистую питьевую воду и санитарные услуги; – право на достоверную экологическую информацию; – право на участие в принятии экологически значимых решений; – право на возмещение экологического вреда; – право на экологическое образование; – право на защиту будущих поколений; – право на отказ от деятельности, наносящей вред окружающей среде.

Указанные права условно делятся на две группы: основные (базовые) и производные. К базовым относятся права, обеспечивающие базисные условия безопасной жизнедеятельности. К производным – права, направленные на развитие экологической культуры, защиту будущих поколений и усиление превентивного потенциала права.

Научная дискуссия по поводу природы экологических прав раскрывает расхождение между позициями сторонников материального и процессуального подходов. Первые акцентируют внимание на необходимости прямого нормативного закрепления экологических прав как самостоятельных

материальных прав, вторые – на обеспечении их реализации через процедурные механизмы доступа к информации, участию в принятии решений и правосудию.

Оптимальной видится позиция, согласно которой экологические права следует рассматривать как комплексную категорию, включающую как материальные, так и процессуальные компоненты. Подобный подход находит подтверждение в международной правовой практике, закрепляя права не только на благоприятную окружающую среду, но и на эффективные способы её защиты.

Содержательно экологические права представляют собой сочетание индивидуальных и коллективных начал. Первые защищают личные интересы граждан в контексте благополучной среды, вторые – создают основу для общественного участия в формировании экологической политики, что особенно актуально в условиях глобальных вызовов.

Таким образом, экологические права являются ключевым элементом правового регулирования в XXI веке. Их дальнейшее развитие и институционализация – не только теоретическая задача, но и важнейшее практическое условие обеспечения устойчивого развития, правовой защищённости граждан и охраны окружающей среды в интересах настоящих и будущих поколений.

Литература

1. Декларация конференции ООН по окружающей среде в Стокгольме (1972 г.) // ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/environment.shtml
2. Всемирная хартия природы (1982 г.) // ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://digitallibrary.un.org/record/39295
3. Декларация Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию (1992 г.) // ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml
4. Орхусская конвенция о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды (1998 г.) // UNECE [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://unece.org/env/pp/treaty
5. Меняев А.О. Экологические права человека как элемент конституционного статуса личности [Текст]: / Конституционное и муниципальное право. 2019. – № 5. – С. 12–16.
6. Чубуков Г.В., Духно Н.А. Экологические права и обязанности в системе конституционных прав граждан [Текст]: / Государство и право. 2018. – № 2. – С. 57–63.

7. Велиева Д.С. Экологические права в системе конституционных прав: проблемы и перспективы [Текст]: / Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2020. – № 4. – С. 34–41.
8. Акопян А.Р. Классификация прав человека: подходы и проблемы [Текст]: / Журнал российского права. 2017. – № 9. – С. 29–33.
9. Диноршоев А.М. Правовая защита экологических прав граждан в Республике Таджикистан [Текст]: / Вестник Академии наук РТ. 2015. – № 3. – С. 45–49.
10. Шерализода Д.Ш. Конституционные реформы в Таджикистане: итоги и перспективы [Текст]: / Конституционное обозрение. 2021. – № 1. – С. 19–24.

ҲУҚУҚҲОИ ЭКОЛОГӢ ҲАМЧУН КАТЕГОРИЯИ МУСТАҚИЛИ ҲУҚУҚҲОИ КОНСТИТУТСИОНИИ ИНСОН: ТАҲЛИЛИ НАЗАРИЯВИЮ ҲУҚУҚӢ

Диноршоев А.М., Давронов И.О.
Филиали Донишгоҳи давлатии Москва ба номи М.В. Ломоносов дар шаҳри Душанбе

Аннотатсия. *Мақола ба таҳлили назариявӣ ва ҳуқуқии ҳуқуқҳои экологӣ ҳамчун категорияи алоҳида дар низоми ҳуқуқ ва озодиҳои конститутсионии инсон бахшида шудааст. Муаллиф равияҳои гуногунро оид ба табиати ҳуқуқии онҳо баррасӣ намуда, хусусиятҳои асосӣ ва зарурати таҳкими институционалии ин ҳуқуқҳоро нишон медиҳад. Тафриқаи ҳуқуқҳои экологӣ ба моддӣ ва мурофиавӣ, инфиродӣ ва коллективӣ, инчунин нақши онҳо дар таъмини рушди устувор мавриди баррасӣ қарор мегирад. Дар мақола зарурати шомил кардани ҳуқуқҳои экологӣ ба Конститутсия дар заминаи мушкилоти афзояндаи глобалии муҳити зист таъкид карда мешавад.*
Калидвожаҳо: *ҳуқуқҳои экологӣ, ҳуқуқҳои конститутсионӣ, муҳити зист, рушди устувор, амнияти экологӣ, ҳуқуқҳои коллективӣ, адолати экологӣ.*

ENVIRONMENTAL HUMAN RIGHTS AS AN INDEPENDENT CATEGORY OF CONSTITUTIONAL RIGHTS: A THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS

Dinorshoev A.M., Davronov I.O.
Lomonosov Moscow State University in Dushanbe

Annotation. *This article examines the theoretical and legal foundations of environmental human rights as an independent category within the system of constitutional rights and freedoms. It explores different approaches to their legal nature, highlights their key features, and justifies the need for institutional recognition. Special attention is given to the classification of environmental rights into material and procedural, individual and collective, as well as their critical role in promoting sustainable development. The article underscores the necessity of constitutionalizing environmental rights in response to escalating global environmental challenges.*
Keywords: *environmental rights, constitutional rights, environment, sustainable development, ecological security, collective rights, environmental justice.*

Сведения об авторах: **Диноршоев Азиз Мусоевич –** д.ю.н., профессор, первый заместитель, заместитель исполнительного директора по науке, инновациям и международному сотрудничеству филиала Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в городе Душанбе, город Душанбе, Республика Таджикистан. **Тел.:** (+ 992 90) 770 41 72. **E-mail:** a.dinorshoh@msu.tj.

Давронов Илес Отакулович – начальник отдела воспитания, культурно-массовой работы и связям с общественностью филиала Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в городе Душанбе, город Душанбе, Республика Таджикистан. **Тел.:** (+992 00) 448 26 26. **E-mail:** davronovilyos@mail.ru.

УДК 342

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ

Салохидинова С.М.
Таджикский национальный университет

Аннотация. *В статье рассматривается экономическая безопасность как самостоятельная правовая категория, играющая ключевую роль в обеспечении государственного суверенитета в условиях глобализации. Анализируются теоретико-правовые основы понятия, его связь с экономическим суверенитетом, национальными интересами и устойчивым развитием. Особое внимание уделяется внутренним и внешним угрозам, влияющим на экономическую безопасность, а также комплексным механизмам её обеспечения. Обоснована необходимость стратегического планирования, эффективной государственной политики и защиты национальных интересов для формирования устойчивой и конкурентоспособной экономики.*

Ключевые слова: *экономическая безопасность, экономический суверенитет, государственный суверенитет, национальные интересы, глобализация, транснациональные корпорации, стратегическое планирование, правовое регулирование.*

Суверенитет по праву считается одной из фундаментальных категорий конституционного права и одним из ключевых принципов организации современного демократического государства. Исторические корни этого понятия уходят в эпоху XVII–XVIII вв., когда в ходе революционных движений в Европе и Северной Америке народы боролись против феодального абсолютизма, стремясь поставить пределы неограниченной власти монархов. С тех пор суверенитет воспринимается как краеугольный камень, позволяющий государству осуществлять независимую внутреннюю и внешнюю политику, а также обеспечивать широкое участие граждан в управлении общественными делами.

В наиболее общем виде содержание концепции суверенитета раскрывается через три компонента: народный суверенитет, национальный суверенитет и государственный суверенитет. Говоря об эти трёх аспектах суверенитета – можно отметить, что они существуют в тесном взаимодействии. Так, реализация народного суверенитета во многом опирается на государственные формы организации общества, а национальный суверенитет предполагает гармоничное

сосуществование разных этнических и культурных групп в рамках единой политико-правовой системы [1, с. 34].

Современный этап развития мирового сообщества характеризуется усилением интеграционных процессов, которые особенно ярко проявляются в экономической, технологической и политической сферах. Формирование глобальных рынков, развитие системы международной торговли и появление транснациональных корпораций создают качественно новые условия для функционирования государств. С одной стороны, глобализация содействует ускоренному росту экономики, обмену знаниями и технологиями, а также более эффективному решению ряда наднациональных проблем (таких как защита окружающей среды, борьба с международным терроризмом, реагирование на глобальные эпидемии и т.д.). С другой стороны, расширение международного взаимодействия может вести к ограничению отдельных аспектов государственного суверенитета, поскольку государства нередко вынуждены подчиняться правилам и стандартам, установленным международными организациями или финансовыми институтами [2, с. 68].

В научной литературе существует точка зрения, согласно которой глобализация способна «размывать» или даже «уничтожать» государственный суверенитет, поскольку при длительной и углублённой интеграции возникают наднациональные структуры, регулирующие деятельность государств в различных сферах. В качестве примера можно привести надгосударственные органы в экономических или политических блоках (например, в Европейском союзе), которые осуществляют координацию и контроль над рядом вопросов, ранее входивших исключительно в национальную компетенцию. Однако в правовом смысле ключевым остаётся добровольный характер передачи или ограничения государством ряда своих полномочий в пользу международных институтов. Суверенное государство вправе самостоятельно решать, какие аспекты внутренней компетенции оно готово передать для совместного регулирования [3, с. 23-27].

В контексте глобализации особое внимание исследователей привлекает экономический суверенитет, который нередко рассматривается как центральная составляющая государственного суверенитета. По общепринятому мнению, экономический суверенитет предполагает способность государства самостоятельно определять направления своей экономической политики, формировать и поддерживать национальное производство, обеспечивать занятость и финансовую стабильность, а также свободно распоряжаться природными и иными ресурсами. Он тесно связан с такими факторами, как национальное законодательство, защита отечественных производителей, регулирование внешней торговли, формирование налоговой политики и т.д.

Традиции изучения экономического аспекта суверенитета прослеживаются с XVIII в., когда А. Смит, Д. Рикардо и другие классики экономической науки анализировали механизмы производства, распределения и потребления материальных благ, видя в них основу богатства нации. Однако в их исследованиях ещё не уделялось достаточно внимания актору, осуществляющему эти процессы, – народу, который становится полноправным субъектом экономической деятельности лишь в трудах немецких экономистов XIX в. [4, с. 127].

В более современной интерпретации экономический суверенитет включает два важнейших измерения:

- способность государства принимать самостоятельные хозяйственные решения (определять приоритеты экономического развития, обеспечивать национальную безопасность, регулировать внутренние рынки и защищать интересы своих граждан);
- возможность влиять на обеспечение собственного существования (формировать бюджеты, сохранять финансовую независимость, управлять стратегически важными ресурсами).

Опираясь на данные подходы, правоведы И.Н. Блищенко и Ж. Дориа в своих работах подчёркивают, что экономический суверенитет можно рассматривать в качестве совокупности норм права, гарантирующих каждому государству свободу распоряжаться своими богатствами и ресурсами, а также равноправное участие в международном экономическом сотрудничестве [5, с. 200].

В условиях углубляющейся глобализации экономический суверенитет государств сталкивается с рядом всё более серьёзных вызовов, затрагивающих ключевые аспекты их самостоятельности в проведении национальной экономической политики. Наиболее остро подобные угрозы проявляются в четырёх взаимосвязанных направлениях, требующих комплексного правового и институционального анализа.

Во-первых, усиливается влияние транснациональных корпораций (ТНК), обладающих ресурсами, сопоставимыми с бюджетами малых и среднеразвитых стран. Эти акторы глобального рынка, действуя в десятках юрисдикций, способны оказывать значительное давление на внутреннюю экономическую повестку стран-хозяев, трансформируя не только структуру инвестиций, но и параметры фискальной, торговой и регуляторной политики. В реальности складывается ситуация, при которой частные корпоративные интересы начинают превалировать над национальными приоритетами, особенно в экономически уязвимых государствах.

Во-вторых, экономический суверенитет, оказывается, ограничен в результате взаимодействия с международными финансовыми институтами – такими как

Международный валютный фонд и Всемирный банк. Хотя предоставляемые ими ресурсы являются важным источником поддержки экономик в кризисные периоды, сопровождающие их требования по проведению структурных реформ, дерегуляции и сокращению государственных расходов часто противоречат внутренним социально-экономическим целям, подрывая долгосрочную устойчивость и снижая возможности для суверенного выбора путей развития.

В-третьих, особую обеспокоенность вызывает система международных торговых обязательств, формируемая в рамках Всемирной торговой организации и региональных экономических блоков. Правила, регулирующие доступ к международным рынкам, установление тарифных и нетарифных барьеров, а также технических и экологических стандартов, нередко ограничивают возможности государств в защите национальных производителей и стратегических отраслей, снижая гибкость в формировании внутренней экономической политики.

В-четвёртых, наблюдается формирование нового глобального механизма перераспределения ресурсов, знаний и капиталов, в котором развивающиеся страны всё чаще оказываются в роли поставщиков сырья, дешёвой рабочей силы и рынков сбыта. Центры высокотехнологичного производства и инновационного развития сосредоточены в ограниченном числе развитых стран, в то время как остальным участникам глобального рынка отводится зависимое положение в рамках международного разделения труда. Это усиливает асимметрию в доступе к стратегическим ресурсам и технологиям, ограничивая возможности государств по выстраиванию самостоятельных и устойчивых моделей экономического роста.

Таким образом, обозначенные вызовы требуют переосмысления модели взаимодействия с глобальными экономическими структурами. Государствам необходимо вырабатывать адаптивные стратегии, способные обеспечивать устойчивый баланс между открытостью внешнему миру и защитой внутреннего экономического пространства. Укрепление институционального потенциала, развитие национальных конкурентных преимуществ, а также юридическое обеспечение экономического суверенитета становятся ключевыми направлениями в повестке устойчивого и самодостаточного развития в XXI веке.

В совокупности все эти факторы приводят к тому, что, несмотря на формальные нормы международного права о равноправии и невмешательстве, реальная способность государств защищать и продвигать свои национальные экономические интересы может значительно различаться и нередко оказывается подчинена влиянию внешних акторов.

В этом разрезе на первый план выходить категория экономическая безопасность. В современных условиях мировая практика подтверждает, что

обеспечение экономической безопасности является важнейшим фактором, гарантирующим независимость государства, стабильность и высокую эффективность функционирования общества. Объясняется это тем, что экономика непосредственно связана с основополагающими аспектами деятельности государства, общества и личности, а значит, само понятие национальной безопасности утрачивает свой смысл без учёта устойчивости экономической системы и её способности противостоять внутренним и внешним вызовам. Поэтому обеспечение экономической безопасности рассматривается как один из главных национальных приоритетов.

Традиционно экономическую безопасность определяют, как качественную характеристику экономической системы, которая отражает способность данной системы поддерживать нормальные условия жизнедеятельности населения, обеспечивать достаточные ресурсы для развития народного хозяйства, а также способствовать последовательной реализации национально-государственных интересов. В её основе лежат экономическая независимость, стабильность и прогресс, являющиеся необходимыми предпосылками нормального функционирования экономики. Ключевую роль при этом играют национальные интересы, представляющие сбалансированную совокупность интересов государства, общества в целом и каждого отдельного гражданина.

Необходимо отметить, что сама категория «экономическая безопасность» в современной научной литературе трактуется как сложная и многосоставная категория, включающая в себя не только макроэкономические параметры устойчивости, но и институциональные механизмы, обеспечивающие способность государства эффективно реагировать на внутренние и внешние вызовы. Она отражает степень защищённости жизненно важных интересов личности, общества и государства в экономической сфере, а также способность национальной экономики к самовоспроизводству, адаптации и устойчивому развитию в условиях глобальной конкуренции и нестабильности.

Особое значение при этом придаётся стратегической автономии государства, его способности самостоятельно определять приоритеты экономического роста, формировать и реализовывать независимую политику в сфере ресурсов, занятости, финансов и инноваций. Экономическая безопасность охватывает широкий спектр аспектов – от ресурсной обеспеченности и стабильности воспроизводственных процессов до устойчивости политико-управленческих институтов, способных поддерживать экономическую систему даже в условиях кризисов.

Таким образом, экономическая безопасность выступает неотъемлемым элементом национальной безопасности, формирующим основу для социально-

экономического равновесия, сохранения суверенитета и обеспечения долгосрочной устойчивости развития государства [6, с. 185-188].

В соответствии с Законом Республики Таджикистан «О безопасности» экономическая безопасность страны понимается как состояние защищенности национальной экономики от внутренних и внешних условий, процессов и факторов, ставящих под угрозу её устойчивое развитие и экономическую независимость. Экономическая безопасность при этом трактуется как важнейший компонент национальной безопасности, где гарантии защиты экономических интересов создают необходимую предпосылку для устойчивого развития страны. Фундаментальный критерий здесь – уровень зависимости национальной экономики от доминирующих внешних экономических сил, а также масштабы внутренних политических, социальных и экономических проблем. Если эти факторы достигают критической точки, грозящей утратой суверенитета либо ослаблением военного потенциала и заметным снижением уровня жизни, экономическая безопасность оказывается под угрозой [7].

Оценка уровня экономической безопасности государства требует системного анализа множества факторов, оказывающих как прямое, так и опосредованное влияние на устойчивость национальной экономики. В современной теоретико-практической парадигме можно выделить несколько ключевых детерминант, определяющих состояние и динамику экономической безопасности в долгосрочной перспективе.

Во-первых, геополитические и экономико-географические параметры формируют исходные условия для внешнеэкономической активности и стратегического позиционирования государства на мировой арене. Расположение на пересечении глобальных торговых и логистических путей, доступ к морским портам или энергоносителям, климатические и природно-ресурсные особенности – всё это оказывает критическое воздействие на возможности государства эффективно интегрироваться в международные производственные цепочки и противостоять внешним экономическим шокам.

Во-вторых, институциональная поддержка стратегически важных отраслей выступает необходимым условием формирования внутреннего потенциала устойчивости. Промышленность, энергетика, сельское хозяйство, транспортная и цифровая инфраструктура требуют целенаправленной государственной поддержки и защиты. Без такой ориентации национальная экономика рискует оказаться подверженной деструктивным воздействиям со стороны более конкурентоспособных и структурно организованных внешних акторов.

Третьим значимым фактором является военно-политический и экономический потенциал государства, который выражается в его способности отстаивать национальные интересы в глобальном экономическом пространстве.

Сохранение стратегической автономии невозможно без соответствующего уровня оборонной и технологической мощи, а также политико-правовой субъектности, позволяющей эффективно участвовать в формировании международных правил и стандартов.

Четвёртый фактор – приоритеты государственной экономической политики. Именно они задают вектор развития ключевых секторов, определяют объёмы и направления бюджетного финансирования, формируют стимулы и барьеры для внутреннего производства, инновационной деятельности и предпринимательства. Рациональный выбор стратегических приоритетов обеспечивает формирование долгосрочной конкурентоспособности национальной экономики.

Структура валового внутреннего продукта (ВВП) и её территориальные и отраслевые компоненты, будучи пятой определяющей категорией, свидетельствуют о сбалансированности и устойчивости экономической модели. Преобладание сырьевых или внешнеориентированных секторов повышает уязвимость экономики перед внешней конъюнктурой. Напротив, наличие развитой, внутренне диверсифицированной производственной базы способствует снижению системных рисков.

Наконец, уровень сформированных резервов стратегически значимых ресурсов (в том числе продовольственных, топливных, технологических) напрямую отражает способность экономики функционировать в условиях внешних санкций, катастроф, конфликтов или глобальных кризисов. Государство, обладающее необходимыми запасами, приобретает критическое преимущество в условиях нестабильности и может рассчитывать на большую гибкость в принятии решений [6, с. 185-188].

Исходя из этого, можно утверждать, что экономическая безопасность – это не статическое состояние, а динамическая система, зависящая от способности государства выстраивать устойчивые связи между вышеописанными факторами. Она требует не только адекватного реагирования на угрозы, но и системного предвосхищения рисков, стратегического планирования и готовности к самостоятельному действию в условиях неопределённости. Только при наличии подобного комплексного подхода возможна реализация подлинно суверенной экономической политики, способной обеспечить национальные интересы в долгосрочной перспективе.

В контексте правового и стратегического осмысления экономической безопасности целесообразно рассматривать её как многокомпонентную систему, каждая из частей которой играет свою функциональную роль в обеспечении устойчивости, независимости и конкурентоспособности национального хозяйства. Анализ ключевых структурных элементов экономической

безопасности позволяет не только выявить уязвимые зоны, но и сформировать основу для разработки комплексной государственной политики в данной сфере. ключевыми составляющими которой являются следующие компоненты:

1. Технологический компонент – представляет собой фундамент инновационной устойчивости страны. Уровень научно-технического потенциала, способность к разработке и внедрению передовых технологий определяют позиции государства в системе глобального разделения труда. В условиях цифровизации и технологической конкуренции доступ к интеллектуальной собственности, развитие системы патентования и трансферта технологий становятся не просто элементами научной политики, а юридически значимыми инструментами защиты экономического суверенитета. Отсюда вытекает необходимость государственно стимулируемой технологической автономии, в том числе в критически важных секторах.

2. Технико-производственный компонент – отражает адаптивную способность национального хозяйства реагировать на кризисные ситуации. Устойчивость производственных цепочек, способность к диверсификации и локализации производств, уровень модернизации оборудования – всё это определяет не только стабильность экономических процессов, но и их способность к восстановлению в условиях внешнего давления. Таким образом, производственная гибкость и автономность становятся условием экономической устойчивости и национальной безопасности.

3. Валютно-кредитный компонент – обусловлен состоянием финансовой системы и механизмами регулирования потоков капитала. Способность государства эффективно управлять внутренними и внешними заимствованиями, поддерживать доверие к национальной валюте и обеспечивать ликвидность банковской системы – это не только финансовая задача, но и элемент политико-правовой стабильности. Особенно важно подчеркнуть, что экономическая безопасность напрямую связана с доверием граждан и инвесторов к национальным финансовым институтам.

4. Сырьевой компонент – заключается в обеспеченности экономики стратегически важными ресурсами. Контроль над доступом к минерально-сырьевым базам, развитие перерабатывающих мощностей, рациональное недропользование и юридические механизмы недопущения утраты контроля над ресурсными активами – всё это формирует критическую опору экономической самодостаточности. В современных условиях сырье не только основа производства, но и геополитический фактор.

5. Энергетический компонент – отражает способность государства обеспечивать непрерывное снабжение энергетикой, адаптируясь к колебаниям мировых цен и геополитическим рискам. Энергетическая независимость,

диверсификация источников энергии, внедрение «зелёных» технологий и устойчивость инфраструктуры – всё это становится приоритетами национальной политики. Без энергетической самодостаточности невозможно построить экономику, устойчивую к внешним шокам и санкционному давлению.

6. Экологический компонент – в условиях растущего экологического давления приобретает особую значимость. Экономика, наносящая ущерб окружающей среде, не может считаться устойчивой. Экологическая безопасность требует правовых механизмов предотвращения деградации экосистем, рационального природопользования и оценки экологических рисков при планировании развития. Поддержание экологического баланса становится не просто задачей охраны природы, а компонентом устойчивого воспроизводства экономического потенциала.

7. Информационной компонент – формирует интеллектуальный контур экономической безопасности. Эффективный оборот информации, сохранение коммерческой тайны, кибербезопасность и развитие цифрового суверенитета напрямую влияют на конкурентоспособность. Стремительный рост доли нематериальных активов в структуре национального богатства требует юридического сопровождения процессов цифровой трансформации и защиты интеллектуальной собственности [6, с. 185-188].

Исходя из изложенного, можно утверждать, что экономическая безопасность выступает одним из ключевых факторов, определяющих суверенитет и стабильное развитие любого государства. Её обеспечение требует комплексного подхода, включая технологическую модернизацию, укрепление финансовой системы, формирование стратегических резервов, рациональное использование природных ресурсов и экологически ответственный курс. Кроме того, важное значение имеет совершенствование законодательной базы и повышение эффективности государственных институтов, которые должны своевременно и адекватно реагировать на внешние и внутренние угрозы.

В совокупности эти меры позволяют сформировать устойчивую экономическую систему, способную не только поддерживать нормальные условия для жизнедеятельности населения, но и обеспечивать долгосрочное конкурентное преимущество страны на международной арене. Именно такой подход к экономической безопасности создаёт необходимые предпосылки для гармоничного социально-экономического развития, укрепления национального потенциала и сохранения суверенитета государства.

Учитывая вызовы и угрозы, сопряжённые с усилением процессов глобализации, задача сохранения и укрепления экономического суверенитета приобретает статус одного из ключевых направлений национальной стратегии. Экономический суверенитет в современных условиях выступает не только как

основа независимости государства, но и как гарантия его способности реализовывать внутренние приоритеты, не подчиняясь внешнему диктату. В этом контексте определяются ряд системных условий, без которых невозможно достижение устойчивого и самостоятельного развития.

Первое условие – стратегическое планирование. Продуманная долгосрочная программа социально-экономического развития, ориентированная на формирование внутренней производственной базы, развитие высокотехнологичных отраслей и рациональное распределение ресурсов, служит основой для обеспечения экономической устойчивости. Только целенаправленная стратегия, опирающаяся на национальные интересы, способна противостоять деструктивному влиянию конъюнктурных внешних факторов.

Вторым определяющим фактором является эффективность государственных институтов. Способность публичной власти оперативно реагировать на кризисные вызовы, обеспечивать надёжную реализацию экономической политики и гарантировать правовую стабильность формирует доверие со стороны общества и делового сообщества. Без институциональной дееспособности любые экономические программы теряют практическую значимость.

Третье – социальная ориентированность государства. Экономическая модель, в центре которой находятся интересы и благосостояние граждан, обеспечивает не только внутреннюю стабильность, но и высокую степень социальной консолидации, необходимую для противостояния внешнему экономическому и политическому давлению.

Четвёртым условием является автономия в проведении экономической политики. Возможность суверенного определения налогово-бюджетной, инвестиционной, аграрной, энергетической и инфраструктурной повестки без внешнего навязывания стандартов и решений – ключ к выстраиванию национальной экономической модели, адаптированной к внутренним реалиям.

Пятое условие – самодостаточность системы воспроизводства. Это означает способность экономики генерировать внутренние ресурсы, обеспечивать продовольственную, энергетическую и индустриальную безопасность, формируя основу для автономного и устойчивого развития в долгосрочной перспективе.

Шестое – активное и равноправное участие в международных экономических отношениях. Эффективная интеграция в мировую экономику возможна лишь на основе соблюдения принципа невмешательства и сохранения ключевых элементов экономического суверенитета. Участие в международных инициативах должно осуществляться не в ущерб внутренним интересам, а с учётом национальной специфики и стратегических целей.

Седьмое – гибкость внешнеэкономической политики. В условиях высокой волатильности глобальных рынков необходимо разрабатывать многоуровневую экспортно-импортную стратегию, обеспечивающую диверсификацию внешнеэкономических связей, защиту национального производителя и адаптацию к изменяющимся условиям международной торговли.

Наконец, восьмое условие – консолидация усилий по защите национальных интересов. Успешное обеспечение экономического суверенитета возможно лишь при взаимодействии государства, бизнеса и гражданского общества. Только объединение усилий по ключевым направлениям, таким как оборонная промышленность, охрана природных ресурсов и поддержание стратегических отраслей, позволит сформировать устойчивую модель национального развития.

Таким образом, хотя глобализация порождает множество вызовов, она же предоставляет и широкие возможности для роста и развития. Наличие грамотной, продуманной и гибкой политики позволяет государствам укреплять свой экономический суверенитет, гармонично вписываясь в мировое экономическое пространство. Суверенитет, и в особенности его экономическая компонента, остаётся фундаментальной ценностью современной системы международного права. Именно он обеспечивает независимый и полноценный выбор направлений развития, а также гарантирует возможность реализации национальных интересов и защиту прав граждан.

В итоге, можно констатировать, что для сохранения и укрепления экономического суверенитета в условиях глобализации государства должны сочетать внутренние реформы с продуманным внешним сотрудничеством, опираясь на принципы международного права и взаимного уважения. Сочетание самостоятельной и социально ориентированной экономической политики, эффективных государственных институтов и стратегического планирования с международным взаимодействием позволит обеспечить стабильное развитие и упрочит роль государства как независимого и полноправного участника мирового сообщества.

Литература

1. Диноршоев А.М. Конституционная экономика [Текст]: / Учебно-методический комплекс / А.М. Диноршоев, Р.Г. Ганиев, С.М. Салохидинова. – Душанбе: Таджикский национальный университет, 2018. – 170 с.
2. Диноршоев А.М., Салохидинова С.М. Понятие и содержание экономического суверенитета, и его обеспечение в условиях глобализации [Текст]: / Правовая жизнь. 2017. – № 3(19). – С. 68-74.
3. Бондарева Е.А. Глобализация и суверенитет государства в экономической сфере [Текст]: / Общество и право. 2016. – № 1 (55). – С. 23-27.

4. Горшенин В.П., Прилукова Е.Г. Формирование экономического суверенитета: философско-экономический очерк [Текст]: / Вестник ЗабГУ. 2013. – № 11(11). – С. 127.
5. Блищенко И.П., Дория Ж. Понятие экономического суверенитета [Текст]: / Правоведение. 2003. – №1. – С. 200.
6. Некрасова Н.А. Сущность понятия "экономическая безопасность" [Текст]: / Н.А. Некрасова // Экономика и управление: анализ тенденций и перспектив развития. 2013. – № 6. – С. 185-188.
7. Закон Республики Таджикистан от 28 июня 2011 г., № 721 «О безопасности» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mmk.tj/ru/legislation/zakon-o-bezopasnosti – Дата обращения: (21.03.2025).

АМНИЯТИ ИҚТИСОДӢ ҲАМЧУН МАФҲУМИ ҲУҚУҚӢ

Салохидинова С.М.
Донишгоҳи миллии Тоҷикистон

Аннотатсия. *Дар мақола амнияти иқтисодӣ ҳамчун як мафҳуми мустақили ҳуқуқӣ баррасӣ мешавад, ки дар шароити ҷаҳонишавӣ нақши калидӣ дар таъмини соҳибихтиёрии давлатӣ мебозад. Муаллиф ба таҳлили заминаҳои назариявию ҳуқуқии мафҳуми амнияти иқтисодӣ, робитаи он бо соҳибихтиёрии иқтисодӣ ва манфиатҳои миллӣ пардохта, таҳдидҳои дохилию хориҷиро, ки ба ин раванд таъсир мерасонанд, мавриди таҳлил қарор медиҳад. Дар охир зарурати банақшагирии стратегӣ, сиёсати самараноки давлатӣ ва ҳифзи манфиатҳои миллӣ ҳамчун воситаи ташкили иқтисоди мустаҳкаму рақобатпазир таъкид мегардад.*
Калидвожаҳо: *амнияти иқтисодӣ, соҳибихтиёрии иқтисодӣ, соҳибихтиёрии давлатӣ, манфиатҳои миллӣ, ҷаҳонишавӣ, корпоратсияҳои фаромиллӣ, банақшагирии стратегӣ, танзими ҳуқуқӣ.*

ECONOMIC SECURITY AS A LEGAL CATEGORY

Salokhidinova S.M.
Tajik National University

Annotation. *The article examines economic security as an independent legal category that plays a pivotal role in ensuring state sovereignty under conditions of globalization. It analyzes the theoretical and legal foundations of the concept, its connection with economic sovereignty, national interests, and sustainable development. Particular attention is paid to internal and external threats affecting economic security, as well as integrated mechanisms for its protection. The author substantiates the necessity of strategic planning, effective state policy, and safeguarding national interests to build a stable and competitive economy.*
Keywords: *economic security, economic sovereignty, state sovereignty, national interests, globalization, transnational corporations, strategic planning, legal regulation.*

***Сведения об авторе*: Салохидинова Симо Махмадиевна** – к.ю.н., доцент кафедры конституционного и административного права юридического факультета Таджикского национального университета, город Душанбе, Республика Таджикистан. **Тел.:** (+992 93) 101 19 79. **E–mail:** simo_s@mail.ru.

УДК 342

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ В СИСТЕМЕ ОРГАНИЗАЦИИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Карим М.Б.
Таджикский национальный университет

Аннотация. *В статье рассматриваются особенности правового положения Министерства юстиции Республики Таджикистан в системе исполнительной власти. Анализируются научные подходы к понятию исполнительной власти и её институционального выражения. Выделены основные направления деятельности Министерства юстиции, его полномочия в сфере нормотворчества, правовой экспертизы, регистрации общественных объединений и контроля за ведомственными актами. Подчёркивается особая роль Министерства в обеспечении правопорядка и правовой политики в условиях построения демократического правового государства.*

Ключевые слова: *исполнительная власть, органы юстиции, Министерство юстиции, правовая политика, государственное управление, Республика Таджикистан, нормотворчество, регистрация, правовой порядок.*

Государственная власть в Республике Таджикистан, в соответствии со статьёй 9 Конституции, реализуется на основе принципа разделения на три самостоятельные, но взаимодействующие между собой ветви – законодательную, исполнительную и судебную. Такое институциональное разграничение направлено на обеспечение эффективного функционирования государственной системы, недопущение концентрации власти в одном из звеньев, а также соблюдение баланса интересов различных государственных структур. Исполнительная власть, являясь одной из центральных составляющих механизма государственной власти, выполняет ключевую роль в реализации государственной политики, обеспечении законности, охране прав и свобод граждан, а также в оперативном управлении социально-экономическими и иными процессами, происходящими в обществе.

Самостоятельный характер исполнительной власти проявляется в наличии собственной системы органов, структуры, правовой основы деятельности и в функциональной специфике, отличающей её от законодательной и судебной ветвей. Она обладает комплексом организационно-распорядительных и контрольных полномочий, направленных на претворение в жизнь решений, принятых на законодательном уровне, а также на реализацию стратегических целей государства. При этом функционирование исполнительной власти осуществляется в рамках института сдержек и противовесов, что предполагает взаимный контроль, взаимодействие и координацию действий с другими

ветвями власти. Такой подход служит гарантией недопущения произвола, укрепления правопорядка и поддержания демократических основ государственного устройства.

Таким образом, исполнительная власть в Республике Таджикистан представляет собой неотъемлемый элемент системы государственной власти, нацеленный на практическую реализацию правовых норм и программ развития, утверждённых законодательной ветвью, при соблюдении принципов законности, подотчётности и взаимной ответственности перед обществом и государством [1].

Термин «исполнительная власть» вошёл в обиход отечественного законодательства в постсоветский период, преимущественно в 1990-х годах, в условиях формирования новой модели государственного управления, основанной на демократических принципах и институциональном разделении властей. Однако, несмотря на широкое распространение в нормативных актах и официальных документах, в научной литературе до настоящего времени не сложилось единого, общепринятого подхода к содержательному определению данного понятия. Это связано с многоаспектностью исполнительной власти, её междисциплинарным характером и разнообразием функций, которые она выполняет в современных государствах.

Ряд авторитетных исследователей, в частности А.А. Алексеев, С.П. Покровский и Д.Н. Бахрах, акцентируют внимание на синонимичности понятий «исполнительная власть», «административная власть» и «правительственная власть», рассматривая её как разновидность организованной и институционализированной распорядительной деятельности государства [2; 3; 4]. В рамках юридической доктрины «административная власть» трактуется как способность издавать обязательные к исполнению предписания, обеспеченные государственным принуждением. В свою очередь, политологическая традиция рассматривает её как систему публичной администрации – совокупность институтов, осуществляющих текущее руководство общественными процессами от имени государства. Таким образом, исполнительная власть приобретает двухуровневое значение: как юридическая категория она характеризуется правом на принятие властных решений в пределах установленной компетенции, а как политико-управленческая – как инструмент оперативного управления государственными и общественными делами.

Содержательно исполнительная власть охватывает широкий спектр управленческих задач, включая организацию исполнения законов, реализацию социально-экономических программ, защиту общественного порядка, охрану прав и свобод граждан, а также развитие правовой и институциональной инфраструктуры. Органы, наделённые исполнительной властью, формируют

структурный каркас государственного аппарата, функционирующего на принципах иерархии, подведомственности и правовой ответственности.

В научной мысли, в том числе в работах таджикских исследователей, таких как А.М. Диноршоев, Б.Х. Раззаков и Х.О. Ойев, органы исполнительной власти рассматриваются как специализированные государственные структуры, предназначенные для оперативной реализации политико-управленческих решений, принимаемых в рамках единой государственной стратегии [5; 6; 7]. Эти органы обладают правосубъектностью, государственно-властными полномочиями, собственными ресурсами и механизмами воздействия, позволяющими эффективно выполнять возложенные функции. Закон Республики Таджикистан «О системе органов государственного управления» закрепляет, что исполнительный орган – это государственная организация, осуществляющая управление в пределах компетенции, установленной нормативными правовыми актами [8]. Тем самым законодатель подчёркивает нормативную определённость и правовую легитимность функционирования исполнительных структур.

С учетом вышеизложенного, можно утверждать, что несмотря на методологическое и терминологическое разнообразие в подходах к определению исполнительной власти, в научной и практической плоскости складывается устойчивая концепция, согласно которой исполнительная власть – это особый вид государственной власти, направленный на реализацию законов и проведение государственной политики посредством организационно-распорядительной и контрольной деятельности. Она характеризуется институциональной структурированностью, нормативной определённостью компетенции, подконтрольностью и подотчётностью, а также приоритетом интересов публичного управления.

Таким образом, исполнительная власть в Республике Таджикистан, как и в других правовых государствах, представляет собой не просто административную подсистему, а сложный многофункциональный механизм, обеспечивающий взаимодействие государства с обществом.

Органы юстиции занимают стратегически важное положение в системе исполнительной власти, поскольку на их деятельность возложены функции, одновременно связанные с формированием государственной правовой политики и обеспечением режима законности. Их институциональный статус предполагает участие в ключевых направлениях правового регулирования, что делает систему юстиции важнейшим элементом государственного механизма. В современных условиях, когда правовая система Республики Таджикистан переживает этап институционального укрепления и нормативного обновления,

эффективность и устойчивость органов юстиции становятся определяющими факторами правового развития и политической стабильности общества.

Согласно Закону Республики Таджикистан «Об органах юстиции», структура органов юстиции представляет собой многоуровневую систему, включающую в себя центральный аппарат Министерства юстиции, Главное управление исполнения уголовных наказаний, региональные управления юстиции, а также подведомственные учреждения и организации различного профиля [9]. Такая комплексная организация позволяет обеспечивать реализацию правовой политики на всей территории государства, охватывая как централизацию управленческих решений, так и децентрализацию их исполнения. Компетенция органов юстиции охватывает важнейшие направления – нормотворческую деятельность, правовую экспертизу и систематизацию законодательства, государственную регистрацию юридических лиц, актов гражданского состояния, общественных объединений, а также правовое просвещение и международно-правовое сотрудничество.

Центральное место в системе органов юстиции принадлежит Министерству юстиции, которое выступает в роли координатора и регулятора правовой политики государства. Будучи структурой исполнительной власти, Министерство не только реализует функции правового обеспечения государственного управления, но и активно участвует в разработке и внедрении нормативных правовых актов. Оно действует на основе Конституции Республики Таджикистан, Закона «Об органах юстиции», Положения о Министерстве юстиции, а также иных нормативных актов, определяющих его организационно-правовой статус и полномочия [1; 9]. В круг его задач входят разработка государственной правовой стратегии, проведение правовой экспертизы проектов нормативных правовых актов, организация регистрации юридических лиц и общественных объединений, координация нормотворческой деятельности других органов исполнительной власти, а также обеспечение правового сопровождения международных договоров и обязательств.

Особое значение имеет участие Министерства в законодательной деятельности: по поручению Президента или Правительства оно разрабатывает проекты нормативных актов, а также осуществляет обязательную государственную регистрацию ведомственных правовых актов, в том числе тех, что затрагивают права и свободы граждан [10]. Это придаёт деятельности Министерства не только юридико-технический, но и политико-правовой характер, поскольку через его функции реализуется контроль над правомерностью и обоснованностью содержания нормативного регулирования.

Кроме того, Министерство юстиции выполняет важную миссию в сфере контроля за деятельностью общественных объединений, религиозных

организаций и других субъектов гражданского общества. В условиях укрепления политического плюрализма и развития демократических институтов данное направление деятельности приобретает особую актуальность. Министерство осуществляет юридическую регистрацию объединений и надзор за соблюдением ими законодательства, обеспечивая тем самым реализацию конституционного принципа свободы объединений при одновременном соблюдении требований национальной безопасности и стабильности правового порядка [11]. Законодательство устанавливает ограничения на деятельность объединений, цели которых противоречат основам конституционного строя, что позволяет государству реализовывать механизм превентивного правового реагирования на потенциальные угрозы.

Таким образом, Министерство юстиции выступает в качестве системообразующего института в механизме исполнительной власти, обеспечивая единство правового пространства, согласованность и прозрачность правоприменительной практики. Его деятельность оказывает комплексное влияние на всю структуру государственного управления, способствуя формированию устойчивой правовой культуры, институциональному доверию и легитимности государственного регулирования. Правовой статус Министерства опосредован не только функциональной нагрузкой, но и политико-правовой ответственностью, возложенной на него в рамках правовой системы Республики Таджикистан.

На основе проведённого анализа можно сделать ряд обобщающих и концептуальных выводов, характеризующих исполнительную власть в Республике Таджикистан, её институциональные особенности, правовую природу и функциональную направленность, а также определить значение Министерства юстиции как ключевого субъекта правовой политики в рамках системы исполнительной власти.

Во-первых, исполнительная власть в Республике Таджикистан выступает как функционально обособленная и юридически оформленная ветвь государственной власти, обладающая собственным механизмом реализации властных полномочий. Её институциональное ядро составляют органы, наделённые распорядительными, организационно-управленческими и контрольными функциями, направленными на исполнение законов и практическое воплощение политических и социально-экономических стратегий государства. Отсюда вытекает главный методологический тезис: исполнительная власть является не только инструментом оперативного управления, но и важнейшим механизмом правоприменения, способным оказывать трансформирующее воздействие на общественные процессы.

Во-вторых, несмотря на терминологическое и понятийное разнообразие в научной литературе, в теоретико-правовой плоскости постепенно складывается концепция исполнительной власти как универсального управленческого механизма, действующего на основе правового регламентирования, подчинённости закону и принципу подотчётности. Признание исполнительной власти в качестве самостоятельной ветви не отменяет её тесной взаимосвязи с другими властными институтами, что отражает идею системности государственного управления и согласованности в рамках модели разделения властей. Это позволяет говорить о зрелости таджикской правовой системы в аспекте институционального разграничения компетенций.

В-третьих, органы юстиции, как часть системы исполнительной власти, представляют собой специализированные государственные институты, направленные на укрепление правовой основы функционирования общества. Их значимость заключается не только в обеспечении законности, но и в формировании современной правовой инфраструктуры, способной адекватно реагировать на вызовы глобализации, цифровизации и трансформации публичной власти. Таким образом, юстиция – это не просто подотрасль государственной деятельности, а правовой институт, обеспечивающий устойчивость государственно-правового порядка и реализацию принципа верховенства закона.

В-четвёртых, Министерство юстиции, являясь центральным органом системы юстиции, аккумулирует в себе координирующие, регулятивные, экспертные и нормотворческие функции, что придаёт ему комплексный характер. Оно выступает не только как технический координатор правовой работы в стране, но и как активный субъект правовой политики, обладающий полномочиями в сфере разработки, экспертизы, регистрации и реализации нормативных правовых актов. Его участие в законотворческом процессе и контроль за деятельностью общественных объединений свидетельствуют о высоком уровне институциональной вовлечённости в процессы демократического строительства.

В-пятых, особую значимость приобретает деятельность Министерства юстиции в контексте правового сопровождения политического плюрализма, религиозной и гражданской активности. Реализация функции регистрации и надзора за объединениями, соблюдение баланса между свободой ассоциаций и требованиями национальной безопасности – всё это требует высокой правовой культуры, прозрачности процедур и соблюдения международных стандартов в области прав человека. В этой связи роль Министерства как гаранта правовой стабильности становится стратегически значимой.

В заключение следует отметить, что устойчивое развитие института исполнительной власти в Республике Таджикистан требует дальнейшей институционализации, модернизации механизмов управления и совершенствования нормативной базы. Особое внимание должно уделяться укреплению независимости органов юстиции, их кадровому потенциалу, цифровой трансформации административных процессов и внедрению международных правовых стандартов.

Литература

1. Конституция Республики Таджикистан от 6 ноября 1994 года (с изменениями и дополнениями).
2. Алексеев А.А. Министерская власть: история и теория [Текст]: / – Москва: Наука, 1996.
3. Покровский С.П. Очерки по теории государства и права [Текст]: / – Москва: Статут, 2003.
4. Бахрах Д.Н. Исполнительная власть в Российской Федерации [Текст]: / – Москва: Юристъ, 2000.
5. Диноршоев А.М., Марифхонов Р.Н., Кодиров Дж.Ш. Административное право Республики Таджикистан [Текст]: учебное пособие. – Душанбе: ЭР-граф, 2016. – 210 с.
6. Раззоков Б.Х. Проблемы теории и практики организации исполнительной власти в Республике Таджикистан [Текст]: / дис. … д-ра юрид. наук. – Москва, 2014. – 427 с
7. Ойев Х.О. Ҳуқуқи маъмурии Ҷумҳурии Тоҷикистон (қисми 1) [Матн]: – Душанбе, 2013. – 320 с.
8. О системе органов государственного управления Республики Таджикистан: Закон РТ от 10 апреля 2004 г. № 65 // Ахбори Маджлиси Оли РТ. 2004. – №4. – Ст. 225.
9. Об органах юстиции Республики Таджикистан: Закон РТ от 20 марта 2008 г. № 387 // Ахбори Маджлиси Оли РТ. 2008. – № 3. – Ст. 162.
10. Об учреждении Государственного реестра юридических актов Республики Таджикистан: Указ Президиума Верховного Совета РТ от 5 августа 1994 г. № 310 // Ведомости Верховного Совета РТ. 1994. – № 17. – Ст. 219.
11. Об общественных объединениях: Закон РТ от 8 дек. 1995 г. № 105 // Ахбори Маджлиси Оли РТ. 1996. – № 1. – Ст. 5.

ХУСУСИЯТҲОИ МАҚОМИ ҲУҚУҚИИ ВАЗОРАТИ АДЛИЯ ДАР НИЗОМИ ТАШКИЛИ ҲОКИМИЯТИ ИҶРОИЯИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН

Карим М.Б.
Донишгоҳи миллии Тоҷикистон

Аннотатсия. *Дар мақола хусусиятҳои мақоми ҳуқуқии Вазорати адлияи Ҷумҳурии Тоҷикистон дар низоми ҳокимияти иҷроия мавриди баррасӣ қарор дода шудаанд. Назариёҳои илмӣ оид ба мафҳуми ҳокимияти иҷроия ва ифодаи сохтории он таҳлил мегарданд. Самтҳои асосии фаъолияти Вазорати адлия, салоҳиятҳои он дар соҳаи қонунгузорӣ, экспертизаи ҳуқуқӣ, бақайдгирии иттиҳодияҳои ҷамъиятӣ ва назорат аз болои санадҳои идоравӣ муайян карда шудаанд. Нақши махсуси Вазорат дар таъмини тартиботи ҳуқуқӣ ва сиёсати ҳуқуқӣ дар шароити бунёди давлати демократии ҳуқуқбунёд таъкид мегардад.*
Калидвожаҳо: *ҳокимияти иҷроия, мақомоти адлия, Вазорати адлия, сиёсати ҳуқуқӣ, идораи давлатӣ, Ҷумҳурии Тоҷикистон, қонунгузорӣ, бақайдгирӣ, тартиботи ҳуқуқӣ.*

FEATURES OF THE LEGAL STATUS OF THE MINISTRY OF JUSTICE IN THE SYSTEM OF EXECUTIVE POWER OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Karim M.B.
Tajik National University

Annotation. *The article examines the legal status of the Ministry of Justice of the Republic of Tajikistan within the executive power system. It analyzes scholarly approaches to the concept of executive power and its institutional manifestation. The main areas of activity of the Ministry of Justice are identified, including its powers in law-making, legal expertise, registration of public associations, and control over departmental acts. The special role of the Ministry in ensuring legal order and implementing legal policy is emphasized in the context of building a democratic rule-of-law state.*
Keywords: *executive power, justice bodies, Ministry of Justice, legal policy, public administration, Republic of Tajikistan, law-making, registration, legal order.*

***Сведения об авторе*: Карим Мухаммад Бахридин** – доктор PhD кафедры конституционного и административного права юридического факультета Таджикского национального университета, город Душанбе, Республика Таджикистан. **Тел.:** (+992 90) 121 72 82. **E–mail:** karimmbsms@mail.ru.

УДК 342

СПЕЦИФИКА ПРАВОВОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ ОБЯЗАННОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Вализода Ш.О.
Таджикский национальный университет

Аннотация. *В статье рассматриваются особенности правового закрепления обязанностей человека и гражданина в Конституции Республики Таджикистан. Анализируется историко-правовая эволюция данного института от советской модели к современному демократическому конституционализму. Особое внимание уделяется универсализации обязанностей, устранению идеологической нагрузки и гармонизации с международными правовыми стандартами. Автор обосновывает, что конституционные обязанности в Таджикистане представляют собой неотъемлемый элемент правового статуса личности и важнейший инструмент укрепления правопорядка, гражданской солидарности и устойчивого развития государства.*

Ключевые слова: *конституционные обязанности, Республика Таджикистан, правовой статус личности, правопорядок, правовое государство, международные стандарты.*

Правовое закрепление обязанностей человека и гражданина в Конституции Республики Таджикистан представляет собой результат продолжительного историко-правового развития, в ходе которого на различных этапах формировались правовые подходы, обусловленные как социально-политическим устройством государства, так и эволюцией научно-доктринальных представлений о роли личности в системе публичной власти. В нормативной конструкции действующей Конституции Республики Таджикистан отчетливо прослеживается синтез советского правового наследия и принципов постсоветского конституционализма, ориентированного на становление демократического правопорядка и укрепление института прав человека.

Следует подчеркнуть, что в условиях социалистического правопонимания обязанности человека и гражданина рассматривались преимущественно сквозь призму их политико-идеологического содержания. Советская правовая доктрина закрепляла приоритет коллективного интереса над индивидуальным, что предопределяло высокую степень нормативной регламентации обязанностей, включавших в себя, помимо традиционных (например, защита Отечества, трудовая обязанность), также и так называемые морально-идеологические предписания: соблюдение правил социалистического общежития, уважение общественного порядка, активное участие в жизни коллектива и др [1].

Эти обязанности, как правило, не только носили императивный характер, но и выполняли функцию социокультурной адаптации личности к идеологической

модели государства. Тем самым происходило расширение юридического поля за пределы правового регулирования в собственном смысле: обязательства приобретали форму «гражданского долга», лишённого механизма юридического принуждения, но поддерживаемого моральным и общественным давлением.

Переход Республики Таджикистан к новым конституционным основам после обретения независимости сопровождался концептуальной переоценкой роли обязанностей в системе взаимоотношений личности, общества и государства. Конституция 1994 года, несмотря на определённую преемственность по отношению к республиканским советским актам, заложила новые подходы к пониманию обязанностей как одного из структурных элементов правового статуса личности. Так, в соответствии со статьёй 5 Конституции, каждый обязан соблюдать Конституцию и законы Республики Таджикистан, уважать права, свободы, честь и достоинство других лиц. Это положение отражает фундаментальный принцип правового государства – подчинение правовой норме всех субъектов общественных отношений, в том числе и граждан.

Отличительной чертой современного регулирования является то, что обязанности больше не представляют собой форму политической мобилизации или инструмент государственной идеологии. Напротив, они приобрели характер объективных правовых требований, обеспечивающих устойчивость правового порядка и взаимодействие между различными уровнями социальной организации. Конституционно закреплённые обязанности – такие как защита Отечества, уплата налогов, охрана природы – направлены на обеспечение общественно значимых интересов, а также на формирование у граждан сознания сопричастности к судьбе государства и общества [2].

Важно отметить, что современная правовая модель исходит из равной обязанности каждого лица независимо от его социального положения, происхождения, политических взглядов или иных различий. В этом заключается качественный сдвиг от прежней классово-селективной модели, при которой субъектами определённых обязанностей могли быть исключительно представители «трудящихся классов». Таким образом, современное конституционное регулирование фиксирует всеобщность и недискриминационность обязанностей, что соответствует международным правовым стандартам [3, с. 160].

Переосмысление правовой природы обязанностей в таджикском конституционализме проявляется и в том, что они больше не противопоставляются правам, а, напротив, рассматриваются как их необходимое функциональное дополнение. Обязанности формируют внешние границы реализации прав и свобод личности, предотвращая их превращение в произвол. Более того, они способствуют обеспечению равновесия между индивидуальным

и публичным началом в правовом регулировании. В этом контексте можно говорить о формировании новой правовой философии обязанностей, в которой их исполнение не только обусловлено страхом перед санкцией, но и внутренне мотивировано осознанием общественной значимости каждого действия.

Таким образом, закрепление обязанностей человека и гражданина в Конституции Республики Таджикистан отражает качественно иной уровень правового сознания и нормативной культуры. Это уже не рудимент тоталитарного прошлого, а важнейший элемент демократического правопорядка, который служит основой для эффективного взаимодействия между государством и гражданским обществом. Конституционные обязанности в таком контексте представляют собой не только средство правового воздействия, но и элемент формирования конституционной идентичности личности – гражданина, осознающего свою ответственность перед обществом и государством.

Следовательно, специфика правового закрепления обязанностей в Конституции Республики Таджикистан заключается не только в их юридической формализации, но и в идейном наполнении, правовой логике и направленности на реализацию принципов правового государства. Они представляют собой системный элемент, обеспечивающий интеграцию личности в правовое пространство государства, способствуют поддержанию общественного согласия и служат важной гарантией устойчивого развития республики в целом [4].

Существенным этапом в процессе нормативной кодификации обязанностей человека и гражданина в Республике Таджикистан стало включение в текст Конституции положений, закрепляющих обязанность каждого гражданина участвовать в обеспечении функционирования государства посредством уплаты налогов и сборов. Данная норма отражает не только юридическую обязанность как элемент правового статуса личности, но и глубокую идею гражданской ответственности, предполагающую осознание каждым субъектом своей роли в финансировании деятельности государственных институтов. Таким образом, налоговая обязанность предстает в качестве правового механизма, обеспечивающего финансовую устойчивость государства, реализацию публичных функций и достижение социально значимых целей.

Наряду с обязанностью по уплате налогов, Конституция Республики Таджикистан содержит и другие императивные предписания, имеющие важное значение как для функционирования правового государства, так и для воспроизводства общественных ценностей. В частности, в числе конституционных обязанностей закреплены: охрана природы и окружающей среды, забота о родителях, а также обязанность по защите Отечества. Эти положения представляют собой не только юридически значимые ориентиры для

поведения граждан, но и инструмент легитимации морально-этических начал в структуре позитивного права [5].

Анализ содержания указанных обязанностей позволяет утверждать, что таджикская конституционная модель исходит из принципа социального баланса между личным и общественным. Обязанности направлены на охрану таких базовых ценностей, как семейные отношения, экология, национальная безопасность и экономическая стабильность. Они неразрывно связаны с признанием социальной природы человека и необходимости его интеграции в общественные и государственные процессы. В этом контексте обязанности приобретают не только правовую, но и социокультурную значимость, так как формируют основу социальной солидарности и укрепляют механизмы взаимной ответственности между государством и гражданином.

Отдельного внимания заслуживает вопрос механизмов реализации конституционных обязанностей в правовой системе Таджикистана. В отличие от прежнего (советского) этапа, где реализация обязанностей обеспечивалась в основном средствами принуждения и идеологического давления, современная модель опирается на комплексную нормативную и институциональную базу [4]. Исполнение обязанностей обеспечивается не столько репрессивным, сколько превентивным и регулятивным потенциалом права, включающим в себя:

- развитие текущего законодательства, детализирующего механизмы исполнения соответствующих обязанностей;
- создание эффективных процедур правоприменения, включая административные и судебные механизмы;
- формирование правовой культуры, основанной на знании и добровольном следовании нормам права;
- институты правового просвещения и общественного контроля.

Такой подход демонстрирует переход от формального декларирования обязанностей к институциональному обеспечению их реализации, что, в свою очередь, свидетельствует о становлении в Таджикистане модели «ответственного гражданства» как одного из элементов демократического правопорядка. В рамках этой модели обязанность рассматривается не как внешне навязанное предписание, а как форма активного участия индивида в общественной и государственной жизни, проявление гражданской зрелости и правовой интеграции.

Важным аспектом является также деполитизация и деидеологизация обязанностей. Современное правовое регулирование стремится к нейтральному, рациональному обоснованию каждой обязанности, исключая элементы морального принуждения, характерные для социалистического правопонимания. Таким образом, конституционные обязанности в

Таджикистане формируются не как продолжение идеологического курса государства, а как выражение объективных потребностей устойчивого общественного развития и принципов социального партнерства [4].

В совокупности всё это позволяет рассматривать конституционные обязанности не просто как юридическую категорию, а как отражение более широкого социально-правового феномена – взаимодействия личности, общества и государства в условиях утверждения правопорядка, основанного на балансе прав и обязанностей. Именно такая функциональная и содержательная трансформация института обязанностей свидетельствует о правовой зрелости таджикского конституционализма и его способности адаптироваться к вызовам современности без утраты правовой идентичности.

Таким образом, специфика правового закрепления обязанностей человека и гражданина в Конституции Республики Таджикистан на современном этапе проявляется в ряде принципиально значимых аспектов, отражающих трансформацию подходов к институционализации правового статуса личности и общую направленность конституционного развития государства.

Прежде всего, следует отметить нормативную универсализацию обязанностей, которая выражается в их адресности каждому гражданину без какой-либо дискриминации по признакам социального, имущественного или иного статуса. Это означает, что конституционные обязанности обладают всеобщим характером, распространяются на всех без исключения субъектов и реализуют принцип равенства перед законом. Такая универсализация подчеркивает отказ от прежнего классово-ориентированного подхода, характерного для социалистического правопонимания, и способствует формированию неделимого, инклюзивного правового пространства, в котором каждый человек рассматривается как полноправный участник общественных и государственных процессов.

Во-вторых, современная модель закрепления обязанностей в Конституции Таджикистана характеризуется устранением идеологической нагрузки, которая ранее являлась отличительной чертой нормативных конструкций советского периода. Взамен акцент переносится на правовую рационализацию обязанностей, их обоснование через категориальный аппарат правопорядка, общественного интереса и устойчивого функционирования ключевых институтов государства. Конституционные обязанности, таким образом, утрачивают функцию идеологического воспитания и приобретают качество правовых механизмов, направленных на обеспечение взаимодействия между личностью и государством в рамках юридической ответственности и гражданской солидарности.

В-третьих, важной чертой современной модели выступает гармонизация содержания обязанностей с универсальными международными стандартами, закреплёнными в актах глобального и регионального уровня – таких как Всеобщая декларация прав человека 1948 года, Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года и др. Это означает, что при разработке и закреплении положений об обязанностях в Конституции Республики Таджикистан были учтены как международные правовые обязательства государства, так и общепринятые подходы к соотношению прав и обязанностей в правовом статусе личности. Особую значимость в этом контексте имеет то, что обязанности не ограничивают реализацию прав и свобод, а напротив – служат инструментом поддержания их законности, недопущения злоупотреблений и создания условий для справедливого распределения правовых благ.

Содержательная трансформация конституционного института обязанностей в Таджикистане свидетельствует о поступательном движении таджикского конституционализма в сторону укрепления модели правового государства, основанной на верховенстве закона, разделении властей, признании и гарантированности прав и свобод личности. Баланс между субъективными правами и обязанностями, в свою очередь, представляет собой важнейшее условие устойчивости правового порядка и подлинной демократической легитимности государственной власти.

Эволюция конституционного регулирования в этом аспекте демонстрирует, что обязанности человека и гражданина перестают рассматриваться как внешнее ограничение свободы и превращаются в элемент самоограничения и правовой автономии личности, сознательно включённой в правовое сообщество. Таким образом, они обретают позитивное содержание, выражающееся в активном участии граждан в общественно значимых процессах – от защиты окружающей среды и историко-культурного наследия до участия в налоговых и оборонных обязанностях [5].

В целом, процесс правового закрепления обязанностей в Конституции Республики Таджикистан можно охарактеризовать как движение от нормативного предписания к социоправовому консенсусу. Обязанности становятся не просто юридическими императивами, но и средствами формирования правовой идентичности личности, интегрированной в систему национального и международного права. Именно в этом контексте следует оценивать потенциал таджикской модели конституционных обязанностей – как института, способного обеспечить не только правовую устойчивость, но и внутреннюю консолидацию общества на основе взаимной ответственности государства и граждан.

Литература

1. Дашкевич А.Л. Конституционно-правовое регулирование обязанностей общественных формирований в условиях конституционного реформирования в Республике Беларусь [Текст]: / А.Л. Дашкевич // Вестник Сургутского государственного университета. 2024. – Т. 12, № 4. – С. 128-135.
2. Ишимов И.А. Понятие, признаки и структура механизма исполнения конституционных обязанностей государства [Текст]: / И.А. Ишимов // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. – № 29(244). – С. 42-47.
3. Эбзеев Б.С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности [Текст]: / М.: Норма, 2008. – С. 160.
4. Диноршоев А.М. Конституционные основы регламентации и реализации прав и свобод человека и гражданина в Республике Таджикистан [Текст]: специальность 12.00.02 «Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право»: диссертация на соискание ученой степени док.юрид.н. / Диноршоев Азиз Мусоевич, 2015. – 535 с.
5. Имомов А.И. Ҳуқуқи конститутсионии Ҷумҳурии Тоҷикистон [Матн]: / – Душанбе, 2017. – 760 с.

ХУСУСИЯТИ ТАҲКИМИ ҲУҚУҚИИ УҲДАДОРИҲОИ ИНСОН ВА ШАҲРВАНД ДАР КОНСТИТУТСИЯИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН

Вализода Ш.О.
Донишгоҳи миллии Тоҷикистон

Аннотатсия. *Дар мақола хусусиятҳои ҳуқуқии муқаррароти уҳдадориҳои инсон ва шаҳрванди Ҷумҳурии Тоҷикистон дар Конститутсия таҳлил мегардад. Равандҳои таърихӣ ва ҳуқуқии таҳаввули ин падида аз низоми шӯравӣ то конститутсионализми демократии муосир баррасӣ мешаванд. Муаллиф ба умумигардонии уҳдадориҳо, барҳам додани ҷанбаи идеологӣ ва мутобиқати онҳо бо меъёрҳои байналмилалии ҳуқуқӣ диққати махсус медиҳад. Нишон дода мешавад, ки уҳдадориҳои конститутсионӣ унсури ҷудонопазири мақоми ҳуқуқии шахс ва василаи муҳими таъмини тартиботи ҳуқуқӣ ва таҳкими масъулияти шаҳрвандӣ мебошанд.*

Калидвожаҳо: *ӯҳдадориҳои конститутсионӣ, Ҷумҳурии Тоҷикистон, мақоми ҳуқуқии шахс, тартиботи ҳуқуқӣ, давлати ҳуқуқбунёд, меъёрҳои байналмилалӣ.*

SPECIFICS OF THE LEGAL CONSOLIDATION OF THE DUTIES OF INDIVIDUALS AND CITIZENS IN THE CONSTITUTION OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Valizoda Sh.O.
Tajik National University

Annotation. *The article analyzes the specifics of the legal consolidation of the duties of individuals and citizens in the Constitution of the Republic of Tajikistan. It traces the historical and legal evolution of this institution from the Soviet model to modern democratic constitutionalism. The study focuses on the universality of duties, the elimination of ideological influence, and the harmonization*

with international legal standards. The author argues that constitutional duties in Tajikistan are an integral part of the legal status of individuals and serve as a crucial instrument for ensuring legal order, civil solidarity, and sustainable state development.
Keywords: *constitutional duties, Republic of Tajikistan, legal status of individuals, rule of law, legal order, international standards.*

***Сведения об авторе*: Вализода Шохин Одинашох** – соискатель кафедры конституционного и административного права юридического факультета Таджикского национального университета, город Душанбе, Республика Таджикистан. **Тел.:** (+992 91) 898 78 01. **E–mail:** valizodash@mail.ru.

УДК 342

ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ КАК КЛЮЧЕВОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРАВО В СИСТЕМЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ И МЕЖДУНАРОДНЫХ НОРМ

Пирназар С.М.
Филиал Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в городе Душанбе

Аннотация. *В статье исследуется право собственности как фундаментальное экономическое право человека, закреплённое в Конституции Республики Таджикистан и международных правовых актах. Рассматриваются теоретико-правовые аспекты института собственности, его двойственная природа, выражающаяся в сочетании личного и общественного значения. Особое внимание уделяется международному правовому регулированию, анализу статей Всеобщей декларации прав человека, Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах и Европейской конвенции о защите прав человека. В заключение обосновывается необходимость дальнейшего международного нормативного закрепления права собственности в виде отдельного протокола.*
Ключевые слова: *право собственности, экономические права, Конституция, международное право, частная собственность, правовая защита, международные стандарты.*

Конституция Республики Таджикистан, обладая высшей юридической силой в системе национального законодательства, определяет основы правового статуса человека и гражданина, закрепляя широкий спектр социально-экономических и культурных прав. Эти нормы направлены на обеспечение достойных условий жизнедеятельности, всестороннее развитие личности и реализацию неотъемлемых прав и свобод. В числе базовых конституционных прав особое место занимает право собственности, которое не только имеет личностную значимость, но и выполняет ключевую функцию в обеспечении экономической устойчивости государства [1].

В юридической науке общепризнано, что становление государства и права исторически связано с возникновением и развитием института собственности. Имущественные отношения, будучи одними из первых форм социального взаимодействия, объективно требовали правового регулирования и защиты, что обусловило необходимость формирования публичной власти и правовых механизмов. Таким образом, институт собственности можно рассматривать не только как объект правового регулирования, но и как предпосылку правопорядка и государственности [2, с. 101].

При рассмотрении права собственности важно учитывать его многослойную и комплексную природу. С одной стороны, данное право тесно связано с личной автономией индивида, поскольку оно может принадлежать человеку вне зависимости от его гражданства, социального статуса или политических взглядов. В этом контексте право собственности обладает признаками личного права, так как служит гарантом экономической свободы, самореализации и достойного существования. Именно поэтому в международных правовых актах, таких как Всеобщая декларация прав человека, право собственности закрепляется в ряду базовых прав человека.

С другой стороны, право собственности нельзя рассматривать исключительно в личностном измерении. Оно представляет собой важнейший компонент экономического фундамента государства, влияющий на формирование и реализацию национальной экономической политики, определение фискальной и налоговой стратегии, а также развитие предпринимательской инициативы. В условиях рыночной экономики институт частной собственности обеспечивает функционирование хозяйственного оборота, инвестиционную привлекательность и конкурентоспособность страны на международной арене. Ввиду этого право собственности объективно следует отнести к числу экономических прав, обладающих как индивидуальной, так и системной ценностью [3].

Таким образом, на современном этапе развития государства и права право собственности выполняет двойственную роль – с одной стороны, оно является личным правом, обеспечивающим автономию и свободу индивида, а с другой – выступает основой экономического порядка, способствуя устойчивому развитию общества. Эта дуалистическая природа собственности требует комплексного и сбалансированного подхода в её правовом регулировании, обеспечивающего как защиту прав собственника, так и возможность вмешательства государства в случаях, когда интересы общества требуют ограничений.

На международном уровне право собственности получило определённое признание и нормативное закрепление, несмотря на сложный политико-

идеологический контекст середины XX века. Одним из первых документов, где данное право было зафиксировано, стала Всеобщая декларация прав человека 1948 года, в которой статья 17 провозглашает два фундаментальных положения:

1. Каждый человек имеет право владеть имуществом как индивидуально, так и совместно с другими;

2. Никто не может быть произвольно лишён своего имущества.

Закрепление этих норм, как справедливо подчеркивают исследователи М.М. Утяшев и Л.М. Утяшева, стало значительным достижением международного сообщества, достигнутым в условиях острого идеологического противостояния. Страны с социалистической моделью государственного устройства, в частности участники коммунистического блока, оказывали сопротивление признанию и закреплению института частной собственности как универсального и защищаемого на международном уровне права. Ввиду этого положения о праве собственности отсутствуют в ряде ключевых международных документов, посвящённых экономическим, социальным и культурным правам [4, с. 252].

Наиболее показателен в этом отношении Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 года (МПЭСКП), который, несмотря на свою значимость, вовсе не содержит положений, прямо касающихся права собственности. Такое умолчание нельзя расценивать как случайное или техническое. Оно, напротив, свидетельствует о существовавших на момент его принятия острых идеологических разногласиях между государствами с различными социально-экономическими системами, прежде всего между западной моделью рыночной экономики и социалистической концепцией коллективной (общественной или государственной) собственности [5].

Аналогичная ситуация наблюдается и в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года. Первоначальный текст Конвенции не содержал статьи, регулирующей право собственности, что объясняется схожими политико-правовыми соображениями. Только в 1952 году в составе Первого протокола к Конвенции было введено положение, закрепляющее право каждого физического или юридического лица на уважение своей собственности. При этом и в рамках Европейской системы защиты прав человека право собственности, в отличие от гражданских и политических прав, долгое время не пользовалось абсолютной защитой и допускало более широкие рамки ограничений, в том числе на основании общественных интересов.

Из анализа этих международных правовых актов можно сделать два важных вывода. Во-первых, право собственности, несмотря на его фундаментальную роль в системе прав человека, в течение длительного времени не признавалось

универсальной категорией в рамках международного права. Во-вторых, его нормативное закрепление носит компромиссный и эволюционный характер, отражающий как ценностные различия между странами, так и динамику изменения глобальных политико-экономических условий.

Несмотря на то, что право собственности не всегда получало должное внимание в международных договорах, это никоим образом не умаляет его фундаментальной значимости. Напротив, именно данный институт составляет краеугольный камень всей системы экономических отношений и выступает базовой гарантией функционирования рыночной экономики, предпринимательской инициативы, инвестиционной стабильности и имущественной автономии личности.

Анализ положений международных правовых актов позволяет выделить три базовых принципа, формирующих сущностное содержание права собственности:

1. Принцип беспрепятственного владения и пользования собственным имуществом. Данный принцип подразумевает юридическое признание и защиту свободы лица владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом по своему усмотрению, без вмешательства третьих лиц, в том числе государства, за исключением установленных законом случаев. Он обеспечивает автономию частного субъекта в экономических отношениях и служит необходимым условием развития частной инициативы.

2. Принцип правовой определённости условий и оснований лишения собственности. Этот принцип предполагает, что отчуждение имущества может иметь место исключительно на основании закона, при соблюдении процедуры и с предоставлением соразмерной компенсации. Он является гарантией против произвольного вмешательства со стороны органов публичной власти и обеспечивает баланс между частным и публичным интересом.

3. Принцип допустимости контроля за использованием собственности в интересах общества. Государства сохраняют за собой право устанавливать определённые ограничения на использование собственности, если это необходимо для защиты общественных интересов, включая экологическую безопасность, градостроительное регулирование, охрану культурного наследия и т.п. Этот принцип отражает социальную функцию собственности, признаваемую как в национальных, так и в международных правопорядках.

Первый из указанных принципов раскрывает позитивное содержание права собственности, то есть возможность свободного и полноценного владения и распоряжения имуществом. Два остальных принципа представляют собой формы допустимого ограничения данного права, отражая необходимость его соотнесения с иными общественными и правовыми ценностями.

С точки зрения современной юридической доктрины, право собственности представляет собой вещное субъективное право, выражающееся в полном юридически обеспеченном господстве лица над вещью. В гражданском праве содержание права собственности традиционно раскрывается через триаду правомочий: владение, пользование и распоряжение.

- Правомочие владения означает юридически признанную возможность лица фактически удерживать имущество у себя, осуществлять над ним контроль, определять его местонахождение и состояние.
- Правомочие пользования заключается в возможности эксплуатации имущества, извлечения из него полезных свойств в соответствии с его назначением или волей собственника.
- Правомочие распоряжения предполагает свободу собственника определять юридическую судьбу имущества: отчуждать, передавать в пользование, сдавать в аренду, закладывать, завещать или уничтожать [6, с. 310].

Нарушение любого из указанных элементов содержания права собственности, даже при формальном сохранении титула собственника, следует квалифицировать как нарушение права собственности. Особенно актуально это в случаях, когда собственник лишается возможности пользоваться имуществом по назначению в силу ограничительных норм законодательства, отказа в выдаче лицензий или разрешений, либо вследствие фактических действий со стороны государства или иных субъектов. Такие ограничения, не будучи основанными на принципах соразмерности и необходимости, могут де-факто нейтрализовать экономическую сущность права собственности.

Таким образом, право собственности в современном правовом пространстве должно рассматриваться как многоуровневая категория, сочетающая в себе элементы частной свободы и социального назначения. Его защита требует не только признания формальных правомочий, но и обеспечения реальных условий для их полноценного осуществления, включая гарантии от чрезмерного и непропорционального вмешательства со стороны государства.

Право собственности получило чёткое и недвусмысленное закрепление в Конституции Республики Таджикистан как высшем нормативно-правовом акте, обладающем высшей юридической силой в системе национального права. Согласно статье 32 Конституции, каждому гарантируется право собственности и право наследования, причём специально подчёркивается, что никто не может быть произвольно лишён своей собственности. Изъятие имущества для общественных нужд допускается исключительно на основе закона, при наличии согласия собственника и полном возмещении стоимости отчуждаемого имущества. Такое регулирование не только отражает международные стандарты

в области прав человека, но и подтверждает приверженность Таджикистана принципам правового государства и рыночной экономики [7, с. 129-132].

Данная конституционная норма получает дальнейшее развитие и конкретизацию в положениях гражданского законодательства. Так, Гражданский кодекс Республики Таджикистан определяет право собственности как признаваемое и охраняемое законом право субъекта по своему усмотрению владеть, пользоваться и распоряжаться принадлежащим ему имуществом. Тем самым законодатель подчёркивает автономность собственника в осуществлении своих правомочий и устанавливает гарантии юридической защиты этого права.

Следует отметить, что национальное законодательство Республики Таджикистан закрепляет множественность форм собственности – частную, государственную и общественную. При этом особую значимость приобретает частная собственность, как форма имущественных отношений, основанная на исключении государственного участия в правах владения и распоряжения. Частная собственность служит правовой и экономической основой для осуществления предпринимательской деятельности, привлечения инвестиций, а также функционирования полноценного гражданского оборота. Её правовая охрана является необходимым условием устойчивости гражданского общества и формирования правового государства.

Таким образом, в национальной правовой системе Таджикистана право собственности занимает особое место в системе экономических прав личности. Оно выступает как системообразующий элемент имущественных отношений и правового регулирования экономической деятельности. Более того, обеспечение права собственности прямо связано с такими категориями, как экономическая безопасность, инвестиционная привлекательность, устойчивость фискальной системы, развитие предпринимательства и экономическая свобода в целом.

Исходя из проведённого анализа, можно утверждать, что право собственности представляет собой не просто юридическую категорию, а сложный и многоуровневый правовой феномен, обладающий как личностным, так и общественно значимым измерением. В условиях конституционного правопорядка Республики Таджикистан право собственности выступает основополагающим элементом системы экономических прав личности, способствующим укреплению социальной стабильности, правовой определённости и экономической безопасности.

Сочетание частной свободы и социальной ответственности, присущее данному институту, определяет его особую роль в системе прав человека и в механизме функционирования рыночной экономики. Его закрепление как на уровне Основного закона, так и в гражданском законодательстве, с указанием на множественность форм собственности, включая частную, государственную и

общественную, свидетельствует о стремлении законодателя к сбалансированному регулированию имущественных отношений в соответствии с принципами правового государства и социальной справедливости.

Право собственности, будучи гарантом автономии личности в имущественной сфере, одновременно выполняет функцию фундамента экономического порядка, на котором зиждется политика устойчивого развития, предпринимательская инициатива, инвестиционная деятельность и эффективное функционирование правового и финансового систем. Его защита, таким образом, требует не только формального закрепления правомочий владения, пользования и распоряжения, но и создания механизмов, исключающих чрезмерное вмешательство государства, обеспечивая при этом надлежащее соотношение между частными и публичными интересами.

Литература

1. Диноршоев А.М. Конституционные основы регламентации и реализации прав и свобод человека и гражданина в Республике Таджикистан [Текст]: специальность 12.00.02 «Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право»: диссертация на соискание ученой степени док.юрид.н. / Диноршоев Азиз Мусоевич, 2015. – 535 с.
2. Сулаймонов Ф.С. Конституционно-правовые аспекты регулирования отношений собственности в Республике Таджикистан [Текст]: / Ф.С. Сулаймонов // Вестник Педагогического университета. 2014. – № 6(61). – С. 101-106.
3. Имомов А.И. Ҳуқуқи конститутсионии Ҷумҳурии Тоҷикистон [Матн]: / – Душанбе, 2017. – 760 с.
4. Утяшев М.М., Утяшева Л.М. Права человека в современной России [Текст]: / – Уфа, 2003. – 616 с.
5. Диноршоев А.М., Сафаров Б.А. Закрепление международных стандартов в области прав человека в национальной правовой системе Республики Таджикистан [Текст]: / – Душанбе: "Андалеб-Р", 2015. – 162 с.
6. Матеи У., Суханов Е.А. Основные положения права собственности [Текст]: / – М.: Юристъ, 1999. – 384 с.
7. Салохидинова С.М. Конституционные основы регулирования экономики [Текст]: / С.М. Салохидинова // Наука и инновация. 2015. – № 2(6). – С. 129-132.

ҲУҚУҚИ МОЛИКИЯТ ҲАМЧУН ҲУҚУҚИ АСОСИИ ИҚТИСОДӢ ДАР НИЗОМИ МЕЪЁРҲОИ КОНСТИТУТСИОНӢ ВА БАЙНАЛМИЛАЛӢ

Пирназар С.М.
Филиали Донишгоҳи давлатии Москва ба номи М.В. Ломоносов дар шаҳри Душанбе

Аннотатсия. *Дар мақола ҳуқуқи моликият ҳамчун яке аз ҳуқуқҳои асосии иқтисодии инсон, ки дар Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон ва санадҳои ҳуқуқии байналмилалӣ мустаҳкам гардидааст, мавриди таҳлил қарор дода мешавад. Хусусиятҳои назариявӣ ва ҳуқуқии ин институт, дугонагии табиати он, ки ҳам заминаи шахсӣ ва ҳам иҷтимоиро фаро мегирад, баррасӣ мешаванд. Дар мақола инчунин таҳлили танзими ҳуқуқии байналмилалӣ, аз ҷумла муқаррароти Эъломияи умумии ҳуқуқи башар, Паймони байналмилалӣ оид ба ҳуқуқҳои иқтисодӣ, иҷтимоӣ ва фарҳангӣ ва Конвенсияи аврупоии ҳуқуқи инсон мавриди баррасӣ қарор мегирад. Дар охир зарурати танзими ҳуқуқи моликият дар сатҳи байналмилалӣ дар шакли протоколи алоҳида асоснок карда мешавад.*
Калидвожаҳо: *ҳуқуқи моликият, ҳуқуқҳои иқтисодӣ, Конститутсия, ҳуқуқи байналмилалӣ, моликияти хусусӣ, ҳимояи ҳуқуқӣ, стандартҳои байналмилалӣ.*

THE RIGHT TO PROPERTY AS A KEY ECONOMIC RIGHT IN THE SYSTEM OF CONSTITUTIONAL AND INTERNATIONAL NORMS

Pirnazar S.M.
Lomonosov Moscow State University in Dushanbe

Annotation. *The article examines the right to property as a fundamental economic human right enshrined in the Constitution of the Republic of Tajikistan and international legal instruments. The paper analyzes the theoretical and legal nature of property, emphasizing its dual essence – personal and societal. Particular attention is paid to international legal regulation, including analysis of the Universal Declaration of Human Rights, the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights, and the European Convention on Human Rights. The article concludes with an argument for the necessity of adopting a separate international protocol to secure the right to property.*
Keywords: *right to property, economic rights, Constitution, international law, private property, legal protection, international standards.*

Сведения об авторе: **Пирназар Сорбон Махмадназар** – начальник отдела кадровой политики и специальных работ филиала Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в городе Душанбе, соискатель 1-го курса кафедры конституционного и административного права юридического факультета Таджикского национального университета, город Душанбе, Республика Таджикистан. **Тел.:** (+992 88) 608 22 11. **E-mail.:** filialmgu@gmail.com.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

В научном журнале «Вестник филиала Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в городе Душанбе» печатаются статьи, содержащие результаты научных исследований по естественным, геологическим, гуманитарным и экономическим наукам.

Общие требования. Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, не публиковавшимся ранее в других научных изданиях, соответствовать профилю и научному уровню журнала. Решение о тематическом несоответствии может быть принято редколлегией без специального рецензирования и обоснования причин.

Рекомендуемый объём статьи 5 - 15 страниц компьютерного текста, включая текст, таблицы, библиографию, рисунки и тексты аннотаций на таджикском, русском и английском языках;

Объем обзорной статьи - не ограничен.

Структура статьи. Статья должна начинаться с названия (не более 10 слов), аннотации (50-250 слов) и ключевых слов (5-12 слов/ словосочетаний). В аннотации должны быть указаны предмет и цель работы, методология, основные результаты исследования, область их применения, выводы.

Формулы. Для набора формул следует использовать программу MathType, шрифт (для набора основного текста формул используют 12 кегель, для набора индексов – 8, латынь набирать курсивом). Индексы подлежат расшифровке в тексте.

Таблицы нумеруются по порядку упоминания их в тексте, после номера должно следовать название таблицы. Все графы в таблицах и сами таблицы должны иметь заголовки и быть разделены вертикальными линиями. Цифровой материал по строкам должен быть четко размечен горизонтальными линиями.

Рисунки. Каждый рисунок должен быть выполнен в формате TIF. Все рисунки должны иметь подпись. Написание математических формул в виде рисунков не допускается;

Структура основной части статьи должна строиться по принятым в международном сообществе стандартам: введение (постановка проблемы по актуальной теме, цели и задачи, чёткое описание структуры статьи), основная часть (обзор релевантных научных источников, описание методологии, результаты исследования и их анализ), заключение (выводы, направления дальнейших исследований), список литературы на языке оригинала.

Статья должна быть подготовлена в системе Microsoft Word, при этом одновременно с распечаткой статьи в 2-х экземплярах сдаются также соответствующие файлы (для каждой статьи на отдельном диске); рукопись

должна быть отпечатана на компьютере (шрифт Times New Roman 14, формат А4, интервал 1.15, поля: верхнее – 2.0 см, нижнее – 2.0 см, левое – 2.0 см, правое – 2.0 см), отступ 0,75. Все листы статьи должны быть пронумерованы; текст статьи должен быть изложен кратко, тщательно отредактирован и подписан всеми авторами с указанием их фамилий, имен и отчеств с номерами телефонов; каждый экземпляр должен содержать текст статьи, список литературы; название статьи, название вуза (организации), аннотация и ключевые слова представляются на русском, таджикском и английском языках; после заголовка статьи приводится название учреждения (-ий), в котором (-ых) выполнена данная работа; в верхнем правом углу первой страницы рукописи указывается раздел науки, которому соответствует статья, строкой ниже в левом углу страницы указывается индекс статьи по универсальной десятичной классификации (УДК). Ниже приводится название статьи, затем указывается название организации, в центре следующей строки – инициалы и фамилия автора (-ов); ниже – краткая аннотация (на языке, на котором написана статья), а также ключевые слова, наиболее полно отражающие область исследования и полученные в работе результаты. Далее через строку следует основной текст. Сразу после текста статьи приводится список литературы под заголовком «**Литература**» в порядке упоминания, ссылки на цитируемую литературу по тексту даются в квадратных скобках, например [1].

Список литературы оформляется следующим образом: для книг – фамилия и инициалы автора (-ов), полное название книги, место издания, издательство, год издания, том или выпуск, общее количество страниц. Для периодических изданий – фамилия и инициалы автора (-ов), название статьи, год издания, том, номер, первая и последняя страницы статьи.

В целом, оформление статьи должно соответствовать предъявляемым установленным нормам:

- следует избегать громоздких обозначений;
- занумерованные формулы пишутся с красной строки, номер формулы в круглых скобках ставится у правого края;
- нумеруются лишь те формулы, на которые имеются ссылки;
- сокращения должны быть расшифрованы, за исключением общепринятых;
- в десятичных дробях после целой части числа ставится точка;
- при упоминании в тексте иностранных фамилий в скобках необходимо давать их оригинальное написание;
- в тексте необходимо дать ссылки на все приводимые таблицы, рисунки и фотографии;

- научные статьи, представленные в редакцию журнала, должны иметь направление учреждения, в котором выполнялась данная работа, и экспертное заключение о возможности опубликования;

- при выполнении работы в нескольких учреждениях представляются направления каждого учреждения;

- к статье должна быть приложена заверенная рецензия специалиста.

Редколлегия оставляет за собой право производить сокращения и редакционные изменения статьи. Статьи, не отвечающие настоящим правилам, редколлегией не принимаются.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫХ В ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК ФИЛИАЛА МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА В ГОРОДЕ ДУШАНБЕ»

Статьи, поступающие в редакцию, проходят предварительную экспертизу (проводится членами редколлегии – специалистами по соответствующей отрасли науки) и принимаются в установленном порядке. Требования к оформлению оригинала статей приводятся в каждом номере журнала.

Все присланные в редакцию статьи должны быть оригинальными материалами. При упоминании работ других авторов необходимо соблюдать точность при цитировании и указании источника. Редакция не принимает статьи, готовящиеся к публикации или уже опубликованные в других изданиях.

Если рукопись принята, то редакция сообщает автору замечания по содержанию и оформлению статьи, которые необходимо устранить до передачи текста на рецензирование.

Затем статьи рецензируются в обязательном порядке членами редколлегии журнала или экспертами соответствующей специальности (кандидатами и докторами наук).

Рецензия должна содержать обоснованное перечисление качеств статьи, в том числе научную новизну проблемы, её актуальность, фактологическую и историческую ценность, точность цитирования, стиль изложения, использование современных источников, а также мотивированное перечисление её недостатков. В заключении дается общая оценка статьи и рекомендации для редколлегии – опубликовать статью, опубликовать её после доработки, направить на дополнительную рецензию специалисту по определенной тематике или отклонить. Объем рецензии - не менее одной страницы текста. Статья, принятая к публикации, но нуждающаяся в доработке, направляется авторам с замечаниями рецензента и редактора. Авторы должны внести все необходимые исправления в окончательный вариант рукописи и вернуть в редакцию исправленный текст, а также его идентичный электронный вариант вместе с первоначальным вариантом рукописи. После доработки статья повторно рецензируется, и редколлегия принимает решение о ее публикации. Статья считается принятой к публикации при наличии положительной рецензии и если её поддержали члены редколлегии.

Порядок и очередность публикации статьи определяется в зависимости от даты поступления её окончательного варианта. Рецензирование рукописи осуществляется конфиденциально. Разглашение конфиденциальных деталей рецензирования рукописи нарушает права автора. Рецензентам не разрешается

снимать копии статей для своих нужд. Рецензенты, а также члены редколлегии не имеют права использовать в собственных интересах информацию, содержащуюся в рукописи, до её опубликования.

Филиал Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова в городе Душанбе
734003, г. Душанбе, ул. Бохтар, 35/1.
Тел.: (+992 37) 221 99 41, 221 99 04,
E-mail: info@msu.tj, **сайт**: https://vestnik-gen.msu.tj /

Филиали Донишгоҳи давлатии Москва
ба номи М.В. Ломоносов дар шаҳри Душанбе
734003, ш. Душанбе, кӯч. Бохтар, 35/1.
Тел.: (+992 37) 221 99 41, 221 99 04,
E-mail: info@msu.tj, **сомона:** https://vestnik-gen.msu.tj

Подписано в печать 01.04.2025 г.
Заказ 103. Тираж 100 экз.
Отпечатано в типографии
филиала Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова в городе Душанбе
г. Душанбе, ул. Бохтар, 35/1